
Литературная Сибирь
1

Литературная Сибирь

Критико-
биобиблиографический
словарь
писателей
Восточной Сибири

1

Восточно-Сибирское книжное издательство
Иркутск 1986

8
Л64

Составители: В. П. Трушкин, В. Г. Волкова
Научный редактор В. П. Трушкин
Рецензент Н. Н. Яновский

Л64 **Литературная Сибирь:** Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири/Составители В. П. Трушкин, В. Г. Волкова.—Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. — 304 с.
1 р. 10 к.

Л $\frac{4603010100-47}{M141(03)-86}$ без объявл.—86

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В 1971 году Восточно-Сибирским книжным издательством был издан биобиблиографический справочник «Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири». Он вобрал в себя около сотни монографических очерков, посвященных литературному движению и литераторам Восточной Сибири за два столетия — от литераторов пушкинского времени (Н. А. Полевой, И. Т. Калашников и др.) вплоть до поэтов и прозаиков 50—60-х гг. XX в. По существу, это издание явилось своеобразной энциклопедией литературной жизни Восточной Сибири. Перед авторами статей, вошедших в сборник, была поставлена задача дать содержательные, по возможности краткие литературные портреты писателей-сибиряков. Издание получило широкий отклик в центральной и местной печати.

Новое издание критико-биобиблиографического словаря писателей Восточной Сибири предпринимается спустя пятнадцать с лишним лет после выхода справочника «Литературная Сибирь». Это действительно новое издание, а не простое повторение предыдущего. Придерживаясь, как и прежде, хронологического принципа в расположении материала, мы значительно расширили рамки подачи его. Прежде всего, в справочник вошли литераторы Красноярского края, отсутствующие в первом издании. Кроме того, были учтены пожелания и замечания читателей и рецензентов книги «Литературная Сибирь». В результате словник справочника увеличился по сравнению с первоначальным более чем в два раза. Теперь он включает в себя свыше двухсот статей-персоналий, сжатых очерков о наиболее примечательных литературных явлениях в культурной жизни обширного региона — журналах, альманахах, литературных организациях и объединениях и т. д. Мы стремились на страницах словаря представить литературную жизнь Восточной Сибири не только в ее историческом развитии, но и во всем своеобразии и многообразии ее проявлений, дать в руки читателя своего рода универсальный справочник по литературному движению края — от истоков и до наших дней.

В справочник вошли сведения не только о коренных литераторах-сибиряках, но в него включены и писатели уроженцы других мест России, волею судеб оказавшиеся в Сибири и писавшие о ней. Причем в последнем случае рассматривается преимущественно сибирский период их деятельности. Поэтому в справочнике читатель найдет статьи о протопопе Аввакуме, об А. Н. Радищеве, о декабристах-литераторах в Сибири, петрашевцах, М. Л. Михайлове, В. Короленко, А. Чехове и пр. Иначе говоря, нашей задачей было показать культурную жизнь Сибири во всем ее объеме и полноте.

Вряд ли стоит говорить о том, насколько сложной и трудной оказалась эта задача при ее практическом осуществлении. Большие затруднения возникали при разыскании соответствующих биографических, иконографических и иных материалов и источников, особенно

о жизни и творчестве старых писателей Сибири. Порой эти материалы оказывались практически ненаходимыми или же не существующими вовсе (например, не удалось разыскать портрет Д. П. Давыдова, точные биографические сведения о Матвее Александрове и некоторых других сибирских литераторах). И все-таки при всех возможных недочетах и упущениях первый биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири обретает наконец жизнь.

Издание подобного рода справочника давно назрело. Литературная Сибирь начинает занимать все большее место в современном литературном процессе, в сознании многочисленного читателя.

Словарь как раз и призван раскрыть перед этим читателем духовные богатства, накопленные писателями-сибиряками, особенно нашими современниками.

Каждая статья в справочнике сопровождается портретом писателя и необходимым справочным библиографическим аппаратом. Он подготовлен библиографами Иркутской областной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского и Читинской библиотеки им. А. С. Пушкина, которым мы выражаем искреннюю благодарность.

Следует особо подчеркнуть, что библиографические материалы даются в справочнике выборочно. Более подробные сведения библиографического характера заинтересованный читатель легко может найти в таких обстоятельных библиографических пособиях последних лет, как «Писатели Восточной Сибири. Биобиблиографический указатель» (Иркутск, 1973) и в его продолжении —«Писатели Восточной Сибири», выпуск 2 (Иркутск, 1983). Кроме того, библиографические сведения о многих писателях-сибиряках и дальневосточниках можно найти в двухтомном библиографическом указателе «Русская литература Сибири. XVII в.—1970 г.» (Новосибирск: Наука, 1976—1977), в справочнике Петряева Е. Д. «Краеведы и литераторы Забайкалья. Материалы для биобиблиографического словаря (ч. 1, дореволюционный период. Чита, 1965; Иркутск, 1981)». В ряде случаев необходимо обращаться и к узко региональной библиографии по литературе Сибири. Краткую характеристику многих из этих изданий читатель найдет в сопроводительной статье к нашему справочнику «Сибирская литературная библиография».

Составители справочника выражают особую признательность Е. Д. Петряеву, оказавшему неоценимую помощь в разыскании фотоматериалов о литераторах старого Забайкалья, и Н. Н. Яновскому, взявшему на себя совсем не простой труд быть рецензентом настоящего издания, и всем, разумеется, авторам, принявшим участие в работе над справочником.

Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири должен и может быть надежным справочным пособием для библиотекарей, студентов, учителей-словесников, писателей, журналистов, редакторов издательств, лекторов и пропагандистов, учащихся, короче, для всех любителей литературы, кому дороги достижения нашей культуры, кто хочет ближе познакомиться с духовной жизнью Сибири в ее прошлом и настоящем.

Справочник издается в трех частях. Первая часть его посвящена писателям старой Сибири и тем, кто родился на рубеже нового века. Вторая и третья части хронологически продолжают изложение материала последующих десятилетий, включая литературу наших дней.

В. П. Трушкин

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (XIX—XX вв.)

1

Истоки литературной жизни Сибири восходят к началу семнадцатого столетия, когда стали складываться, а потом и записываться первые рассказы и предания о походе Ермака и его дружины, появляться первые повествования о Сибири. До нас дошло немало письменных памятников подобного рода —«Сказание о Сибирской земле», «Слово о Сибирской стране», «Описание Сибири», «История Сибирская» и другие. К XVII в. относятся записки о Сибири Н. Спафария, Н. Венюкова, многочисленные сибирские летописи, эти своеобразные исторические повести о присоединении Сибири и сибирских первопроходцах. Наиболее известные из них «Есиповская» и «Строгановская» и «История Сибирская» С. У. Ремезова. Савва Есипов, тобольский дьяк, завершивший свое летописание в сентябре 1636 г., по праву может быть назван одним из первых по времени сибирским писателем[1].

Во второй половине XVII в. был написан, хотя и не в самой Сибири, но в значительной степени на сибирском материале и по личным впечатлениям от сибирской ссылки, такой выдающийся памятник древнерусской литературы, как «Житие протопопа Аввакума». «Житие» имеет уже непосредственное отношение к Восточной Сибири, ибо большинство событий, описанных в нем, развертывалось на Ангаре и Байкале. Сибирская природа во всем ее девственном величии и первозданной красе с ее нетронутыми несметными богатствами предстает перед читателем со страниц мемуарных записей неистового протопопа Аввакума Петрова. Темпераментный рассказ о злоключениях, пережитых им в этом суровом и необжитом крае, эпизоды и сцены встреч, нередко драматических, с местными воеводами и их подручными — чиновниками представляют собой, пожалуй, самые ранние и едва ли не лучшие страницы о земле сибирской во всей древнерусской литературе.

С большой непосредственностью и очень впечатляюще повествует опальный протопоп о принудительном путешествии на дощаниках по Ангаре, опасной переправе через ангарские пороги, о своем пребывании в Даурии и Прибайкалье. С нескрываемым восторгом живописует он Приангарье и окрестности Байкала — отвесные скалы, высокие горы, поросшие девственным лесом, «дебри непроходимые», изобилующие диким зверем и птицей. Восхищает его и обилие рыбы, и всякой иной живности в Байкале. «А все то... наделано,— замечает Аввакум,— для человеков, чтоб, упокояся, хвалу богу воздавал». Так сквозь традиционную религиозную оболочку в произведении замечательного русского писателя семнадцатого столетия прорывается

[1] О ранней сибирской прозе см.: Очерки русской литературы Сибири.— Новосибирск: Наука, 1982, т. 1, с. 27—76.

вполне «мирская» мысль о необходимости освоения неисчислимых природных богатств Сибири на благо людям.

Нельзя не сказать и еще об одном неоспоримом достоинстве гениального «Жития»: оно написано великолепным русским языком, близким к живой разговорной речи, меткой, красочной, яркой. Не случайно словесная ткань и образный строй произведения Аввакума, его стиль вызывали восхищение у выдающихся мастеров русского слова — И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Алексея Толстого, Ф. М. Достоевского, А. М. Горького.

Таким образом, протопоп Аввакум с его «Житием» вполне закономерно может рассматриваться как первооткрыватель сибирской темы в русской литературе и, следовательно, как своего рода предтеча литературного движения в Восточной Сибири.

Исторически сложившимся центром социально-экономической, культурной и литературной жизни Восточной Сибири издавна и по праву считается Иркутск: выгодное географическое расположение, ключевые позиции, которые занимал город в торговле России с Монголией и Китаем, привели к тому, что еще в восемнадцатом столетии он стал средоточием купеческой прослойки, чиновничества и правительственной администрации. Его охотно посещали русские и западноевропейские путешественники. Здесь формировалась своя общественная жизнь.

Уже в этот ранний период в Иркутске зарождаются первоначальные очаги культуры. В 1785 г. организуется государственная типография, еще раньше открывается здесь первая публичная библиотека. Широкую популярность приобретают частные книжные собрания. В начале XIX в. среди иркутян славилась библиотека купца А. Е. Полевого, из семьи которого вышли позднее известные сибирские литераторы Н. А. Полевой, К. А. Полевой и Е. А. Авдеева-Полевая.

По свидетельству Е. Авдеевой-Полевой, почти «у всех достаточных людей из иркутян имелись свои приличные домашние библиотеки». Сибирский краевед и писатель Н. С. Щукин (старший) в 1844 г. в газете «Северная пчела» опубликовал статью «О книжном чтении в Иркутске», в которой он называет немало имен иркутских книголюбов. «С 1800 по 1810 гг.,— замечает он,— славились собранием книг купцы Дудоровский, Старцев, Баженов, Савватеев, Апрельков. С 1810 по 1830 г. были библиотеки у купцов Пьянкова, Прянишникова и Трапезниковых. В то же время имел обширную библиотеку чиновник Дорофеев. С 1820 г. славится библиотека почетного гражданина В. Н. Баснина»[2].

Особенно замечательным по полноте и подбору книг было книжное собрание купца Василия Баснина, часть фондов из которого и поныне хранится в Научной библиотеке Иркутского университета.

Вокруг Дудоровского, Баснина и др. на почве общих культурных интересов возникали своеобразные литературные кружки и клубы, пульсировала живая литературная мысль, пробивались первые, правда, еще довольно робкие побеги зарождавшегося местного литературного движения. К сожалению, многое из этого первоначального процесса становления литературно-художественного творчества на

---

[2] Цит. по книге: Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, вып. 1, с. 16; Монассеин В. С. Книжные собрания Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия.— В сб.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск. 1969, с. 114—145; Боннер А. Г. Коллекция книг В. Н. Баснина в Научной библиотеке Иркутского университета. Там же, с. 146—154.

сибирской почве позднее было безвозвратно утеряно или просто забыто. М. К. Азадовский, много и плодотворно занимавшийся изучением литературного движения в старой Сибири, говоря о первых литературных ростках на иркутской почве, писал: «Эти ростки еще трудно отчетливо проследить: материал еще не приведен в полную ясность, приходится восстанавливать его по частям, по крупицам, мы располагаем лишь известиями об отдельных явлениях и об отдельных деятелях»[3].

Впервые в русской литературе и журналистике творчество литераторов-сибиряков, главным образом, уроженцев Иркутска, по-настоящему становится известным в 30-е годы XIX в. В это время многие из них активно сотрудничают в провинциальной (преимущественно в казанской) и столичной печати. С краеведческими статьями и очерками о Сибири выступают литераторы Н. С. Щукин и И. Т. Калашников, историк П. А. Словцов, преподаватель Иркутской гимназии Н. Виноградский, писавший под псевдонимом Заангарский сибиряк и др.

В 1830 г. в московском альманахе М. А. Максимовича «Денница»— одном из лучших альманахов пушкинской эпохи — появляется с подзаголовком «Сибирское предание» повесть Николая Полевого «Сохатый», которой суждено было стать провозвестницей нарождавшейся в те годы молодой сибирской беллетристики. Роль и значение ее в истории литературного движения Сибири довольно точно и метко были охарактеризованы современниками Полевого. Так, Н. С. Щукин в предисловии к своей повести «Ангарские пороги» отозвался о ней следующим образом: «Первую сибирскую повесть написал Н. А. Полевой. Его «Сохатый» был знаменем литературного восстания сибиряков».

Ведущим представителем сибирской литературы назван был Н. Полевой и в книге Генриха Кенига «Literärische Bilder aus Rusland», изданной в 1837 г. в Германии, в Штеттине, и переведенной впоследствии на русский язык. Генрих Кениг впервые употребил и сам термин «сибирская литература» применительно к беллетристике, выходившей в то время из-под пера литераторов-сибиряков.

Повесть Полевого построена на старинных сибирских преданиях о разбойнике Сохатом. Она выдержана в типично романтическом ключе: в ней много романтических трафаретов и штампов, обстоятельства и обстановка, в которых развертывается действие, крайне условны; схематичны и характеры многих персонажей.

Новизна повести сибирского писателя заключалась в выборе темы, в обращении к местным, сибирским народным преданиям, к картинам сибирской природы и т. д. Автор с любовью живописует сибирские ландшафты, восхищается их девственной красотой и величием, посвящает восторженные страницы описанию своей «далекой родины». При всей условности и наивности этих описаний, весьма далеких от реализма, они звучали откровением для многих современников писателя, в представлении которых Сибирь была загадочной и страшной страной.

Повестью «Сохатый» открывается целая полоса сибирской беллетристики. Вскоре за ней последовали романы и повести И. Т. Калашникова — «Дочь купца Жолобова» (1831), «Камчадалка» (1833), «Изгнанники» (1834), «Автомат» (1841). В это же время в печати одна за другой появляются и повести Н. С. Щукина — «Посельщик» (1834), «Ангарские пороги» (1835), книга очерков «Поездка в Якутск» (1833). В конце 40-х гг. литератор Матвей Александров создает свой «Воз-

---

[3] Азадовский М. Указ. соч., с. 67.

душный тарантас»— интереснейшее мемуарное произведение об Иркутске, быте и нравах иркутян 1827 г., увидевшее свет в 1875 г.

Писатели-сибиряки стремились, прежде всего, в своих повестях, романах, очерках познакомить русского читателя с Сибирью, открыть для него эту неведомую страну. Они последовательно и настойчиво противопоставляют свое любовное отношение к Сибири укоренившимся представлениям о ней, как стране ужасов — каторги, ссылки, лютых морозов и ледяного безмолвия. Сибирские литераторы гордились тем, что они выступают в литературе русской как первооткрыватели новой темы, более того, как первооткрыватели целой страны. Об этом красноречиво говорят их предисловия к своим произведениям. Так, И. Т. Калашников, издавая «Дочь купца Жолобова», счел нужным сопроводить издание таким замечанием: «Издавая сей роман, я имел в виду познакомить читателей с краем, который, отличаясь богатством произведений и разнообразием природы и жителей, до сего времени все еще составляет страну малоизвестную, почти баснословную». Калашников гордился тем, что он был первым сибирским романистом. «Я первый,— замечал он,— написал сибирский роман. Кому я мог подражать, кроме формы?» Те же чувства испытывали и другие сибирские беллетристы. В частности, аналогичные цели и задачи ставил перед собой Н. С. Щукин. В предисловии к повести «Посельщик» он писал: «Повесть сия написана в 1830 году, во время пребывания моего в Сибири, как опыт — выйдет ли что-нибудь достойное чтения из нетронутого тогда еще нашими литераторами сибирского быта». В текст же самой повести Щукин вводит восторженные описания сибирской природы, зовет читателя приехать полюбоваться красотами Сибири, которые, по уверению автора, не хуже красот западноевропейских, куда обычно устремляются русские путешественники.

Эта установка первых сибирских писателей на познавательную, информационно-ознакомительную направленность своих произведений обусловила и их художественную специфику. Почти все они написаны с уклоном в краеведение, насыщены обильным этнографическим материалом, подчас поданным без соблюдения должной меры, в ущерб художественности, за что Белинский иронически называл сибирских беллетристов «нашими Куперами»[4].

В первых сибирских повестях и романах подчас движение характеров и картин подменяется нагнетанием чисто этнографических сведений — описанием жилищ и одежды русских и бурят, деталей быта, пищи, домашней утвари, свадебных обрядов, особенностей местного говора, фольклорных преданий и пр. Даже такой восторженный поклонник Сибири, как Николай Полевой, и тот вынужден был упрекнуть Калашникова в том, что он вместо романа дал «свод иркутских обычаев, преданий и поговорок».

Весьма важно в данном случае отметить эту особенность первых сибирских романистов. В своих произведениях они опирались на материал, почерпнутый из самой сибирской действительности — местные предания, исторические события и подлинные происшествия. На иркутских преданиях построены повесть Н. Полевого «Сохатый» и роман И. Калашникова «Дочь купца Жолобова». Н. Щукин в повести «Посельщик» довольно точно пересказывает подлинную историю одного ссыльного дворянина. Сюжетом повести «Изгнанники» Калашникова послужили события полярной экспедиции купца Никиты Шалау-

---

[4] См.: Кунгуров Г. Ф. В. Г. Белинский о творчестве писателей-сибиряков. (Уч. зап. Иркутского пединститута, 1957, вып. 12).

роза. Об этом он сам писал в предисловии к «Изгнанникам». «В 1762 г. Шалауров отправился, — сообщает Калашников, — из устья р. Колымы для отыскания пути в Восточный Океан. Конец его плавания вполне неизвестен. Я старался поднять завесу с жребия, его постигшего, и разгадать думы сего необыкновенного человека»[5].

Стремясь к географической и бытовой достоверности описаний, автор «Изгнанников» широко пользуется записями «Путешествия» капитана Сарычева, изданными в 1802 г. В повести фигурируют представители народов севера — тунгусы, якуты, чукчи, юкагиры, обрисованные, правда, крайне условно.

Не отличаясь особыми художественными достоинствами, повесть Калашникова примечательна своим патриотическим пафосом. Автор восторженно пишет об отваге и предприимчивости первых русских землепроходцев — Ермака, Хабарова, Шалаурова, с гордостью говорит о подвигах «сих пламенных мужей», имевших возвышеннейшие побуждения.

Творчество Калашникова, умевшего занимательно построить сюжет, насыщенное сведениями о Сибири, в свое время пользовалось довольно широкой популярностью. Несомненный историко-культурный интерес представляют и его «Записки иркутского жителя».

В отличие от Калашникова Н. С. Шукин обладал и меньшим талантом, и большей, пожалуй, консервативностью взглядов. Восторженный поклонник Сибири, неутомимый краевед, писатель, он был благонамереннейшим автором. В «Посельщике» Щукин рассказал о том, как бывшего дворянского офицера — секретного ссыльного — Сибирь перевоспитала и превратила в полезного гражданина общества, в верноподданного престола.

Ранняя сибирская проза, в значительной мере оторванная от общерусского литературного процесса, от передового идейного движения своей эпохи, ушедшая целиком в местные интересы, во многом так и не смогла выйти за рамки областной литературы, однако в становлении и развитии литературного движения Сибири она, по справедливому замечанию М. К. Азадовского, сыграла выдающуюся роль[6].

Значительный интерес представляет и мемуарная литература, оставленная первыми сибирскими писателями — «Записки и замечания о Сибири» Е. А. Авдеевой-Полевой, «Воздушный тарантас» М. Александрова, «Записки иркутского жителя» И. Т. Калашникова, воспоминания Н. Белоголового, историка В. Вагина и др. В этих произведениях запечатлены многие важные стороны быта, общественной и культурной жизни старой Сибири.

Большое влияние на всю духовную жизнь Восточной Сибири и в том числе на становление литературного движения на протяжении десятилетий оказывали политические ссыльные, начиная от А. Н. Радищева и декабристов и кончая первыми ссыльными марксистами-ленинцами. Еще Александр Радищев, отправляясь по злой воле властей предержащих в отдаленнейшее сибирское захолустье, отдавал себе вполне ясный отчет в своей культурно-просветительской миссии в Сибири, которая выпала ему на долю, как первопроход-

---

[5] О Шалаурове см.: Марков С. Земной круг. М., 1966. с. 553—555.

[6] Подробнее о ранних сибирских беллетристах см.: Гуревич А. Первые повести и очерки о Восточной Сибири.— В кн.: Восточная Сибирь в ранней художественной прозе. Иркутск, 1938: с. III—XXIII; Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, с. 5—105; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970.

цу. Об этом он скажет со всей определенностью в известном своем стихотворении:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

В «каторжных норах» — рудниках и казематах, а позднее и на поселении в Восточной Сибири и Забайкалье томилось немало литераторов-декабристов, в творчестве которых сибирская тема преломилась по-своему ярко и многогранно. Она отчетливо прозвучала в поэзии А. Одоевского, В. Кюхельбекера, В. Раевского, А. Бестужева, Г. Батенькова, Н. Чижова. В Сибири декабристы оставили после себя учеников и друзей, ставших литераторами, журналистами, краеведами. Другом А. Бестужева был сибирский поэт и прозаик Матвей Александров. Глубокий отпечаток наложило пребывание декабристов на всю культурную жизнь Бурятии, Забайкалья. Традиции декабристов, отзвуки декабристских влияний прослеживаются в творчестве Ф. Бальдауфа, в гражданской лирике и прозе И. В. Федорова-Омулевского, В. М. Михеева, в мемуарах М. Знаменского и Н. А. Белоголового и других прогрессивных сибирских литераторов в XIX в.[7]

Политссыльные во многом определяли характер и направленность сибирской темы в русской литературе, способствовали всестороннему изучению края. Каракозовец И. А. Худяков, оказавшись в ссылке в Якутии, продолжал свои фольклорные и этнографические занятия на сей раз уже на местном, якутском материале. В 1890 г. в Иркутске в издании ВСОРГО выходит его посмертный «Верхоянский сборник». Особенно значительное место Сибирь заняла в творчестве литераторов-народников В. Г. Короленко, К. М. Станюковича, С. Я. Елпатьевского, Г. А. Мачтета, В. Л. Серошевского, П. Ф. Якубовича-Мельшина, В. Г. Богораза-Тана, фольклориста В. Арефьева, привлекшего в свое время внимание А. М. Горького. Здесь же следует назвать Ф. Кона с его «Сказками из сибирской действительности», Г. Чулкова, поэта и ученого П. Драверта с его книгой лирики «Под небом Якутского края».

Впрочем, сибирская тема разрабатывалась не только литераторами-политссыльными, но и людьми, бывшими какое-то время в Сибири на административной службе. Стоит в данном случае указать хотя бы на поэта-сатирика П. Шумахера, прозаиков Н. М. Астырева, автора книги очерков из жизни сибирского крестьянства «На таежных прогалинах» Д. И. Стахеева, натуралиста А. А. Черкасова, автора знаменитых «Записок охотника Восточной Сибири».

Весьма внушительное количество произведений в литературе о старой Сибири посвящено было вполне естественно каторге и ссылке: «Сибирь и каторга» С. В. Максимова, «В мире отверженных» П. Ф. Якубовича-Мельшина, «На Карийской каторге» В. Я. Кокосова и вплоть до А. П. Чехова и В. М. Дорошевича с их нашумевшими книгами о сахалинской каторге.

---

[7] См.: Петряев Е. По следам декабристов. — В кн.: Петряев Евг. Впереди — огни: — Иркутск, 1968; Воробьева Н. Декабризм и декабристы в развитии литературного процесса Сибири.— В кн.: Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск: Наука, 1983, с. 185—194.

Так сибирская тема постепенно завоевывала права гражданства в большой русской литературе, вносила свою заметную лепту в художественное познание России и заметно раздвигала сами границы такого познания. Более того, она оказывала несомненное воздействие и на самосознание коренных сибиряков, и на формирование и становление местного литературного процесса. Можно сказать, что самодержавие, расправляясь с революционерами и ссылая их «в места не столь отдаленные», помимо своей воли и намерений достигало обратного — революционизировало самые захолустные окраины, пробуждало в массах веру в действенную силу революционеров. Любопытное свидетельство в этом отношении приводит В. Г. Короленко в своих воспоминаниях о Чернышевском: «В сентябре 1884 г., через несколько месяцев после проезда Чернышевского по Лене в Россию, мне пришлось провести несколько часов на пустынном острове Лены в ожидании, пока не пронесется снеговая туча. Мы с ямщиками развели огонь, и они рассказывали о своем житьишке.

— Вот разве от Чернышевского не будет ли нам чего? — сказал один из них, задумчиво поправляя костер.

— Что такое? От какого Чернышевского? — удивился я.

— Ты разве не знаешь Чернышевского, Николай Гавриловича?»[8]

И ямщик рассказал Короленко целую легенду о споре Чернышевского с царем и сенаторами в защиту народа, за что царь и отправил его «в самое гиблое место, на Вилюй».

Развитие литературного движения в Восточной Сибири вначале заметно сдерживалось из-за отсутствия местной печати. Хотя первая типография в Иркутске появилась еще в конце восемнадцатого столетия, она никак не могла удовлетворить потребности и культурные запросы края, так как печатались исключительно официальные бумаги и документы. Поэтому местные литературные силы должным образом просто-напросто не могли проявиться. Представители местной художественной интеллигенции делали иногда безуспешные попытки наладить издание периодической печати в Иркутске. Одна из таких попыток относится еще к концу 30-х гг. прошлого века, когда заезжий литератор Матвей Александров, автор «Воздушного тарантаса», набросал проект программы издания частной литературной газеты «Ангарский вестник».

Значительным событием в истории раннего литературного движения в Восточной Сибири стало издание литераторами Красноярска «Енисейского альманаха на 1828 г.» Выход его был приурочен к двухсотлетию основания города. Составил альманах Иван Матвеевич Петров, местный чиновник и поэт, уроженец Иркутска. Ближайшее участие в альманахе принимал Александр Петрович Степанов — енисейский губернатор, высокообразованный и гуманный человек, недюжинный прозаик и стихотворец. Многие произведения, составившие сборник, выдержаны в традициях русской романтической поэзии первой четверти XIX в., в традициях Жуковского и раннего Пушкина.

В 1836 г. иркутяне предпринимают одно из любопытнейших литературных начинаний. Преподаватели и учащиеся Иркутской гимназии подготовили и издали в Петербурге, в типографии Академии наук, большой литературный сборник. Назывался он так: «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана По-

[8] Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1955, т. 8, с. 74.

ликсеньева». В сущности, это был второй после изданного в Москве в 1828 г. «Енисейского альманаха» коллективный литературно-художественный сборник сибиряков[9].

В сборнике И. М. Поликсеньева участвовало более 30 авторов. Основной материал книги составляли очерки и нравственно-философские сочинения. В очерках содержатся описания, нередко восторженные и риторические, окрестностей Иркутска — Ушаковки, Ангары, Каи, Байкала. Здесь же были помещены и две небольшие повести — «Царь-девица» и «Рыболов, или Награжденное страдание». Литературное значение этих ученических повестей невелико. Гораздо интереснее вошедшие в гимназический сборник записки Ивана Кириллова «Поездка в Кяхту», содержащие ценнейшие сведения о Троицкосавске и Кяхте. Автор рассказывает о кяхтинской интеллигенции, увлекавшейся поэзией и литературой, издававшей рукописный журнал «Кяхтинская стрекоза». Многие из жителей Кяхты, — пишет Кириллов, — «за удовольствие считают посвящать свои досуги занятиям литературой»[10].

Все эти факты свидетельствовали прежде всего об определенной культурной среде, сформировавшейся в то время в Сибири, и способствовавшей развитию местного литературного движения. Выход оно находило прежде всего в создании рукописной литературы, имевшей различную степень распространения. Судя по ряду косвенных свидетельств и фактов, приводимых мемуаристами (например, А. Щаповым, С. Шашковым, В. Вагиным и др.), эта литература была довольно богатой и разнообразной.

Рукописная литература в Восточной Сибири была особенно распространена в конце XVIII и первой половине XIX вв. Интересны замечания по этому поводу М. К. Азадовского. «Борьба между администрацией и местной буржуазией, — говорит он, — приобретя в начале XIX в. необычайно острые формы, определила собою и характер общественной жизни и возникающего литературного движения. В борьбу были втянуты так или иначе все местные культурные силы, — и в этой накаленной общественной атмосфере создается особая литература, исключительно рукописная»[11].

Возникающая рукописная литература первоначально, да в значительной мере и позднее, носила преимущественно обличительно-сатирический характер. Эпиграммы, карикатуры, стихотворные и прозаические памфлеты — таковы ее жанровые формы. Под сатирический обстрел попадали многие высокопоставленные лица Иркутска, начиная от Сперанского, Трескина, Пестеля и вплоть до Муравьева-Амурского.

К сожалению, от этой богатейшей обличительной литературы до нас дошло немногое. Не очень значительными сведениями располагаем мы и о рукописной журналистике, хотя она играла определенную роль в общественно-политической и литературной жизни Восточной Сибири первой половины девятнадцатого столетия[12]. Так,

---

[9] О «Енисейском альманахе» см.: Гуревич А. Первый сибирский альманах «Енисей», 1951, № 8, с. 157—164. Подробный разбор альманаха содержится в кн.: Постнов Ю. С. Русская литература первой половины XIX в. Новосибирск, 1970, с. 105.

[10] О сб. «Прозаические сочинения...» см.: Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск, 1958, с. 230.

[11] Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, вып. I, с. 106—107.

[12] О рукописной литературе в Сибири см.: Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири, с. 106—107; Кунгуров Г. Сибирь и литература. Иркутск, 1965, с. 25—57; Петряев Евг. Впереди — огни. Иркутск, 1968, с. 226—248.

уже на рубеже 20—30-х гг. XIX в. преподаватель Иркутской гимназии Н. И. Виноградский выпускал рукописную газету «Домашний собеседник», сотрудниками которой, помимо самого Виноградского, были многие учителя гимназии.

В конце 40-х — начале 50-х гг. иркутские гимназисты предпринимают выпуск рукописного журнала «Звездочка». В 50-е же годы в Иркутске были известны такие рукописные издания, как «Козуля», «Заушаковский вестник», «Мещанин» и др. Журнал «Мещанин», первый сохранившийся номер которого датируется 1856 г., имел, в частности, определенно выраженную оппозиционную, точнее антимуравьевскую, направленность.

До наших дней дошли не только рукописные стихотворные тексты и отдельные номера рукописных журналов, но даже целые драмы. Такова, к примеру, драма «Колокольников», найденная и описанная Г. Ф. Кунгуровым[13].

В конечном итоге эта рукописная литература свидетельствовала о возросших культурных и общественных интересах сибиряков. Она отражала в известной степени перипетии общественно-политической борьбы, происходившей в то время в Сибири и, конечно же, давала какой-то выход местным литературным силам. Однако подобного рода литература ни в коей мере не могла удовлетворить остро назревшей потребности в создании собственной периодической печати.

Местная периодическая пресса возникает в Сибири сравнительно поздно, в конце 50-х гг. XIX в. В 1857 г. в Иркутске начинает выходить первая газета — «Иркутские губернские ведомости». В неофициальном отделе ее принимали участие ссыльные петрашевцы — М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. А. Спешнев, Ф. Н. Львов, Р. А. Черносвитов и другие. Но в основном это было казенное издание, заполнявшееся обычно всякого рода официальными материалами и правительственными распоряжениями.

С января 1860 г. иркутяне стали издавать первую в Сибири частную газету «Амур». Она выходила один раз в неделю, по вторникам, и насчитывала до 600 подписчиков. Основателями ее были М. В. Буташевич-Петрашевский и иркутский краевед и писатель М. В. Загоскин. Газета пользовалась заслуженной популярностью, делалась она талантливо и интересно, издатели и авторы ее стремились к всестороннему освещению культуры, жизни и быта Восточной Сибири. Постоянные вмешательства в дела газеты иркутских генерал-губернаторов, сначала Муравьева-Амурского, а потом и Корсакова, привели в конце концов к тому, что в апреле 1862 г. «Амур» прекратил свое существование.

В первоначальном становлении сибирской периодической печати большую роль сыграли петрашевцы. Они определяли во многом характер, тон и общую идейную направленность газет, поднимая в своих статьях и заметках принципиальные и общественно значимые для Сибири, а подчас и России в целом вопросы — о заселении Приморья, о сибирской ссылке и каторге, о состоянии гласности в делах администрации. Они поднимали свой голос против всевозможных злоупотреблений местных властей, обличали произвол администрации и корыстолюбие купечества, создавая тем самым определенное общественное мнение вокруг животрепещущих проблем своего времени.

К 1862 г. относится одно из примечательных событий в раннем

---

[13] Кунгуров Г. Сибирь и литература. Иркутск, 1965, с. 39—43.

литературном движении Сибири. В это время впервые за всю ее историю в самой Сибири выходит литературно-художественный альманах — «Сибирские рассказы». Издан он был в Иркутске в типографии штаба войск Н. С. Щукиным (младшим), племянником известного сибирского беллетриста 30-х гг. Издание его встретило горячую поддержку среди сибиряков. В предисловии к альманаху Н. Щукин писал: «Издавая в Сибири первую книгу чисто литературного содержания, непременным делом считаем заявить здесь нашу глубокую благодарность за сочувствие и материальную поддержку, оказанную нашему предприятию сибирскою публикою...» Несмотря на все затруднения со стороны местных «не зависящих от редакции обстоятельств», билеты на значительное число экземпляров этой книги были раскуплены в Иркутске и других сибирских городах за несколько месяцев до выхода в свет «Сибирских рассказов».

В сборник вошли произведения сибирских литераторов-шестидесятников. Большинство из них было опубликовано под псевдонимами — Синдбад, Аполлон Прикамский, Язон Аргонавтов и пр. Рассказы представляли собой очерки сибирских нравов, литературную обработку старинных преданий и легенд. Вот некоторые из названий — «Практическая девушка», «Влюбленный заседатель (неправдоподобное, но истинное происшествие)», «Привидение на заимке (сибирская легенда)» и т. д. В этом же издании участвовал и будущий автор нашумевшего позднее романа «Шаг за шагом», в то время молодой, двадцатишестилетний литератор И. В. Федоров-Омулевский, который выступил здесь с рассказом «Сибирячка».

Альманах «Сибирские рассказы» свидетельствовал о том, что в Сибири начинает крепнуть местное литературное движение, что здесь есть свои культурные силы, своя творческая интеллигенция, способная создавать художественные ценности. И силы эти были весьма значительны. Только в 60-е гг. из среды иркутян вышли такие замечательные представители литературы, журналистики и культуры, как И. В. Федоров-Омулевский, М. В. Загоскин, врач и писатель, сотрудник герценовского «Колокола», автор ценнейшей книги воспоминаний, Н. А. Белоголовый, поэт и прозаик В. М. Михеев и др.

В 1870 г. И. В. Федоров-Омулевский в радикально-демократическом журнале «Дело» напечатал свой роман из жизни новых людей «Шаг за шагом», роман, проникнутый свободолюбием и глубоким демократизмом. Вслед за своим учителем Чернышевским он ставит в нем острейшие проблемы времени, сводящиеся в конечном счете к практическому воспитанию революционных борцов. В образе Светлова — главного героя произведения — писатель нарисовал революционера-демократа, материалиста и просветителя, идущего в рабочую среду, верящего в торжество трудящихся масс. «Масса эта, — рассуждает Светлов, — постепенно растет, и когда-нибудь да придет же ее царствие...»

Впервые в русской литературе Омулевский показал бунт заводских рабочих, выступивших против произвола дирекции и администрации завода и добившихся удовлетворения своих законных требований.

В духе нравственного кодекса героев Чернышевского решаются в романе «Шаг за шагом» этические и моральные проблемы, возникающие перед новыми людьми. Писатель ратует за чистоту и свободу человеческих отношений между ними.

Примечательно, что действие романа развертывается в Сибири. В городе Ушаковске легко можно узнать старый Иркутск и нравы

его обитателей. Автор с нескрываемой симпатией выписывает фигуры представителей революционно-освободительного движения в Сибири: ветерана-декабриста, петрашевцев и простых рабочих стекольного завода.

Произведение о новых людях, вышедшее из-под пера сибирского литератора, пользовалось громадной популярностью в среде демократически настроенной молодежи. Появление его в печати приветствовалось Щедриным, откликнувшимся на роман одобрительной рецензией. В редакционных же кругах книга Омулевского вызвала явный переполох. Роман подвергался многочисленным цензурным преследованиям, изымался из публичных библиотек и т. д.

Отнюдь не меньшим влиянием пользовалась и лирика Федорова-Омулевского, проникнутая любовью к Сибири, идеями гражданского служения родному краю. На стихах поэта-патриота воспиталось не одно поколение сибиряков.

Замечательным певцом Сибири был и Василий Михеев, интересный поэт и прозаик 80—90 гг. XIX в. В 1884 г. Михеев издал первый свой стихотворный сборник — «Песни о Сибири». В поэзии Михеева ярко проявились социальные мотивы. Он писал о восстании поляков на Кругобайкальской дороге, о произволе сибирских властей и чиновников, с возмущением рисовал бедственное положение крестьян-переселенцев, притеснение малых народностей Сибири, писал о декабристах, гонимых на каторгу, и об эксплуатации рабочих на сибирских золотых приисках. Последняя тема разрабатывалась им и в лирике, и в романе «Золотые россыпи». Польские повстанцы и рабочие, якуты и буряты, эвенки и безземельные крестьяне, бредущие за счастьем в Сибирь, — таковы основные герои стихов и прозы В. Михеева, изображаемые им с неизменной любовью и сочувствием.

Коренным сибиряком-иркутянином, прожившим всю жизнь и умершим в Сибири, в селе Грановщина близ Иркутска, был М. В. Загоскин — писатель, краевед и журналист, много сделавший для развития периодической печати в Сибири. При его ближайшем участии издавались не только «Иркутские губернские ведомости» и «Амур» — первые периодические издания в Восточной Сибири, — но и такая популярная в 70-е гг. газета, как «Сибирь». Основанная в Иркутске в 1873 г. «Сибирь» была одной из лучших провинциальных газет своего времени. В ней сотрудничали виднейшие представители сибирской интеллигенции — литераторы и ученые Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, известные историки, публицисты и общественные деятели Сибири А. П. Щапов, В. И. Вагин и др.

В 1876 г. в литературном сборнике, вышедшем приложением к газете «Сибирь», Загоскин опубликовал свой роман из жизни семинаристов и духовенства — «Магистр». Загоскин оставил после себя богатое публицистическое литературное наследие, посвященное главным образом проблемам краеведения, жизни и быту старой сибирской деревни.

Поистине значительную роль в духовном развитии Сибири вообще и в литературном движении в частности сыграло издание газеты «Восточное обозрение». Основана она была в 1882 г. Н. М. Ядринцевым. Первоначально «Восточное обозрение» издавалось в Петербурге, а с 1888 г. стало выходить в Иркутске. Это была большая еженедельная газета, общественное значение которой выходило далеко за пределы Сибири. «Восточное обозрение» просуществовало почти четверть века. В 1905 г. число ее подписчиков превышало 20 тысяч. В следующем году газета была закрыта по распоряжению карателя Меллера-Закомельского.

В этом влиятельном и авторитетном издании считали за честь сотрудничать крупнейшие публицисты и литераторы Сибири, ученые, общественные деятели, политические ссыльные. Среди его авторов мы встречаем почти всех более или менее известных общественных и культурных деятелей старой Сибири. В «Восточном обозрении» участвовали В. И. Вагин, М. В. Загоскин, фельетонист А. Н. Баренцов (Золин), поэт и публицист К. В. Дубровский, краевед-забайкалец Н. В. Кирилов, народоволец и видный этнограф Сибири Д. А. Клеменц, красноярский врач и общественный деятель В. М. Крутовский, дальневосточный журналист и литератор Н. П. Матвеев (Амурский), историк П. М. Головачев, поэт и прозаик В. М. Михеев, писатель-народник Н. И. Наумов, Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин.

Постоянными и активными сотрудниками «Восточного обозрения» были политические ссыльные — И. И. Попов, польский прозаик Вацлав Серошевский, известный польский революционер-марксист Феликс Кон, поэт П. Ф. Якубович-Мельшин, П. Г. Зайчневский, этнограф и писатель В. Г. Тан (Богораз), С. Л. Чудновский, видные большевики-ленинцы Л. Б. Красин, М. С. Ольминский и др. В 900-е гг. в газете стал печататься начинающий в то время литератор-большевик Феоктист Березовский.

На страницах «Восточного обозрения» появилось немалое число литературных материалов — стихотворений, очерков, рассказов, мемуаров, литературно-критических статей и обзоров.

Начиная с 1885 г. в качестве приложения к газете стали издаваться периодические научно-литературные сборники, получившие вскоре общее название — «Сибирский сборник». В сущности, это было первое в Сибири, если не считать тобольских журналов конца XVIII в., периодическое научно-литературное издание, своего рода прообраз обычного журнала. С 1888 г. «Сибирский сборник» издавался в Иркутске с периодичностью от 2—4 до 10—12 книжек в год. Содержание их было необычайно разнообразным. Статьи по экономике, этнографии, истории, науке и культуре Сибири соседствовали здесь с литературно-художественными текстами — стихами, прозой, мемуарами. Круг авторов «Сибирского сборника» был приблизительно тот же, что и в «Восточном обозрении». Кроме названных уже авторов «Восточного обозрения», на страницах «Сибирского сборника» печатались фольклорист и этнограф Викторин Арефьев, историк В. И. Семевский, геолог В. А. Обручев, известные писатели-прозаики Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, Г. А. Мачтет, рано умерший поэт и очеркист С. А. Стретенский.

В свое время «Сибирский сборник» привлек внимание В. Г. Короленко. В его личной библиотеке сохранился выпуск Сборника за 1890 г. с многочисленными пометами писателя (См.: Ротач П. Из книг В. Г. Короленко. — Альманах библиофила. Вып. XI, М., 1981, с. 68). Очевидно, этот Сборник заинтересовал Короленко опубликованными материалами по Якутии — очерками о верованиях якутов, землепашестве на Лене и пр. Здесь же помещены были рассказ В. Серошевского из якутской жизни «Хайлак» и рассказ М. В. Загоскина «Яблоня и яблочко». Как теперь стало известно, литературно-журнальная деятельность Загоскина, его подвижническая работа сибирского просветителя очень высоко ценилась Владимиром Галактионовичем.

К сожалению, это замечательнейшее издание, настоящий сибирский журнал конца XIX в., сыгравший значительную роль в развитии культурной, научной и литературной жизни Сибири, до последнего времени не привлекал должного внимания исследователей (см.

о нем: Кондратьев Н. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири, Иркутск, 1985).

2

На рубеже XIX—XX вв. Сибирь переживает бурный период социально-экономических преобразований, которые отразились во всей ее общественно-политической и культурной жизни. Строительство сибирской железной дороги способствовало интенсивному росту капитализма на этой обширной окраине царской империи, вызвало обострение капиталистических противоречий и как следствие всех этих процессов привело к мощному подъему революционно-освободительного движения. 16 августа 1898 г., когда в Иркутск пришел первый поезд, газета «Восточное обозрение» в передовой статье своей писала: «Свершилось!.. Сегодня свисток паровоза впервые оглашает наши окрестные горы, степи и леса, еще почти не тронутые культурой. Роковой момент для Сибири настал! Старая Сибирь осталась позади, перед нами встает что-то новое...»

Литературная жизнь Сибири начала нашего века как раз складывалась и формировалась в атмосфере общественного подъема, вызванного нарастанием революционного движения. Оживлению ее особенно способствовала революция 1905—1907 гг. В Красноярске, Иркутске, Чите начинают издаваться сатирические листки и журналы. В частности, в Иркутске последовательно выходили такие юмористические еженедельники, как «Овод» (1906), «Паут» (1906), «Жало» (1906), «Балагур» (1907) и другие. В Красноярске поэт и журналист Ф. Ф. Филимонов выпускает сатирический журнал «Фонарь» (1906). Существование всех этих изданий было непродолжительным. По распоряжению властей они закрывались одно за другим, а издатели и редакторы их подвергались репрессиям. Весьма любопытные факты приводит в этой связи исследователь старой сибирской сатирической журналистики Б. Жеребцов. Так, томский журнал «Бич», едва успев подшутить над печальной участью своего красноярского собрата, сам тотчас же разделил его судьбу. Получилось так, что «Бич» меланхолически оплакивал не только участь «Фонаря», но и свою собственную, когда писал:

> Слегка мерцал он светом красным
> И волею судьбы угас.
> Не заменен другим, запасным...
> Имейте ж фонарей запас![14]

Однако несмотря на кратковременность своего существования, сибирская сатирическая журналистика периода первой русской революции представляла собой примечательную страницу в истории общественной жизни Сибири начала века.

Именно в это время появляются талантливые публицисты и литераторы из местной интеллигенции и из среды политических ссыльных. В октябре 1903 г. в иркутской газете «Сибирь» публикует свой первый рассказ «Артист» Исаак Гольдберг. Гольдберг был участником «Первого литературного сборника сибиряков», изданного в 1906 г. в Томске. В 1907—1909 гг. он активно сотрудничал в газете «Забайкальская новь». В сибирской периодике тех лет появляются его первые рассказы из эвенкийского цикла — «Тыркул», «Смерть Давыдихи» и др., составившие вскоре книгу «Тунгусских рассказов»,

[14] См.: Старая сибирская сатирическая поэзия /Сост. Б. Жеребцов. Новосибирск, 1938, с. 23—24.

изданную в 1914 г. Книгоиздательством писателей в Москве. В ней нашла правдивое отражение тяжелая жизнь эвенков, обреченных на вымирание в условиях царизма.

В 1903—1909 гг. в читинских газетах «Забайкалье», «Голос Забайкалья» и др. часто печатается Федор Гладков. В своих ранних очерках и рассказах — «Три в одной землянке», «Былинка забытая», «Ни в тюрьме, ни на воле», «Из политических» — он писал о сибирской каторге, о тяжелой участи женщин-каторжанок. Ф. В. Гладков в те годы работал учителем в одном из глухих уголков Забайкалья, а потом отбывал политическую ссылку на севере Иркутской губернии.

В Забайкалье же в дореволюционные годы сформировалось и творчество Степана Шилова. Коренной забайкалец, выходец из крестьянской среды, он в 1901 г. по окончании Нерчинского уездного училища становится сельским учителем, занимается революционной пропагандой, в 1905 г. вступает в члены РСДРП. В годы реакции Шилов оказывается в эмиграции. Около трех лет он провел в Швейцарии и Австро-Венгрии. В 1911 г., вернувшись на родину, он целиком отдается журналистской и литературной работе, сотрудничает в читинских газетах «Думы Забайкалья» и «Забайкальская новь». За четыре года — 1911—1915 — опубликовал свыше ста рассказов и очерков, посвященных жизни забайкальского крестьянства. Лучшие из них — «Перед урожаем», «Нюткины беды», «Самородок», «Быль», «Голод», «Чернобурая лисица», «В деревне», «Домовой», «Батюшкино проклятие», «Нечистая сила», «Необыкновенный случай». Они насыщены сочной народной речью, драматизмом ситуаций и обстоятельств, в которые попадают герои, ярко выписанными картинами забайкальской природы. В литературной жизни Сибири предреволюционной поры этим рассказам принадлежит достойное место.

Нельзя не сказать здесь и еще об одном по-своему примечательном явлении в литературе Сибири начала XX в. — среди сибирских беллетристов появляется первый профессиональный писатель-эвенк, уроженец Урульги Гамалиил Степанович Гантимуров. Он был плодовитым литератором. Перу его принадлежат драмы, романы, путевые очерки. Часть из них осталась в рукописи. Из опубликованного можно назвать пьесу «Из огня да в полымя», путевые записки «Люди и нравы Дальнего Востока» — двухтомный дневник путешественника «по русскому Дальнему Востоку», романы «Ганя Хмуров», «Двое в одной шкуре». Обладая более чем скромным дарованием (к его писаниям отрицательно относился, например, В. Г. Короленко), Гантимуров тем не менее был заметной и колоритной фигурой на сравнительно бедном фоне литературной жизни Сибири 900-х гг. В своих произведениях он правдиво и точно изображал жизнь и быт сибирского крестьянства, малых народностей Сибири, мелкого чиновничества, купечества и прочее. После него остались интересные дневники, хранящиеся ныне в фондах Иркутского краеведческого музея.

В начале нашего столетия появляются и первые историки общественно-культурной жизни Восточной Сибири. Наиболее приметной фигурой в этом отношении был Нит Степанович Романов, автор «Иркутской летописи», целого ряда работ по библиотечному делу в Сибири, исследований по истории периодической печати города Иркутска. Увлеченный книголюб и библиофил, Н. С. Романов оставил после себя большой том «Воспоминаний» о культурной жизни Иркутска предреволюционных лет. Насыщенные богатейшим фактическим материалом, они ждут своего исследователя и публикатора.

Начиная с 1908 г. живейшее участие в сибирской периодике принимал политссыльный, литератор, публицист и критик Н. Ф. Насимович-Чужак. Он с полемическим задором воевал с сибирскими областниками, писал статьи и литературно-критические очерки о сибирских поэтах — Ф. Бальдауфе, И. Тачалове, И. Федорове-Омулевском, Г. Вяткине, Г. Драверте и др.

Накануне первой мировой войны в Иркутске издавался литературно-художественный и общественно-политический еженедельник «Сибирская неделя», объединивший на своих страницах лучшие литературные силы всей предреволюционной Сибири. Он выходил с сентября 1913 по июнь 1914 г. Всего было издано около тридцати номеров журнала. Редактором его был поэт и журналист П. З. Озерных, печатавшийся обычно под псевдонимом Степан Байкалов. В числе сотрудников «Сибирской недели» значились В. Анучин, Г. Вяткин, Г. Гребенщиков, В. Бахметьев, А. Новоселов, В. Шишков, А. Сорокин, М. Сиязов, публицисты Дм. Илимский (псевдоним Дм. Голенищева-Кутузова), М. Изюмский, С. Крайский и др.

В редакционной статье, открывшей первый номер журнала, говорилось: «Великая окраина великой России — Сибирь начинает пробуждаться к новой жизни. Ее духовные запросы множатся и ищут исхода»[15]. Организаторы «Сибирской недели» как раз и рассчитывали удовлетворить эти духовные запросы. Заканчивая свое обращение к читателям, они писали: «Делая едва ли не первую в Сибири попытку издания еженедельного литературно-публицистического журнала по широкой программе, по возможности полно охватывающей жизнь родного края, мы верим, что наш журнал найдет своего читателя, так как потребность в такого типа органе в Сибири назрела. И мы с радостью идем навстречу этой потребности»[16].

«Сибирская неделя» широко освещала политическую и экономическую жизнь Сибири и страны в целом, публиковала из номера в номер подробнейшие отчеты о деле Бейлиса, много писала о положении сибирского крестьянства.

В литературно-художественном отделе журнала часто печатались рассказы омского литератора Антона Сорокина, посвященные главным образом жизни и быту казахов — «Зарзаман, или Плач времени», «Стращный танец кутерем» и др.

На страницах «Сибирской недели» впервые появились и рассказы Владимира Бахметьева «Тяга», «По дубликату», поднимающие одну из наболевших проблем дореволюционной России — трагедию переселенчества.

В целом журнал правдиво отражал процесс роста общественного самосознания Сибири, нарастание недовольства политикой самодержавия. Авторы его были настроены резко оппозиционно по отношению к царскому правительству. В одной из статей «Сибирская неделя» писала о «больном организме русской жизни», замечая, что «для оздоровления его нужна серьезная операция... И тогда не будет сомнения в нашей культурности»[17].

Читатели журнала хорошо понимали, что подразумевалось под «серьезной операцией», долженствующей прийти на смену «поверхностному, нерадикальному лечению». Имя такой «операции» — революция. Редакция «Сибирской недели» не раз с удовлетворением писала о новом подъеме революционно-освободительного движения

---

[15] Сиб. неделя, 1913, № 1, с. 8.
[16] Там же.
[17] Там же, № 15, с. 9.

в стране, отмечая, что «трудовые массы» левеют, что в недрах их «происходит... отрезвление от угара реакции»[18].

Литературная жизнь Восточной Сибири накануне революции протекала весьма интенсивно, проявляясь подчас в своеобразных формах. Так, в 1915—1916 гг. на Лене, в глухом таежном селе Тутура Верхоленского уезда Иркутской губернии, поэт-ссыльный Д. И. Глушков-Олерон организует выпуск рукописных сборников «Елань». Первый из этих сборников, ныне хранящийся в редком фонде Научной библиотеки Иркутского университета, датирован мартом 1915 г. Он насчитывает 274 страницы текста, писанного убористым, каллиграфически четким почерком на листах бумаги большого формата, украшенных заставками, виньетками, рисунками. В жанровом отношении тутурский сборник весьма разнообразен. Он заполнен стихами, небольшими прозаическими миниатюрами, публицистическими и краеведческими статьями и материалами. В сборнике много оригинальных стихов и стихотворных переводов, принадлежащих перу самого Глушкова — фактического редактора и оформителя «Елани».

Д. И. Глушков сумел объединить вокруг своей «Елани» всю колонию политических ссыльных. В тутурских сборниках принимали участие И. И. Ионов, В. В. Куйбышев, И. В. Ларин и др. ссыльные революционеры.

Значительным событием в литературной жизни Иркутска предреволюционной поры следует признать возникновение в 1916 г. литературной группы «Иркутские вечера», объединившей целый отряд талантливых литераторов из числа политических ссыльных. В «Иркутских вечерах» принимали участие поэты-революционеры — Владимир Пруссак, Дмитрий Глушков, Константин Журавский, Лев Повицкий, поэтессы Надежда Камова и Варвара Статьева. В том же 1916 г. группа издала поэтический альманах «Иркутские вечера»[19].

Самым же, пожалуй, замечательным фактом в деятельности «Иркутских вечеров» стало издание журнала «Багульник» — заметного явления во всей сибирской журналистике предоктябрьской поры. Первый номер его вышел в августе 1916 г. Последний (пятый) появился в марте 1917 г., в самый разгар февральской революции. В «Багульнике» сотрудничали видные большевистские публицисты и критики: В. А. Ватин (Быстрянский), Ем. Ярославский, Н. Ф. Насимович-Чужак. В нем участвовали поэты П. Драверт, Д. Глушков-Олерон, В. Пруссак, Л. Повицкий, К. Журавский и др.

Журнал стоял на ленинских позициях в вопросах войны и мира. Он резко выступал против империалистической бойни, критиковал сибирскую прессу за провинциальную ограниченность и увлечение областничеством. Редколлегия сумела за короткий срок превратить свой журнал в подлинную трибуну передовой общественно-политической и литературной мысли Сибири. К «Багульнику» тянулись талантливые литераторы из всех уголков обширного края. По словам Н. Чужака, одного из основателей и активных сотрудников «Багульника», журнал «чередовал поэзию с контрабандным интернационализмом».

В самый канун революции в литературной жизни Сибири произошли еще два весьма примечательных и значительных события. В

---

[18] Сиб. неделя, 1913, № 16—17, с. 17.

[19] Подробнее см.: Трушкин В. Предгрозовье: (Литературная жизнь Восточной Сибири в канун революции).— Ангара, 1966, № 4, с. 103—109; Он же. Пути и судьбы: (Литературная жизнь Сибири 1900—1917 гг.) Иркутск, 1972, с. 338—350.

том же 1916 г. наряду с журналом «Багульник» в Иркутске был подготовлен большой литературно-публицистический сборник — альманах «Северные зори». Тогда же он был издан в прекрасном исполнении издательством Товарищества И. Д. Сытина в Москве. Доход от издания предназначался на постройку учительского дома в Иркутске.

В альманахе приняли участие ведущие сибирские прозаики и публицисты той поры — В. Шишков, Ис. Гольдберг, Г. Гребенщиков, В. Бахметьев, К. Дубровский, Г. Вяткин, Н. Козьмин, известный бурятский просветитель и ученый, впоследствии замученный семеновцами М. Богданов, книговед и библиограф Г. Поршнев и другие. Весьма удачным выглядел отдел прозы в альманахе. На страницах «Северных зорь» была опубликована большая повесть о северной сибирской деревне Ис. Гольдберга «Темное», антивоенные рассказы В. Шишкова «Варин сон» и Г. Гребенщикова «По красному зверю». В лучших традициях критического реализма выдержан рассказ В. Бахметьева «Мать», повествующий о горькой участи молодой домработницы Натальи.

Вторым не менее важным для сибиряков событием стало издание журнала «Сибирские записки». Это был «толстый» литературно-художественный и общественно-политический журнал с ярко выраженным областническим уклоном. Издавался он Владимиром Крутовским в Красноярске в 1916—1919 гг. В первый год вышло четыре номера, в последующие годы выходило по 6 книжек журнала в год. «Сибирские записки» для своего времени являлись лучшим провинциальным журналом. Издание его приветствовал горьковский журнал «Летопись». Он сыграл заметную роль в объединении литературных сил Сибири. Активное участие в нем принимали многие сибирские литераторы — прозаики и поэты: В. Бахметьев, Г. Гребенщиков, Г. Вяткин, С. Исаков, А. Новоселов, Ис. Гольдберг, П. Дорохов, А. Гастев, Ф. Лыткин, А. Оленич-Гнененко, К. Худяков, С. Байкалов, Ф. Филимонов, М. Плотников, В. Пруссак, публицисты и ученые: Г. Потанин, М. Азадовский, Н. Козьмин и др.

Особенно хорошо в журнале был поставлен беллетристический отдел. За первые два года на его страницах появились такие талантливые произведения художественной прозы, как «Братья Верхотуровы» и «Молитва девы» Ис. Гольдберга, «У земли» В. Бахметьева, «Кузьма хромой» П. Дорохова, повесть «Круг на болоте» Г. Гребенщикова, «К архиерею» А. Новоселова, «На легкую вакансию» С. Исакова. Все эти произведения отличает острая социальная направленность, откровенно критическое изображение дореволюционной российской, в первую очередь сибирской действительности, выразительность и живописность изображаемых характеров и картин.

В период колчаковщины «Сибирские записки» переживали трудное время, постоянно преследовались цензурой и в конце концов были закрыты по распоряжению властей. В истории литературного движения Сибири красноярскому журналу «Сибирские записки» принадлежит, несомненно, большая заслуга.

В годы первой мировой войны в сибирской беллетристике и особенно в поэзии начинают усиливаться мотивы протеста против социального и политического гнета, отражавшие в конечном счете рост общего недовольства в стране системой и политикой царизма. В литературе нарастает резко критическое отношение к действительности. Все живет в это время в атмосфере назревающего революционного взрыва, живет ожиданием освежающей грозы революции.

И гроза грянула. Она смела прогнившие устои самодержавия, высвободила революционную энергию масс, открыла для них дорогу к творчеству.

3

Советская литература родилась вместе с победоносным Октябрем. Как и в самой революционной действительности, здесь было все необычно, молодо, свежо, неповторимо — и в поисках, и в открытиях, и в заблуждениях.

Жажда творчества, ощущение богатых, нерастраченных сил, ищущих выхода в обращении к искусству и литературе,— одна из характерных особенностей общественной и культурной жизни Сибири начала 20-х г. Широкие трудящиеся массы, только что пережившие революцию и гражданскую войну, жадно потянулись к культуре, к знаниям, к осознанию себя и эпохи через искусство. Вчерашние красноармейцы и партизаны, армейские политработники и боевые командиры — все они, горевшие, по образному выражению А. Н. Толстого, «на кострах революции», спешили на языке искусства рассказать современникам и потомкам, всему миру поведать о виденном и пережитом, поведать о совершенном ими всемирно-историческом подвиге. «Кровью умытая» новая Россия, властно творившая свою историю на полях сражений, теперь открывала первые страницы этой истории и в искусстве слова.

Каковы же основные тенденции, пути и судьбы этого сложного и богатого на художественные открытия, новаторского по формам своего проявления процесса применительно к литературному движению Восточной Сибири?

Прежде всего здесь следует подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство, сказавшееся на своеобразии литературного процесса первых лет революции. Оно заключалось в поистине массовом развитии творчества, демократизации искусства. Бурное становление советской литературы носило повсеместный характер, приводивший к известной «децентрализации» литературной жизни страны, к ее своеобразной «полицентричности». Такие общепризнанные центры общественно-политической и культурной жизни, как Москва и Петроград, не утрачивая своего огромного значения в духовной жизни России, отныне перестают быть единственными очагами и средоточием всей культурной и литературной жизни страны в целом, как это фактически было до революции. Невиданная ранее массовая тяга к творчеству приводит к возникновению культурных центров на местах, где начинают издаваться журналы, создаются литературные кружки и объединения, выпускаются литературные декларации и манифесты.

Хорошо осознавали все своеобразие складывающегося литературного процесса и сами его участники. Чрезвычайно показательна в этом отношении «Декларация» читинских футуристов, с которой они выступили в 1921 г. на страницах газеты «Дальневосточный телеграф». «В порядок дня,— утверждали ее авторы,— ставится децентрализация эстетической жизни страны. Довольно хилому мещанству провинциального искусства плестись в хвосте столичных лабораторий. В стране, где каждый клочок наполнен революционной напряженностью, каждый город вправе и должен стать эстетическим центром своей округи, насыщенным и самодовлеющим»[20]. Декларация была подписана Н. Асеевым, С. Третьяковым, В. Пальмовым и Н. Чужаком.

---

[20] Дальневосточный телеграф, 1921, 25 сент.

При всей ее типично футуристической браваде, она в основном верно улавливала самую суть формирующегося нового литературного процесса в стране вообще и в Сибири в частности, точно подмечала закономерности его развития.

Литературная жизнь Восточной Сибири не составляла в этом отношении какого-либо исключения. Чрезвычайно интересная и богатая, насыщенная поисками новых художественных форм, многообразием творческих индивидуальностей литература советской Сибири первых лет революции поистине шла «с веком наравне». Примечательно, что не где-нибудь, а именно в Сибири, точнее в Иркутске, был создан и увидел свет первый советский роман, что из Сибири вышли наши первоклассные советские поэты и здесь же зародился старейший в стране литературно-художественный журнал.

Первые годы революции и гражданской войны в Сибири ознаменовались рождением и развитием публицистически окрашенной лирики. Именно сюда в первую очередь устремилась раскованная революцией творческая энергия. Установка на откровенную агитационность, обращение к широкой аудитории, патетика и пафос — таковы отличительные особенности поэзии тех дней.

Свои певцы и поэты появляются в красноармейских частях и партизанских отрядах. Так партизаны Приангарья выдвигают из своей среды талантливого поэта-самородка Н. П. Реброва-Денисова. Бывший питерский рабочий, узник белогвардейских застенков, Николай Ребров-Денисов в числе других восставших бежал из Александровского централа и примкнул к ангаро-илимским партизанам. Его стихотворения и песни «Походная», «Бой под Усть-Кутом», «Похоронный марш героям, погибшим под Усть-Кутом» и др. хорошо знали и любили бойцы отрядов Бурлова и Зверева — этих прославленных командиров партизанских соединений в Восточой Сибири. К сожалению, поэтический талант Реброва-Денисова не успел полностью развернуться — поэт погиб летом 1920 г. на польском фронте.

Степно-баджейские и минусинские партизаны имели в своих рядах поэта Тимофея Рагозина. В партизанском отряде прославленного героя гражданской войны Нестора Каландаришвили также были свои поэты. Более того, культурно-просветительным отделом при отряде Каландаришвили в 1920 г. был издан сборник стихов «Кровь и радость» поэта-дальневосточника Александра Ярославского.

Многие газеты и листовки Сибири обошли проникнутые революционным энтузиазмом, дышащие страстью борьбы стихотворения и публицистические статьи Федора Лыткина, юноши-революционера, комиссара-центросибирца. Гром, гроза и буря, сражение, бой, митинговые интонации — излюбленные образы и приемы в поэтике Лыткина. Поэзия для него была естественным продолжением практической деятельности революционера и политика.

Революционная действительность сформировала и выдвинула и другого замечательного сибирского поэта-трибуна — Игоря Славнина, которого по праву можно назвать одним из зачинателей советской поэзии в Сибири. Игорь Славнин пришел в Иркутск вместе с политотделом героической 5-й Красной Армии. На страницах газеты «Красный стрелок», в которой он заведовал отделом поэзии, Славнин поместил десятки своих стихотворений. В бытность свою в Иркутске он стал восприемником и поэтическим наставником первых комсомольских поэтов Иркутска. У него учились и многим были ему обязаны в своем творческом развитии и Михаил Скуратов, и Иосиф Уткин, и Джек Алтаузен.

Стихи Славнина, стремившегося, как он говорил, выразить в них

«душу сложного и великого времени», хорошо передают эмоциональную атмосферу революционной эпохи. Они динамичны, полны экспрессии. Для поэтики его характерны масштабность, буйно-хмельная, неуемная праздничность красок, образов, приподнятость интонаций.

Верой в творческое начало революции проникнуты и стихи Николая Янчевского, сибирского поэта и журналиста начала 20-х гг., одного из первых редакторов газеты «Власть труда». В 1920 г. в Иркутске вышли две книги Н. Янчевского — сборник рассказов «Во имя революции» и поэма «Октябрь», о которой журнал «Сибирские огни» отозвался как о «самом значительном явлении в области поэзии Сибири»[21].

В 1921 г. к четвертой годовщине Октября в издании политуправления 5-й Армии в Иркутске выходит роман В. Зазубрина «Два мира». Он был создан армейским политработником с определенным идейным прицелом — «дать красноармейской массе просто и понятно написанную вещь о борьбе двух миров». Для этой цели автор стремился, по его словам, «использовать агитационную мощь художественного слова».

Таким образом, идейно-художественная позиция автора первого советского романа отличалась ярко выраженной партийностью.

Роман Зазубрина стал одним из примечательных явлений во всей советской литературе. У Зазубрина учились, ему подражали. Восторженные отзывы о романе оставили Б. Лавренев, Л. Сейфуллина. Книга привлекла внимание В. И. Ленина. О «Двух мирах» тепло отзывались М. Горький и А. В. Луначарский.

В. Зазубрин один из первых обратился к эпическому изображению движения народных масс в революции и в этом, несомненно, его новаторство. Главный герой книги — народ, трудящиеся массы Сибири, поднявшиеся на сознательную борьбу против контрреволюции. Борьба двух противоборствующих лагерей определяет идейное, композиционное, сюжетное и стилевое своеобразие романа, подчеркнутую контрастность всего повествования.

1921 г. стал переломным и в творческой биографии старейшего писателя Сибири Ис. Гольдберга. В это время на страницах иркутского сборника «Отзвуки» увидел свет его рассказ «Человек с ружьем», ознаменовавший начало нового, наиболее значительного и плодотворного этапа в идейно-художественной эволюции писателя.

Первые произведения советской литературы в Сибири наглядно свидетельствовали о рождении качественно нового искусства, пришедшего в жизнь вместе с Октябрьской революцией. Это искусство несло с собой и утверждало новые идеи и темы, пролетарские принципы гуманизма, рисовало рождение новых человеческих взаимоотношений и новых характеров. Оно ознаменовалось настойчивыми поисками новых форм и средств изобразительности. С первой до последней строчки оно проникнуто было пафосом утверждения нового мира. Уже в этот ранний период четко наметились в литературе Сибири многие тенденции и проблемы, которые надолго определят ее дальнейшее развитие и поиски.

В. П. Трушкин

---

[21] Сиб. огни, 1922, № 1, с. 1[illegible].

СИБИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Истоки сибирской библиографии восходят к 30-м гг. XIX в. В 1833 г. в журнале «Сын отечества» появился первый библиографический труд по Сибири —«Перечень литературы о Сибири» В. П. Бурнашева. Это был очень небольшой и весьма неполный обзор книг с сибирской тематикой. Следующие попытки в разработке сибирской библиографии относятся к 60-м гг., ко времени зарождения так называемого сибирского областничества. Горячими поборниками всестороннего изучения Сибири, в том числе и библиографического описания ее, выступают в это время Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие представители сибирского студенческого землячества, возникшего в те годы в Петербурге. В 1865 г. один из них Н. С. Щукин-младший в «Памятной книжке Иркутской губернии» публикует свои «Материалы для сибирской библиографии» (Полищук Ф. М. Иркутск в дореволюционных справочных изданиях.—Сибирь, 1985, № 3, с 124—125). В 1873 г. Н. М. Ядринцев на страницах «Камско-Волжской газеты» выступает со специальной статьей «Провинциальная библиография», в которой утверждается мысль об огромном значении региональной библиографии в познании родного края. В литературе уже высказывалось весьма убедительное предположение о том, что именно Н. М. Ядринцев подсказал В. И. Межову идею создания его знаменитой «Сибирской библиографии»[1].

Трехтомный справочник В. И. Межова, изданный в 1891—1892 гг. на средства богатого иркутского мецената И. М. Сибирякова, брата известного золотопромышленника, явился выдающимся событием в истории не только собственно сибирской, но и общерусской библиографии вообще. В этом фундаментальном труде зафиксировано более двадцати пяти тысяч работ, посвященных Сибири и создававшихся на протяжении трех с лишним столетий. Во втором томе «Сибирской библиографии» особый раздел посвящен биографиям литераторов, ученых, общественных и культурных деятелей Сибири. Здесь можно найти сведения о протопопе Аввакуме, Ф. М. Достоевском, И. А. Гончарове, П. П. Ершове, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамине-Сибиряке, А. А. Бестужеве-Марлинском, М. Л. Михайлове, И. В. Федорове-Омулевском, Н. Г. Чернышевском, А. П. Щапове и др.

В третьем томе находится раздел «Словесность», в котором дается описание многих произведений с сибирской тематикой, в том числе и иностранных авторов. Библиографами подсчитано, что «всего в «Сибирской библиографии» В. И. Межова представлено около четырех тысяч книг, статей и заметок по литературе и литературоведению»[2].

Разумеется, этот классический труд не свободен и от существен-

---

[1] См.: Николаев В. К истории сибирской библиографии.— Сиб. огни, 1969, № 8, с. 146.

[2] Яцко Т. В. Библиография сибирской художественной литературы: (Состояние и перспективы развития).— В сб.:— Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 1973, вып. 2, с. 47.

ных недостатков: в нем встречаются и ошибки, и серьезные пропуски, на которые в свое время указывали и рецензенты и исследователи. И все же трехтомная «Сибирская библиография» В. И. Межова и поныне не утратила своего не только историко-культурного но и практического значения.

В первые два десятилетия XX в. специальных работ по литературной библиографии Сибири, в сущности, не появлялось. Правда, сведения об отдельных литераторах-сибиряках помещались в известных общерусских литературных словарях и справочниках С. А. Венгерова, Д. Д. Языкова и др.

Одну из первых попыток создать словарь писателей и ученых предпринял М. Е. Стож. Накануне февральской революции в иркутском книгоиздательстве «Ирисы» несколькими изданиями выходит его «Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых». Выполненный безграмотно и неряшливо (автор по профессии был железнодорожным ревизором), труд Стожа оставляет удручающее впечатление. Читателя прежде всего ошеломляет указание на количество изданий. Если верить автору, его «Словарь» за какие-нибудь год-полтора издавался десять раз! В «Послесловии» он так и пишет, «Выпуская десятым изданием первую часть «Словаря...» Любопытно, что текст в этом «десятом издании» предварялся двумя сделанными во всю страницу портретами — Г. Н. Потанина и... самого М. Е. Стожа.

Серьезным недостатком «Словаря» следует признать хаотичность в расположении материала, отсутствие не только именного указателя, но и оглавления, обилие случайных имен и пропуски многих действительно крупных деятелей Сибири. И все же труд М. Е. Стожа не пропал бесследно. И поныне библиографы и исследователи нередко вынуждены обращаться к нему как к первоисточнику. «Словарь» в историко-литературном отношении интересен и тем, что в нем впервые был дан предварительный список сибирских литераторов. Думается, что у составителя были все основания заявить в «Послесловии»: «Издание подобного словаря является в Сибири первой еще попыткой такого рода, и я льщу себя надеждой, что читатель отнесется к этому труду возможно снисходительнее»[3].

Из дореволюционных изданий, близких к типу биографического словаря, следует назвать книгу очерков К. Дубровского «Рожденные в стране изгнания», вышедшую в Петрограде в 1916 г. В нее вошли статьи, посвященные литераторам, художникам и ученым — уроженцам Сибири — Г. С. Батенькову, А. П. Щапову, С. С. Шашкову, Г. Н. Потанину, Н. М. Ядринцеву, П. П. Ершову, Н. И. Наумову, В. М. Михееву, И. Н. Жукову, Д. И. Менделееву, В. И. Сурикову, М. И. Пескову. Так же, как и «Словарь» Стожа, книга К. Дубровского вызвала неодобрительные отзывы в печати того времени.

Новый этап в развитии сибирской библиографии начинается с Октябрьской революции. В 20-е гг. с Сибирью самым тесным образом была связана работа таких замечательных библиографов, как М. К. Азадовский, Н. В. Здобнов, А. Н. Турунов, В. П. Косованов и др. 24 ноября 1918 г. М. К. Аздовский на заседании Общества этнографии, истории и археологии при Томском университете прочитал доклад о путях развития библиографии Сибири. В 1919 г. в печати появляется его большая статья, построенная на материалах доклада «Задачи сибирской библиографии» (Сиб. записки, 1919, № 6, с. 97—115). В следующем году в Томске он публикует «Обзор библиогра-

---

[3] Стож М. Е. Словарь...— Иркутск: Издание книгоиздательства «Ирисы», с. 79.

фии Сибири». В середине 20 гг. Азадовским был тщательно подготовлен и издан аннотированный библиографический указатель «Сибирь в художественной литературе» (Иркутск, 1927), в котором учтены многие периодические издания Европейской России за 1891—1917 гг.

Эта работа М. К. Азадовского много лет спустя была продолжена его ученицей А. А. Богдановой, опубликовавшей в 1970 г. в Новосибирске учебно-библиографический справочник «Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX в. (1800—1900 гг.)». В нем представлены 1054 записи книг и публикаций, указаны рецензии.

Ко второй половине 20-х гг. относится весьма примечательное событие в области литературной сибирской библиографии. В 1927 г. в качестве приложения к журналу «Северная Азия» Н. В. Здобнов публикует «Материалы для сибирского словаря писателей. (Предварительный список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков)».

«Материалы» Н. В. Здобнова действительно представляют собой всего лишь предварительный список. В них есть и пропуски, и просто неточные сведения, и прямые ошибки. Более того, нередки случаи, когда указывается фамилия автора и название одного или двух его произведений без всяких дополнительных данных биографического или литературного характера. Естественно, что такие справки практически ничего не дают исследователю. И тем не менее работа Н. Здобнова не утратила своего значения до наших дней. Она оказывает неоценимую помощь всем, кто всерьез интересуется литературным движением в Зауралье. Следует сказать, что в наше время работу, аналогичную здобновской, проделал литературовед и критик Н. Н. Яновский. Но, к сожалению, до сих пор этот крайне ценный и нужный справочник находится пока в рукописи, хотя издание его следовало бы только приветствовать.

На рубеже 20—30-х гг. литературная сибирская библиография пополнилась еще несколькими интересными справочниками. Так, в 1928 г. на страницах «Сибирского литературно-краеведческого сборника», изданного в Иркутске под редакцией М. К. Азадовского и И. Гольдберга, была опубликована работа учеников Азадовского Л. Межеровой и А. Нагибиной «Литературный отдел газеты «Восточное обозрение» (1882—1906).— Библиографические материалы». Ценность этого труда весьма значительна. Газета «Восточное обозрение» на протяжении целой четверти века была лучшим, авторитетнейшим периодическим изданием в сибирской прессе, объединявшим вокруг себя весь цвет сибирской интеллигенции.

Уже в наше время вышло своеобразное продолжение указателя Л. Межеровой и А. Нагибиной — справочник Н. И. Кондратьева «Приложения к газете «Восточное обозрение» («Литературный сборник», «Сибирский сборник»). Указатель содержания» (Иркутск, 1974). В работе Н. Кондратьева расписано 306 названий произведений, опубликованных в 1885—1905 гг. в «Литературном сборнике» и 48 книгах-выпусках «Сибирского сборника». Особую ценность справочнику придают вспомогательные указатели — именной, предметный, географический, указатели раскрытых составителем псевдонимов и криптонимов.

Возвращаясь к рассмотрению библиографических пособий, появившихся в 20—30-е гг., следует назвать и указатели содержания журналов «Сибирские огни» (1922—1927), «Искусство» (1921), «Красные зори» (1923), «Сибирь» (1925—1926). Эти указатели литературных материалов в сибирских журналах первых лет революции появились в сборнике «Художественная литература в Сибири» (Новосибирск, 1927, с. 117—133).

В 1929 г. вышел первый том «Сибирской советской энциклопедии» — поистине уникального по тем временам издания. Впоследствии появилось еще три тома, но издание по ряду причин осталось незавершенным. Однако значение его как справочного пособия по сибирике, в том числе и по литературной и культурной жизни Сибири, остается и до сих пор значительным. В частности, помимо персоналий, в третьем томе энциклопедии помещены содержательные и обстоятельные статьи М. К. Азадовского «Литература сибирская» и М. П. Алексеева «Сибирь в западноевропейской литературе». В первом томе энциклопедии опубликована большая обзорная статья по сибирской библиографии Н. В. Здобнова.

В 1930 г в. Красноярске был издан третий том капитального труда В. П. Косованова «Библиография Приенисейского края. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках, опубликованных в 1612 по 1923 гг. включительно». Еще в середине 20-х годов М. К. Азадовский, рецензируя в «Сибирских огнях» работу Косованова, назвал ее «новой вехой сибирской библиографии». Третий том наглядно свидетельствовал о справедливости такой высокой оценки труда красноярского ученого-краеведа. Том состоял из разделов: искусство, литература, история, описательная география, картография, биографии. Отдел биографий вобрал в себя сведения о множестве лиц, так или иначе причастных к жизни не только Приенисейского края, но в большинстве случаев ко всей Сибири в целом, за что составителя, к слову сказать, упрекал тот же М. К. Азадовский, называя такой принцип безразборного подхода к материалу чисто «межовским решением вопроса»[4]. В целом справочник Косованова содержит роспись около 2500 номеров библиографических материалов, посвященных сибирским деятелям—путешественникам, ученым, литераторам, политическим ссыльным, администраторам и т. д.

30-е годы в истории сибирской библиографии, особенно литературной, оставили малозаметный след. Заслуживает упоминания, может быть, только аннотированная библиография произведений Ис. Гольдберга и литературы о нем, выполненная Т. И. Фатеевой. Библиографический указатель Т. Фатеевой опубликован в первом номере журнала «Будущая Сибирь» за 1934 г. К сожалению, составитель не избежал ошибок и досадных пропусков. Например, неверно указан источник публикации первого рассказа писателя «Артист», выпали из указателя почти все произведения Ис. Гольдберга, которые печатались в дореволюционной сибирской периодике — в газетах и журналах Иркутска, Томска, Читы.

Накануне войны, в 1940 г., в Иркутском областном издательстве выходит «Сибирский литературный календарь» Б. И. Жеребцова. Календарь содержит 48 персоналий, включающих биобиблиографические статьи — справки о писателях-сибиряках и литераторах, связанных с Сибирью и писавших о ней, хронологические списки их произведений и критической литературы о них с конца XVIII в. Всего расписано 349 книг и статей. Кроме того, в него вошли небольшие статьи о журналах «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Сибирские огни», «Красные зори», о первом поэтическом альманахе сибиряков «Сибирские мотивы», изданном в 1886 г. в Петербурге сибирским меценатом И. М. Сибиряковым. «Календарь» Б. Жереб-

---

[4] Азадовский М. О библиографии Косованова.— Новый край. Иркутск, 1931, № 1, с. 88.

цова сыграл заметную роль в популяризации творчества писателей-сибиряков и литературной жизни Сибири.

В годы войны иркутяне осуществили еще одно интересное издание. Библиографом Научной библиотеки Иркутского госуниверситета Н. С. Бер по поручению Общества истории, литературы, языка и этнографии был составлен добротный библиографический указатель трудов М. К. Азадовского. «Библиография М. К. Азадовского (1913—1943)» вышла в свет в 1944 г. под общей редакцией проф. В. Д Кудрявцева. В справочнике зарегистрировано в хронологической последовательности 301 название работ ученого на русском и иностранных языках, многочисленные рецензии и отклики на них в печати. В 1983 г. в Новосибирске издан обстоятельный справочник В. П. Томиной «М. К. Азадовский (1888—1954). Указатель литературы».

Известное оживление в сибирской литературной библиографии наблюдается в первые же послевоенные годы. Уже в 1949 г. по инициативе Иркутского отделения Союза писателей СССР библиографами Иркутской научной библиотеки Н. С. Бер и Э. А. Кушнаревой при участии Ю. С. Морозовой был составлен и издан библиографический указатель «Сибирские писатели за 30 лет».

В указатель вошли произведения литераторов, которые печатались в альманахах и журналах Иркутска, Красноярска и Новосибирска с 1917 по 1947 г. включительно. Всего расписано свыше 800 имен авторов, содержится около четырех тысяч записей книг и публикаций. Указаны переиздания и рецензии. Справочник делится на разделы: проза, поэзия, пьесы. Принцип расположения материала в алфавите имен. Причем произведения авторов даны опять-таки в алфавитном, а не в хронологическом порядке. Этот сплошной алфавитный принцип, при котором творчество писателя не выделяется в отдельную рубрику, затрудняет пользование справочником. Кроме того, никаких сведений об авторах в нем не приводится.

Справочник «Сибирские писатели за 30 лет» явился первой попыткой свести воедино большой библиографический материал по литературе Сибири советского периода. Однако по условиям времени из указателя выпали имена многих крупных писателей и поэтов, ветеранов и зачинателей литературного движения в советской Сибири, в том числе В. Я. Зазубрина, А. И. Балина, П. П. Петрова, И. Г. Гольдберга, В. А. Итина и других. Встречаются в указателе и случайные для Сибири имена, например, В. Закруткина, И. Эренбурга, попавших в поле зрения составителей только на том основании, что в сибирской периодике изредка появлялись отрывки из их произведений.

В первые же послевоенные годы выходит еще один справочник. В 1947 г. под редакцией поэта А. И. Смердова в Новосибирске был издан тиражом в 250 экземпляров библиографический указатель «Сибирские огни. 1922—1947». Содержание журнала за первые двадцать пять лет его существования раскрыто здесь крайне скудно. Буквально десятки активнейших авторов «Сибирских огней» и множество интереснейших публикаций остались за бортом указателя. В значительной степени это было вызвано как объективными причинами, так и откровенным субъективизмом составителей справочника.

Спустя двадцать лет этот во многом оставляющий желать лучшего справочник был полностью перекрыт новым замечательным изданием, ставшим событием в сибирской библиографии и получившим восторженные отзывы в местной и центральной печати. Речь

идет о работе А. Ф. Соустиной и А. В. Суворовой «Сибирские огни». Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Указатель содержания. 1922—1964». (Новосибирск, 1967).

Указатель с возможной полнотой раскрывает богатейшее содержание журнала за сорок два года издания, дает расшифровку большинства псевдонимов и криптонимов, отличается хорошо продуманной системой подачи материала, добротными вспомогательными указателями. В общей сложности справочник содержит 8647 записей публикаций и литературы о журнале «Сибирские огни». Поистине это надежный путеводитель по летописи духовной и культурной жизни советской Сибири. В 1982 г. издано его продолжение (Соболева Е. Б. Сибирские огни. Указатель содержания. 1965—1980. Новосибирск, 1982).

По библиографии литературно-художественной периодики Восточной Сибири заслуживает внимания работа Б. М. Школьник «Иркутские литературно-художественные альманахи и журналы 1923—1960 гг. (Ангара, 1961, № 4; 1962, № 4; 1963, № 4). Указатель раскрывает содержание журналов «Красные зори» (1923), «Будущая Сибирь» (1931—1934), «Новая Сибирь» (1935), альманахов «Новая Сибирь» (1937—1957) и «Ангара» (1958—1960). К сожалению, в добротном в целом справочнике встречаются досадные пропуски. Пропущены, в частности, рассказ С. Доброславина «Жуженица» (Красные зори, 1923, № 4), несколько статей М. Бобровой и др. материалы.

Начиная с 50-х гг. и вплоть до настоящего времени литературная библиография Сибири пополнялась весьма интенсивно. Так, уже в 1953 г. в Новосибирске выходит справочник Л. А. Коршуновой «Сибирь в художественной литературе». Это тематический аннотированный указатель книг дореволюционных и советских писателей, изданных в советское время. В нем содержится около 400 записей. К сожалению, указатель Л. Коршуновой составлен весьма неудовлетворительно и по отбору материала, и по характеру аннотаций. Он вызвал в свое время серьезные критические замечания в печати[5].

Более удачным оказался библиографический справочник «Писатели Восточной Сибири» (Иркутск, 1956), подготовленный библиографами Научной библиотеки Иркутского университета А. Г. Боннер, Н. В. Знаменской и другими. В библиографическом указателе даны портреты, биографические справки о жизни и деятельности сибирских писателей. Приводится обстоятельная аннотированная тематическая библиография произведений пяти иркутских литераторов — Г. Кунгурова, П. Маляревского, Г. Маркова, И. Молчанова-Сибирского, К. Седых. Каждая персоналия завершается обширной и проаннотированной критической литературой о жизни и творчестве писателя.

В это же время краткий библиографический справочник «Писатели Сибири» появился в Новосибирске. Он содержит 56 персональных разделов с краткими биографическими справками, списками произведений и литературы о них. Всего в нем 812 записей.

В 1958 г. в Красноярске опубликована работа Б. Л. Беляева «Отображая жизнь. Книги писателей Красноярска», в которой содержится девять персональных разделов с портретами писателей, списками изданий произведений и критической литературы о них. Всего в книге зафиксировано 283 названия книг и публикаций.

---

[5] См. рецензии на указатель Л. Коршуновой М. К. Азадовского (Сиб. огни, 1953, № 5, с. 188—190) и Б. М. Школьник (Новая Сибирь, 1953, № 29, с. 232—236).

Заметным событием в литературной жизни Сибири 50-х годов стал выпуск двух сборников литературно-критических очерков, составленных Н. Н. Яновским, «Писатели-сибиряки» (Новосибирск, 1956—1959). В сущности, это собрание литературных портретов видных сибирских прозаиков и поэтов. В качестве приложений к сборникам даны «Краткие биографические и библиографические сведения» о литераторах Иркутска, Красноярска, Новосибирска и Омска, вобравшие в себя 23 персональных раздела. В них зарегистрировано в общей сложности около 500 названий книг и публикаций в периодике.

Одновременно с подготовкой сводных справочников многие крупные сибирские библиотеки в 50—60-е гг. стали широко издавать персональные библиографические указатели, рекомендательные «Памятки читателю» и пр. Одна только иркутская областная библиотека выпустила около двух десятков такого рода пособий, персональных указателей.

Аналогичные рекомендательные указатели издавались и издаются и в других сибирских городах.

Помимо различного рода персональных библиографических указателей современная библиография Сибири располагает многочисленными общими региональными справочниками. Назовем здесь наиболее характерные из них. Одной из первых работ по дальневосточной библиографии был справочник Б. А. Ивашкевича (И-ч) «Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918—1922 гг.» (Владивосток, 1922, 72 с). В 50-е г. двумя изданиями вышла книга Р. К. Агишева «Советский Дальний Восток в художественной литературе» (Хабаровск, 1950, 1957). В 1963 г. в Благовещенске издан аннотированный указатель А. В. Лосева «Приамурье в художественной литературе». Но, пожалуй, самым значительным пособием о литераторах-дальневосточниках стал биобиблиографический справочник Е. М. Аленкиной «Писатели Дальнего Востока» (Хабаровск, 1973), содержащий 93 персональных рубрики. 78 из них посвящены русским писателям. В нем дано свыше 2000 записей книг и публикаций в сборниках и периодике[6].

Биографические и библиографические сведения о писателях-забайкальцах приведены в двух выпусках рекомендательного указателя Р. И. Цуприк «Что читать о Читинской области» (Чита, 1959, 1962). В указателе 27 персональных рубрик, приведен список работ по истории литературного движения в Забайкалье. Всего зарегистрировано около 460 книг и публикаций на русском и иностранных языках. Исключительно ценным пособием по литературной и культурной жизни старого Забайкалья является выдержавший уже два издания справочник Е. Д. Петряева «Краеведы и литераторы Забайкалья. Материалы для биобиблиографического словаря». Часть 1. Дореволюционный период. (Иркутск, Чита, 1965, 1981). Достоинство указателя Е. Д. Петряева состоит прежде всего в том, что он построен на самостоятельных разысканиях автора, придающих ему в большинстве случаев по-настоящему исследовательский характер. Указатель вводит в научный оборот массу материалов из дореволюционной периодики, в особенности сибирских газет. Это итог сорокалетнего подвижнического труда исследователя.

Назовем еще несколько рекомендательных пособий сводного ти-

---

[6] Об отдельных недостатках и упущениях этого ценного издания см.: Трушкин В. Библиографические словари и современный литературный процесс.— В мире книг, 1975, № 2, с. 13.

па. В 1963 г. издан рекомендательный указатель В. И. Курцевой и Н. А. Танзыбаевой «Красноярские писатели», дважды издавался биобиблиографический справочник М. Г. Вохрышевой и Л. С. Панкратовой «Писатели Алтая» (Барнаул, 1967, 1974). В 1977 г. опубликован справочник Л. А. Пукшанской и В. И. Бородиной «Писатели земли Омской». Он содержит 43 персональных рубрики, снабжен указателем имен писателей и авторов критических работ о них. В справочнике зарегистрирована в основном литература за период с 1945 по 1976 г. Своеобразным предшественником его можно считать работу Т. Г. Леоновой «Литературная жизнь в Омске в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Материалы к библиографии» (Учен. зап. Омск. пед. института, 1962, вып. 17, с. 169—213).

Интересное популярное справочное пособие по литературной жизни дореволюционного и советского Томска написано Т. А. Заплавной. Ее книга «Томские писатели» (Томск, 1974) рассказывает о жизни и творчестве тридцати современных литераторов, дает хронику литературной жизни города за многие десятилетия, сопровождается соответствующей литературой.

Последним по времени биобиблиографическим указателем является справочник В. М. Лащевской и Т. М. Смольской «Писатели Кузбасса» (Кемерово, 1980), содержащий тридцать персональных рубрик. Предшественником его был небольшой буклет с тем же названием, составленный Т. И. Махаловой и изданный под грифом Кемеровского областного правления общества книголюбов в 1977 г.

Большинство из названных здесь несомненно ценных справочных изданий страдают одним существенным недостатком — неполнотой и скупостью основных биографических данных, отсутствием точных дат жизни писателя. Как правило, называются лишь годы рождения или смерти, но нет ни числа, ни месяца, не указывается зачастую точное время учебы, первых выступлений в печати и пр. Это замечание в полной мере относится к справочникам о писателях Красноярска, Алтая, Омска, Кузбасса.

Немало библиографических и биографических сведений по литературе Сибири можно найти в таких изданиях, как «Земля Иркутская» (Иркутск, 1968), в которой даны 42 персональных рубрики, «Литература об Иркутской области», насчитывающая уже свыше сорока выпусков, в сборниках «Календарь знаменательных и памятных дат», «Родное Прибайкалье», «Родное Приангарье» и пр.

70-е годы в библиографии Сибири ознаменовались появлением целого ряда значительных и разнообразных по типу работ справочного характера. Так, в 1973 г. в Новосибирске был опубликован первый в Сибири словарь псевдонимов — «Псевдонимы литераторов-сибиряков» Е. Д. Петряева. В том же году под редакцией Н. Н. Яновского в Новосибирске вышел посмертно труд замечательного библиографа В. А. Николаева «Библиографы Сибири и Дальнего Востока». Это первый в отечественной литературе биобиблиографический словарь, посвященный профессионалам-библиографам. В это же время критик Ю. М. Мостков вторым изданием издал сборник «Писатели о себе» (первое вышло в 1966 г.). Это содержательный справочник о 65 литераторах Западной Сибири. Он содержит интереснейшие автобиографические заметки писателей и биобиблиографические сведения о них, подготовленные библиографом Т. В. Яцко. Список литературы насчитывает около двух тысяч названий. Наконец, нельзя не отметить и такое знаменательное событие в постановке библиографического дела в Сибири, как зарождение периодического издания текущей библиографии. С 1975 г. Государственной пуб-

личной научно-технической библиотекой СО АН СССР в Новосибирске издается поквартально указатель текущей литературы «Наука, литература, искусство Сибири», который тщательно регистрирует многие явления современной литературной жизни Сибири. С 1985 г. — под названием «Литература, искусство Сибири и Дальнего Востока. Текущий указатель литературы».

Но, пожалуй, самым значительным достижением в области литературной библиографии Сибири последних лет явилось издание таких крупных справочников, как «Литературная Сибирь» (Иркутск, 1971). «Писатели Восточной Сибири» (Иркутск, 1973) и двухтомник «Русская литература Сибири» (Новосибирск, 1976—1977). Первый из них получил высокую оценку не только в сибирской, но и центральной печати. На него появилось свыше десяти журнальных и газетных рецензий, в том числе в «Вопросах литературы», «Новом мире», «Дальнем Востоке» и др. «Литературная Сибирь (Писатели Восточной Сибири)» помимо вводной обзорной статьи о литературном движении Сибири XIX—XX вв., содержит 92 персональных раздела, каждый из которых представляет собой содержательный литературный портрет писателя. В сущности, это первая попытка создания биобиблиографического словаря писателей Восточной Сибири XIX—XX вв. Библиография состоит из 1800 названий книг и публикаций в периодике. Богато представлены в справочнике иконография, материалы о сибирской периодике и литературных организациях Восточной Сибири.

Поистине фундаментальное библиографическое пособие было подготовлено коллективом зонального объединения библиотек Восточной Сибири. Оно вышло в 1973 г. в Иркутске под общей редакцией Н. Ю. Кряжинской. Это большой биобиблиографический указатель «Писатели Восточной Сибири», вобравший в себя 379 персоналий литераторов Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, Якутии, Бурятии, Хакасии и Тувы, начиная с конца XVII в. и по 1964 г. включительно. 194 рубрики указателя посвящены русским писателям. Каждая из них сопровождается краткой биографической справкой и систематической росписью изданий произведений писателя и литературы о нем. Представлено было 7800 записей книг и публикаций в периодике с 1819 по 1967 г. В 1938 г. издано его продолжение (см.: Писатели Восточной Сибири. Биобиблиографический указатель. Вып. 2, ч. 1, Иркутск, 1983).

В 1976—1977 гг. был издан в двух частях библиографический указатель «Русская литература Сибири», охватывающий библиографическим описанием литературную жизнь Сибири с XVII в. по 1970 г. Указатель был подготовлен большой группой библиографов Сибири и Дальнего Востока под руководством Д. П. Маслова. Вышел он в издательстве «Наука» СО АН СССР. В указателе собран и систематизирован богатейший материал по литературному движению огромного региона за несколько столетий со множеством персональных рубрик, общих разделов по периодической печати, политической ссылке и литературному движению на всех этапах его истории. Серьезным недостатком данного издания, как, впрочем, отчасти и предыдущих, следует признать плохую редактуру. Справочник изобилует опечатками и фактическими ошибками — в ряде случаев перепутаны инициалы и фамилии авторов, названия произведений, источники публикаций и пр. Разумеется, все это снижает ценность по-своему уникального в библиографии Сибири издания.

Как видим, в разработке сибирской литературной библиографии библиографами Сибири сделано немало, особенно в области ретро-

спективной и различного рода рекомендательной библиографии. И все же до сих пор на библиографической карте Сибири остается много белых пятен. Мы не располагаем, например, не только сводными, но за редкими исключениями и частными указателями по сибирской периодике дореволюционного и советского периода, в частности богатейшим газетным фондам, в которых содержится множество литературных материалов первостепенного значения. Давно уже назрела потребность и необходимость в создании добротного общесибирского биобиблиографического словаря писателей, который мог бы стать настольной книгой не только для специалистов — писателей, литературоведов и критиков, — но и для массового читателя. Такой словарь показал бы наглядно духовные богатства, накопленные Сибирью, показал бы уровень ее духовной культуры, движение литературы во времени. Одним из первых опытов такого словаря применительно к Восточной Сибири как раз и призвано стать настоящее издание.

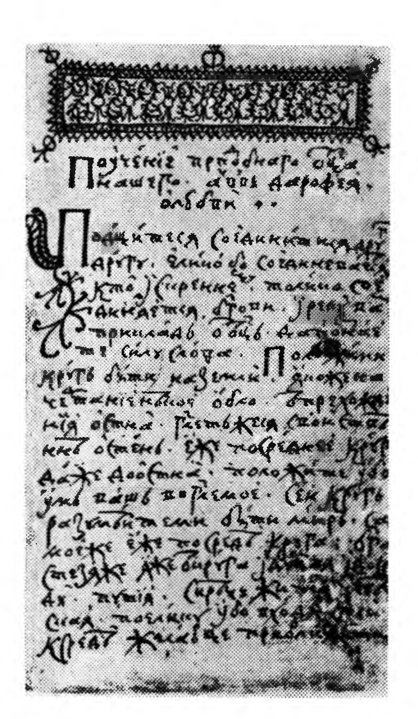
В. П. Трушкин

АВВАКУМ ПЕТРОВ И СИБИРЬ (1620 или 1621—1682)

Триста лет назад, между 1672 и 1675 гг., создавалось произведение, которому суждено было стать одной из величайших вершин древнерусской письменности и памятником культуры мирового значения. Его автор — заключенный в земляную тюрьму, лишенный священнического сана Аввакум Петров (именуемый врагами «распопом» или «распротопопом») — в своем «Житии» навеки запечатлел широкую панораму жизни Московской Руси XVII в., воспроизвел картины быта и нравов разных слоев общества той эпохи — царского двора и духовенства, крестьянства и посадских людей, казаков и стрельцов. События, о которых рассказал Аввакум, развертывались на поистине эпических пространствах — от Волги до Шилки и Нерчи, в столице и в окраинных острогах, в Пустозерье — «месте тудряном, студеном и безлесом» и в сибирских «дебрях непроходимых», на Ангарских порогах, и на льду забайкальских озер Иргеня и Шакши. Со страниц «Жития» словно живые встают русские люди той поры. Несколькими штрихами Аввакуму удалось обрисовать столь различные, подчас противоречивые характеры — своей верной «подружии» Настасьи Марковны и своего «мучителя» воеводы Афанасия Пашкова, своих друзей-«соузников» и патриарха Никона. Но особенно большую, непреходящую ценность в «Житии» представляет центральный его образ — художественный автопортрет самого Аввакума и врывающийся вместе с ним мятежный дух самоотверженной борьбы за «правду».

Если бы Аввакум создал одно лишь «Житие», то и в этом случае он заслужил бы почетное место в истории русской литературы. Однако перу Аввакума принадлежат и другие замечательные сочинения—«Книга бесед» (1669—1674. «Книга толкований» (1673—1675), «Книга обличений» (1679), «О трех исповедницах слово плачевное» (1676). Особый интерес представляют его многочисленные «челобитные», «послания», «записки» и письма, среди которых немало подлинных образцов художественно - публицистического, мемуарного и эпистолярного жанров древней русской литературы. К настоящему времени выявлено свыше 80 произведений писателя.

17 сентября 1653 г. Аввакум «за ево многое бесчинство» был сослан с семьей сначала в Тобольск, где он прожил по июль 1654 г., оттуда в Енисейск к воеводе И. Анкифьеву с тем, чтобы тот переправил его дальше, в Якутский острог. Но в Енисейске Аввакуму новым указом было предписано отправиться под началом А. Пашкова в Забайкалье. Из Енисейска на 40 дощаниках с 420 стрельцами и казаками Пашков отплыл 18 июля 1656 г. и, поднявшись по Ангаре, достиг Братска 1 октября того же года. Перезимовав в Братске, в мае 1657 г. Пашков отправился далее, через Байкал, по Селенге и Хилку до Иргень-озера (окт. 1657 г.), а оттуда волоком до р. Ингоды,

затем по Ингоде и Шилке, достигнув в начале июля 1658 г. устья Нерчи. В обратный путь из Нерчинского острога Аввакум с семьей и еще несколькими людьми отправился весной 1661 г., отстав от Пашкова, отплыл из Иргеня в конце июля 1662 г., снова пересек Байкал, зимовал в Енисейске в 1662—1663 гг., а в Тобольске жил с конца июня 1663 г. до середины февраля 1664 г. и возвратился в Москву весной 1664 г. Таким образом, Аввакум провел в ссылке десять лет и восемь месяцев. По возвращении сам Аввакум с горькой иронией отмечал: «Первые мы в тех странах с женою моею и детьми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке».

Почти все эти долгие годы Аввакум разделял условия походного быта казаков-землепроходцев, тянул в холодной воде дощаник, волок сани, валил вместе с ними и гнал по рекам строевой лес, ставил срубы, охотился на зверя, промышлял рыбой... Все это давало ему возможность не только познать жизнь простых людей, но и проникнуться сочувствием к их положению.

Литературная деятельность Аввакума началась не позднее 1653 г., когда ему было немногим более тридцати лет. Однако ссылка в Сибирь как будто надолго прервала его писательский труд: во всяком случае его известная «Челобитная» Алексею Михайловичу относится уже к 1664 г., т. е. хронологически отделена от первого дошедшего до нас произведения десятью годами! Разумеется, условия жизни Аввакума в сибирской ссылке не благоприятствовали литературной работе, а в течение ряда лет и просто исключали ее. Однако существуют данные, свидетельствующие, что даже и в эти годы Аввакум брался за перо. Во-первых, к 1654 г. относится его «Отписка», посланная из Тобольска. Во-вторых, Аввакум упоминает «малое писанейце», отправленное им Пашкову во время плавания по Ангаре, возле Долгого порога (и тут же добавляет, что было «там многонько писано») — факт, датируемый 15 сентября 1656 г. Следовательно, даже в пути, после несчастного случая в начале плавания, когда буря чуть не потопила дощаник Аввакума, у него сохранились бумага и чернила, и он использовал непродолжительную остановку на берегу, чтобы сочинить обличительное «писанейце» Пашкову.

Сам Пашков позже сообщал царю, что Аввакум составил некое анонимное воззвание к «служилым людям», — «писал своею рукою воровскую составную память глухую безымянно», в котором утверждал «буттось... везде в начальных людях во всех чинах нет никакие правды», и пытался

тем самым «учинить смуту» среди казаков[1].

Внимание наше привлекает «Челобитная» Симеона, архиепископа Сибирского и Тобольского, от 11 января 1658 г., отправленная царю Алексею Михайловичу, в которой Симеон обличает жестокое обращение Пашкова с Аввакумом: «Да ведомо мне учинилось...: как он, Афонасей Пашков, поехал из Енисейского острогу в Дауры, а протопопа Аввакума бил чеканом сам своими руками, а после того ево Аввакума протопопа тот Афонасей велел бить кнутом, на козле, а было ему протопопу на козле ударов с шестдесят, да в тож время бил его чеканом по голове, и голову у него всю испроломали, а Аввакум протопоп от того убийства на многое время омертвел, а после того велел его вкинуть в студеную тюрму, а сидел он протопоп Аввакум, в тюрме с Покрова Пречистой богородицы всю зиму по ево поезд, как он, Афонасей, и поехал из Брацкого острога в Дауры...»[2] Каким образом Симеону, находившемуся в Тобольске, «ведомо учинилось», что произошло с Аввакумом на Ангаре и в Братском остроге? Можно, разумеется, предположить, что до него дошел слух, но не менее вероятно, что ему стало обо всем известно из письма, посланного Аввакумом перед отъездом из Братска. В пользу последнего предположения говорят детали «Челобитной» Симеона, совпадащие с рассказом самого Аввакума в «Челобитной» царю Алексею Михайловичу 1664 г. и в «Житии». Таким образом, воссоздается цепочка прямых и косвенных свидетельств о не дошедших до нас сибирских писаниях Аввакума — судьба их, естественно, оказалась особенно несчастливой.

Впрочем, сибирский период для литературной деятельности Аввакума имел не столько непосредственное значение, сколько представил ему неисчерпаемый запас наблюдений и впечатлений, которые впоследствии ярко отразятся в его творчестве.

Образ жизни Аввакума в ссылке обусловил и основной принцип отбора им материала в его «Житии». Не случайно ключевым символическим образом здесь является «корабль», а постоянной, сквозной метафорой — мотив «плавания». Аллегорический «корабль» хотя и возник в воображении Аввакума на Волге, но наполнился реальным, полным подлинного драматизма героическим содержанием только в Сибири. Это было плавание в самом точном смысле слова — по Енисею, Ангаре, Байкалу, Селенге, Хилку, Иргеню, Ингоде, Шилке. Более того (что, кажется, никем из писавших об Аввакуме не было замечено), это было преимущественно плавание «против воды» — вверх по течению, против течения, и благодаря этому мотив «плавания» наполнился у Аввакума глубоким символическим подтекстом, выражая как бы смысл всей его деятельности. Именно этот, найденный в Сибири ключ в значительной мере определил весь строй образного мышления Аввакума. Поэтому описывая в «Житии» свой сибирский период, он избегал летописной последовательности и размеренности. Он пропускал целые месяцы и зимы «сидения» (о том, чем была заполнена его жизнь в Енисейске в течение двух лет, он не обмолвился ни словом!) и вместе с тем с нарочитой замедленностью и подробностями описывает наиболее драматические эпизоды своего «плавания» «против воды» (и

[1] Паскаль Пьер. По следам протопопа Аввакума в СССР.— Русские записки. Париж, 1939, XVIII, с. 131; Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме.— ТОДРЛ, 1953, т. IX, с. 396, 398.

[2] Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1900. Приложение, с. 117.

в буквальном и в переносном смысле).

Возвратившись в Москву, он сразу же со всей присущей ему страстностью отдался литературной работе и вскоре уже приобрел известность и даже популярность как писатель. Характерно, что уже до церковного собора 1666—1667 гг. сочинения Аввакума переписывались и ходили по рукам. Так, при обыске вятского игумена Феоктиста 15 февраля 1666 г. у него было изъято много рукописных книг, среди которых оказалось десять (!) сочинений Аввакума — уже одно это свидетельствует о творческой продуктивности только что возвратившегося из Сибири писателя[3]. Примечательно также, что и на соборе 1666—1667 гг. Аввакуму вменялись в вину не только устные проповеди, но и то, что он «не преста своего зломыслия» «писанием разсевать»[4]. В «Выписке» 1667 г. подробно излагается содержание «злокозненных писем» Аввакума и отмечается, что «в тех своих злокозненных писмах» покаяния и повиновения он, Аввакум, не принес, а во всем упорствовал»[5].

Любопытно, что даже при допросе Аввакум не ограничился устным заявлением, но и «подал письмо своей руки»[6].

И в течение немногих лет свободы, и позднее, в Пустозерской ссылке, Аввакум неоднократно в своих сочинениях возвращался к сибирскому периоду своей жизни, вспоминая то один, то другой эпизод. Без преувеличения можно сказать, что сибирские впечатления постоянно волновали сознание Аввакума, мысленно он всегда возвращался туда, где протекали самые бурные годы его жизни, и не случайно, быть может, едва ли не последним произведением его было «Послание сибирской братии» (лето 1681 г.) — это его своеобразное духовное завещание.

Разумеется, сочинения Аввакума не следует рассматривать как некий справочник о Сибири. Многое Аввакум оставлял без внимания, подчиняя все свои описания и упоминания определенной идейной задаче. Поэтому неправомерно было бы искать в «Житии» точные топографические сведения или по «Житию» судить о расстояниях между городами и острогами, о сроках переездов по рекам и волокам. Точно так же преувеличением является утверждение некоторых авторов об особой ценности сообщенных Аввакумом сведений о «туземном населении». Внимание Аввакума было сосредоточено на другом, и меньше всего можно считать «Житие» этнографическим источником.

Но есть одно бесспорное преимущество у сочинений Аввакума: он, как никто до него и как долгое время еще после него, смог воспроизвести картины суровой сибирской природы, могучей стихии Байкала, а также панораму жизни русских людей в Сибири.

Некоторые описания природы Сибири и Забайкалья у Аввакума явились не только самыми ранними, не только весьма полными и точными, предвосхищающими позднейшие научные наблюдения рек и озер, фауны и флоры, но главное — они остались непревзойденными по художественной выразительности, сочетающей предельный лаконизм с лиризмом.

Достаточно сравнить с «Житием» Аввакума другие произведения XVII в. о Сибири, чтобы заметить принципиальную разницу между интересами Аввакума и авторов тех произведений. В различного рода «Чертежах» и «Опи-

---

[3] Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875, т. I, с. 323—334.
[4] Там же, т. II, с. 81.
[5] Там же, с. 8.
[6] Там же, с. 22.

саниях»[7] находим сухие, деловые бесстрастные перечни рек, городов, острогов, подробные, но чисто информационные сведения о зверях, рыбах, птицах.

Под пером Аввакума природа оживает, пейзаж оказывается необходимым для того, чтобы раскрыть внутреннее состояние человека, приобретает важное значение как композиционное средство, одним словом, выполняет определенную идейно-художественную функцию.

Жизнь в Сибири в те годы, на которые пришлась ссылка Аввакума, была очень бурной — не смирялось покоряемое местное население, бунтовали переваливавшие за Урал русские люди... Крестьяне, пришедшие сюда в надежде на свободу, все больше и больше закабалялись и в конце концов оказывались в условиях, близких к тем, какие были в русской крепостной деревне. Побеги крестьян участились как раз на рубеже 50—60-х гг., когда Аввакум был в Даурии. По свидетельству документов конца XVII в., крестьяне «ходят, бунтуют и учинились сильны и непослушны». Неспокойны были и казаки. О восставших казаках, осевших на Селенге, писал Ю. Крижанич в «Истории о Сибири». «Мятежесловие» Аввакума воспринималось на фоне этих событий. Не случайно Пашков считал Аввакума таким же «вором», как и восставшие казаки на Байкале и в Верхоянске! Разумеется, Пашков преувеличивал. Хотя Аввакум позже своими письмами поддерживал восстание в Соловецком монастыре, но крестьянские бунты, в частности разиновское движение, он не одобрял. Но зато в своих сочинениях он с потрясающей силой выразил мятежный дух своей эпохи и рассказал о таких явлениях современной ему жизни, которые объективно оправдывали тех, кто восставал против феодального гнета.

Без всяких прикрас Аввакум нарисовал условия жизни простых русских людей, оказавшихся в Сибири, особенно положение «служивых людей». С большим участием он всегда отзывался о труженике-крестьянине: «Он, бедной, мается шесть-ту дней на трудах». Поэтому с такой теплотой и благодарностью он вспоминал забайкальских охотников, промышляющих летом рыбу в устье Селенги («русских людей станица соболиная»). Сострадал Аввакум казакам, изнемогавшим от непосильной тяжести походной жизни и жестокого обращения воеводы Пашкова, писал о том, что «казаки бедные всякую мертвечину» ели, пухли от голода, «помирали от тоя воеводские налоги и муки». Об этом он вспоминает неоднократно, обличая «зверя» — Пашкова. В «Челобитной» царю: «А иные он, воевода Афонасей Пашков, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти...» В «Житии»: «суров человек, беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет...» Аввакум признавался, что «много уговаривал» Пашкова пощадить людей, за что и «сам в руки попал». Несмотря на то, что казаки часто вынуждены были по приказу Пашкова сурово обращаться с Аввакумом, он нигде не обвиняет их. Напротив, даже в этой ситуации они изображаются Аввакумом сочувственно, с пониманием их подневольного положения. «...глядя, плачют по мне, жалеют по мне». Производя обыск у Аввакума, они проявляют деликатность по отношению к его жене, не тревожат ее: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась».

Прошли десятилетия и столетия, и от поколения к поколению передавались рассказы об Аввакуме, которые превращались постепенно в предания и легенды. Записанные в советское время, в 20—50-е гг., они представляют

---

[7] См.: Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890.

ценность не столько как источники для биографии Аввакума, сколько как материал для характеристики отношения к нему сибиряков. Преломленный в народном сознании образ Аввакума приобрел еще более четко выраженные черты страдальца и борца за народ. Более идеализированный, чем в «Житии», образ Аввакума в народных преданиях вырастает до размеров подлинно народного героя.

Первый русский писатель, отдавший свою любовь и боль сибирской земле, навсегда остался связанным с нею.

В. Гусев

СОЧИНЕНИЯ

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения:/Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия и др.; Предисл. В. П. Трушкина; Послесл. В. Е. Гусева. Иркутск, 1979. (Лит. памятники Сибири).

ЛИТЕРАТУРА

Жуков Д. Аввакум Петров.— В кн.: Жуков Д., Пушкарев Л. Русские писатели XVII в. М., 1972, с. 9—196.

БИБЛИОГРАФИЯ

Малышев В. И. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем, 1917—1953 гг. ТОДРЛ. 1954, т. 10, с. 435—446; Сарафанова Н. С. Основные издания текстов Аввакума, основная литература об Аввакуме, переводы и лит. обработки «Жития».— В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 470—474; Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Бенина М. А. Русская художественная литература и литературоведение: Указ. справ.— библиогр. пособий с конца XVIII в. по 1974 г. М., 1976, с. 146—147.; Русская литература Сибири: XVII в.— 1970 г.: Библиогр. указ. Новосибирск, 1976, ч. 1, с. 63—73.; Демкова Н. Основная библиография: Осн. изд. соч. Аввакума; Осн. лит. об Аввакуме.— В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979, с. 355—362.

А. Н. РАДИЩЕВ В СИБИРИ (1749 — 1802)

Летом 1790 г. в магазине санкт-петербургского книгопродавца Герасима Зотова появилась книга «Путешествие из Петербурга в Москву» без имени автора. Через несколько дней стало известно, что сочинитель ее — коллежский советник Александр Николаевич Радищев. 30 июня он был арестован и заточен в Петропавловскую крепость, а вскоре Уголовная палата признала Радищева виновным в издании «зловредной книги» и приговорила его к смертной казни.

4 сентября Екатерина II подписала указ о замене смертной казни десятилетней ссылкой в Илимский острог, а через неделю опальный писатель «под крепкой стражей, скованный», был отправлен в Сибирь.

Свободолюбивый автор в своей книге раскрыл подлинную жизнь русского народа, угнетенного царизмом, поднял важнейшие общественно-политические вопросы, направленные против крепостничества и самодержавия.

Физически измученный, больной, но сильный духом «первый пророк и мученик революции», как назвал писателя А. В. Луначарский, следовал в ссылку. Путь был дальний и трудный, и мало кто возвращался тогда из Сибири. На это и рассчитывала Екатерина II, заменив приговор о смертной казни ссылкой писателя в Илимский острог.

Так оно и могло быть, если бы у Радищева не нашлись друзья и влиятельный заступник А. Р. Воронцов — президент Коммерц-коллегии, под начальством которого управляющим С.-Петербург-

ской таможней работал писатель. Воронцов обратился с личными письмами к наместникам губерний, через которые следовал «государственный преступник» с просьбой оказывать ему содействие. Тяжелая участь изгнанника была значительно облегчена.

Путь до Илимска, встречи с простыми людьми и знакомыми, жившими в разных городах Сибири, наблюдения за окружающей действительностью еще больше убедили автора «Путешествия» в правоте своего дела, укрепили в нем веру в силы русского народа, способного сбросить с себя оковы рабства и крепостничества.

С Казани Радищев ведет дневник, куда заносит краткие записи об экономике и истории, культуре и быте, торговле и ремеслах. Уже в дороге у него возникают многие творческие замыслы, и записи делаются как бы впрок. Письма его к Воронцову также полны самых различных сведений о Сибири, ее людях, в частности о торговле России с Китаем, об установлении добрососедских отношений со странами Востока и Средней Азии.

Семимесячное пребывание в Тобольске, где Радищев задержался в ожидании приезда к нему детей со свояченицей Е. В. Рубановской, он использует для более обстоятельного изучения истории края и знакомства с людьми различных сословий.

В это время через Тобольск проезжали многие чиновники, которых Радищев знал по работе в Коммерц-коллегии. Среди них были П. Д. Ванифантьев, назначенный директором Кяхтинской таможни, Е. Е. Дитмар — советник Иркутской таможни. Встречи с ними и разговоры дали самые свежие и оперативные сведения, касающиеся возобновления торговых отношений с Китаем. И вполне объяснимо, что впервые о китайском торге Радищев заговорил в письмах к Воронцову из Тобольска, в «Описании Тобольского наместничества», а затем продолжил эту тему в переписке из Илимска и окончательно завершил ее в «Письме о китайском торге».

Этому немало помогли разговоры в Иркутске с мореходом Г. И. Шелиховым, с которым он встретился 14 ноября 1791 г., когда «Колумб Росский» только что возвратился из Охотска и уже был достаточно хорошо осведомлен о делах в Кяхте, ибо лично вел переговоры с китайским курьером о возобновлении торговли. Об этом свидетельствуют новые документы, обнаруженные С. Марковым[1] в Вологодском архиве, «Записка разговоров с китайским курьером в Иркутске» и текст «Секретного соглашения с китайскими властями о способе наказания преступников в пограничных местностях».

В Иркутске Радищев встретился с надворным советником И. Л. Долгополовым, который не только дружелюбно отнесся к петербургскому изгнаннику, но и по-

---

[1] См.: Марков С. Вечные следы. М., 1973, с. 171—173.

ведал ему о переговорах в Кяхте. Следует напомнить — Долгополов был командирован Коммерц-коллегией для переговоров с китайскими пограничными властями о возобновлении кяхтинского торга в 1789 г. и принимал в них живейшее участие. Сибирские же встречи, имевшие прямое отношение к делам в Кяхте, побудили Радищева разобраться и экономически обосновать выгоды, культурное и политическое значение развития дружелюбных отношений между народами России и Китая.

Надо думать, продолжительная задержка Радищева в Иркутске объясняется не только бездорожьем в Илимск в осеннюю пору, но ожиданием результатов затянувшихся переговоров.

Проблема эта захватила Радищева. Живя в Илимске, он поддерживает тесные связи с Г. Шелиховым, ученым Э. Лаксманом, с П. Ванифантьевым, от которого получает различные бумаги и сведения о торговле с китайцами. В сентябре 1793 г. было закончено «Письмо о китайском торге» и направлено А. Воронцову. Это сочинение, как и дорожные записи, прежде всего показывают, что писатель остался «сыном отечества», его могучую натуру не сломила ссылка. «Письма» характеризуют автора, как патриота, озабоченного развитием промышленности, торговли и культуры России, думающего об улучшении благосостояния ее народов.

В Илимске, несмотря на оторванность от жизни отчизны, ее культурных и научных центров и учреждений, лишенный непосредственных связей с общественными деятелями, Александр Николаевич пишет философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», в котором развивает мысли и идеи, изложенные в дневниках и «Путешествии из Петербурга в Москву». Философский трактат — сложное и ответственное произведение, поднимающее множество проблем. Автор решает их не только на уровне передовой науки своего времени, но дерзает заглянуть в неизведанное и предвосхищает позднейшие философские истолкования с материалистических позиций бытия и сознания, взаимосвязи явлений природы и общественной жизни, объясняет суть смерти и бессмертия, роль личности в истории общества и т. д. Это сибирское сочинение А. Радищева было живейшим откликом на проблемы, волновавшие передовые умы того времени, и до сих пор является предметом исследования.

В илимской ссылке Александр Николаевич написал «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и, хотя труд его остался незаконченным, в нем слышен отголосок «Путешествия». В сочинении говорится о будущем Сибири, о характере и развитии ее экономики и культуры.

Еще в Тобольске, где впервые писатель воочию лицезрел отдаленный край России, он задумывался над его настоящим и будущим. В письме Воронцову он, реально оценивая настоящее и заглядывая в будущее, пророчески скажет: «Как богата Сибирь своими природными дарами, какой это мощный край! Нужны века; но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!»[2]

Замечательным литературно-историческим памятником стали его «Письма из Сибири». До нас дошло 48 таких писем — 26 с дороги в Илимск и 22 письма из Илимска. Адресованные графу А. Р. Воронцову и написанные по-французски, они дают наглядное представление о многогранной личности Радищева, широте и энциклопедичности его познаний и интересов. Письма насыщены мно-

[2] Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., 1952, с. 549.

гочисленными и разнообразнейшими сведениями о Сибири — географическими, этнографическими, экономическими, ботаническими, геологическими, минералогическими, медицинскими и т. д. Они полны острых и метких наблюдений над жизнью края, раздумьями о перспективах его развития в будущем.

Кроме творческой деятельности в Илимском остроге Радищев много внимания уделял и другим жизненно важным вопросам, волновавшим его как великого гражданина России, искреннего друга угнетенного народа. И, прежде всего, надо отметить его занятия медициной. По существу, он был первым народным врачом в Сибири. Еще по пути в ссылку Александр Николаевич внимательно присматривается к состоянию врачебного дела в крае, изучает причины появления тех или иных болезней, меры борьбы с ними и делает из этого ряд ценных предположений и выводов. Уже тобольские письма к Воронцову полны подобных высказываний.

Здесь, в Илимске, Радищев «сделался местным лекарем и костоправом». Ему удалось раньше англичанина Дженнера применить оспопрививание, установить причины зобовой болезни. Врачебная практика Радищева в Сибири дополняет наше представление о великом русском писателе-революционере, стремившимся к тому, чтобы вместе с передовыми врачами России сделать медицинскую науку независимой, поднять ее на более высокую ступень.

Илимский период жизни Радищева характеризуется и другими научными поисками и исследованиями. К ним следует отнести изучение природных ископаемых в окрестностях Илимска, в частности месторождения железных руд.

Годы пребывания Радищева в ссылке были годами усиленного интереса русского общества к Сибири, к разработке и использованию ее богатств, особенно у восточных окраин — в Тихом океане, у берегов Нового Света. Как раз в это время через Илимск возвращались участники Биллинговой экспедиции, и двое из них — натуралист и рисовальщик — задержались на несколько дней в доме Радищева. Это были Л. Воронин и Г. Мерк.

В 1797 г. Радищев возвратился в Россию и жил в деревне Немцове, в Подмосковье, под надзором полиции. В царствование Александра I он получил окончательное помилование и последние годы работал в законодательной комиссии.

Сибирь оставила глубокий след в душе писателя. Но и «край ссылки» сохранил благодарную память о первом русском революционере.

А. Радищев возвращался из ссылки, а навстречу ему, тайно переписанное, шло в Сибирь его «Путешествие». Об этом писатель делает запись в дневнике, проезжая Кунгур. Подобных свидетельств распространения революционной книги сохранилось немало. Известно, что списки с «Путешествия» были в знаменитой библиотеке Юдина. Возможно, об одном из них упоминает Т. Бондарев — современник Л. Толстого, познакомившийся с книгой Радищева в Минусинске. Одна из уцелевших книг «Путешествия», напечатанная в 1872 г. П. Ефремовым (тираж ее был арестован и уничтожен), принадлежавшая издателю, оказалась у петербургского сапожника Краузе, переехавшего в Забайкалье. В квартире Краузе жил младший сын писателя в период подготовки к изданию сочинений отца.

Воскресить память об авторе помогал герценовский «Колокол». В журнале были напечатаны яркие высказывания о Радищеве, как забытом борце с крепостничеством. «Колокол», минуя царские рогатки, поступал в Сибирь

через Кяхту. Поэтому вполне объяснимо, что одна из влиятельных и крупных сибирских газет «Восточное обозрение» неоднократно на своих страницах напоминала читателям о Радищеве. В год его столетия со дня смерти в газете были напечатаны статьи: «Вечная память усопшим работникам слова», «Памяти А. Н. Радищева», «К биографии А. Н. Радищева» и др.

Имя А. Н. Радищева — провозвестника русской революции, несмотря на запрет, оставалось популярным не только в центре России, но и в Сибири.

А. Шмаков

СОЧИНЕНИЯ

Полн. собр. соч.: В 3-х т. Т. 1—3 /Под ред. И. К. Луппола и др.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938—1952; Избранное /Сост. и предисл. Б. И. Краснобаева.— М.: Моск. рабочий, 1976; Избранные сочинения /Вступит. статья Г. П. Макогоненко.— М.; Л.: Гослитиздат, 1949.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 106—110; А. Н. Радищев: (1749—1802), [Крат. перечень его деятельности с портр. Радищева и видом Илимска и дома, где жил А. Н. Радищев]. — Иллюстрация, 1861, т. 7, № 159; Репинский Г. К. А. Н. Радищев.— Рус. архив, 1872, № 10, с. 436—438; Рескрипт императора Павла гр. Самойлову /Сообщ. П. А. Ефремов.— Рус. старина, 1882, т. 36, № 12, с. 499; Лозанова А. Н. К характеристике «Путешествия» и сибирских путевых заметок Радищева: (Этногр. элементы).— Уч. зап./Сарат. ун-т, 1929, т. 7, вып. 3, с. 251—259; Троцкий И. Из истории сибирской ссылки А. Н. Радищева: Обзор.— В кн.: Лит. наследство. М., 1933, № 9—10, с. 441—452; А. Н. Радищев в Илимской ссылке.— Сиб. огни, 1937, № 1, с. 152—153; Андреев А. И. Неизвестный труд А. Н. Радищева о Сибири.— Сов. этнография, 1947, вып. 6—7, с. 224—233; Алексеев М. П. К тексту «Записок путешествия в Сибирь».— В кн.: Радищев. Л., 1950, с. 276—281; Смолянов И. Д. Из разысканий о Радищеве. 1. Документы об А. Н. Радищеве в Иркутском обл. ист. архиве; 2. Иностранные отклики XVIII в. на ссылку Радищева.— В кн.: Радищев. Л., 1950, с. 246—268; Он же. О литературном наследии А. Н. Радищева: (Период сиб. ссылки).— Сб. науч. тр. /Ленингр. фин. экон. ин-т, 1951, вып. 6, с. 153—173; Шмаков А. Радищев в Сибири.— Иркутск: Облгиз, 1952; Он же. Радищев и журналистика дореволюционной Сибири.— Сиб. огни, 1952, № 5, с. 136—143; Он же. Петербургский изгнанник: Ист. роман. Кн. 1—3.— Челябинск: Кн. изд-во, 1955—1956; Он же. Из разысканий о Радищеве.— Уч. зап. /Челябинск. пед. ин-т, 1956, т. 2, вып. 1, с. 86—111; Дворцова В. Н. А. Н. Радищев в Западной Сибири. Тюмень, 1958; Малютина А. Радищев о нашем крае.— Енисей, 1969, № 1, с. 95—99; Утков В. Радищев и тобольские вольнодумцы.— В кн.: Утков В. Люди. Судьбы. События. Новосибирск, 1970, с. 193—228; Трусова З. Н. К вопросу об идейном влиянии А. Н. Радищева на тобольских вольнодумцев: [90-е г. XVIII в.] — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973, с. 205—218; Татаринцев А. Г. Радищев в Сибири.— М.: Современник, 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александров Г. Обзор юбилейной литературы об А. Н. Радищеве.— Изв. АН СССР: Отд-ние экономики и права, 1949, № 6, с. 470—475; Степанов В. П., Стенник Ю. В. История русской литературы XVIII в.: Библиогр. указ. Л., 1968, с. 344—364.

А. П. СТЕПАНОВ (1781 — 1837)

Первый енисейский губернатор и пытливый этнограф, увлеченный собиратель древностей и участник Итальянского похода Суворова, наконец, известный литератор — так разнообразно, с присущим деятелям русского Просвещения размахом проявилась личность Александра Петровича Степанова. Факты его биографии достаточно хорошо известны. Довольно легко можно про-

следить путь «маленького Демосфена» (так называл Степанова сам Суворов) от бойких ответов на поздравительные оды, присылавшихся в штаб-квартиру после очередной военной удачи, до авторства нашумевшего в свое время романа «Постоялый двор» (1835). Между этими крайними точками его творчества заключена служба в министерстве юстиции, назначение в Сибирь, снятие с административного поста в 1831 г. без права занятия государственных должностей и опала в с. Троицком Калужской губернии, откуда Степанов был родом. Здесь, в Троицком, Степанов и написал свои самые значительные произведения. Второй роман писателя «Тайна» (1838) увидел свет только после его смерти. Оба романа имеют лишь опосредованное отношение к сибирскому периоду жизни Степанова. Но именно в Сибири формировалось его литературное мастерство, оформлялось художническое осмысление действительности. В полной мере с краем связан его труд «Енисейская губерния» (1835).

Потомок старинного дворянского рода, сын отставного премьер-майора и надворного советника П. С. Степанова, Александр Петрович родился 4 мая 1781 г. в деревне Зеновка Калужской губернии. В девятилетнем возрасте лишился отца. С 1793 г. учился в Московском университетском Благородном пансионе, а затем служил в армии сначала в чине прапорщика, а потом поручика. В 1801 г. вышел в отставку в звании штабс-капитана. В 1802 г. поступил на службу в департамент юстиции. С 1 августа 1804 г. занимал должность прокурора в Калуге. 5 января 1812 г. вышел в отставку. С 1822 по 26 апреля 1831 г. был енисейским губернатором, имел чин действительного статского советника. С 1831 г. проживал в родовом имении, в селе Троицком Калужской губернии. В последние годы жизни (1835—1837) служил саратовским губернатором. Умер А. П. Степанов 25 ноября 1837 г. в Петербурге.

Юношеские пробы пера состоялись в Московском университетском пансионе. С военными впечатлениями связана ранняя поэма «Суворов», в которой ощутимо влияние тяжеловесного классицистического стиха. Дальнейшее литературное развитие Степанова проходило под влиянием «старшего карамзиниста» И. И. Дмитриева, под чьим начальством он служил в министерстве юстиции. Степанов был представлен Державину в качестве подающего серьезные надежды поэта. Но творческая судьба Степанова сложилась иначе, его дарование в наибольшей степени реализуется в прозе.

Сибирский период биографии Степанова начинается с 1822 гг., когда с помощью будущего декабриста Батенькова, в то время фактического правителя дел Сибирского комитета, его назначают губернатором только что созданной Енисейской губернии. С первых же шагов в новой должности Степанов предстает деятельным администратором.

«Я не ошибусь,— писал в «Московском телеграфе» (1826, ч. XI, № 17) известный сибирский деятель П. А. Словцов,— когда буду уверять вас, что всем благоустройством, так скоро обозначившимся, Красноярск обязан вкусу и деятельности своего гражданского губернатора, который к достойному происхождению государственной службы присоединяет перо прозаика и мастерство поэта». Будучи членом Вольного общества любителей российской словесности, Степанов выступает с инициативой учреждения в Красноярске своего, «сибирского», ученого и литературного общества — «Беседы об Енисейском крае». Но на проекте устава, посланного на высочайшее одобрение, Николай I собственноручно наложил резолюцию: «Я никакой пользы в сем обществе не вижу и потому на оное не согласен. Будут и другие способы надежнее и вернее для достижения истинной пользы»[1].

По иронии судьбы Николай I дважды употребил слово «польза» — одно из краеугольных в системе понятий просветительской идеологии. Просветительскую веру в прогресс, в «разумное» преобразование общества путем всемерного распространения знаний, наук, искусств Степанов обнаруживает в большинстве своих произведений. Важную роль в становлении общественно-политических взглядов Степанова сыграло масонство, с которым он был связан с 1815 г.

Вместе с тем надежда на просвещенного монарха сочеталась в нем с трезвыми, практическими представлениями об истинном положении дел в стране. Общеизвестны контакты Степанова с декабристами, участь которых он всемерно пытался облегчить. Среди них — Шаховской, Краснокутский, Пущин. Во время разгула николаевской реакции он писал в «Енисейской губернии»: «Быть разлучену с семейством; проститься навсегда с предметами, окружающими от колыбели; разорвать связи души; потерять все права на политическое существование — не значит ли умереть?» И это тогда, когда даже имена декабристов находились под запретом! Не случайно деятельность Степанова постоянно находилась под присмотром III Отделения, и убран он был с должности в результате жандармского доноса.

В Сибири Степанов не терял связи со столичными изданиями, активно сотрудничал он в «Московском вестнике», где публиковал статьи краеведческого характера. Одно из самых значительных его краеведческих произведений — «Путешествие в Кяхту из Красноярска», опубликованное в «Енисейском альманахе на 1828 г». По своему типу оно примыкает к просветительским путешествиям с резко сокращенным «стерновским» началом и усиленной информативной, рациональной линией. «Путешествие» Степанова представляет собой ряд писем, посылаемых с дороги условному адресату — «любезному другу». Каждое письмо несет в себе специфический материал, подчиненный общей мысли, «стягивающей» разнообразные и малоизвестные факты.

Но главный краеведческий труд его жизни, конечно, «Енисейская губерния», о которой известный критик А. Дружинин писал, что особенность повествования, «заключающаяся в живости рассказа и происходящей от нее увлекательности, была замечательною новостью в свое время». «Енисейская губерния» обозначает дальнейшее движение Степанова к большей строгости и реалистичности манеры письма. Расширяется бытовой фон, усиливается социальное начало, от «при-

---

[1] Вагин В. Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872, т. 2, с. 143.

ятности» эмоций Степанов приходит к более контрастному восприятию действительности. Его внимание приковывается к «темным» сторонам жизни. В известной степени эволюция объясняется отходом от административной деятельности, что сообщало автору большую независимость и объективность. Но все же это была, по выражению Дружинина, лишь «благонамеренная смелость»[2]. Степанов никогда не покушался на устои российской государственности.

Заслуги Степанова перед литературой Сибири не исчерпываются только вышедшими из-под его пера произведениями. Не менее значительна его роль в деле организации местных литературных сил (см. ст. «Енисейский альманах на 1828 г.»). Он негласно покровительствует «Красноярской литературной беседе» — тайному литературному обществу, возникшему как реакция на запрещение Николаем I «Беседы об Енисейском крае». По всей видимости, и путь местных авторов в столичные издания был проторен не без рекомендаций Степанова. Суть его литературной миссии весьма точно выразил в своих спубликованных в «Северной пчеле» (1831, № 220) «Отрывках из дневника путешественника по Азиатской России и к Китайской границе» А. Эрман: «Степанов начал приводить в цветущее состояние Словесность, предмет, до него не известный в... Сибири».

Б. Чмыхало

СОЧИНЕНИЯ

Енисейская губерния. СПб., 1835; ч. I, II.; Повести и путешествие в Маймочин. СПб., 1838; Поэзия и музыка; Стихи.—.— Енисейск. альм., Красноярск, 1848, с. 1—17; Прощание с Енисеем; Злые люди пусть смеются...— Рус. старина, 1888, кн. 6, с. 699—700; «Ах, зачем с тобою прощался...» — В кн.: Русские писатели о Хакасии. Абакан, 1958, с. 48; Путешествие в Кяхту из Красноярска.— Енисейск. альм., М., 1928, с. 1—98.— Подп. S.

ЛИТЕРАТУРА

Степанов Александр Петрович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1901, т. 31, стб. 594—595; Русский биографический словарь, М.— П., 1909, т. 23; Дружинин А. Этюды о старых и новых русских писателях (А. П. Степанов, автор «Постоялого двора» и «Описания Енисейской губернии»).— Б-ка для чтения, 1857, т. 144, № 7, с. 8—112; № 8, с. 183—234; Азадовский М. Раннее культурное и литературное движение в Сибири.— Сиб. огни, 1940, № 3, с. 143—155; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1970; Александров М. А. «Прощание с Енисеем».— Рус. старина. 1888, кн. 6, с. 699—700.

[2] Дружинин А. Этюды о старых и новых писателях.— Библиотека для чтения, 1857, № 8, с. 226—227.

«ЕНИСЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ НА 1828 г.»

На рубеже 20-х и 30-х гг. XIX в. столичные журналы «Московский вестник», «Московский телеграф», «Сын отечества» в своих критических разделах обращают внимание на издание сибиряков — «Енисейский альманах на 1828 г.» Это сам по себе примечательный факт, но он тем более интересен, что оценка издания оказалась весьма высока. Рецензент «Московского вестника» (1828, ч. 7, № 1/14, с. 331), например, утверждал, что альманах «своею прозою берет правое преимущество над всем, в нынешнем году изданным». При всей лестности этих слов для сибиряков, они, конечно, не совсем верно отражают место «Енисейского альманаха на 1828 г.» в литературе пушкинской поры.

Однако альманах — и в этом главная заслуга его авторов — заявил о литературе Сибири, интерес к которой постоянно повышается, а сама она уже к середине XIX в. становится ощутимым фактором общерусского литературного процесса.

Безусловно, отсутствие хорошей типографии («Енисейский альманах...» был издан в Москве), крайняя неразвитость общественной жизни Сибири обусловили известную «заторможенность» литературного развития. Уже самые первые исследования творчества авторов «Енисейского альманаха...», относящиеся к прошлому веку, содержат указания на отдельные заимствования тем, образов, настроений у Пушкина, Батюшкова, Жуковского. Но и поныне выискивающие текстуальные совпадения литературоведы оставляют в стороне принцип сознательной ориентации сибиряков на «образцы». Составитель «Енисейского альманаха...» И. М. Петров, молодой чиновник казенной палаты в губернском городе Красноярске в письме к Хвостову в 1825 г.[1], так, например, свидетельствовал о начале своих литературных занятий: «Назад тому два года, случайно прочитав некоторые из образцовых творений русских писателей, я живо почувствовал необходимость сего, так сказать, душевного наслаждения, и с сей поры охота к чтению возбудила во мне страсть к поэзии».

Большинство авторов «Енисейского альманаха...» принадлежит романтическому направлению, которое именно в Сибири нашло питательную почву. И то своеобразие жизненного опыта, знание этнографии, фольклора, которыми располагали сибиряки, исключали чистое эпигонство, наполняли романтические схемы оригинальным содержанием. В значительной степени способствовали развитию романтизма в литературе Сибири ссыльные декабристы, придавая ему гражданскую направленность.

«К сожалению, многие из наших провинциальных писателей просятся в столичные и тем теряют цену свою, и свой туземный вкус и запах. Для гостеприимного и радушного привета в столицах им нужно, напротив, оставаться провинциалами, умеющими хорошо и дельно говорить о провинции своей»,— писал П. Вяземский[2]. «Свой туземский вкус и запах» имел «Енисейский альманах...», поэтому есть все основания выделить в его содержании краеведческий план. Тем более что издание задумывалось к 200-летию г. Красноярска (1828 г.).

Интерес к Сибири, к сожалению, довольно часто эксплуатировался недобросовестными авторами. Енисейский губернатор А. П. Степанов, просвещенный и

---

[1] Русская старина, 1892, т. 54, с. 580.
[2] Вяземский П. А. Полн. собр. соч., СПб., 1879, т. 2, с. 14.

энергичный человек, литератор, еще до издания альманаха неоднократно обращался в редакции журналов с опровержениями, указаниями на серьезные ошибки в описании края. Издание «Енисейского альманаха...» затруднило «краеведческие» спекуляции на сибирском материале, в частности — Енисейской губернии, которая получила свой статус в 1822 г. и была в это время «интересом в интересе».

Комплектовал штаты губернской администрации все тот же Степанов. «Степанов был окружен людьми умными, литераторами и поэтами,— свидетельствует И. Ф. Парфентьев,— из коих выдающимися личностями были Варлаков, Расторгуев, Соколовский и кроме них служащие лица Пестов И. С., председатель енисейской казенной палаты, Коновалов, начальник первого отделения губернского совета, Родюков И. Г., советник енисейского губернского суда...»[3] Почти все эти имена можно отыскать среди авторов «Енисейского альманаха...» К ним следует добавить составителя альманаха Петрова, а также А. И. Мартоса и А. К. Кузьмина. Последний в своих воспоминаниях, опубликованных в «Атенее» в 1858 г., называет губернаторский дом местом общих сборов и оживленных литературных дискуссий.

Степанов и его ближайшее окружение были инициаторами создания литературного общества «Беседы об Енисейском крае», устав которого не был утвержден Николаем I. Имеются все основания считать «Енисейский альманах...» своего рода итогом неофициальной деятельности этого общества.

Краеведческие задачи стояли перед всеми авторами издания. Конечно, в прозе задачи знакомства с краем решались наиболее последовательно, что и подтверждают «Взгляд на физическое положение Минусинского округа Енисейской губернии» и «Путешествие в Кяхту из Красноярска» Степанова, а также отрывок «Чикой и Хилок», принадлежащий Мартосу. В поэзии краеведческая направленность сказалась на особом решении проблемы «местного колорита» — одной из важнейших в эстетике романтизма.

Для сибирских поэтов-романтиков при раскрытии внутреннего мира героя важны объективные характеристики его бытия. «И так с памятью в сердце жил я на тихих берегах Томи; посетил пустынную Тубу; видел Чулым извивистый и ныне по целым часам прислушиваюсь к вечернему плеску волн Енисея»,— пишет Петров в поэтической миниатюре «Память сердца», где «тоска по милой родине» (Иркутску) выливается в элегический монолог о невозвратимости времени. Перечисление географических названий, подчеркнутость позиций очевидца («жил», «посетил», «видел») роднит это произведение с одним из лучших стихотворений «Енисейского альманаха...» — «Минусинском крае» Кузмина, в котором проходит рефреном: «Я видел...» В своей элегии «Ночь на Енисее» Петров тоже вполне конкретен. Перед нами не сибирский условный пейзаж вообще, чего вполне бы хватило для выражения соответствующих эмоций, а именно окрестности Красноярска:

Пустынен Красноярск в безмолвии ночном
Над блещущей рекой, объятый тихом сном...

Романтически психологизированный пейзаж «Ночи на Енисее» лишен всякого налета экзотики, хотя Петров и отбирает для произведения только созвучные своему грустному настроению подробности. Не попадающее «под настроение» остается все же за пределами поэтического видения.

---

[3] Цит. по выписке краеведа С. Н. Мамеева. ГАКК, ф. 1679, оп. 1, д. 24, л. 101.

В этом смысле контрастно лирике Петрова творчество Кузмина, который стремится к предельной объективности, пытается выделить в изображаемом самое главное, существенное. В «Минусинском крае», например, это и особенности ландшафта, и быт, и хозяйственная деятельность коренного населения Сибири, о которых он, будучи минусинским окружным начальником, знал не понаслышке.

Я видел древних письмена
На диких скалах Енисея.
Таинственная старина,
Потомков поздних не жалея,
Проводит хитрыя черты
Для их гадательной мечты.

Это одно из первых литературных сообщений о наскальной живописи в Сибири. И «древних письмена» для поэта не просто деталь, а живое свидетельство достижений ранних цивилизаций, передающее колорит времени. Кузмин вообще отличается интересом к истории, о чем свидетельствует еще одна его публикация на страницах «Енисейского альманаха...» — незаконченная трагедия «Евпраксия, или пример супружеской верности».

Романтический интерес к быту патриархальных народов, к психологии «естественного человека» своеобразно преломился в подборке монгольских пословиц в «Енисейском альманахе...». О них писал рецензент журнала «Сын отечества» (1828): «Монгольские пословицы любопытны уже и потому, что переведены с монгольского; в них виден дух народа, а это одно уже не шутка». Монгольские пословицы органически вписываются в краеведческую ткань издания. Переводчиком выступил авторитетный монголовед А. В. Игумнов, что обеспечивало добросовестность и верность перевода.

Краеведческие задачи «Енисейского альманаха...» диктовали литераторам стремление к возможно большей точности изображения действительности. На пути к этому необходимо было, однако, преодолеть условно-романтическую стилистику. А это не всегда удавалось даже в прозе. Характерен пример описания Байкальского пейзажа в «Путешествии в Кяхту из Красноярска» А. П. Степанова: «Если бы я был живописец или твой любимый Пушкин, то, может быть, имел бы силы сообщить понятие о том явлении, которое мгновенно озарило меня, о парчовых наметах, покрывающих горы, о берилловых кристаллах льда, разбросанных колоссальными штуфами по трещинам озера; о том радужном перламутре, который покрывал всю поверхность Байкала; но я не в состоянии в сем случае совершенно удовлетворить тебя». Здесь содержится, по сути дела, признание исчерпанности изобразительных возможностей романтического письма. Поэтому Степанов ссылается на Пушкина, с именем которого связывалось новое направление русской литературы, не определенное еще терминологически,— реализм.

Иллюстрировал «Енисейский альманах...» Н. А. Степанов, сын губернатора. Его биограф[4] сообщает: «В Сибири Ник. Алек. принимал участие в издании «Енисейского альманаха», а вскоре после того затевал уже сатирико-карикатурный журнал, проект которого в виде пробного листа сохранился в портфеле Ник. Алек., озаглавленный: «Минусинский раскрыватель», 1828 г., генварь, № 1. Это праотец наших нынешних карикатурных листков». Н. А. Степанов служил в губернской администрации, закончив перед этим Московский университетский пансион, где писал стихи и входил в известный «кружок Раича». Раич, литературный наставник М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева, был членом одной из

[4] Трубачев С. С. Карикатурист Степанов.— Исторический вестник, 1891, № 2, с. 472.

первых декабристских организаций — «Союза благоденствия».

Влияние декабристов на литературу Сибири трудно переоценить. Сказалось оно и на издании «Енисейского альманаха...», где стихотворение Кузмина «Странник» — очевидный отклик на репрессии царского правительства. Известны факты прямых контактов авторов «Енисейского альманаха...» и деятелей декабристского движения. В бумагах В. Ф. Раевского, например, было обнаружено произведение под названием «Послание к К...ву», которое предназначалось для печати в «Енисейском альманахе...», если издание было бы продолжено.

С примером создания тайных декабристских обществ связана и деятельность «Красноярской литературной беседы», устав которой был найден сравнительно недавно в «сугубо секретном» фонде III Отделения. Членами общества были: составитель «Енисейского альманаха...» И. М. Петров, а также В. И. Соколовский и И. Г. Краснопольский, врач местного военного гарнизона. Председателем «Красноярской литературной беседы» значился Н. А. Степанов.

Соколовский в 1834 г. проходил по делу Герцена — Огарева. Версия о «благонамеренности» общества возникла по вполне понятным причинам, но уже сам факт связи секретаря «Красноярской литературной беседы» с крупным политическим делом говорит сам за себя. Соколовский, по всей видимости, опоздал участвовать в «Енисейском альманахе...». Но за время пребывания в Красноярске он напечатал в «Галатее» стихотворение «Прощание» (1830), а основные свои произведения издал в течение 1832—1833 гг. в Москве до ареста и заключения в Шлиссельбургскую крепость.

После успеха «Енисейского альманаха...» многие его авторы начинают печататься в столичных журналах, издавать отдельные книги. В 30-е гг. выходят «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири» И. С. Пестова и «Енисейская губерния» А. П. Степанова в двух книгах, подводящие итог краеведческой деятельности красноярской литературной группы. В этих произведениях, соединяющих художественность описаний с научностью, перед читателем предстал уже разработанный в деталях «образ края». Однако первым литературным шагом на этом пути, не потерявшим до настоящего времени обаяния свежести чувств и мыслей, был «Енисейский альманах...» — удачный дебют сибиряков в столицах.

В. Чмыхало

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М. Раннее культурное и литературное движение в Сибири.— Сиб. огни, 1940, № 3, с. 143—155; Богданова А. А. Сибирские поэты-романтики начала XIX в.— (Учен. зап. Новосиб. пед. ин-та, 1947, вып. 4. Серия ист.-филолог.), с. 105—145; Богданова М. К истории создания «Енисейского альманаха на 1828 г.» и «Красноярской литературной беседы» 1829 г. (По неопубликованным материалам). — Енисей, 1958, кн. 21, с. 239—247; Гуревич А. Первый сибирский альманах.— Енисей, 1951, кн. 8, с. 157—164; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в.— Новосибирск: Наука, 1970, с. 95—105.

Е. А. АВДЕЕВА-ПОЛЕВАЯ (1789 — 1865)

По времени первой писательницей-сибирячкой была Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая — старшая сестра известных русских литераторов Николая и Ксенофонта Полевых.

Эта одаренная, умная, хорошо образованная женщина оказала благотворное влияние на развитие умственных и литературных интересов своих братьев. Е. А. Полевая родилась в Курске в семье купца и приехала в Сибирь еще девочкой. Прожив в Иркутске около 30 лет, она хорошо изучила быт, нравы, культуру жителей старой Сибири, быстро заняла видное место среди культурных людей Иркутска; в ней увидели женщину тонкого ума, исключительной наблюдательности, широкого, всестороннего образования.

Авдеева-Полевая оставила довольно ценное литературное наследие, которое в свое время представляло явление незаурядное. И сейчас ее творчество имеет несомненно большое познавательное значение, помогает понять литературные и культурные интересы старой Сибири. Ее этнографические произведения мемуарно-повествовательного характера, написанные правдиво и ярко, обратили на себя внимание читателей и литературной общественности.

В Москве в 1837 г. вышла книга Авдеевой-Полевой «Записки и замечания о Сибири». Эта книга содержала любопытные данные, тонкие наблюдения о домашнем быте, нравах, развлечениях, житейских традициях сибиряков (горожан, мещан, купечества) конца XVIII и начала XIX столетия.

Свое первое произведение Полевая считала скромным трудом и оговаривалась, что не задается целью охватить все стороны жизни Сибири: «Чтобы описать всю Сибирь... надо посвятить на это всю жизнь свою. Я буду, напротив, говорить только о том, что видела, и не с тем, чтобы попасть в число писательниц. Мне приятно вспомнить о той стране, где прошли лета моей молодости»[1].

Несмотря на некоторое подчеркивание деловой добропорядочности купцов, которые якобы отличались нравственной патриархальной чистотой, она изображала правдоподобно и объективно жизнь, нравы, быт, культуру иркутян того времени. Необходимо подчеркнуть, что сибирские нравы, старинный быт, труд и увеселения она никогда не выделяла в нечто абсолютно сибирское, находила и подчеркивала в них исконные общерусские черты.

В 40-х гг. прошлого века в журнале «Отечественные записки» (т. 1 и 2, 1840) Авдеева-Полевая поместила любопытную серию отрывков из воспоминаний о жизни и быте иркутян. Затем она выступила с увлекательными и интересными сказками для детей (Русские сказки для детей. М., 1842) и популярными сочинениями прикладного характера по самым различным вопросам ведения домашнего хозяйства (Ручная книга опытной хозяйки. СПб., 1842; Карманная поваренная книга, 1846).

К сибирской теме Авдеева-Полевая вернулась еще раз лишь в 1848 г. В «Отечественных записках» были напечатаны ее расска-

---

[1] Авдеева-Полевая Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 82.

зы «Страшная гроза» и «Воспоминания об Иркутске». В них нашел отражение бытовой материал из сибирской жизни писательницы.

Авдеева указывает на исключительно интересные факты, она пишет, что в Иркутске «любят литературу, искренне рассуждают о разных ее явлениях и, могу прибавить, не чужды никаких новостей европейских»[2]. Писательница, сопоставляя Иркутск с другими городами России, делает любопытный вывод. По ее мнению, общий уровень культуры в Иркутске был выше, чем в других местах России. «Даже общая первоначальная образованность распространена в Иркутске более, нежели во многих русских городах. Лучшим доказательством этого служит то, что нигде не видела я такой общей страсти читать»; она утверждает, что у всех «достаточных людей» были приличные библиотеки и «литературные новости получались постоянно». Бесспорно, суждение Авдеевой носит субъективный характер, многие ее наблюдения и факты относятся к среде «достаточных людей», под которыми она в первую очередь подразумевала купцов и чиновников. Однако по свидетельству и других иркутян того времени, например писателя Н. С. Щукина, степень культурности в Иркутске была относительно высокая; даже мещане стремились обучать своих детей, и не только сыновей, но и дочерей грамоте.

В 1842 г. в Петербурге вышла книга Авдеевой «Записки о старом и новом русском быте». В нее вошли произведения, которые уже печатались в «Отечественных записках», «Сыне отечества» и были известны Белинскому. Великий критик счел необходимым посвятить этой книге специальную рецензию. Он подчеркнул, что в русской литературе статьи эти не новы: они уже печатались и в журналах и отдельно, «но, не будучи новыми, они не перестают быть приятными, как довольно добродушные рассказы умной и начитанной женщины»[3]. Белинский со свойственной ему проницательностью указывает на недостатки книги.

Рассмотрев статьи и рассказы, вошедшие в книгу Авдеевой, он предъявляет справедливое и решающее требование: «...Старый русский быт точно в ней находим, но где же новый?.. Кое-что о быте жителей Иркутска (и жаль, что так мало: Е. А. Авдеева, там родившаяся[4] и долго. жившая там, могла бы много порассказать интересного)...»[5]

Несмотря на то, что Авдеева внесла свой посильный вклад в литературное движение Восточной Сибири, имя писательницы оказалось забытым. Однако сделанное ею — интересная и нужная страница при изучении культуры, быта, литературных устремлений сибиряков прошлого века.

Умерла Е. А. Авдеева-Полевая 3 августа 1865 г. в Дерпте.

Г. Кунгуров

СОЧИНЕНИЯ

Записки и замечания о Сибири. Сочинение.., ы...ой. С прил. старинных русских песен. М.: тип. Н. Степанова, 1837; Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, с. 97—113; Воспоминания об Иркутске.— Отеч. записки, 1848, т. 59, № 8, с. 125—138; Страшная гроза: Сибирский рассказ.— Отеч. записки, 1848, т. 58, № 5, отд. 8, с. 25—34; Очерки масленицы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях.— Отеч. записки, 1849, т. 62, № 2, с. 224—228; Записки и замечания о Сибири.— В кн.: Старая Сибирь в воспоминаниях

---

[2] Авдеева Е. А. Воспоминания об Иркутске.— Отечеств. записки, 1848, VIII, с. 125.

[3] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 292.

[4] В. Г. Белинский мог не знать: Екатерина Алексеевна Полевая родилась не в Иркутске, а в Курске.

[5] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 293.

современников. Иркутск, 1939, с. 3—11; То же: — В кн.: Славное море. Иркутск, 1957, с. 42—51.

ЛИТЕРАТУРА

Ек. Ал. Авдеева.— Русский энциклопедический словарь И. Березина. СПб., 1873, т. 1, отд. 1, с. 50—51; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892, т. 4, с. 443—445; Авдеева Е. А.— В кн.: Русский биографический словарь. СПб., 1896, т. 1, с. 30—31; Жеребцов Б. Е. А. Авдеева-Полевая.— Сиб. огни, 1939, № 1, с. 155—156.— Подпись: Б. Ж; Он же. Первая сибирская писательница Е. А. Авдеева-Полевая.— В кн.: Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 17—19; Виноградов Г. С. Е. А. Авдеева /К 75-летию со дня смерти/.— Сов. этнография, 1941, № 5, с. 142—148; Азадовский М. Сибирская беллетристика тридцатых годов.— В кн.: Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, вып. 1, с. 89—105; Кунгуров Г. Белинский о писателях-сибиряках.— Нов. Сибирь, 1948, кн. 20, с. 229; Белинский В. Г. «Записки о старом и новом русском быте» Авдеевой.— Полн. собр. соч., М., 1955, т. 6, с. 260; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970, с. 179—181, 317—318, 325.

БИБЛИОГРАФИЯ

Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889, с. 5—7; Мезьер А. В. Авдеева Е. А.— В кн.: Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. 2. Русская словесность с XVIII и XIX ст. СПб., 1902, с. 7—8.

Н. С. ЩУКИН (1792 — 1883)

Николай Семенович Щукин — писатель-краевед прогрессивного направления. Родился он в 1792 г. в Иркутске. В первой половине XIX в. фамилия Щукиных была в Сибири довольно приметной. Брат писателя С. С. Щукин, воспитанник Иркутской гимназии, окончив курс Петербургского педагогического института, вернулся в Сибирь и в 30-е гг. занял должность директора Иркутской гимназии. Его сын Н. С. Щукин-младший — один из активных культурных деятелей, инициатор смелых действий против административного засилия и произвола сибирских сатрапов.

О Н. С. Щукине-старшем сохранились крайне скудные биографические сведения. Нередко его путают с племянником Н. С. Щукиным-младшим. Известно, что он учился в Иркутской гимназии и какое-то время преподавал в ней. Однако большую часть жизни прожил в Петербурге, часто совершая оттуда длительные поездки по родной стране. В посвященном ему некрологе прямо говорится о том, что он «изъездил всю Россию». Сибиряки, приезжавшие в столицу, всегда находили у него поддержку и помощь (см.: Сибирь, 1883, № 24, 12 июня, с. 8).

В 30-е гг. прошлого века, в период расцвета сибирской беллетристики (повести Н. Полевого, исторические романы И. Калашникова и др.), Н. С. Щукин включился в литературную деятельность. Он стал активно печататься в столичных журналах: «Московский телеграф», «Северная пчела», «Журнал министерства внутренних дел», «Москвитянин» и др. Пером писателя-краеведа он боролся за просвещение края, подъем экономики, накопление книжных богатств, расширение и пополнение публичных библиотек; уделял внимание этнографии, быту, краеведению. Читатели получили немало его интересных очерков: «О книжном чтении в Иркутске» (1844), «Очерки торговли в Нерчинском крае» (1860), «Народные увеселения в Иркутской губернии» (1868), «Народные памятники в Восточной Сибири» (1883).

Наибольшую известность имя Н. С. Щукина приобрело после

издания книги «Поездка в Якутск» (1833), повестей «Посельщик» (1834), «Ангарские пороги» (1835). Бесспорно, большого внимания заслуживает книга, отразившая его путешествие на север — в Якутию. В этой книге убедительно сказался его талант не только краеведа, этнографа, историка, она написана художником слова, человеком прогрессивным, наблюдательным и смелым. Книга имела большой общественный резонанс, в ней автор прославлял силу духа русских землепроходцев и путешественников, которые в тягчайших условиях севера покоряли тысячеверстные сибирские пространства, открывали неведомые земли, моря, реки, горы. Автор рисует картины суровой сибирской природы, русские селения и стойбища коренных народностей, описывает их труд, быт, нравы, обычаи. Он восхищен тем, что ему удалось побывать в деревне, где когда-то жил и действовал прославленный землепроходец, «открыватель неведомых землиц» Ерофей Хабаров.

Автор относится с заботливой сердечностью к малым народностям сибирского севера, обреченным на голод и страдания. Книгу пронизывают решительные критические упреки в адрес бездушной и грубой сибирской администрации, обнаженно изображает безотрадную судьбу этого края и его обитателей. Прогрессивная общественность восторженно приняла книгу, но подметила и некоторую ее односторонность. Н. Полевой, высоко оценивая книгу, находил, что автор неверно рассуждает о нравственности якутов, ошибочно утверждает: «Общий характер здешних жителей есть купеческий», или: «В поездке г-на Щукина вообще заметен мрачный взгляд на все виденное им»[1].

Прочитал «Поездку в Якутск» И. А. Гончаров и не согласился с отдельными утверждениями Н. Щукина; они не совпадали с личными наблюдениями Гончарова: «Я прочитал там совсем противное о якутском обществе. Автор жалуется на господствующую будто бы здесь страсть к ябедничеству, на недостаток веселости в собраниях, на общее друг к другу недоверие и т. п. Не знаю, что сказать: я ничего этого не видел, напротив, кажется, в этом обществе много живости и разговоров...»[2]

Повести Н. Щукина «Посельщик» и «Ангарские пороги» имели успех, были восприняты, как достойный признак дальнейшего роста автора, его писательского мастерства. Повести попали в поле внимания В. Г. Белинского и получили отрицательную оценку. Великий критик, решительно отстаивающий принципы реализма в литературе, предъявил к автору высокие требования. О «Посельщике» Белинский писал: «Сибирь в нем очень мало видна, ибо большая половина романтического действия происходит в Европейской России, где герой романа рассказывает историю своей жизни». Или: из повести можно узнать «только то, что там бывает очень холодно, что там уходят с заводов каторжные и режут глупых мужиков, которые почитают их умеющими заговаривать ружья, что Сибирь очень богата естественными произведениями и т. п. К концу книги приложено объяснение четырех слов и трех сибирских фраз, чего же вам больше? Книжечка, ей-богу, хороша — покупайте-с!»

К повести «Ангарские пороги» автор предпослал предисловие, в нем подчеркнул: повесть «заимствована из преданий сибирских, но приближена к настоящему времени; местом действия избра-

[1] Московский телеграф, 1833, ч. 52, № 11, с. 246.

[2] Гончаров И. Собр. соч. в 8-ми т.— М.: Гослитиздат, 1953—1955, т. 3, с. 397.

на страна, о которой никто еще не говорил; туземные характеры взяты из сибирского быта; а декорации я рисовал с натуры или по рассказам бывалых людей». И далее: «В Сибири все обращается около начальника; он дает всему направление. Пословица «до бога высоко, до царя далеко» родилась, вероятно, в Сибири». Белинский в повести «Ангарские пороги» не нашел никаких художественных достоинств, он утверждал, что Н. Щукин описывает не природу Сибири, одухотворенную поэтическим восприятием человеческой души, а лишь «географические местности». Это, по его мнению, и удаляет произведения Щукина от истинно художественных творений искусства слова[3].

После критических упреков Белинского Н. Щукин не стал писать художественных произведений, полностью отдал свои силы краеведению и этнографии.

Однако советские исследователи не во всем согласились с Белинским, они находят, что обе повести имеют немало положительных сторон и в свое время сыграли благотворную роль в развитии общественного и литературного движения в Сибири. Ю. С. Постнов сделал обстоятельное литературное обозрение повестей Н. С. Щукина, убедительно показал, что великий критик не всегда справедлив и многое не учел, и не принял во внимание[4].

Хотя писательский успех Щукина оказался кратковременным, он оставил приметный след в борьбе за развитие литературного движения в Сибири, за справедливость и прогресс.

Умер Н. Щукин 17 апреля 1883 г. в Петербурге.

Г. Кунгуров

СОЧИНЕНИЯ

Нечто о Байкале и Хамар-Дабане.— Казан. изв., 1819, № 69, 70; Письмо из Иркутска.— Сев. пчела, 1828, № 3.— Подп.: Щ. Н.; Поселыщик: Сиб. повесть. СПб., Изд. А. и И. Лазаревых, 1834. То же.— В кн.: Восточная Сибирь в ранней художественной прозе. Иркутск, 1938, с. 40—68; Ангарские пороги: Сиб. быль. СПб., 1835; Воспоминания об иркутских театрах.— Сев. пчела, 1842, № 144.— Подп.: Н. Щ.; О книжном чтении в Иркутске.— Сев. пчела, 1844, № 128.— Подп.: Н. Щ.; Поездка в Якутск.— 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. деп. воен. поселений, 1844; Картины Сибири.— Золотое руно, 1857, № 1, с. 1—3; № 2, с. 6—7; № 3, с. 10—11; Быт крестьянина Восточной Сибири.— Журн., М-ва внутр. дел, 1859, ч. 34, № 2, с. 26; Следователь из Сибири: (Из иркут. хроники. 1758—1761 гг.) — Луч, 1866, т. 1; Праздник: Рассказ.— Сиб. вестник, 1888, № 98.

ЛИТЕРАТУРА

Щукин Н. С. [Некролог].— Сибирь, 1883, 12 июня; Жеребцов Б. Сибирский беллетрист Н. С. Щукин.— В кн.: Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 25—26; Постнов Ю. С. Восточная Сибирь в повестях Н. С. Щукина.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968, с. 285—309; Он же. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970, с. 20, 33, 63, 65, 237—255; О кн. «Посельщик» см.: Б-ка для чтения, 1834, т. 3, с. 28—29; 1836, т. 14, с. 35—36; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1953, т. 1, с. 132—136; О кн. «Ангарские пороги» см.: Б-ка для чтения, 1835, т. 9, № 9, отд. 6, с. 14—15; Моск. наблюдатель, 1835, № 1, кн. 2, с. 416—419; Сев. пчела, 1835, № 32.— Подп.: Ю. Д.; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1953, т. 1, с. 169—170.

---

[3] Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М.: АН СССР, 1953, т. I, с. 132—136; 169—170.

[4] Постнов Ю. С. Романтические повести Н. С. Щукина.— В кн.: Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1970, с. 237—255.

ДЕКАБРИСТЫ-ЛИТЕРАТОРЫ В СИБИРИ

Первая четверть XIX в. ознаменована событиями, оставившими глубокий след в жизни народа, событиями трагическими и грозными, разновеликими по сущности, но одинаково сильными по общественному резонансу. Убийство Павла I, открытие Царскосельского лицея, нашествие французов, создание первых тайных обществ и — как завершение — первый революционный взрыв в последний месяц последнего года двадцатипятилетия. Русская литература этой поры впервые ощутила себя поверенной тайных, лелеемых в глубинах душ политических замыслах, была отчетливо и сознательно вписана в систему действий декабристов не только потому, что тайным своим тетрадям и альбомам, белым листам доверяли они всю остроту переживаний и размышлений о путях дальнейшего движения России к прогрессу, но и потому, что произведения эти и в первую очередь стихи выполняли функции, прямо соответствующие «Зеленой книге» — уставу Союза благоденствия: «Каждый член (общества) должен стараться в речах своих... доказать всем, что жестокость с подвластными есть дело бесчестное, ибо участь их и без притеснений заслуживает не только сожаление, но и всевозможное старание улучшить оную»[1], для чего предлагалось расшатывать общественное мнение, возбуждая разные слои населения последовательным разоблачением антигуманных действий правительства. Вот почему современник декабристов писал: «В этом заговоре принимали участие все журналисты, все просвещенные и светлые головы России, до сих пор выделявшиеся своими произведениями в русской литературе»[2].

Литературная деятельность декабристов «во глубине сибирских руд», наряду с освоением изгнанниками ремесел и занятиями в каторжной академии, была той важной духовной отдушиной, которая позволяла узникам сохранить себя, была политической и нравственной их опорой, живым откликом сердца на события в стенах острога и за его пределами. Серьезное образование, привычка обмениваться стихотворными посланиями, писать забавные четверостишия в альбомы друзей, блистать эпиграммами — были вообще в традиции дворянской культуры той поры, поэтому стихи писали многие — Александр Одоевский и Александр Бестужев, Вильгельм Кюхельбекер и Владимир Раевский, Гавриил Батеньков и Василий Давыдов, Федор Вадковский и Николай Чижов, даже Дмитрий Завалишин испробовал свои силы в этом жанре. Но были и серьезные прозаики — тот же Александр Бестужев-Марлинский, его старший брат Николай, да и третий — Михаил обладал незаурядными способностями. Особо следует сказать о блистательных мемуаристах — Иване Пущине, Иване Якушкине, Николае Басаргине, Николае Лорере, Александре Беляеве, Дмитрии Завалишине и Михаиле Бестужеве, Андрее Розене, женах декабристов Полине Анненковой и Марии Волконской (воспоминания последней — маленький шедевр русской мемуаристики).

Все же из декабристов-литераторов, известных нам, некоторые оставили серьезный след в российской словесности, о них следует рассказать подробнее.

---

[1] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951, т. I, 266.

[2] Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. I, с. 5.

Николай Александрович Бестужев один из выдающихся деятелей движения, человек энциклопедических знаний, серьезно и многосторонне одаренный. «Николай Бестужев,— пишет декабрист Лорер,— был гениальным человеком, и, боже мой, чего он не знал, к чему не был способен!»[3] Пять братьев Бестужевых приняли участие в деятельности тайных обществ — душой этой бунтарской семьи, главным двигателем ее, к которому тянулись братья, кому подражали, был Николай Александрович.

Родился он 13(24) апреля 1791 г. в семье Александра Федоровича Бестужева, довольно известного литератора XVIII в. радикального направления. Отец его был близок идеям Радищева, являлся одним из издателей «Санкт-Петербургского журнала», в своих сочинениях и трактатах он проповедовал идею самоценности человека, вне зависимости его от принадлежности к тому или иному сословию. Его мысли безраздельно властвовали в душах сыновей, особенно старшего, Николая, уже с детства проявлявшего необычную его возрасту зрелость.

В 1809 г. Николай Александрович окончил Морской кадетский корпус, а уже через год в числе лучших выпускников произведен в мичманы и назначен дежурным офицером Морского корпуса. В 1810 г. умер отец, ответственность за семью ложится на 19-летнего старшего сына. Он для повышения доходов — ведь кроме него еще семь детей у его матери — переходит во флот, отправляется в плавания. Первое из них — в 1815 г.— в Голландию описано им в одном из сочинений «Записки о Голландии 1815 года» (опубликовано в 1821 г.). «После,— вспоминает сестра его Е. А. Бестужева,— несколько лет служил в Кронштадте, где в свободное время завел в пользу бедных благородный офицерский театр, был из числа первых актеров, будучи дирижером, декоратором и суфлером. Устроил в Кронштадте спасательную лодку наподобие байдар диких народов, и когда однажды, при вскрытии моря, с Толбухина маяка сигналами просили о помощи и давали знать, что без жизненных припасов находящаяся там команда терпит голод, ...он, взяв запас хлеба и мяса, с двумя матросами с поспешностью отправился в кожаной своей лодке в тронувшееся море, где на протяжении 8 или более верст, в ином месте в проталине между льдин, в другом, где еще стоял лед, перескакивая с одной льдины на другую, волоча за собой лодку, после немалой опасности и трудов — благополучно добрался до Толбухина маяка, где доставленными ими припасами оживил всю тамошнюю команду»[4].

В этом кратком и не самом важном эпизоде из жизни Н. Бестужева отразился весь его характер: изобретательность, мастеровитость, человеколюбие, бесстрашие, выносливость, талантливость, и еще — знание традиций разных народов и уважение к ним, и умение ими находчиво воспользоваться. В дальнейшем он был смотрителем маяка в Кронштадте, директором Морского музея.

Довольно рано проявились литературные способности Н. Бестужева, многие литераторы-современники считали его значительно талантливее прославившегося брата Александра, писавшего под псевдонимом Марлинский. В частности, такую мысль высказывал весьма требовательный П. Вяземский. В 1818 г. в российской периодике появляются его путевые очерки, рассказы, стихи, статьи, даже басни, а с

---

[3] Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931, с. 108.

[4] Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, с. 190—191.

1821 г. начинают выходить книга за книгой: уже упоминаемые нами «Записки о Голландии 1815 года» (1821), «Опыт истории российского флота» (1822), историческая повесть «Гуго фон-Брахт» (1823), он становится в год издания первой книги членом Вольного общества любителей российской словесности, в состав которого входили А. С. Грибоедов, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, О. М. Сомов, но главенствующее место занимали здесь декабристы — К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, братья Бестужевы, поскольку это общество было филиалом декабристского Союза благоденствия.

В 1824 г. Рылеев принимает Бестужева в члены Северного общества, угадав в нем «своим революционным чутьем,— как пишет крупнейший исследователь творчества Бестужева М. К. Азадовский,— какую стойкую и подлинно боевую силу привлекает он»[5].

Рылеев не ошибся: пропагандистский талант, страстность, но и рассудительность, глубокое уважение, которое вызывал у морских офицеров этот человек, его авторитет среди нижних чинов вскоре сделали Бестужева одним из главных деятелей общества, он был включен в состав Верховной думы, сменив на этом посту Никиту Муравьева. Он был одним из самых близких помощников Рылеева перед восстанием, активнейшим участником событий на Сенатской площади, а после разгрома пытался собрать горстку солдат и повести их в бой. Он был осужден по первому разряду на 20 лет каторги с последующим пожизненным поселением в отдаленных местностях Сибири.

Общеизвестно, что в Читинском остроге, в тюрьме Петровского Завода дарования Н. А. Бестужева проявились наиболее ярко. Как инженер он прославился изготовлением хронометров из дерева, усовершенствованием машин Петровского железоделательного завода, как мастер, освоивший сотни ремесел, он был незаменим в развитии на каторге этих ремесел, как выдающийся художник — он оставил нам галерею портретов своих сотоварищей по каторге, бесценное сокровище нашей отечественной истории, как ученый — он первым изучил этнографию, фольклор бурятского народа; его географический очерк «Гусиное озеро» (впервые опубликован в 1854 г.) — глубокая, не потерявшая значения и для наших дней, монография.

Продолжается в эти годы и литературная работа. Наиболее важными из написанного на каторге и на поселении в Селенгинске являются «Воспоминание о Рылееве» и отрывок «14 декабря 1825 года» не только потому, что они сохранили нам облик одного из декабристских вождей, хотя и это чрезвычайно важно, а потому что, не отступая от истинных событий, Бестужев рисует обобщенный облик Рылеева-вождя, душевный тонкий портрет Рылеева-человека, Рылеева-мыслителя, Рылеева-друга. Объемный, написанный живым и точным, и лаконичным стилем, этот портрет сильнее многих художественных произведений, посвященных Рылееву.

Уже в Чите и особенно в Петровском Заводе декабристы устраивают литературные чтения, намереваются выпускать альманах «Зарница», это возбуждает у многих желание писать. В воспоминаниях тех дней сохранились эпизоды чтения Бестужевым своих сочинений, многие из которых, увы, погибли. Они были у П. А. Муханова, вышедшего в 1832 г. на поселение, и пропали: при обыске в его доме он вынужден был сжечь все бумаги. А там были морские повести и многие еще сочинения Бестужева, произвед-

[5] Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951, с. 608.

шие огромное впечатление на декабристов; черновики тоже были уничтожены. Сохранились лишь рассказ «Похороны» (впервые опубликован в советское время), «Шлиссельбургская станция» («Отчего я не женат?»). Поводом для написания этой повести послужили казематские события: Н. Бестужев много времени отдавал детям своих товарищей, которые любили его беззаветно, и на вопросы дам: почему он не женат? — обещал написать всю правду. Он был влюблен в замужнюю женщину Любовь Ивановну Степову, на всю жизнь сохранил это чувство, и в повести, изменив фамилию героини и несколько сместив события, ответил на вопрос: он не женат, потому что любил женщину, с которой соединиться в постигших его обстоятельствах невозможно. Походу русской армии по европейским странам, после разгрома Наполеона, в частности французской части этого похода, Бестужев посвятил свою повесть или большой рассказ «Русский в Париже 1814 года», предварив замечанием: «В предлагаемом рассказе все слова и все действия исторических лиц верны, и все анекдоты (так тогда называли случаи из жизни.— М. С.), о них помещенные, справедливы. Самое происшествие, давшее повод к рассказу, истинно. Повествователь только связал частные случаи и дал возможное единство»[6].

Из Селенгинска Бестужев довольно часто приезжал в Иркутск, где по просьбе местного начальства и купцов рисовал портреты их, что давало декабристу частично средства к существованию. Возвращаясь из такой поездки зимой 1855 г., Бестужев уступил свое место в экипаже семье отправляющегося в Забайкалье бедного чиновника, сам сел на облучок, рядом с возницей, в дороге тяжело простудился. 15(27) мая 1855 г. его не стало. Шла Крымская война, и последние слова декабриста были: «Что там с нашим Севастополем?»

Александр Александрович Бестужев-Марлинский, поэт, прозаик и литературный критик, во многом повторил судьбу своего старшего брата.

Родился он 23 октября (3.XI) 1797 г. в Петербурге, так же как и Николай, испытал влияние своего отца, а затем — любимца всей семьи Николая, поступил учиться в Горный кадетский корпус, но, не закончив курса, перешел в лейб-гвардии драгунский полк, квартировавший под Петергофом в Марли, отсюда и псевдоним писателя — Марлинский. Он рано начал публиковаться, в одно время со старшим братом, в 1818 г., был одним из руководителей Вольного общества любителей российской словесности. Первыми его литературными работами были переводы зарубежной романтической поэзии; в 1819 г. публикует он «Подражание первой сатире Буало», которая начинается знаменательными строками:

Бегу от вас, бегу, Петропольские стены,
Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
Куда бы не достиг коварства дикий взор
Или судей, писцов и сыщиков собор.
Куда бы ни хвастун, ни лжец не приближался,
Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался.
Бегу! Я вольности обрел златую нить.

Не случайно это сочинение было запрещено цензурой.

С 1819 по 1822 г. Бестужев опубликовал много рецензий на книги, обзоров литературы, выявив незаурядный вкус, точность и меткость пера. Пушкин называл его одним из представителей вкуса и верных стражей и покровителей российской словесности. Первый опыт в прозе — «Поездка в Ревель» (1821) навеян книгами Карамзина. Еще не будучи членом тайного общества, вместе

[6] Бестужев Н. А. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1983, с. 158.

с Рылеевым писал дерзкие агитационные песни, поэтические антиправительственные прокламации («Ах, где те острова», «Царь наш — немец русский», «Ах, тошно мне», «Ты скажи, говори», «Подгуляла я») на мотивы известных песен:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Отсюда уже недалеко до антиправительственного заговора. И в 1824 г. Бестужев принят Рылеевым в Северное общество, где уже были членами многие друзья и старший брат его.

Вместе с Рылеевым А. Бестужев в 1823 г. начал издавать альманах «Полярная Звезда», в котором предстало пред читающей публикой все лучшее, вышедшее из-под пера российских литераторов в это трехлетие. Здесь появились стихи Жуковского, Вяземского, Гнедича, Пушкина, Рылеева, рассказ «Гибралтар» Н. Бестужева, здесь была опубликована рылеевская «Исповедь Наливайки», строки которой:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа...

стали символом декабристского подвига.

А. Бестужев вывел на Сенатскую площадь Московский полк, а увидев, что дело проиграно, сам явился во дворец в полной парадной форме, «разряженный, как на бал», и когда его арестовали (а он пришел не на гауптвахту, а в Зимний дворец) и Николай I вручил свою записочку к коменданту Петропавловской крепости: «Присылаемого Бестужева посадить в Алексеевский равелин под строжайший арест» — конвойному офицеру, Бестужев сам скомандовал растерявшимся солдатам: «Марш!». Он был приговорен к смертной казни, замененной каторгой в Сибири, но был отправлен на поселение в Якутск. В заледенелых северных краях он продолжал заниматься литературной работой, известны его стихотворения якутского периода, особенно «Шебутуй (Водопад Станового хребта)»:

Тебе подобно, гордый, шумной,
От высоты родимых скал,
Влекомый страстию безумной,
Я в бездну гибели упал!

Крупная работа этого времени повесть в стихах «Андрей, князь Переяславский».

На севере Сибири Бестужев пробыл недолго: в 1829 г. его переводят на Кавказ рядовым солдатом в действующую армию. С этого момента начинается третий, самый плодовитый период творчества Бестужева, выступающего под псевдонимом А. М., или Александр Марлинский. Его романтические повести, полные бурных страстей и экзотики «Аммалат-Бек» (1832), «Мулла-Нур» (1836), вызвавшие восторг публики и подражания беллетристов, батальные картины повестей «Лейтенант Белозор» (1831) и «Латник» (1832) и многие еще, наполненные страстью и выдумкой, показывающие и силу дарования и одержимую работоспособность, чередуются с окрашенными тоской стихотворениями, навеянными несовпадением славы литератора Бестужева, и рабством солдата Бестужева. Друзья предполагают, что его легендарная храбрость, за которую удостоин он первого офицерского чина и ордена, вызвана отчаянием, желанием найти смерть. 7(19) июня 1837 г. в бою под Адлером он был убит в стычке с горцами. Тела поэта не нашли, и это дало повод для многих догадок и легенд.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, лицейский друг Пушкина, оставил значительное и своеобразное литературное наследство, пробуя свои силы в разных жанрах. Но сосредоточившись на поэзии, драматургии и переводах (многие из его переводов шекспировских пьес еще ждут изда-

ния), он создал немало произведений, в которых запечатлелась его собственная судьба, судьба его поколения, лицеистов, судьба дореформенной России. Его отец, незнатный и небогатый саксонский дворянин, был человеком образованным и неординарным, он учился в Лейпцигском университете в те самые годы, когда проходили университетский курс Гете и Радищев, и, может быть, не без влияния последнего в 70-е г. XVIII в. перекочевал в Россию. Здесь, в Петербурге, 10(21) июня 1797 г. родился у Карла Кюхельбекера сын Вильгельм. В 1811 г. его отдают в Царскосельский лицей, где получает он, сохранившееся до конца дней, товарищеское прозвание Кюхля. После окончания лицея — краткая служба в Коллегии иностранных дел, а затем — преподавание латинского и русского языков в Москве, в Благородном пансионе, где учеником его был будущий великий композитор Михаил Глинка. Вместе с братьями Бестужевыми Вильгельм Карлович становится членом и активным деятелем «Вольного общества любителей российской словесности», состоит также в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств», где сотрудничали серьезные деятели литературы, главным образом «разрушители классицизма» — Каменев (Пушкин говорил, что он первым раскачал жесткие требования классицизма — единство времени, места и образа действия), Пнин, Востоков, Измайлов, имена которых красной строкой вписаны в историю российской словесности. Оба общества издавали сборники, в них и появились первые стихи Вильгельма Кюхельбекера.

В 1820 г. он, в качестве секретаря высокопоставленного А. Л. Нарышкина, отправляется за границу, встречается с соучеником своего отца Гете, читает лекции в Париже (1821) о русской литературе. Лицей, друзья-офицеры — герои 1812 г., заряженные вольнолюбием, борьба за свободу в Греции и в Италии, свидетелем которой был он во время путешествия,— все это пробудило и укрепило его вольнолюбивые помыслы, и не могло не сказаться в лекциях. Русское посольство отнеслось к этому неодобрительно и приказало ему немедленно вернуться в Россию.

Первые стихи Кюхельбекера были опубликованы еще в 1815 г. в журнале «Амфион». Среди ранних произведений — стихотворение, посвященное Пушкину (1818), написанное сразу после выхода из лицея:

Избранник мощных судеб!
Огненной мыслью он
В светлое небо летит, всевидящим взором читает
И на челе, и в очах тихую тайну души!

Два года Кюхельбекер проводит на Кавказе, в должности чиновника особых поручений при генерале Ермолове, здесь он знакомится с Грибоедовым, здесь пишет многие стихотворения, в которых сетует на горькую участь поэтов мира, о чем говорят даже названия стихотворений «Участь поэтов» (1823), «Жребий поэта» (1824). На Кавказе рождены строки, посвященные Ермолову и Грибоедову. По возвращении в 1824 г. в Петербург Кюхельбекер начинает бурную издательскую деятельность: вместе с князем В. Ф. Одоевским, выпускником Благородного пансиона, в котором преподавал Кюхельбекер, издает за два года четыре выпуска альманаха «Мнемозина», вызвавших острое любопытство и серьезный интерес читателей. В 1825 г. из Москвы, где он жил два послекавказских года, Кюхельбекер возвращается в Петербург, незадолго до восстания стал членом Северного общества, активно вел себя на Сенатской площади, после разгрома декабристов — бежал за рубеж, был опознан случайно в Варшаве, осужден на смертную казнь, замененную

крепостью и ссылкой. Десять лет в темных сырых казематах Шлиссельбурга, Динабурга, Ревеля и Свеаборга, затем — Сибирь, куда увезли его в декабре 1835 г., когда многие его друзья-декабристы уже отправлены из Петровского Завода на поселение. Его брат, Михаил Кюхельбекер, поселен в глухое забайкальское село Баргузин, сюда прибывает и Вильгельм в январе 1836 г. Он, как и Пушкин, верен памяти лицея и 17 октября пишет:

Шумит поток времен. Их темный вал
Вновь выплеснул на берег жизни нашей
Священный день, который полной чашей
В кругу друзей и я торжествовал...
Давно... Европы страж — седой Урал,
И Енисей, и степи, и Байкал
Теперь меж нами...

Здесь нет умственных занятий, кроме чтения книг, ведения дневника, литературной работы,— круга общения никакого. Он строит дом, обзаводится хозяйством, женится на Дросиде Артеновой, дочери местного почтмейстера, гармонии в этой семье не произошло: все попытки Кюхельбекера образовать, поднять до себя свою жену ни к чему не привели, сибирская жизнь его начинается тяжело. Четыре года в Баргузине, наконец — как вздох — переезд в Акшу, где он учит дочерей начальника крепости А. И. Разгильдеева, где в семье культурной и в ученицах, духовно одаренных, находит близкие его состоянию души. Впрочем, это вызывает сложности в семье. «Здешних,— пишет он о жене,— она почти никого не любит; своих баргузинских слишком, хотя те вовсе не более достойны ее любви. По нелюбви к здешним жителям она все почти одна, никуда не ходит, между тем как я по занятиям своим обязан проводить 3/4 дня вне дома»[7]. Но материальное благополучие вскоре рушится: Разгильдеевы уезжают, второй ученик погиб, учить больше некого, и доходы иссякли. Кюхельбекер хлопочет о переводе в Тобольск, но переводят его в Курган лишь в 1844 г. Может быть, самой счастливой порой изгнаннической жизни Кюхельбекера был этот переезд: он навестил брата в Баргузине, побывал в иркутской колонии декабристов — Трубецкие, Волконские, братья Поджио, затем — в Ялуторовске у Пущина, Якушкина, Матвея Муравьева-Апостола, да и в Кургане жили его собратья по тайному обществу.

Творческое наследие Кюхельбекера огромно и многообразно, исследователь его Н. Королева в статье, завершающей издание «Дневника» и других прозаических сочинений декабриста, приводит список, составленный самим Кюхельбекером. Здесь и «Дневник», поразительное многоплановое произведение, позволяющее выяснить многое: эволюцию критической мысли декабриста, его отношение к текущей литературе, черты сибирского быта вообще и быта самого Кюхельбекера, его размышления о жизни, стихи, наметки будущих сочинений и многое еще. Романы «Последний», «Колонна» и «Русский декамерон 1831-го года», еще до ссылки написанный «Семинарист», начало романа «Адо» и многие еще повести и рассказы, в том числе «Путешествие на луну», напечатанный еще в «Мнемозине», затем статьи и очерки «Подробный разбор исторических драм Шекспира», «Описание Дрезденской галереи», статьи о русском языке. «Жители Забайкалья и Закаменья»[8]. Большая часть всего этого была создана в Сибири, и Кюхельбекер предпринимал неоднократные попытки издать свои сочинения, это было важно для него и материально, он все вре-

[7] Декабристы. М.: Изд. Гослитмузея, 1938, с. 184.

[8] Кюхельбекер В. К. Путешествие: Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979, с. 649.

мя бедствовал, и, главное, морально: в семье ни жена, ни брат не понимали его литературных трудов, нужно было как-то утвердиться. Все попытки завершились безрезультатно, кроме одной: Пушкину удалось издать драму своего лицейского друга «Ижорский», правда, без имени автора, в 1835 г.

Близ Кургана Кюхельбекеры прожили недолго, развивалась тяжелая болезнь, начало которой положили стены казематов и усугубила Сибирь, силы его слабели, болезнь сковывала движения, гасло зрение. Родственники ходатайствуют о переводе его в город Курган (поселен Кюхельбекер был в слободе Смолинской, за рекой Тобол) или в Тобольск. В феврале 1846 г. семья переезжает в старую столицу Сибири, но поэт уже при смерти. «В Тобольске,— вспоминает Дросида Ивановна в письме к дочери,— он уже окончательно потерял зрение, и здоровье его с каждым днем делалось слабее, а положение становилось несноснее. Спасибо друзьям, они не оставляли его в эти грустные минуты жизни. Ершов читал ему беспрестанно разные сочинения, рассуждал с ним продолжительно»[9].

11 августа ему стало лучше, он с утра был бодр, ходил по комнате и радовался, что ему, несмотря на ненастье, легко и хорошо, а к ночи доктор-декабрист Вольф и жена декабриста Фонвизина приняли его последнее «прощайте...».

Горька твоя земная чаша,
Но верь, товарищ: есть свиданье там,
А здесь поэзия и дружба наша
Вильгельма память передаст векам!

Это говорит Пушкин в стихотворении Кюхельбекера «Три тени». Декабрист верил, что потомки его не забудут.

Владимир Федосеевич **Раевский**, первый декабрист, как назвал его Герцен. Он был арестован раньше всех других, вынес нечеловеческий следственный и судебный процессы, крепостное заключение, не назвал ни одного имени, несломленным отправлен в Сибирь.

«Я воображал себе Сибирь, — писал он, — холодной, мрачной, страшною, заселенной простодушным и бедным народом и вдруг увидел огромные слободы, где не было ни одной соломенной крыши, и народ разгульный и бойкий. Обхождение со мною вольное, но не обидное»[10].

Он родился 28 марта (8.IV) 1795 г. в семье майора Федосея Михайловича Раевского, одного из богатейших помещиков Курской губернии, в имении Хворостянка. Отец был человеком крутого нрава, хотя и уважаем в округе — дворяне неоднократно избирали его своим губернским предводителем, в «Отечественных Записках» (часть 12 за 1822 г.) он даже опубликовал свое сочинение под знаменательным заголовком «Благодетельный помещик». Трудно сказать: для кого был благодетельным суровый майор, но жена, пять сыновей и пять дочерей весьма ощутительно чувствовали его властную руку. Детство будущего декабриста было несчастливым.

Как и многие из декабристов и близких к ним людей, Раевский получил образование в Благородном пансионе при Московском университете, а затем в специальном военно-воспитательном заведении при кадетском корпусе, так называемом Дворянском полку, куда поступил в 1811 г. Здесь он подружился с будущим декабристом Г. Батеньковым, они дали клятву: свободолюбивые идеи, обуревавшие их, привести в действие.

Раевский героически сражался

---

[9] Декабристы и их время. М., Л.: Изд. АН СССР, 1951, с. 88.

[10] Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2, с. 334.

с французами в составе прославленной 16-й дивизии, был за отвагу под Бородино награжден золотой шпагой. Южная армия и 16-я ее дивизия были после войны расквартированы в Бессарабии, ее командир — М. Ф. Орлов, друг и родственник С. Г. Волконского (они были женаты на сестрах), был одним из активных декабристов, В. Ф. Раевский становится членом Союза благоденствия, руководителем его Кишиневской управы. Он пишет революционные сочинения «О рабстве крестьян», «О солдате», где подвергает уничтожительной критике существующий строй. Эти его произведения, отличающиеся глубиной мысли и дерзостью стиля, стали одними из самых достойных в декабристской публицистике. Раевский открывает ланкастерские школы для средних и нижних чинов, он и члены его декабристской управы отменяют телесные наказания.

В Кишиневе Раевский знакомится в 1821 г. с опальным Пушкиным, их молодость, одинаково пылкие натуры, общность взглядов на существующий порядок вещей приводят к искренней дружбе. Пушкин называет Раевского Спартанец.

В феврале 1822 г. Пушкин случайно слышит разговор между наместником Бессарабии Инзовым и генералом Сабанеевым о том, что Раевский должен быть арестован, передает этот разговор своему другу, а назавтра декабрист взят под стражу, заключен в Тираспольской крепости. Здесь он пишет стихотворение «Певец в темнице», строки которого поразили Пушкина, и он долго с восторженным удивлением повторял:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе...

С поразительным достоинством держится Раевский на допросах, которые возобновляются вновь и вновь. Декабрист не называет ни одного имени, таким образом сохранив всю Кишиневскую управу тайного общества. В тюремном «Послании к друзьям» (1822) есть об этом прямые строки:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил.
И в дни убийственные жизни
Не мрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнул право укоризны.

После восстания на Сенатской площади его доставили в столицу, надеясь теперь, имея на руках доносы провокаторов, опросные листы декабристов, сломить волю Спартанца. Он остается верен себе. Два года еще его держат в крепости Замостье и отправляют в Сибирь, где поселяют под Иркутском, в селе Олонки.

Нелюбовь семьи, проявившаяся еще в детстве, с арестом крепнет. Будучи наследником одного из богатейших состояний, он оказывается в Сибири без средств к существованию. Через год после приезда (1829) он женился на жительнице села крестьянке Евдокии Моисеевне Середкиной. Ей посвящено одно из первых сибирских стихотворений поэта:

Стыдливость, детский страх,
звук трепетный речей,
Ее рука в руке моей
И первый поцелуй дрожащими устами,
И нежное «люблю» вполголоса,
с слезами.
Улыбка райская,
вид девственный лица,
И все для глаз, для чувств,
земное совершенство
Могли б вдохнуть небесное блаженство
В стальную грудь темничного
жильца...[11]

Раевский работал по откупу, служит посредником между крестьянами и промышленниками, дважды, при поддержке местных властей, обращается к правитель-

---

[11] Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1967, с. 168. Все стихотворения очерка о В. Ф. Раевском цитируются по этому изданию.

ству с просьбой вступить в государственную службу, хоть на самой низшей чиновничей должности, но получает отказ. И в Сибири не забывает Владимир Федосеевич декабристского завета просвещать народ, на скромные свои средства создает он в селе Олонки народную школу, которую посещают не только дети, но и взрослые.

Литературное творчество сибирского периода невелико, но стихи «Дума» («Шуми, шуми, Икаугун»), «Предсмертная дума», написанные через восемнадцать и двадцать шесть лет после знаменитых «К друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице», доказывают, что ничем не изменился, ничем не попустился декабрист в своих политических убеждениях, в своей ненависти к угнетателям народа, к кровавому роду бичей, попирающих и мысль, и чувства, и свободу.

После амнистии 1856 г. Раевский остался в Сибири, свершив лишь недолгое путешествие в Европейскую Россию, как дань памяти, как желание в конце жизни повидать, кого можно, из товарищей.

Умер он в Олонках 8(20) июля 1872 г.

«Мы по непременному закону оставляем в наследство идею для руководства новому поколению, и эта идея растет и будет, и должна расти, и никакие препятствия не сожмут ее»[12].

Это был завет первого декабриста новой, поднимающейся волне освободительного движения России.

Александр Иванович Одоевский — самый популярный, «самый главный» поэт читинских и петровских узников. Стихи его запоминали и записывали товарищи по каторге, сочиняли для них музыку и пели во время томительных зимних вечеров в своих казематах, сам же Одоевский чаще всего сочинял их экспромтом, не доверял их бумаге, поэтому многое из его литературного наследия, особенно то, что создано до Сенатской площади, в юности, безвозвратно пропало. И все же том сохранившихся его романтических революционных строк, собранный после ранней смерти поэта товарищами по узам, особенно декабристом А. Е. Розеном, открывает нам талант недюжинный, острую мысль, легкую, чистую строку, свободолюбие и чистоту помыслов.

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках,
И песнь, незнаемую в мире,
Я выльню в огненных словах.
В темнице есть певец народный;
Но не поет для суеты:
Срывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но похвалой необольщенный,
Не ищет раннего венца...
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца[13].

В этом написанном в 1826 г. двенадцатистишии кредо не только самого Одоевского, под стихотворением мог подписаться любой из певцов свободы — и Рылеев, и Кюхельбекер, и Раевский, и все, кто томился в казематах Читы и Петровска и пел в темнице о судьбе декабристов.

«Круг его жизни был до крайности стеснен,— писал о нем А. Е. Розен,— сперва холодною и сырою каменною стеною в Петропавловской крепости, потом бревенчатою оградою высокого частокола в Чите, затем Петровскою тюрьмою за Байкалом, после того на поселении безвыездным пребыванием в уездном городке и, наконец, в солдатском строю в храбром Нижегородском драгунском полку.

С таким формулярным списком каких можно было ожидать занимательных или важных дел? Однако кроме истории, или пове-

---

[12] Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2, с. 3.

[13] Поэты-декабристы: Стихотворения. Л., 1949, с. 199.

ствования о великих событиях, есть история сердца, достигающая широких размеров в самой темной темнице, а сердце Одоевского было сильнейшим источником чистейшей любви»[14].

А. И. Одоевский родился 26 ноября (8 дек.) 1802 г. в Петербурге, в княжеской семье, восходящей к старинному роду князей Черниговских. Уже с самого раннего детства, обучаясь в семье, проявил склонность к языкам, любовь к российской словесности, писал стихи, безвозвратно для нас утерянные. В 1825 г. опубликовал свои первые литературно-критические статьи в «Сыне Отечества». Стихи его, судя по пересказу одного из них («Молитва русского крестьянина»), носят резко отрицательный характер, бичуют рабство, близки антикрепостническим стихотворениям Пушкина. Все стихи этого периода поэт-декабрист уничтожил. В том же 1825 г. стал членом тайного общества, полностью разделял взгляды Рылеева, но собственные воззрения его еще не устоялись. Воспламененный идеей свободы, он принял активное участие в восстании, был осужден и приговорен к 12 годам каторжных работ.

Именно здесь, в Читинском остроге, в Петровской каторжной тюрьме, созрел талант А. Одоевского, окреп его поэтический почерк, именно здесь стал он в полной мере декабристом.

Своеобразное его отношение к творчеству сказалось и тут. В созданной декабристами «каторжной академии», где крупные деятели движения и вместе с тем специалисты по самым различным отраслям знаний читали лекции своим товарищам, Одоевский преподавал курс российской словесности. Лекции его были увлекательными, на занятия он приходил с заветной тетрадкой, которую не выпускал из рук. Каково же было удивление слушателей, когда один из них заглянул в тетрадку — она была пуста. Поразительные лекции свои декабрист читал экспромтом. Между тем именно в них можно было бы легче проследить эстетические воззрения декабристов читинской и петровской поры, будь курс записанным в тетради хоть конспективно.

В 1832 г. срок каторги был сокращен до 8 лет, а в 1833 Одоевский поселен сперва в Тельме, а потом в Елани — в деревнях под Иркутском.

В одном из писем, посланных отцу из глухой Елани, есть рассуждения о своем творчестве, раскрывающие отношение декабриста ко всему, выходящему из-под его пера. 22 ноября 1833 г. он пишет: «Занимаю я одну комнату, которую отделал сам... род маленького фонаря, ибо на квадрате в две с половиной сажени — четыре окна, довольно больших. Это — мой эрмитаж... Иногда я совершаю маленькую прогулку на санях по улицам, или, вернее, по переулкам деревни. Через четверть часа я возвращаюсь, чтобы снова усесться на постели и читать какое-нибудь произведение, которое мне полюбилось, напр. летописцев моей родины, или принимаюсь размышлять о плане какой-нибудь поэмы или трагедии, которую, может быть, начну, но которую никогда не кончу, по милости разборчивой совести: еще никогда не была она довольна ни одним моим эпическим или трагическим планом и почти ни одной моей пиесой».

Самое крупное произведение А. Одоевского — поэма «Василько», традиционная для декабристской поэзии попытка осмыслить сегодняшние события с помощью сюжетов древней русской истории, написанная еще в Чите. Поэмы, созданные или за-

[14] Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. 2, с. 217—218.

думанные на поселении, не сохранились. Причиной тому — сам поэт. В цитированном выше письме он сам говорит об этом: «Я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу...»[15]

Отец Одоевского страшился условий, в которых живет его сын, не только потому, что это были глухие деревни, которые отцу представлялись краем земли, где каждую минуту нужно опасаться за жизнь, но и потому, что, лишенный общения, Александр Иванович явно терял интерес к жизни. Родственники ходатайствуют о переводе его в Курган, но там уже поселена довольно большая декабристская колония, и поэта переводят в Ишим в 1836 г., а через год — рядовым на Кавказ. Здесь Одоевский подружился с Лермонтовым, они были близки не только по духу: был общим строй их поэзии, взгляды на жизнь, вкусы. И когда 10(22) октября (по другим данным — 15(27) авг.) 1839 г. в маленькой крепости Псезуапе (ныне Лазаревское) декабрист умер от лихорадки, Лермонтов откликнулся на его смерть стихотворением:

[15] Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. с. 155—156.

Он был рожден для них, для тех надежд
Поэзии и счастья... но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую.
И веру гордую в людей, и в жизнь иную.

Эта гордая вера в будущее, в иную, свободную жизнь наиболее ярко и яро проявилась в бессмертном ответе Одоевского на послание Пушкина друзьям в Сибирь. Строка его — «Из искры возгорится пламя» стала эпиграфом ленинской «Искры», но и другие строки стали крылатыми словами, формулами бессмертия первенцев российской свободы.

М. Сергеев
Г. Богач

ЛИТЕРАТУРА

Восстание декабристов: Библиография./Сост. Ченцов Н. М. М.; Л., 1929; Движение декабристов: Указатель литературы 1928—1959. М., 1960; Движение декабристов: Указатель литературы 1960—1976. М., 1983; Постнов Ю. С. Сибирь в поэзии декабристов. Новосибирск, 1976.

Н. А. ПОЛЕВОЙ (1796 — 1846)

Николай Алексеевич Полевой — уроженец Иркутска. Родился 22 VI (ст. ст.) 1796 г. и до 1811 г. жил в этом городе. Отец Н. А. Полевого — купец, выходец из древнего посадского рода города Курска.

Дом Полевых в Иркутске слыл одним из гостеприимных домов; его посещали все путешественники и заезжие «знаменитости», вплоть до послов, ездивших в Китай. Здесь частыми гостями были прославленный путешественник Г. И. Шелехов, писатель И. Т. Калашников. В доме Полевых любили книги, следили за журналами, увлекались сказками местных баюнов, рассказами путешественников. Домашним учителем Н. А. Полевого был ссыльный князь Василий Николаевич Горчаков. В Иркутске Н. А. Полевой получил широкое по тому времени образование, проникся пламенной и безграничной любовью к Сибири. В своей первой повести «Сохатый» он нарисовал

восторженную картину сибирской природы, излил свои душевные симпатии к Сибири: «Если кто из вас, друзья мои, будет в Иркутске, пусть пойдет за город к тому месту, где близ старой, разрушенной мельницы вливается в Ангару Ушаковка. Тут извилистое течение этой речки приведет его к тому месту, где против него на луговой стороне будет старое Адмиралтейство — тут жил отец мой, тут были предметы первого моего мира, тут мечтал я, плакал над Плутархом, думал быть великим человеком... Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы!..»

С 1817 г. началась литературная деятельность Н. А. Полевого: в это время он жил в Курске. В 1820 г. переехал в Москву и стал исключительно заниматься литературным трудом. В 1825 г. он основал журнал «Московский телеграф», который издавал десять лет. Период с 1825 по 1834 г. считается самым плодотворным и прогрессивным этапом в деятельности Н. А. Полевого.

Общественно-политическое направление творчества Н. А. Полевого носило противоречивый характер, а в последний период он проповедовал реакционные взгляды. Однако из всех писателей-сибиряков Н. Полевой на протяжении всей своей деятельности привлекал пристальное внимание Белинского. Такое внимание Белинского к Н. Полевому оправдано: в общественно-политическом и литературном движении 30—40-х гг. XIX столетия писатель занимал видное место, находился на решающих участках той борьбы, которая развернулась с необыкновенной силой вокруг самых принципиальных вопросов политической и общественной жизни России.

В своей брошюре «Николай Алексеевич Полевой» Белинский писал, что все в «Московском телеграфе» было неопределенно, часто смутно, а иногда противоречиво»[1].

Однако этот журнал сыграл значительную роль в борьбе с косностью, застоем, дворянскими привилегиями. Полевой самоотверженно атаковал идеологические твердыни феодально-крепостной России, нападал на ложные авторитеты в науке, литературе, искусстве, давал в журнале много общеобразовательного материала. Эту просветительскую деятельность высоко ценил Белинский, называя Полевого «смелым, неутомимым, даровитым бойцом».

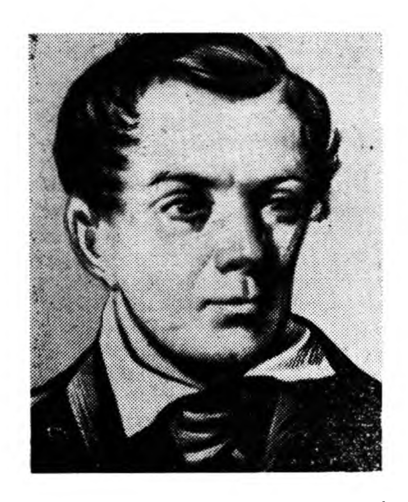
Белинский положительно оценил многие произведения Н. А. Полевого как прозаика, драматурга, историка, литературного критика. Он называл его бойцом, который «не столько утверждал, сколько отрицал, не столько доказывал, сколько оспаривал».

Восторженные оценки литературной деятельности Н. А. Полевого Белинский высказывал лишь до тех пор, пока Н. А. Полевой стоял на прогрессивных позициях, пока он поистине был неутомимым борцом за светлое и передовое, против косности, застоя и реакционности. Как только Н. А. Полевой подружился с Гречем и Булгариным, перешел в лагерь реакции, изменил своим прогрессивным идеалам, Белинский увидел в Н. А. Полевом своего политического противника.

Здесь уместно упомянуть, что резкое отношение Белинского к Н. А. Полевому и жаркая полемика с ним вызвали в свое время различные кривотолки, которые ревностно раздувались политическими недругами критика. Так, например, брат Н. А. Полевого Ксенофонт Полевой в известных «Записках» обрушился на Белинского, пытаясь доказать,

---

[1] Подробнее см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 309—333.

что «охлаждение» и «враждебность» Белинского к Н. А. Полевому вызваны не идейно-политическими мотивами, а исключительно личной обидой и болезненным самолюбием Белинского, статью которого о «Гамлете» не напечатал Н. А. Полевой.

Сибирская тема занимала видное место в его журнале. С 1825 и по 1833 г. в журнале было опубликовано более двадцати значительных «сибирских статей»[2].

Он пишет ряд произведений, где горячо воспевает Сибирь, ее красоту и блестящее будущее. Популярными становятся его повесть «Сохатый», драма «Параша-сибирячка», историческая драма «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь», «Анекдоты сибирской храбрости». В повести «Сохатый» Н. Полевой не только восторженно рисует картины сибирской природы, ее своеобразную красоту, но и в привлекательных тонах изображает быт, нравы, культуру сибиряков. Особенно важно отметить совершенно новый взгляд, который стремится привить читателям Н. Полевой на сибирских изгнанников, ссыльных. Он разбивает традиционное представление о Сибири как окраине, где якобы свирепствуют страшные разбойники, убийцы, воры, грабители. Н. Полевой, подчеркнув, что «изгнанники в Сибири часто становятся добрыми гражданами», внушает читателям такую мысль: «Теперь же смело въезжайте в деревню, населенную людьми, сосланными из России, и мирно спите под кровом, который соорудило себе кающееся преступление или бедственная слабость».

Полевой осудил неверный взгляд известного путешественника А. Мартоса, который в «Письмах из Восточной Сибири» многое исказил; нередко он опирался не на фактический материал, а на различного рода слухи, предрассудки, нелепости о Сибири и сибиряках. Полевой писал: «Сожалеем также, что автор своим взглядом на Сибирь может укоренить старые предрассудки. Зачем смотреть на Сибирь, как на новую Голландию? Сибирь та же Россия, и мы, кажется, не дети, живем не в XVI столетии. Нравы сибиряков, образ жизни, степень просвещения такие же, как в Великой России, может быть, даже перевес просвещения и вообще хорошего быта на стороне сибиряков...»[3]

Сибирь привлекает Полевого не только как его любимая родина, но и как «золотое дно». Здесь поступательно начинал развиваться капитализм, меняя лицо старой Сибири. Полевой поддерживал этот процесс. Он восклицал: «Нам предстоит исхищение из рук иноземцев источников богатств, украшение отчизны плодами промышленной деятельности».

---

[2] Исчерпывающий перечень «сибирских статей», опубликованных в журнале «Московский телеграф», см.: Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, с. 74—75.

[3] Московский телеграф, 1827, ч. XVI, с. 270.

Резко критикуя идейное шатание Н. А. Полевого, великий Белинский все-таки счел возможным сказать, что имя Н. А. Полевого навсегда останется в истории русской литературы и признательной памяти общества. Дорог он и нам тем, что является одним из первых зачинателей литературного движения в Сибири, пропагандистом сибирской темы в общерусской литературе.

Роль Полевого в развитии литературно-творческого движения в Сибири не может быть забыта. Он буквально заново открыл русскому читателю Сибирь и собственными произведениями доказал, что Сибирь и ее люди — благородный и всесторонний материал для творчества писателей. Вслед за Н. Полевым в литературу вливается большая группа писателей-сибиряков. (Он стал «знаменем литературного восстания сибиряков».)

Умер Н. А. Полевой в Петербурге 22 февраля (6 марта) 1846 г.

Г. Кунгуров

СОЧИНЕНИЯ

Повести и литературные отрывки: ч. I—VI. М., 1829—1830; Сохатый: Сиб. предание.— В кн.: Денница. М., 1830, с. 172—249; Параша-сибирячка: Рус. быль. В 2-х д. с эпилогом. СПб., 1840; Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь: Драм. представление. В 5-ти д. СПб., 1845; Дедушка русского флота. Параша-сибирячка. 2-е изд. СПб., изд. А. С. Суворина (1901); Рассказы русского солдата. — В кн.: Русские повести XIX в. 20—30 гг. М.; Л., 1950, т. 2; Вольный мученик; Делать карьер.— В кн.: Русский фельетон. М., 1958, с. 53—65.

ЛИТЕРАТУРА

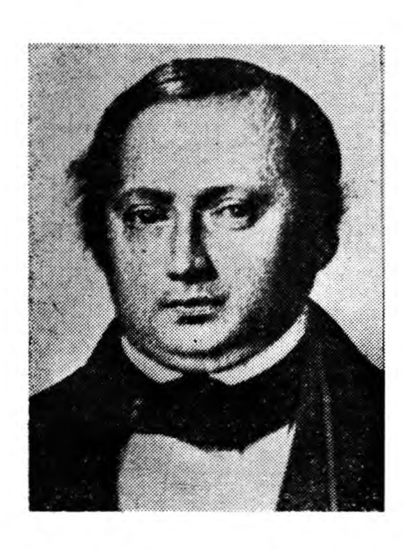
Боцяновский В. Ф. Полевой как драматург. Пб., 1896; Козмин Н. К. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903; Орлов В. Николай Полевой — литератор тридцатых годов.— В кн.: Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, с. 11—75; Азадовский М. Сибирская беллетристика тридцатых годов.— В кн.: Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, вып. 1, с. 5—105; Евгеньев-Максимов В. Е., Березина В. Г. Николай Алексеевич Полевой: Очерк жизни и деятельности.— Иркутск: Огиз, 1947; Кунгуров Г. Белинский о писателях-сибиряках.— Нов. Сибирь, 1948, кн. 20, с. 229—231; Белинский В. Г. Николай Алексеевич Полевой.— ПСС, 1955, т. 9, с. 671—696; Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы.— М.: Гихл, 1953, с. 15—17, 25—57, 79—82, 181—196, с. 208—215; Постнов Ю. С. Николай Полевой и его сибирская повесть «Сохатый».— В кн.: Сибирь периода феодализма. Вып. 3. Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 197—209; Орлов В. Н. Николай Полевой и его «Московский телеграф».— В кн.: Орлов В. Н. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 319—323.

БИБЛИОГРАФИЯ

Полевой Н. А. Энциклопед. словарь рус. библиогр. ин-та Гранат. 11-е изд., СПб., т. 32, с. 480—482; Козмин Н. К. Полевой Николай Алексеевич.— Рус. биогр. словарь. СПб., 1905, с. 295—303; Бернштейн Д. Полевой Н. А.— Лит. энциклопедия, 1935, т. 9, стб. 43—46; Жеребцов Б. Сибирский беллетрист и публицист Н. А. Полевой.— В кн.: Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 22—24; Полевой Николай Алексеевич.— В кн.: История русской литературы XIX в. М.; Л., 1962, с. 560—564; Кулешов В. И. Полевой Н. А.— В кн.: Русские писатели. М., 1971, с. 529—533; Постнов Ю. С. Русская литература первой половины XIX в. Новосибирск, 1970. См. имен. указ.

И. Т. КАЛАШНИКОВ (1797 — 1863)

Иван Тимофеевич Калашников часто именовался современной ему критикой «сибирским Купером». Это был один из очень популярных и любимых писателей первой трети XIX столетия.

И. Т. Калашников — сибиряк, он родился 22 октября 1797 г. в Иркутске. Отец его был чиновник. Калашников окончил местную гимназию и поступил на службу в иркутскую казенную экспедицию, где прослужил довольно долго. Он хорошо знал Сибирь, нравы и обычаи коренных сибиряков, особенно ему были известны жизнь и быт старого сибирского чиновничества. Калашников очень близко сошелся с известным сибирским ученым и краеведом П. А. Словцовым, который служил смотрителем сибирских народных училищ.

П. А. Словцов был исключительно авторитетным и популярным деятелем в Сибири; его мнение высоко ценилось передовыми людьми того времени. Он и обратил внимание на талантливого юношу И. Т. Калашникова и в 1822 г. добился перевода его в Тобольск, а через год — в Петербург. Калашников женился на дочери известного в 30-х гг. беллетриста К. П. Масальского. Последний и ввел его в среду столичных писателей.

И. Т. Калашников до конца своих дней искренне любил Сибирь и прилагал все усилия к тому, чтобы разрушить превратное мнение о «дикой» Сибири и ее «диких» жителях, стремился добросовестно ознакомить широкого читателя с истинным лицом своей родины.

В предисловии к повести «Изгнанники» в 1834 г. Калашников писал: «Сибирь — моя родина, где я провел лучшие, или, по крайней мере, первые годы моей жизни; туда любит отлетать моя мечта в часы раздумья... Носясь мечтою в пределах Сибири, я должен был по необходимости писать ландшафты тамошней природы и изображать тамошние нравы и обычаи; отсюда и родилось мое намерение: романы мои предать печати, дабы познакомить с Сибирью моих соотечественников или, по крайней мере, тех из них, которые не имеют ни охоты, ни времени заниматься сочинениями другого рода».

Калашников, конечно, не избежал элементов явной идеализации Сибири, особенно в стихах, однако его любовь к Сибири, знание ее особенностей помогли ему внести немало интересного, познавательного в свое литературное творчество. Калашников оставил относительно небольшое литературное наследство: две повести, три романа, «Ода в похвалу прекрасного пола», «Книга для чтения воспитанникам сельских училищ», «Записки иркутского жителя». Пробовал свои силы Калашников и в публицистике и в поэзии. Известны его статьи «Тельминская фабрика» (Казанские известия, 1817 г., № 15—16); ряд статей опубликовал в «Сыне отечества», стихотворения печатались в «Сыне отечества» в 1829—1831 гг.

Творчество Калашникова заметили А. Пушкин, В. Кюхельбекер, И. Крылов, В. Белинский, Н. Полевой, Н. Некрасов.

Белинский пристально следил за литературной деятельностью Калашникова. Он посвятил разбору его творчества много места в

своих критических работах. Критик неоднократно говорил о нем в «Литературных мечтаниях», в рецензиях на романы «Дочь купца Жолобова» и «Автомат», в обзоре «Русская литература в 1842 г.»

Белинский совершенно не разделял тех чрезмерных восторгов и преувеличений таланта Калашникова, которые так щедро расточали некоторые критики.

Действительно, его произведения не отличались художественной силой и яркостью, и критик, подчеркивая историко-литературное значение, видел в них две стороны: сюжетно-романтическую, которая беспомощна и плоха, и описательную, которая читается с интересом.

Белинского привлекало в романах Калашникова только то, что давало правильное понятие о Сибири и разбивало многие небылицы о неизведанном далеком крае. Резко критиковал Белинский в романах Калашникова напыщенность, слезливую сентиментальность.

В рецензиях, посвященных романам Калашникова, Белинский внедрял свой принцип реалистической критики, боролся за истинно-художественные, эстетически полноценные произведения. «Завязка слаба,— писал он о романе «Дочь купца Жолобова»,— и неестественна. Злодей Груздев в женитьбе своего сына на дочери купца Жолобова не мог видеть таких огромных выгод, чтобы решиться на столько злодейств для достижения этой цели...» Критик безжалостно развенчивал автора романа за худосочность, односторонность его попыток создать художественный образ. «Вообще, злодеи г. Калашникова так черны,— продолжает Белинский, — как будто рисованы осеннею уличною грязью, а добродушные люди так белы и светлы, что сквозь них ничего не видно. Те и другие — образы без лиц...»

Белинский, верно отражая характерные черты литературных способностей Калашникова, рекомендовал ему составить «что-нибудь вроде записок о Сибири, в которых, удаляясь от всякого ученого и догматического тона, рассказал бы просто, не мудрствуя лукаво, все, что видел, слышал и узнал во время своего житья в Сибири».

Советы великого критика не остались бесплодными, Калашников позднее, уже в 60-х гг., создал талантливые «Записки иркутского жителя». Они были опубликованы в «Русской старине» (1905 г., VII—IX) со вступительной статьей Б. Л. Модзалевского и биографическими данными об авторе записок.

Успех И. Калашникова был кратковременным; уже в 40-х гг. он попал в число забытых писателей.

Но справедливо ли вычеркнуть из истории литературы тот период, когда его произведениями зачитывались, ему прочили большую будущность? Можно ли в настоящее время полностью пренебречь его творческими результатами?

Белинский, обоснованно и принципиально рассмотрев романы и повести И. Калашникова, вынес свой суровый приговор, но он в пылу полемики, в трудной борьбе за высокие образцы реалистической прозы несколько пренебрег мнениями многих передовых современников. Высокую оценку произведений Калашникова дали крупнейшие авторитеты отечественной литературы, особенно Пушкин. Надо помнить, что И. Калашникова читали в России очень широко, так как его произведения печатались в центральных журналах и газетах.

Имя И. Калашникова знали не только в русской литературе, его творчество связано и с западноевропейской литературой. Роман «Дочь купца Жолобова» переведен на немецкий язык, об этом

романе с похвалой отозвался Виктор Гюго[1].

В интересной и убедительной статье А. К. Касьян пишет, что западноевропейская критика и читатели знали и положительно оценили романы Калашникова[2].

По мнению ряда исследователей, произведения И. Т. Калашникова сыграли положительную роль в развитии отечественной прозы[3].

Умер И. Т. Калашников 8 сентября 1863 г. в Петербурге.

Г. Кунгуров

СОЧИНЕНИЯ

Дочь купца Жолобова: Романы, повесть. /Сост., посл., комм. М. Д. Сергеева. Иркутск, 1985 (Литерат. памятники Сибири); Записки иркутского жителя.— Рус. старина, 1905, № 7, с. 187—251; № 8, с. 384—409; № 9, с. 609—646.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Автомат. Соч. И. Калашникова.— ПСС, М., 1954, т. 5, с. 598; Он же. Дочь купца Жолобова... Соч. И. Калашникова. 3-е изд. испр.— ПСС, М., 1955, т. 6, с. 441; Он же. Камчадалка. ПСС, М., 1958, т. 13, с. 164; С. Изгнанники. Соч. Калашникова, СПб., 1834.— Молва, 1834, № 20, с. 307—309; Черных П. Первый сибирский роман: [О романе «Дочь купца Жолобова»] — Нов. Сибирь, 1935, кн. 6, с. 49—57; Беляев М. Перо Пушкина: (Калашников и Пушкин) — В кн.: Пушкин. М., 1936, с. 568—569 (Летописи Гослитмузея, № 1); Жеребцов Б. Забытый романист Иван Калашников.— Кн. новости, 1937, № 4, с. 44—45; Зигур А. В. (Гуревич А.) Пушкин и Калашников.— В кн.: Пушкин и Сибирь. Москва — Иркутск, 1937, с. 79—86, 101—107; Богданова А. А. Сибирский романист И. Т. Калашников.— Уч. зап. /Новосиб. пед. ин-т, 1948, вып. 7, с. 87—120; Леонтьев Б. Отражение философских исканий русской интеллигенции в романе И. Т. Калашникова «Автомат».— Труды /Иркут. ун-т, 1964, т. 33. Сер. литературоведения и критики, вып. 4, с. 183—196; Кунгуров Г. О творчестве И. Калашникова.— В кн.: Кунгуров Г. Сибирь и литература. Иркутск, 1965, с. 22—23; Касьян А. К. Писатель-сибиряк И. Калашников и мировые традиции исторического романа.— В кн.: Очерки по зарубежной литературе. Иркутск, 1969, вып. 1, с. 55—73; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970, с. 73—77, 185—186, 201—238, 246—247, 321—324, 396—397; Он же. Исторические романы И. Т. Калашникова.— В его кн.: Литературные очерки. Новосибирск, 1985, с. 118—156.

БИБЛИОГРАФИЯ

Жеребцов Б. Сибирский беллетрист И. Т. Калашников.— В кн.: Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 34—38; Калашников Иван Тимофеевич.— В кн.: История русской литературы XIX в. М.; Л., 1962, с. 351—352; Он же.— В кн.: Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 21—22.

[1] Северная пчела, 1832, № 233.

[2] Касьян А. К. Писатель-сибиряк И. Калашников и мировые традиции исторического романа: Очерки зарубежной литературы. Вып. I, Иркутск, 1970.

[3] Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в., гл. Исторический роман. И. Т. Калашников, с. 211—237. — Новосибирск: Наука, 1970.

М. А. АЛЕКСАНДРОВ (ок. 1800 — ок. 1860)

В августе 1876 г. Г. Н. Потанин писал в газете «Сибирь» (№ 31, Иркутск): «В Тюмени я встретил Ив. Вас. Каноникова... (он) оказался родственником Александрова, произведение которого «Воздушный тарантас» было напечатано недавно в Сборнике, издаваемом г. Милютиным. Я успел записать от г. Каноникова только следующие биографические сведения: Александров окончил курс духовной академии (вероятно, Петербургской), поступил секретарем к князю Голицыну в Камчатку, потом служил в Якутске стряпчим и в Канске исправником. Умер в отставке от чахотки в Иркутске

в 50-х гг. лет за шестьдесят от роду. После него остались... два тома стихотворений, отосланных г. Канониковым в Якутск. У г. Канникова находится несколько произведений Александрова в рукописях...»

Эта запись примечательна тем, что она почему-то не была использована ни Н. М. Ядринцевым, ни М. К. Азадовским, ни другими исследователями творчества поэта. Между тем она содержит более или менее точные сведения о границах его жизни, о том, что помимо Якутска и Благовещенска его рукописи хранились и в Тюмени. Подтверждаются также некоторые факты биографии поэта: поступил секретарем начальника Камчатки только не Голицына, а Голенищева, в Якутске служил стряпчим, то есть чиновником прокурорского надзора, наблюдающим за правильным ходом судебных дел. Но есть и новое: высшее духовное образование, смерть в Иркутске от туберкулеза в 50-х гг. Если одна из тетрадей Александрова, полученная от золотопромышленника Н. В. Ельцова, написана в Иркутске и помечена 1855 г., то это означает, что он действительно умер где-то на исходе 50-х гг. и не в Канске, а в Иркутске. О Петербурге, как о родном городе, он пишет неоднократно. В «Воздушном тарантасе» он с грустью вспоминает, что жил на петербургской стороне у церкви Николы Турнилова, «под мирным кровом турниловского аббатства». По окончании духовной академии служил в отделении Департамента государственных имуществ и в 1820 г. переходит в гвардейское провиантское комиссионерство. Затем получает от А. В. Голенищева, начальника Камчатки, приглашение стать его секретарем. 26 февраля 1827 г. он выезжает из Петербурга, месяц живет в Перми и 20 мая приезжает в Иркутск, а через два месяца направляется на Камчатку. На Камчатке Александров прожил более пяти лет и, видимо, без особых осложнений, потому что писал:

Плыву в далекий край,
плыву в Камчатку снова,
Хочу чрез двадцать лет хоть
мысленно пожить
Пред очагом того спасительного крова,
Где было так легко, так радостно
служить...

А. Бестужев-Марлинский прибыл в Якутск в октябре 1827 г. и покинул его в начале 1829. Надо думать, что навещать его мог Александров только в эти полтора года. И знакомство, переросшее в дружбу с писателем-декабристом, вероятно, определило дальнейшую судьбу поэта, и он в 1833 г. (по другим сведениям, в 1834) остался в Якутске и прожил здесь до 1841 г., стремясь к облегчению участи якутского народа, как это делали почти все декабристы по отношению к аборигенам сибирского края.

Утверждения Н. М. Ядринцева, что Александров «морской офицер» и «явился в Сибирь в 1824 г.», ничем не подтверждаются. Не очень убедительны предположения, что Александров выехал в Сибирь не по доброй воле, был якобы связан с декабристским движением. В «Воздушном тарантасе», в произведении автобиографическом, он прямо пишет: «Мне было грустно, в ту пору я даже решился остаться в Иркутске и через год возвратиться опять в Петербург под благодатную родственную тень дубовой беседки в саду Турниловского аббатства». К тому же для молодого человека и чиновничий пост — секретаря начальника края — отнюдь не для опального человека. Другое дело, что с декабристским движением он был идейно связан и, очевидно, эта связь окрепла по приезде в Сибирь.

«Воздушный тарантас», написанный в 1849 г. (в Иркутск приехал в мае 1827 г. и пишет воспоминания через 22 г.), содержит в себе своеобразный, художественно яр-

кий автопортрет 27—30-летнего «молодого человека», который, хотя и замечает отрицательные стороны иркутской жизни, полон надежд на лучшее будущее края. Однако тут же Александров видит в Иркутске отсутствие подлинно культурных учреждений, все пропитано торгашеским духом, и единственная книжная лавка, в которой он купил историческую книгу (о путешествии российского посла из Тобольска в Монголию), оказалась конфискованной, так как пристав обнаружил в ней запрещенные книги — Вольтера и Руссо. «Бедный книготорговец, — восклицает Александров, — лучше бы ты торговал одним мылом!». Подлинную цену представителей «горнозаводства» поэт вскоре покажет в пьесе «Таежный карнавал», написанной, вероятней всего, в начале 50-х гг.

В «Воздушном тарантасе» приводится отрывок из стихотворения «Сибирь» 15-летнего мальчика, сына бедного мещанина. Оно используется затем в пьесе, но в измененном виде. Строки «Коробочник несет ярмо торговли, его девиз: труды, а не обман» редактируются так: «Коробочник живет за счет торговли, его девиз — практический обман», и концовка стихотворения новая — обличительная. «Таежный карнавал» — злая сатира на купцов и золотопромышленников, каждый из которых отлично понимает свои выгоды. Промышленник знает, что «рабочий класс лишь хлеб один имеет, а спекулянт растет и богатеет... И верьте мне, от понижения цен на хлеб мужик прибытков не получит, от прихотей себя, быть может, он отучит, но затруднит его размен своих изделий на монету... А тут еще тащат его к ответу известные бумажные кроты». Спекулянт и чиновник обирают крестьянина, а промышленнику надо, чтобы он не зависел от торгашей и бюрократической системы управления, мог свободно производить достаточное количество хлеба для рабочих золотых приисков, но — «ограничить мы не вправе торгашей, не вправе изменить систему барышей». Порочность системы Александров видит и зло ее высмеивает.

При жизни Александров печатался в журнале «Библиотека для чтения» (другие издания на этот счет попросту не обследовались). Считалось, например, что в этом журнале он опубликовал в 1843 г. три стихотворения, на самом деле их было шесть, в томе 59 опубликовано еще три. Это — лирика, обращенная к любимым, выражение тоски по родине, трепета перед «пустынным храмом», где «ни страсть, ни ненависть земная не нарушает сна гробов» («Храм в пустыне»). В журнале он заявил о себе как одаренный поэт. К этому времени Александров был уже автором лучшего своего стихотворения «Элегия», посвященного памяти А. Бестужева-Марлинского в год его гибели в 1837 г. и многих других произведений, большая часть из которых не увидела света до сих пор. М. Азадовский советовал собрать их и издать отдельной книгой.

Самым значительным произведением Александрова стала поэма «Якут Манчары», над которой он работал в 50-х гг., как свидетельствуют тетради 1852 и 1855 гг., хранившиеся у Н. В. Ельцова. Ее вторая часть была опубликована в журнале «Полярная звезда» (1977, № 1). «Значение поэмы, — пишет исследователь якутской литературы Н. П. Канаев,— ...заключается в том, что в ней впервые вдохновенно воспета борьба якутской бедноты против тойонского гнета. Автор поэмы развеял созданное официальными судебными документами того времени ложное представление о разбойничьей сущности набегов Манчары и его товарищей на тойонские усадьбы.

Царским чиновникам, защищавшим интересы крупных собственников, невыгодно было подчеркивать социальный характер этого движения...» Александров создал сложный, психологически наполненный образ народного героя. Поэт в качестве стряпчего встречался с Манчары в Якутской тюрьме, потому его обобщения носят характер исторического свидетельства.

Внешне Манчары мстит тойону «за личные обиды», однако глубинный смысл его выступлений — социальный, и его характер в изображении поэта далек от примитива разбойничьих устремлений.

Не раз Манчары в поэме повторяет, что он не разбойник, никого не убивал и не грабил в целях наживы, как те, «которые разграбили Жиганск» (в 1802 г. город был опустошен шайкой разбойников). Ему не было нужды кого-то грабить, потому что «сородцы мне давали добровольно оружие, одежду, пищу, все давали, как святую милостыню...» Манчары осознавал и свою силу и свое значение, хотя его выступления и носили стихийный характер: «Так надобно, чтоб помнили меня, как грозную годину божьей кары». Так емко и точно выражает поэт мощь социального протеста народных масс Якутии, олицетворенной в образе Василия Манчары.

Судьба поэмы сложилась печально. Первая ее часть остается неизвестной. А впервые поэма увидела свет в 1897 г. в грубой «обработке» Н. Ф. Борисовского. В 1937 г. М. Азадовский убедительно доказал, что это не что иное, как замаскированный плагиат. Однако у Н. Борисовского нашлись защитники. Проф. Ф. Т. Сафронов в 1980 г. пытался доказать, что Борисовский, хотя «больше отталкивался от фактов, содержащихся в произведении Александрова», хотя «переносит некоторые строки» его в свое сочинение, «заимствует» большую часть имен из поэмы Александрова, создает все-таки самостоятельное произведение. Если «заимствуются», как мягко выражается профессор, факты, строки, имена действующих лиц, то это, оказывается, нельзя называть плагиатом. В. Г. Короленко, который хорошо знал Якутию и легенды о Манчары, прочитав поэму Борисовского, записал: «В поэме Манчары изображен каким-то Амалат-беком, начальником шайки удалых. Чушь! (см. кн. Р. П. Моториной «Опись рукописей...» М., 1950, с. 176). «Обработка» Борисовского выхолостила социальную сущность поэмы Александрова, которую не было нужды именовать в предисловии «записками», якобы взятым Борисовским как «материал для поэмы». В бумагах Александрова был готовый текст поэмы, что неопровержимо свидетельствует и недавняя ее публикация.

Постепенно усилиями многих исследователей восстанавливается подлинное лицо поэта Сибири, передового человека своего времени, который с полным правом однажды сказал о себе: «Я служил народу...»

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

Пустынная обитель; Поэзия; К пернатым странникам.— ж. Б-ка для чтения, 1843, т. 56; Н. А. Ш-р-ной; Храм в пустыне; Всему конец.— ж. Б-ка для чтения, 1843, т. 59; Воздушный тарантас, или воспоминания о поездке по Восточной Сибири. Иркутск (лето 1827 г.).; Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах /Сост. Б. А. Милютин. СПб. Т. 1, 1875; То же в кн.: Восточная Сибирь в ранней художественной прозе /Сост. А. Гуревич. Иркутск, 1938; Сибирь: Стихотворение.— Восточное обозрение, 1883, № 36; Таежный карнавал: Пьеса в стихах.— Сиб. сб., СПб., 1887; На кладбище: Стихотворение.— Восточное обозрение, 1888, № 30; Тыгынов Ысэх: из якутских преданий.— ж. Ленские волны, Якутск, 1915, № 5; Элегия; Сибирь; Поэзия; Камчатка; Сибирская мело-

дия; Тайга (Дума); Последняя весна; Ангара; Эпилог поэмы Якут Манчары.— В кн.: Известия Иркутского гос. научного музея, Иркутск, 1937; Якут Манчары: Поэма, ч. 2.— Полярная звезда, 1979, № 7 (публ. Ф. Сафронова).

ЛИТЕРАТУРА

Рец. б/подписи на «Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах».— Сибирь, 1876, № 10, 7. III; Ядринцев Н. М. Начало печати в Сибири.— В кн.: Литературный сборник. СПб., 1885; Ядринцев Н. М. Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири.— В кн.: Лит. наследство Сибири, т. 5, Новосибирск, 1980; Борисовский Н. Ф. Пред. к его книгам: Цветы полевые. Тифлис, 1897; В Сибири и за Каспием. Калуга, 1902; Грибановский Н. Н. Биогр. данные о М. Александрове. — ж. Ленские волны, 1915, № 5; Азадовский М. К. Забытый сибирский поэт.— В кн.: Статьи и письма. Новосибирск, 1978; Гуревич А. Первые повести и очерки о Восточной Сибири 30—40-х гг. XIX в. — В кн.: Восточная Сибирь в ранней художественной прозе. Иркутск, 1938; Жеребцов В. И. Старая сибирская сатирическая поэзия. Новосибирск, 1938; Он же. Сибирский поэт М. Александров.— В кн.: Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940; Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. М., 1959, с. 329; Канаев Н. П. Русско-якутские литературные связи. М., 1965; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970; Петров П. Я служил народу...— Социалистическая Якутия, 1977, 20. IX; Потанин Г. Н. Из записной книжки сибиряка. II, Тюмень.— Сибирь, 1876, № 31; Он же. Воспоминания.— Сибирская жизнь, 1914, № 246; Сафронов Ф. Т. Матвей Александров и его поэма «Якут Манчары».— Полярная звезда. Якутск, 1979, № 1.

Ф. И. БАЛЬДАУФ (1800 — 1839)

В первой половине XIX в. на далеких от центра сибирских окраинах общий процесс развития русской литературы проявляется в ее основных направлениях: классицизм, сентиментализм, романтизм, и реализм. В произведениях передовых писателей-сибиряков отражались как общероссийские общественные процессы и литературные направления, так и местный колорит, выражавшийся в описаниях природы и быта населения Сибири. Здесь, как и в центре, звучали гражданские мотивы, протесты против произвола, существовавшего при самодержавно-крепостническом строе.

Талантливым выразителем одного из основных литературных направлений первой половины XIX в. — романтизма — был «на сибирской почве» Ф. И. Бальдауф. Сын мелкого горного чиновника Федор Иванович Бальдауф родился 8 марта 1800 г. в Благодатском руднике Нерчинского горного округа. Получив домашнее образование, он в 1813 г. поступил в Петербургский горный корпус. В 1823 г. по окончании этого учебного заведения Бальдауф в звании шихмейстера был назначен на службу в Нерчинский горный округ. Кроме непосредственного исполнения обязанностей горного инженера он преподавал в горном училище при Нерчинском заводе российскую грамматику, общую географию и историю. Несколько лет подряд Бальдауфа командировали на борзинское соляное озеро для наблюдения за осадкой и добычей соли. Во время пребывания в Борзинском районе, где он близко соприкасался с местными жителями — бурятами и тунгусами (эвенками), Бальдауф написал самое крупное произведение — поэму (автор назвал ее «Тунгусской повестью») «Авван и Гайро» и стихотворение «Бурятке».

Стихи и небольшие прозаические произведения Ф. И. Бальдауф начал писать еще учась в горном корпусе. Он помещал их в рукописном журнале «Пилигрим».

В 1819 г. в журнале «Современ-

ник» были опубликованы его повесть из жизни забайкальских тунгусов «Кавиту и Тунгильби», изображающая традиционную историю неудачной любви, и стихотворение «Пловец».

Литературные опыты Бальдауфа встретили поддержку со стороны писателя-декабриста А. Бестужева (Марлинского), который на одном из заседаний «Вольного общества любителей российской словесности» прочитал отрывки из новой поэмы молодого поэта «Дунай». В ней Бальдауф стремился «воспеть патриотизм и геройство» греческих повстанцев против турецкого ига.

В августе 1826 г. в журнале этого общества была напечатана большая элегия Бальдауфа «Вечер на берегу Байкала» — одно из ранних изображений славного моря в русской поэзии. У Байкала поэт размышляет о своей судьбе, борьбе страстей, об ушедших временах седой древности Забайкалья, восхищается его природой.

По данным новейшего исследователя творчества Бальдауфа — Е. Д. Петряева «за 1818—1822 гг., Бальдауф опубликовал две повести «Горный дух» и «Кавиту и Тунгильби», отрывок из сатирической комедии «Хитрый жених», более десятка стихотворений и несколько эпиграмм»[1].

Горный инженер и поэт А. Н. Таскин, хорошо знавший Бальдауфа, отмечал, что он с увлечением занимался поэтическим творчеством и подавал большие надежды, но неблагоприятные обстоятельства не дали ему возможности проявить свой незаурядный талант в полной мере: «Его вдохновляла муза солидная, и побалуй его счастье, не закупорь его судьба в глушь, да не в Саратов, а в Нерчинские заводы, за семь тысяч верст от столицы, не только дюжинное, но и замечательное, много обещавшее дарование его, конечно, развилось бы, окрепло — имя Бальдауфа не замерло бы без отголоска в нашей родине»[2].

Находясь в Нерчинском горном округе, Бальдауф продолжал писать стихи, но не мог регулярно публиковать их. Некоторые из его произведений опубликованы уже после смерти поэта, многие же, как свидетельствуют современники, не сохранились.

Одно из первых произведений Бальдауфа, написанных в Забайкалье приблизительно в 1824 г., — баллада «Кузнец», проникнутая глубоким и теплым чувством. Поэт повествует о любви кузнеца к красавице, заказавшей ему цепь, а затем исчезнувшей. Любовь не скрасила суровую судьбу кузнеца, а погубила его.

Переживания кузнеца близки поэту. Его взволнованность, как отметил еще Таскин, сказывается и на форме произведения — разнообразии и быстрой смене стихотворных размеров.

Тепло и выразительно написано небольшое стихотворение Бальдауфа «Бурятке» (1928):

Люблю я странный твой наряд,
Твои неловкие движенья,
Люблю я твой нескромный взгляд
И чуждой речи выраженья.

Ряд дошедших до нас стихотворений Бальдауфа представляют собою небольшие послания-обращения автора по разным поводам к его друзьям и знакомым. Встречаются среди них также безымянные обращения лирического характера.

Однако внимание поэта привлекали не только лирические мотивы, но и гражданские сюжеты. В беседе с Таскиным Бальдауф говорил, что ему хотелось создать что-нибудь «горное»: изобразить подземелья, «внутренность рудников, этот полусвет у забоев и смесь синевы с бледностью на лицах рудокопов перед огнем

[1] Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, с. 123.

[2] Воспоминания бывших питомцев Горного института. СПб., 1873.

бледны, и мрак вдали от забоев, и звон цепей на ногах ссыльных, работающих у насосов...».

Поэту не удалось осуществить свой замысел, но в некоторых его произведениях звучат отголоски этого замысла.

Наиболее крупное произведение Бальдауфа — поэма «Авван и Гайро» (1834) — напоминает по общей своей направленности ранние поэмы А. С. Пушкина, особенно «Цыган». Непосредственным поводом для написания поэмы послужил устный рассказ сослуживца Бальдауфа И. П. Корнилова о его жизни среди забайкальских тунгусов. Поэт щедро разукрасил этот рассказ в романтическом духе.

Сюжет поэмы — любовь русского молодого человека Аввана (намек на имя Корнилова — Иван) к тунгусской девушке Гайро. Преградой между ними встало различие религий. Авван уговаривает свою возлюбленную принять православие, но она, говоря, что «русский бог запрещает любить тунгуску», не желает оставить «веру отцов», покинуть своих сородичей.

Авван в поэме представлен разочарованным, неудовлетворенным жизнью, нерешительным и трусоватым персонажем. Симпатии поэта на стороне «украшения степей» — красавицы Гайро. Она непосредственна, искренна, свободолюбива, смела и решительна, способна к глубокому чувству. Симпатизирует автор и соплеменникам Гайро — «детям степей».

При общей романтической направленности поэмы в ней встречаются живые, достоверные описания природы Даурии и быта ее обитателей.

В последние годы жизни Бальдауф писал новое произведение из жизни забайкальских эвенков — поэму «Шаманка». По сравнению с романтической поэмой «Авван и Гайро» это произведение более реалистично. Яснее звучат в нем гражданские мотивы. Автор пишет о бедности, называя ее «матерью страданий», отмечает социальные различия и среди эвенков.

Умер Федор Иванович Бальдауф 20 марта 1839 г. в Екатеринбурге.

Стихотворения и поэмы, написанные Бальдауфом в Забайкалье, распространялись в рукописях, печатались в сибирских журналах.

В 1873 г. в Петербурге был издан сборник «Воспоминаний бывших воспитанников Горного института». В этом издании сообщены краткие биографические сведения о Ф. И. Бальдауфе и опубликованы некоторые из его произведений.

Ф. Кудрявцев

СОЧИНЕНИЯ

Горный дух: Повесть.— Благонамеренный, 1821, № 13, с. 18—32; Авван и Гайро: Поэма.— Чита: Изд. В. К. Эпова, 1911; То же.— Иркутск, 1911; Кавиту и Тунгильби; Тунгус: Повесть; Певец: Романс; Эпиграммы и эпитафия; Песни; Пловец; Элегия; Вечер на берегу Байкала; Хитрый жених: Отрывок из комедии; Послание к П. Н. Очкину; Казах; Бурятке; Весна; Акростих; Тебя ль забуду я в глуши уединенья?.. ...Мой милый

друг, мой друг бесценный!; Воробей и мышь: Басня; Цветы: Басня: Певицам Хадабулака; Авван и Гайро: Поэма; Самуйе; Шаманка.— Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1974, т. 3, с. 7—75.

ЛИТЕРАТУРА

Ядринцев Н. М. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири.— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1980, т. 5, с. 80—94; [Вагин В. И.] Федор Иванович Бальдауф.— Сибирь, 1886, 31 авг., № 35, с. 9—10; Азадовский М. К. Бурятия в русской лирике.— Жизнь Бурятии, 1925, № 1—2, с. 10—16; Маляревский П. Г. Ф. И. Бальдауф.— Нов. Сибирь, 1938, кн. 1, с. 148—161; Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, с. 82—83; Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, с. 117—145; Он же. Судьба поэта.— В кн.: Петряев Е. Д. Впереди огни. Иркутск, 1968, с. 70—141; Он же. Поэт старой Сибири.— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1974, т. 3, с. 7—11; Постнов Ю. С. Сибирский поэт-романтик Федор Бальдауф.— В кн.: Бахрушинские чтения: 1966. Новосибирск, 1968, вып. 2, с. 174—188, Он же. Поэзия романтизма в литературе Сибири.— В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 103—129.

БИБЛИОГРАФИЯ

Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 45—47.

А. Н. ТАСКИН
(ок. 1804—ок. 1875)

Алексей Николаевич Таскин — горный инженер, поэт и переводчик. Родился в Забайкалье, умер на Алтае.

Окончил в 1825 г. Горный кадетский корпус в Петербурге. Входил в число признанных корпусных поэтов. Напечатал в журнале «Благонамеренный» (1824) одно из своих стихотворений. Пьесы в его переводах шли в петербургских театрах («Посланник» и др.). Он перевел с польского драмы Корженевского «Суд присяжных» и «Клара», с немецкого комедию Геклендера «Тайный агент». Судьбу переводов он вручил в 1861 г. председателю литературного фонда Е. П. Ковалевскому с тем, чтобы 25 процентов гонорара шло в пользу общества литераторов. Около десяти лет Таскин служил в Нерчинском горном округе. Преподавал геогнозию в горном училище, работал на руднике Кличке, в Дучерском заводе. Недолго состоял чиновником горного отделения в главном управлении Восточной Сибири в Иркутске, а последующие годы работал на заводах Алтайского горного округа и дошел до генеральских чинов, но литературным творчеством не занимался. Известны его статьи по геологии и переводы ряда сочинений по вопросам горного дела.

Биографические сведения о нем скудны, архив не разыскан. Из ранних его произведений известна «Бурятская песня», напечатанная в 1831 г. в приложении к «Русскому инвалиду». В стихотворении «Нерчинские беглецы» (1832) описывается встреча в тайге двух беглых каторжников: волжанина — из Клички и татарина Файзуллы из Акатуя. Они рассказывают друг другу о том, как попали на каторгу и сговариваются держать путь вместе. В стихотворении впервые упоминается знаменитый «генерал Кукушкин», по зову которого ежегодно с каторжных работ бежали почти на явную гибель сотни отчаянных свободолюбивых людей.

Стихотворение «Ночь на берегу Онон-Борзи» очень похоже на известное стихотворение другого корпусного поэта Ф. И. Бальдауфа «Бурятке». Возможно, что такое сходство объясняется поправками Бальдауфа, с которым Таскин часто советовался. Два упомянутых выше стихотворения Тас-

кина приведены в его большом письме академику Н. И. Кокшарову по случаю столетия горного института (бывшего горного корпуса). К этому юбилею Таскин написал особое стихотворение, изданное специальным листом для участников торжеств.

Современники высоко оценивали артистические и литературные способности Таскина и считали, что он «зарыл талант» в служебной суете. В. И. Вагин, например, писал, что по таланту Таскин «был гораздо выше Бальдауфа, но дилетантски относился к поэзии, и потому забыт».

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Артур: Стихи. — Благонамеренный, 1824, № 10, с. 284—285; Бурятская песня.— В кн.: Атеней, 1824; То же; Лит. прибавл. к «Рус. инвалиду», 1831, № 75, с. 590; Нерчинские беглецы.— Ночь на берегу Онон-Борзи: Стихи.— В кн.: Воспоминания бывших питомцев горного института. СПб., 1873, с. 173—182; Письмо горного инженера А. М. Таскина к директору Горного института акад. Кокшарову о горном инженере Ф. И. Бальдауфе.— Там же, с. 1—71; Письмо А. Н. Таскина к Н. И. Кокшарову [в стихах].— Там же, с 191—192; Празднующим юбилей столетия существования Горного института.— Там же, с. 193—195.

ЛИТЕРАТУРА

Сибиряк [Н. М. Ядринцев] Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири.— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1979 т. 4; Азадовский М. Бурятия в русской лирике.— Жизнь Бурятии, 1925, кн. 1—2, с. 16—17; Богданова А. А. Сибирские поэты-романтики начала 19 в.— (Учен. зап. Новосиб. пед. ин-та, 1947, вып. 4. Серия ист.-филол.), с. 142—144; Постнов Ю. С. Страница романтической поэзии в Сибири.— В кн.: Вопросы языка и литературы Сибири. Новосибирск, 1974, с. 186—196.

В. П. ПАРШИН (1805 — 1853)

Литератор-краевед Василий Петрович Паршин родился в 1805 г. в семье урядника в Иркутске. Умер 6 июля 1853 г. в Москве.

Окончил Иркутскую гимназию; с 1823 г. начал службу в местном казачьем полку. Через десять лет был исключен из казачьего звания и назначен инспектором войсковой русско-монгольской школы в Троицкосавске. Кроме того, преподавал там в уездном училище. Вместе с кяхтинским штаблекарем А. И. Орловым участвовал в подготовке издания журнала «Кяхтинский литературный цветник» (была уже объявлена подписка). С мая 1835 г. переведен в Нерчинск, где был штатным смотрителем уездного училища и преподавателем истории, географии и рисования.

В те годы нерчинская передовая молодежь проявляла большой интерес к литературе и местной истории. Небольшой кружок учителей, чиновников и гостинодворцев в складчину выписывали книги и журналы (библиотека существовала с 1820 г.). Велись метеорологические наблюдения, собирались гербарии, обсуждались «литературные опыты» товарищей. Паршин, например, читал свои стихи. Они были одобрены, и автор послал их своему земляку-иркутянину Н. С. Щукину, а тот передал их в столичный журнал «Сын отечества». В 1839 г. этот журнал напечатал стихотворение Паршина «Цветок», а в 1840 г. стихотворение «Моя звездочка» с примечанием редакции для читателей, что автор — «поэт-самоучка Забайкальской стороны». Но Щукин для «экзотики», не спрашивая автора, добавил к «Цветку» подзаголовок «Бурятская песня». С такой добавкой

стихотворение было перепечатано и в известной хрестоматии Греча. Некоторые исследователи всерьез стали рассматривать «Цветок» как произведение бурятского фольклора, хотя в действительности это было не так.

В 1840 г. Паршин переселился в Иркутск, служил в губернском управлений, а затем советником губернского суда. В 1844 г. в Москве вышла его книга «Поездка в Забайкальский край». В ней были даны картины природы и местного быта, приведены многочисленные сведения по истории и статистике. Книга обратила на себя внимание В. Г. Белинского. Среди изданий 1844 г. он отнес ее к числу «особенно замечательных важностью содержания». Во второй части книги приводились документы, найденные автором в Нерчинском архиве.

На досуге Паршин продолжал свои «описания» Нерчинского округа и Иркутской губернии. Эти обширные рукописи сохранились в архиве Географического общества (в Ленинграде). Они богаты сведениями историко-культурного характера.

В 1848 г. по болезни Паршин вышел в отставку, переехал в Москву и служил штатным смотрителем первого Московского уѐздного училища. Свою поездку из Иркутска в Москву он описал в книге, вышедшей незадолго до его смерти. Это своего рода обозрение Сибири и справочник-путеводитель. И тут описания Паршина в известной мере сохраняют особенность публикаций его нерчинских друзей-литераторов (М. А. Зензинова, А. А. Мордвинова и др.). На первом плане у него «апологетика» Сибири, стремление донести до читателя свою романтическую привязанность к родным местам.

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Поездка в Забайкальский край: В 2-х ч. М., 1844; Описание пути из Иркутска в Москву. М., 1851; Цветок: Бурят. песня.— Сын Отечества, 1839, т. 11, с. 116; Моя звездочка: Стихи.— Сын Отечества, 1840, т. 1, кн. 2, с. 301—302.

ЛИТЕРАТУРА

Рец. на кн. «Поездка в Забайкальский край».— Б-ка для чтения, 1844, т. 65, отдел 7, с. 52—53; О Паршине В. П.— Русский вестник, 1859, кн. 2, с. 346; Петряев Е. Д. О Паршине В. П.— В кн.: Петряев Е. Д. Нерчинск. Чита, 1959, с. 38—41; Хамаганов М. П. В. П. Паршин — талантливый популяризатор бурятской народной лирики.— В кн.: Уч. зап. Бурят. пед. ин-та, вып. 21, 1960, с. 119—128; Он же. Бурятская фольклористика. Улан-Удэ, 1962, с. 147—158; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины 19 в. Новосибирск: Наука, 1970.— См. имен. указ.

С. И. ЧЕРЕПАНОВ (1810 — 1884)

Семен Иванович Черепанов родился 30 марта 1810 г. в Кударе. Умер в октябре 1884 г. в Казани. Он окончил уездное училище в Троицкосавске. В 1833—1836 гг. жил в Петровском Заводе, где близко сошелся с декабристами.

Среди сибирских литераторов прошлого века его имя стоит несколько особняком. Выходец из коренной сибирской семьи служилых людей, Черепанов в ранней юности поступил на службу в казаки. С молодости им владела жажда странствий, благо служба представляла будущему литератору такую возможность. Он объехал всю Восточную Сибирь, побывал в Монголии и Китае. В 1838 г. Черепанов поселился в Тунке, получив должность пограничного пристава. В Тунке Черепанов организовал рукописную газету.

Это был первый писатель-самоучка в литературе Сибири XIX в., первый в ней представитель казачьего сословия. В круг его интересов входили иностранные языки, литература, рисование, танцы. Писать Черепанов начал с юности, в 30-е гг. уже написал ряд произведений, которые увидели свет в основном через 20 лет в журнальной периодике, когда сам сибирский казак, став профессиональным литератором, жил в Петербурге.

Событием в жизни Черепанова было знакомство с декабристами в Петровском Заводе. Черепанов писал в «Воспоминаниях»: «Петровский Завод составлял для меня нечто похожее на академию или университет, со 120 академиками или профессорами, напичканными многосторонними познаниями...» Восхищаясь энциклопедическими знаниями декабристов, впитывая их рассказы, Черепанов, однако, не разделял их взглядов социально-политического порядка. Для него был очевиден полный крах декабристских иллюзий, несбыточность их идеалов и планов как в политике, так и в практике дворянской революционности. «Можно было многого как наслушаться, так и надуматься, видя такой плачевный результат несбыточной затеи...», — вспоминал он позднее, Черепанов принадлежал к тому поколению демократически настроенной интеллигенции, которая не принимала идеалов дворянских революционеров, негативно относилась к их социально-политической программе.

Условия воспитания Черепанова, состояние самой культурно-бытовой атмосферы в Сибири создали тип литератора, во многом свободного от сословных предрассудков. Это было мировоззрение, характерное и для ближайшего окружения Николая Полевого. Как Полевому, так и Черепанову было свойственно антиаристократическое направление мысли, что породило у последнего сложное отношение к сосланным декабристам, исполненное одновременно уважения и насмешки. Эта позиция Черепанова проявилась и в «Отрывках из воспоминаний сибирского казака», и в «Заметках о Раевском».

Семен Черепанов — автор повести «Сибирячка». Это оригинальное по жанру произведение представляет собою авантюрно-романтическую повесть с элементами физиологического очерка, но не в чистом виде, а осложненного, в свою очередь, пародией на жанр «физиологии». Исследователи отмечают сходство по многим параметрам «Сибирячки» и «Мертвых душ» Гоголя. Как и Чичиков, герой Черепанова молодой человек, ищущий путей для быстрого продвижения карьеры, видит единственный реальный способ — выгодную женитьбу. И именно с этой целью предпринимает путешествие в отдаленный угол Российской империи — город Кяхту. Черепанов отнюдь не был новатором в изображении типов провинциального русского общества. Кроме реминисценций из Гоголя Черепанов вводил в повествование уже заведомо известных, «апробированных» в литературе героев. В финале повести являлся граф Нулин, можно проследить и мотивы, общие с «Дядюшкиным сном» Достоевского. Черепанов пользовался готовыми «блоками», уже выработанными литературой моделями. Это был распространенный в середине прошлого века прием массовой беллетристики.

«Сибирячка» Черепанова создавалась в период расцвета жанра физиологического очерка. Самыми популярными авторами в этом жанре были Даль, Некрасов, Гребенка и Загоскин.

Удаленность, изолированность от Центральной России сибирских городов, близость Монголии и Китая, влияние восточной культуры и существовавшая в среде чиновничества ориентация на западную европейскую культуру — все эти

компоненты создавали особое этнографическое и культурное явление, отразившееся и в обычаях, и в бытовой жизни сибирского общества, и в языке. Черепанову, как сибиряку, прекрасно были известны эти специфические особенности, более того, он выступал перед читателями как опытный этнограф, его знания распространялись на все области сибирской жизни.

Главным предметом изображения в «Сибирячке» является сам город Кяхта. Автор делает обзор города, ведет по его «этажам»: и на прием к губернатору, и в купеческую семью «прекрасных жизненных правил», и в дом бедного, романтически настроенного медика, и к местам, где рядятся извозчики.

Герой Черепанова Дутиков кроме поисков богатой невесты занят еще одним важным делом — он пишет статьи в центральные журналы о своей поездке. Как это было принято, он описывает климат, природу, ремесла и занятия местного населения. Не понимающий далекой от него сибирской народной жизни, Дутиков часто попадает впросак. Например, он обнаруживает свою наблюдательность, описав распространенную, по его мнению, болезнь местных женщин — «конвульсии в челюстях», что в действительности является привычкой местного населения жевать лиственничную смолу и т. д. Нарочито «раешные», комические ситуации показывают, как глубока пропасть между честными и прямыми сибиряками и изощренным в льстивости и лжи подполковником Дутиковым, какова цена описаний залетных путешественников, как далеки эти описания от действительной жизни.

Физиологический очерк Черепанова, однако, не включал такого важного для русских «физиологий» момента, как социальная характеристика. Сходную картину можно было наблюдать и в прекрасных очерках о русской жизни Николая Полевого («Рассказы русского солдата», например). Причиной, безусловно, является то, что у обоих авторов была слаба социальная оппозиционность, характерная для русских «физиологий». Черепанов не видел социальных противоречий, он искал решение всех конфликтов в морально-этической сфере.

Семен Черепанов был талантливый литератор, его дар рассказчика сибирских «бывальщин» хорошо виден в известных очерках «Воспоминания о ловле зверей в Сибири», «Путешествие сибирского казака в Пекин».

Поселившись на склоне лет в Казани, Черепанов затеял издание нескольких публицистических брошюр, сосредоточившись в том числе и на проблемах семейной жизни, «женском вопросе» («Прозаичное послание к русским женщинам старика Черепанова»).

Это был литератор, использовавший весьма своеобразные приемы и стилистику для воссоздания сибирской действительности в русской литературе.

Н. Курдина

СОЧИНЕНИЯ

Сибирячка: Повесть.— Б-ка для чтения. СПб., 1855, т. 131, № 5—6, отд. 1, с. 111—182; Отрывки из воспоминаний сибирского казака Семена Черепанова.— Древняя и Новая Россия, 1876, т. 2, № 6, с. 187—192; № 7, с. 258—272; № 8, с. 376—385; т. 3, № 9, с. 79—84; № 10, с. 180—187; Воспоминания о ловле зверей в Сибири.— Б-ка для чтения. СПб., 1854, февр., ч. 2, отд. IV, с. 55—88; Заметка о Раевском: В редакцию журнала «Русская Старина» /Публикация в статье П. С. Бейсова «Общественно-политические взгляды В. Ф. Раевского.— (Ученые записки Ульяновского гос. пед. института, вып. У, Ульяновск, 1953), с. 548—551.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М. К. Рукописные журналы в Сибири.— В его кн.: Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск. 1947, с. 108—110; Русский биографический словарь, СПб, 1905, т. Чаадаев-Шнитков. Петряев Е. Д. — Впереди — огни. Иркутск, 1968, с. 194 и 280.

Д. П. ДАВЫДОВ (1811 — 1888)

Сибирский поэт и просветитель Д. П. Давыдов обессмертил свое имя, создав стихотворение «Думы беглеца на Байкале» («Славное море — привольный Байкал»). Оно стало любимой народной песней, живущей уже второе столетие, не утратив и поныне своего очарования, глубины, свежести и яркости поэтического чувства, воплощенного в нем.

Дмитрий Павлович Давыдов родился в 1811 г. в г. Каинске Томской губернии (ныне г. Куйбышев Томской области). Он был потомком старинного дворянского рода. Позднее поэт писал: «Мой древний род блистал в стенах Рязани. Он славен был и в Думе и в боях...» Отец его Павел Васильевич Давыдов — ученый-гидрограф — командирован был в Сибирь для исследования «возможностей соединения Енисея с Тазом и для приучения инородцев к употреблению в пищу хлеба»[1]. В дороге в семье Давыдовых и родился будущий поэт. Он приходился племянником поэту-партизану Денису Давыдову и родственником декабристу В. Л. Давыдову. Получил хорошее домашнее образование, которое потом пополнял всю жизнь упорным самостоятельным трудом.

В 1826—1829 гг. Давыдов служил канцеляристом Ачинского окружного суда. В сентябре 1829 г. принят кандидатом учительского звания при Иркутской губернской гимназии и, успешно выдержав испытания, получил звание учителя начальной школы. С 1830 по 1833 г. работал учителем первого класса Троицкосавского уездного училища. В это время Давыдов близко познакомился с известным ученым-физиком и востоковедом П. Л. Шиллингом и монголоведом О. М. Ковалевским, оказавшими глубокое влияние на его духовное развитие и последующую деятельность.

В 1833 г. Давыдова по его просьбе переводят учителем Якутского уездного училища. С 1834 по 1845 г. он занимал должность штатного смотрителя якутских училищ и одновременно продолжал преподавательскую деятельность. В это же время шло и повышение в чинах. В 1836 г. он был произведен в коллежские секретари, в июле 1838 г. — в титулярные советники и, наконец, в 1844 г. получил чин коллежского асессора. В 1844—1846 гг. Давыдов принимал активное участие в работе Северо-Восточной сибирской экспедиции, организованной Российской Академией наук под руководством академика А. Ф. Миддендорфа. Выполняя поручения экспедиции, он с увлечением проводил геотермические и метеорологические исследования на территории Якутии, пробивал шурфы, бурил артезианские колодцы. Результаты этих исследований получили высокую оценку в научной среде. «Господин Миддендорф, — вспоминал позднее Давыдов, — мои изыскания напечатал в своей книге «Sibirische Reise» и, кроме того, упомянул о моих трудах в записке, читанной им 13 августа 1847 г. в заседании императорской Академии наук и помещенной в академическом бюллетене»[2].

В 1846—1859 гг. Давыдов занимал должность штатного смотрителя училищ Верхне-Удинского округа. В это время он много путешествует по Забайкалью, изучает местный фольклор, занимается этнографическими и археологическими изысканиями. В одну из таких поездок он в 1847 г. в Баргузине познакомился с ссыльным

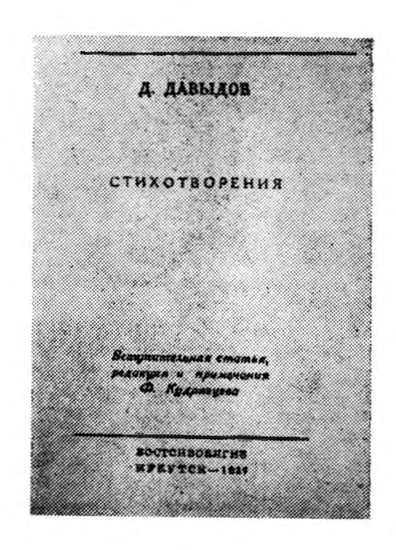
[1] Гашинский С. И. Памяти Д. П. Давыдова.— Тобольские губерн. ведомости, 1893, № 20, с. 306.

[2] Сиб. огни, 1973, № 6, с. 182.

декабристом Михаилом Бестужевым, который в письме к И. И. Пущину с восхищением писал о Давыдове: «Я познакомился с Д. П. Давыдовым, смотрителем училищ здешнего округа; удивительно, как он сам себя, не быв ни в каком ученом заведении, образовал; математика и физико-математические науки — его конек, и он для Академии делает наблюдения. Кроме Фуссе, это первый человек, которого я встретил в Сибири, с кем мог говорить по моей части — вообще знакомство мне очень приятное»[3].

В декабре 1859 г. Давыдов выходит в отставку и переезжает в Иркутск, рассчитывая полностью отдаться научной и литературной деятельности. Однако вскоре его неожиданно сразил тяжелый недуг: он восемь лет был прикован к постели, ослеп. Постепенно здоровье восстановилось, но зрения поэт лишился навсегда. В 1879 г. Давыдов с семьей переселяется в Тобольск, где он провел последние годы жизни, не переставая заниматься научным и литературным творчеством. Умер он 1 июня 1888 г.

Будучи человеком большого трудолюбия и разносторонних интересов, Давыдов оставил заметный след в истории культуры и просвещения Сибири. Он содействовал открытию национальных школ в Якутии и Бурятии, оказывал материальную помощь неимущим ученикам, на собственные скудные средства производил археологические раскопки, много лет настойчиво собирал и записывал пословицы, поговорки, сказки, легенды и предания якутов, бурят, монголов. Еще в молодости, в мае 1836 г., Давыдов был утвержден в должности члена-корреспондента Иркутского губернского статистического комитета, а в декабре 1851 г. избран в члены-сотрудники только что созданного в то время Сибирского отдела Русского географического общества. Он первым стал разрабатывать грамматику якутского языка и составлять якутский словарь. «Я первый, — писал Давыдов, — указал Европе на якутский язык, напечатав в «Архиве научных сведений о России» Эрмана (Берлин, 1843, с. 312—332) «Сборник слов» — указатель якутских слов» (Сиб. огни, 1973, № 6, с. 182).

В «Записках Сибирского отдела Русского географического общества» он опубликовал в 50-е гг. несколько интереснейших исследований по этнографии, археологии, истории материальной культуры — «О начале и развитии хлебопашества в Якутской области», «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области в Верхнеудинском округе», «Обон» и др. Впрочем, опубликована была лишь незначительная часть из написанного Давыдовым. Судьба его рукописей крайне драматична. Еще в Якутии во время пожара сгорела подготовленная к печати большая поэма о Ермаке «Покорение Сибири». В 1863 г. во время польского восстания в Варша-

[3] Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975, с. 177.

ве в доме многолетнего друга поэта известного монголиста О. М. Ковалевского сгорело богатое собрание материалов Давыдова по фольклору. Наконец, множество рукописей поэта погибло в 1870 г. в Иркутске при наводнении.

В многогранной деятельности Давыдова, просветителя, ученого, далеко не последнее место занимали поэзия и литература. Его первые литературные опыты относятся еще к ранней молодости, когда им были написаны два романа в стихах — «Наташа» и «Заветный бокал». Рукописи их сохранились до наших дней в рукописных фондах Пушкинского Дома. Роман «Наташа» — произведение, построенное на автобиографической основе. В нем повествуется о несчастной любви бедного учителя к девушке из богатой семьи. В печати как поэт Давыдов дебютировал отдельно изданным стихотворением «Амулет» (Казань, 1856). Большая часть прижизненных публикаций поэта появилась в еженедельной петербургской газете «Золотое руно» в 1857—1858 гг. Здесь увидели свет такие его произведения, как «Из IV Думы о покорении Сибири», «Якутские силуэты», «Дума II о покорении Сибири», «Моя юрта», «Думы беглеца на Байкале», «Сибирский поэт», «Тунгус», «Сон на 24-е апреля», «Жигановские якуты и одна из их легенд», «Мои старые неудачи» и др.

Лирика Давыдова насыщена мотивами бурятского, якутского и эвенкийского фольклора, строится на основе народных поверий и преданий, она орнаментирована соответствующей лексикой. В ней ярко выражен местный колорит. Поэт пишет о гибели тунгуса-охотника, замерзающего в тайге (стих. «Тунгус»), о смерти юной девушки, осмелившейся нарушить завет старого шамана («Жиганская Аграфена»). В стихотворении «Амулет» рассказано о том, как старуха якутка спасает тонущего русского, застигнутого в утлом берестяном челноке на Лене неожиданно налетевшим ураганом. Взаимоуважение и дружба народов — один из доминирующих мотивов в романтически окрашенной поэзии Давыдова. Сильна в ней и автобиографическая тема. Она особенно заметна в шутливо-сатирической поэме «Ширэ гуйлгуху, или Волшебная скамеечка», опубликованной в 1859 г.

Используя одно из ламаистских поверий о самодвижущейся волшебной скамеечке, с помощью которой путем заклинаний якобы можно отыскать украденные вещи, поэт в юмористических тонах живописует переживания плебея-учителя, у которого украли последние сапоги — его единственное достояние. Он пишет о чванливости богачей, в чьих домах приходится учителю давать уроки, о его бесправии и полуголодном существовании, его униженности и зависимости от сильных мира сего. В поэме немало метких, афористических замечаний о социальной несправедливости, царящей в мире. «Но пред начальством глуп и гений, — оно не терпит возражений», «Известно издавна, что завсегда у педагога желудок на диете строгой, а грудь желаньями полна». Или: «Жрецов науки и искусства, нас не считают за людей». В сюжетном развитии поэмы причудливо сплавлены элементы вымысла и самой трезвой, доподлинной реальности, подчеркнуто бытового антуража, в котором живет и действует лирический герой Давыдова. Таковы реалистически выписанные сцены в бурятской юрте у старика ламы Гомбоя Дабанова, таково начало поэмы да и некоторые другие эпизоды.

Самым же ценным и непреходящим из творческого наследия поэта остается его бессмертное стихотворение «Думы беглеца на Байкале». Уже в 60-х гг. прошлого века оно ушло в народ, стало популярнейшей песней. Народ отшлифовал и отгранил авторский

текст. Из одиннадцати куплетов в песне осталось только пять наиболее характерных и выразительных. Имя автора на долгие годы было утрачено и забыто. Первые записи песни были сделаны в 60—70-х гг. прошлого века. Текст ее приводится в известной книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1871). Приблизительно в это же время о ней писал Н. М. Ядринцев в своей работе «Русская община в тюрьме и ссылке» (М., 1872, с. 112). Ядринцев считал «Славное море» «старинной тюремной песней». Так же воспринимал ее и П. Ф. Якубович, приводя текст песни в своих записках «В мире отверженных». Заслуга в установлении подлинного авторства «Славного моря» принадлежит сибирскому историку Ф. А. Кудрявцеву, первому биографу и собирателю поэтического наследия Д. П. Давыдова.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Амулет: Поэма. Казань, 1856; Ширэ Гуйлгуху или Волшебная скамеечка: Поэма. Верхнеудинск, 1859; Поэтические картины. Иркутск, 1871; Стихотворения. Иркутск: Востсибоблгиз, 1937; О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области, Верхнеудинского округа.— Зап. СОРГО, 1856, кн. 2.

ЛИТЕРАТУРА

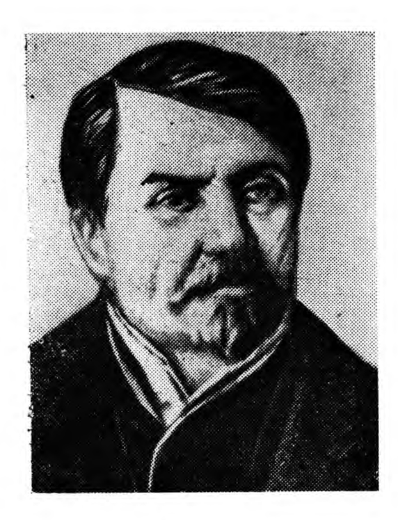
Ходукин Я. Верхнеудинский смотритель училищ Д. П. Давыдов как работник по ученой части.— Сиб. летопись, 1917, № 1-2. Кудрявцев Ф. Забытый сибирский поэт Д. Давыдов. — В кн.: Сибирский литературно-краеведческий сборник, Иркутск, 1928, с. 77—92; Жеребцов Б. Сибирский поэт Д. П. Давыдов (1811—1888).— В его кн.: Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 57—59; Азадовский М. К. Заметки фольклориста: Еще о песне «Славное море».— Сиб. огни, 1947, № 3, с. 111—114. Андреев В. И. Д. П. Давыдов — выдающийся учитель и просветитель. — В кн.: Андреев В. И. Выдающиеся учителя и просветители Бурятии. Улан-Удэ, 1961, с. 29—54; Постнов Ю. С. Сибирские мотивы в поэзии Д. Давыдова.— В кн.: Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1969, вып. 3, ч. 1, с. 75—85; К биографии Д. П. Давыдова: [Заявление Д. Давыдова от 30 июня 1875 г. с просьбой о помощи и «Докладная записка о трудах коллежского асессора Д. Давыдова», хранящиеся в рукописном отд-нии Ин-та рус. лит. Пушкинского Дома АН СССР] Предисл. И. Ямпольского.— Сиб. огни, 1973, № 6, с. 180—183; Трушкин В. Послужной список Дмитрия Давыдова.— Сибирь, 1984, № 3, с. 91—95.

П. В. ШУМАХЕР (1817 — 1891)

Петр Васильевич Шумахер родился 6 августа 1817 г., окончил Коммерческое училище в Петербурге; в 30-х гг. начинает службу «чиновником для письма» в различных министерствах; затем живет в Сибири, управляя золотыми приисками крупнейших золотопромышленников; в 50-х гг. переезжает сначала в Нижний Новгород, потом в Петербург и целиком отдается литературной работе; 60-е гг. застают его в Сибири в качестве чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Муравьеве-Амурском. Последние годы живет в Москве, нуждаясь, не имея возможности печататься. Жизнь его оборвалась 11 мая 1891 г. в странноприемном доме графа Шереметева на Сухаревке.

Поэтическое наследие Шумахера — типическое явление русской демократической литературы середины XIX в., яркий образец политической и бытовой сатиры, отразившей как сильные, так и слабые стороны общественных устремлений русской интеллигенции, поднявшейся на борьбу с крепостничеством и самодержавием.

Для формирования мировоззре-

ния поэта большое значение имела встреча с Т. Шевченко, знакомство с «Колоколом» Герцена и сатирическим журналом «Искры».

О характере творчества Шумахера, о сложности его поэтической судьбы свидетельствует следующий факт.

В 1872 г. выходит в свет его первый сборник «Для всякого употребления». И сразу же разразился скандал: цензура сжигает сборник, автора привлекают к суду. Обвинитель на суде заявил: «Книга Шумахера большею частью заключает в себе очень краткие и очень легкого содержания стихотворения, начинающиеся с обыкновенных эротических тем и оканчивающиеся серьезными целями: об исторических судьбах народа».

И действительно, исторические судьбы русского бесправного народа — основная тема стихов Шумахера. В решении этой кардинальной задачи отчетливо прослеживаются три тематических пласта. Первый из них антиправительственная сатира, бичующая царя и его приспешников, высшие сановные круги, весь политический уклад самодержавно-бюрократического строя.

Образ правленья — холопства
и барства,—
Изображенье Российского царства...
Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;
Тесно свободе в законах лазейки:
Бедность в народе, в казне
ни копейки,
Лоск просвещенья на броне
татарства —
Изображенье Российского царства.

К процитированному стихотворению «Изображение Российского царства» (1861) примыкают стихотворения «Сказка про белого царя» (1859), «Чума» (1879), «Высокопоставленные» (1879), «Сердце царево в руце божией» (1881).

Как бы спускаясь по ступенькам иерархической лестницы, вслед за царем и высшими сановниками, Шумахер помещает галерею сатирических типов, представителей всех слоев обывательщины. Он рисует хлесткие портреты разнузданных крепостников-помещиков («Последний из могикан», 1859), алчного эксплуататора-капиталиста («Честный поневоле», 1887), чванливого невежу аристократа, врага культуры и прогресса («Российский турист», 1866), обывателя-чиновника, болтающего после сытного обеда о политике и «вопросах» («Красный и сивый», 1866).

Большой удел судьбой мне не дан,
И я вперед не выдаюсь,
Начальству всей душою предан
И, страх, полиции боюсь,
Имею чин, жену, ребяток,
Казенный угол и дрова,
Но что касается до взяток,
То уж сорву, как дважды два,—

таков, по мнению поэта-демократа, моральный и интеллектуальный облик оплота самодержавных властителей («Идеал», 1865).

Большой заслугой Шумахера было его стремление нарисовать образ русского народа.

Горькое, пронзительное чувство боли за судьбу талантливого человека из народа, погубленного произволом и бесправием, приходит к Шумахеру впервые в Сибири, о чем свидетельствует стихотворение: «Песня каторжника» (1862):

Ой ты, горечь, злая мачеха Сибирь,
Снежной степью разметалась вдоль и вширь.
Неприветна, непривольна, нелюдна,
Неприглядна, непригожа, холодна.
Не грози ты злобой-местию своей
Беззаступных горемык, честных людей,
Что томятся в чужедальной стороне,
С лиходеями-ворами наравне...

Сибирь, по-видимому, сыграла немалую роль в становлении мировоззрения поэта, а не только обогатила «наблюдательного Шумахера сведениями о быте и нравах сибирского купечества» (Н. Бельчиков). Здесь, на золотых приисках, на берегах Амура, он мог наблюдать тяжелый подневольный труд простого сибирского люда, наблюдать вольнолюбивые глубокие народные характеры, о чем и свидетельствует стихотворение «Песня каторжного». Не случайно именно после сибирского периода лирические стихи, характерные для творчества Шумахера в 40-х гг., сменяются сатирическими мотивами, определившими основное направление его поэзии.

Жизнь и творчество П. В. Шумахера отразили мучительную трагедию типичного представителя русской демократической интеллигенции. Последние годы в его творчестве омрачены тяжелым идейным кризисом. Неоформленность политических убеждений, нарастание реакции, гнетущий полицейский надзор за каждым шагом, каждой строкой исподволь убивают веру поэта в свободолюбивые идеалы. Уже к концу 60-х гг. прослеживается усиление скептических настроений («Физиология наций», 1867, «Прогресс», 1869), к концу 70-х гг. они становятся главенствующими («Женский вопрос», 1871, «Наша общественная работа», 1879, «Когда», 1883). Поэт пытается замкнуться в кругу лирических тем, пытается найти утешение в природе; усиливаются его раздумья над бессмысленностью человеческого существования вообще. Поэт пытается даже писать верноподданнические стихи («К портрету Александра III»), отходит от политической сатиры, ограничиваясь сатирой чисто бытовой, морализирующей, отражающей ироническую позицию уставшего человека («Реальность», 1881, «И как, и что у нас вообще?», 1881).

Поэзия всегда была моя стихия,
Свободой, правдою звучал мой смелый стих,
Но, изувеченный цензурою, я стих,
И только для друзей пишу теперь стихи я.
(1885)

С горечью и тоской ощущает поэт, как гибнет его талант, лишенный свободолюбивого голоса, ибо «реальность» задушила в Шумахере поэта и политического сатирика.

Н. Петрова

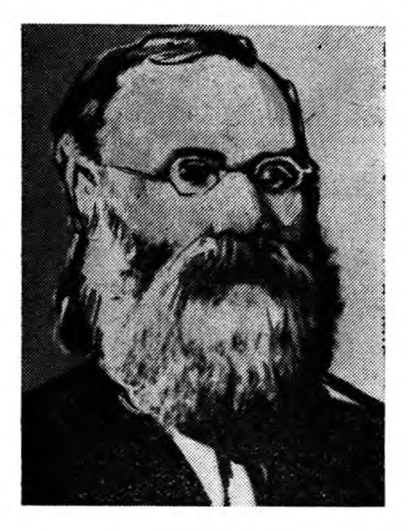
СОЧИНЕНИЯ

Для всякого употребления: Стихи. 1871. (Издание сожжено цензурой); Моим землякам: Сатирические шутки в стихах. П. В. Шумахер. Берлин, 1873; Шутки последних лет: Стихи. М., 1879; Золотой якорь: Песни и сатиры. М., 1894; Стихотворения и сатиры.— М.; Л., Сов. писатель, 1937.

ЛИТЕРАТУРА

Бартенев П. П. В. Шумахер в его письмах к П. И. Щукину.— Русский архив, 1909, кн. 2, с. 286—287; Белов А. М. Забытый поэт-сатирик.— Истор. вестник, 1910, кн. 2. с. 504—528; Бельчиков Н. Ф. П. В. Шумахер.— В кн.: Шумахер П. В. Стихотворения и сатиры. М.; Л., 1937, с. 5—31; Петр Шумахер (1817—1891).— В кн.: Поэты «Искры». Изд. 2, Л., 1950, с. 385—386, 486; Гиляровский В. А. (О П. В. Шумахере).— В кн.: Гиляровский В. А. Москва и москвичи (Воспоминания). М., 1955, с. 186, 295—296; Шумахер П. В.— В кн.: Поэты «Искры». Т. 2, Л., 1955, с. 329, 881—884, 927, 982—983; Смирнов-Сокольский Н. П. (О П. В. Шумахере).— В кн.: Рассказы о книгах. М., 1959, с. 417—423; Петр Васильевич Шумахер (1917—1891).— В кн.: Русские поэты XIX в. Хрестоматия, изд. 3-е. М., 1964, с. 808—812; Жеребцов Б. Сибирские стихи П. В. Шумахер (1817—1891).— В кн.: Жеребцов Б. Сибирский литературный календарь. Иркутск, 1940, с. 61—63; Шумахер Петр Васильевич (6 авг. 1917 — 11 мая 1891).— В кн.: История русской литературы XIX в. Библиогр. указатель. М.; Л., 1962, с. 824—825.

В. И. ВАГИН
(1823—1900)

Публицист, историк и географ Всеволод Иванович Вагин родился 10 февраля 1823 г. и умер 25 ноября 1900 г. в Иркутске.

Родился в семье чиновника, учился сначала дома, потом в Омском войсковом казачьем училище, а с 1837 г. в уездном училище г. Троицкосавска.

В 1840 г. поступил на службу в главное управление Восточной Сибири.

В 1847 г. в «С.-Петербургских ведомостях» напечатал статью о голоде в некоторых местах Иркутской губернии. Так началось полувековое сотрудничество Вагина в печати.

В 1851 г. он был определен советником во вновь открытое в Чите Забайкальское областное управление, но из-за ссоры с губернатором уже через год переехал в Томск, где три года служил в канцелярии губернии, а затем шесть лет был окружным начальником в Каинске. В 1861 г. вышел в отставку, переселился в Иркутск и занялся адвокатурой. Дела шли успешно. Кроме того, он работал в городской думе, в отделе Географического общества, писал статьи и рецензии в местных и столичных изданиях по вопросам сибирской жизни.

Результатом долгих архивных разысканий стал его двухтомник «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири» (СПб., 1872). К сожалению, оставшиеся неопубликованными документы сгорели вместе с самим архивом в 1879 г. Поэтому теперь этот труд получил значение первоисточника и широко используется историками.

В 1875 г. Вагин принял на себя обязанности редактора-издателя иркутской газеты «Сибирь». Он сумел «соединить в этой газете многих сибирских деятелей и дать ей жизнь и известное значение». Передав в 1877 г. газету М. В. Загоскину, он остался ее сотрудником. Близкое участие он принимал также в «Восточном обозрении» Н. М. Ядринцева. Ряд статей Вагина был напечатан в изданиях Географического общества.

Вагин выступал в печати не только как публицист и историк, но и как прозаик и мемуарист. Важное значение имеют его воспоминания «Сороковые годы в Иркутске», в которых запечатлена бытовая, общественная и культурная жизнь иркутского общества в 40-е гг. XIX в. Ценным историко-культурным памятником ушедшей эпохи является дневник В. И. Вагина, хранящийся в Иркутском госархиве.

Автобиография Вагина и перечень его публикаций к 1888 г. даны в «Библиографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова (т. IV, СПб., 1895, отд. II, с. 4—12). В последующие годы (1889—1900) было напечатано еще несколько статей. В итоге в библиографии Вагина учтено около 210 названий.

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

По вопросу о провинциальной печати. Изв. ВСОРГО, т. V, № 5 и 6; Нынешняя деревенская песня. Изв. ВСОРГО, 1887, т. XVIII, с. 44; Сороковые года в Иркутске.— Лит. сборник. Иркутск, 1885, с. 249—280; Ершов и его биография.— Сибирь, 1882, № 26 и 27; Ф. И. Бальдауф.— Сибирь, 1886, № 35; Баклашинские песни.— Сибирь, 1886, № 11, 22 и 29, Речь на вечере 26 октября. Сибирь, 1884, № 45.

ЛИТЕРАТУРА

Яковлева К. А. Всев. Ив. Вагин: Библиография. Изв. ВСОРГО, 1888, т. 19, № 5, с. 83—96; Некролог.— Восточн. обозр., 1900, № 239 и 240.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1828—1889)

Чернышевский Николай Гаврилович (род. 12(24) июля 1828, Саратов — ум. 17(29) октября 1889, Саратов) — великий русский революционный демократ, ученый, публицист, литературный критик, глава разночинческого этапа освободительного движения в России, «самый большой и талантливый представитель социализма до Маркса» (Ленин и книга. М, 1964, с. 295—400). Автор значительного числа художественных произведений, большая часть которых была создана им во время политической ссылки в Сибири.

Родился, рос и воспитывался до 18 лет в семье священника. Учился в духовной семинарии. В ранние годы испытал сильное религиозное влияние. Вырастая в семье, по своему материальному и юридическому положению близкой к разночинной среде, рано проникся демократическими симпатиями, близко к сердцу воспринимая «факты действительной народной жизни», «которая, — писал Чернышевский, — тогда охватывала меня со всех сторон» (ПСС, т. 1, с. 647—648).

В 1846 г. вышел из семинарии и поступил на отделение словесности философского факультета Петербургского университета, где учился четыре года. Этот период характеризуется напряженными идейно-нравственными исканиями, вдумчивым чтением сочинений М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Ж. Санд, произведений французских социалистов-утопистов Ш. Фурье, А. Сен-Симона, изучением политико-экономических трудов А. Смита, Д. Рикардо, приобщением к материалистической философии Л. Фейербаха. Он внимательно следит за событиями европейской революции 1848—1849 гг., осознавая себя решительным противником угнетателей «низших классов». «Неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее» — эта дневниковая запись «мыслей о России». (ПСС, т. 1, с. 357) итожила путь его политической зрелости.

Окончив университет кандидатом русской словесности, Чернышевский в 1851 г. приехал в Саратов и два года служил старшим учителем местной гимназии. В апреле 1853 г. женился на дочери врача Ольге Сократовне Васильевой, и в мае оба переехали в Петербург.

В столице Чернышевский прожил до 1864 г. Это было время наиболее интенсивной творческой деятельности, выдвинувшей Чернышевского на роль вождя революционеров - шестидесятников. Главой нового демократического движения он становится со времени защиты магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), утвердившей материалистический взгляд на искусство и принципы общественного служения литературы. Одновременно Чернышевский сотрудничал в

«Отечественных записках» и «Современнике» как литературный критик. Вскоре он принял приглашение Н. А. Некрасова работать исключительно для «Современника». Литературно-критическая деятельность Чернышевского уже в ту пору характеризуется ясностью общественных требований и демократизмом убеждений, решительностью суждений и строгой принципиальностью, стремлением вернуть критику к традициям Белинского. Напечатанные в «Современнике» «Очерки гоголевского периода русской литературы», статьи о творчестве А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Ф. Писемского, Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, Н. В. Успенского составили блестящие страницы в истории русской критики. В годы первой революционной ситуации в России (1859—1861) Чернышевский опубликовал ряд публицистических статей и работ философского и политико-экономического содержания, обосновывающих мысль о крестьянской революции в России как единственном средстве для осуществления в стране подлинно демократических преобразований. «Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — умел и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров», «от его сочинений веет духом классовой борьбы» (Ленин В. И., ПСС, т. 5, с. 29—30; т. 25, с. 94).

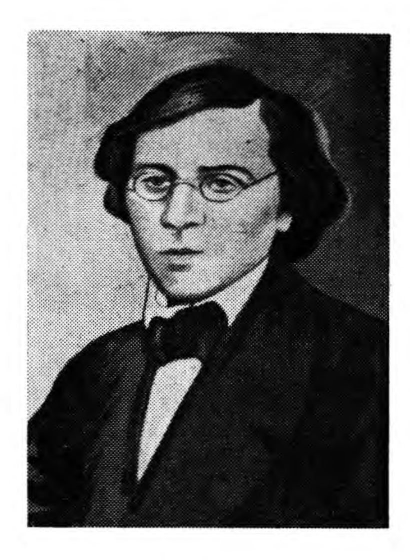
7 июля 1862 г. Чернышевского арестовали и поместили в одиночную камеру Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Не располагая прямыми юридическими материалами для обвинения, Следственная комиссия пошла на фабрикацию компрометирующих Чернышевского документов, лишь бы расправиться с «опасным» писателем, оказывающим революционное влияние на молодежь. На основании фальшивых улик и показаний подставных свидетелей правительствующий Сенат объявил Чернышевского составителем революционного воззвания к крестьянам. В 1864 г. он был сослан на 7 лет каторги и последующее поселение в Сибири.

Срок каторжных работ Чернышевский отбывал в Усольском солеваренном заводе (июнь 1864), в Кадаинских рудниках (1864—1866) и тюрьме Александровского завода (1866—1871). Затем его сослали, но не в Иркутск или Красноярск, как на то надеялся Чернышевский, и как зачастую поступали с бывшими политическими каторжанами, а в далекий Вилюйск Якутской губернии. По отношению к писателю вновь было совершено беззаконие. Власти по-прежнему боялись его, его идей, его сочинений, к тому времени приобретавших общеевропейскую известность. В Вилюйском остроге под усиленной охраной казаков Чернышевский прожил 12 мучительных лет (1872—1883). В условиях полной изоляции вилюйского заточения, тяжелобольной, лишенный общения с семьей и близкими, и возможности публиковать свои произведения, Чернышевский с непреклонным мужеством и редким достоинством переносил тяготы ссылки. Ярким свидетельством верности Чернышевского своим убеждениям был отказ от подачи прошения о помиловании. В эти годы Ф. Энгельс напоминал современникам о лучших людях России, в числе которых был и «Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия бесконечно обязана столь многим, и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 22, с. 441).

После расправы народовольцев с Александром II преемник царя, опасавшийся новых террористических акций, пошел на смягчение участи Чернышевского. Писателя перевели в Астра-

хань (1883—1889), затем в Саратов (июнь—октябрь 1889). Чернышевский по-прежнему находился под неусыпным полицейским надзором, имя его оставалось под запретом. В поисках заработка он занимался преимущественно переводами западноевропейских исторических и естественно-научных сочинений. Но он полон творческих планов: мечтает создать энциклопедический словарь, издавать книги для народа, писать для детей по истории и политической экономии, надеется на активное и влиятельное участие в журнале «Русская мысль», собирает и обрабатывает материалы для биографии Н. А. Добролюбова (книга издана анонимно А. Н. Пыпиным в 1890 г.), пишет воспоминания о Н. А. Некрасове, И. С. Тургеневе, Ф. М. Достоевском, готовит к переизданию свою магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», в предисловии к которой дал решительный бой сторонникам идеалистической философии (издание было запрещено цензурой) — «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х гг. вплоть до 88 г. остаться на уровне цельного философского материализма» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384).

Пробу пера в области художественной литературы Чернышевский осуществил еще в студенческие годы. В ту пору он задумал несколько беллетристических сочинений (романов, повестей, рассказов), в которых должен был действовать герой-разночинец, добывающий своим трудом средства к существованию и спасающий от нужды и гибели бедную сироту или воспитанницу. Первые художественные замыслы, разработанные впоследствии в «Что делать?», связывались с лучшими реалистическими традициями русской литературы. Сохранившиеся отрывки повестей «Пониманье», «Теория и практика», свидетельствовали о перспективности первых литературных опытов.

Роман «Что делать?», вышедший из стен Петропавловской крепости и опубликованный Н. А. Некрасовым в «Современнике» в 1863 г., явился произведением зрелого мыслителя. Явление «в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное» (Писарев Д. И., Собр. соч. в 4-х т. М., 1956, т. 4, с. 9), роман «Что делать?» оказал огромное революционизирующее влияние на современников и последующие поколения борцов с самодержавием. «Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее», — свидетельствовал Г. В. Плеханов (Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. в 5-ти т. М., 1958, т. IV, с. 160). В крепости Чернышевский начал писать также романы «Повести в повести», «Алферьев» (остались незавершенными), подготовил к публикации «Объективные очерки А. А. Сырнева», 29 мелких рассказов в шутливой, полуанекдотичной форме раскрывающих многообразные проявления предрассудков, недомыслия как след-

ствие непросвещенного сознания. От людей старого мира, пребывающих в невежестве, тупости или погрязших в тунеядстве и праздности, людей, в которых подавлено чувство человеческого достоинства, к «новым» людям, из среды своей выдвигающим людей «особенных», как Рахметов, способных к преобразованию действительности, — такова призывная мысль созданных в неволе художественных произведений демократа-просветителя и революционера. Из социалистического будущего, которое «светло и прекрасно», человек должен как можно больше «перенести в настоящее» (ПСС, т. XI, с. 283—284) — великая, достойная человека программа, придающая гуманный и по природе своей революционный смысл его существованию и деятельности.

В Сибири Чернышевский прожил 20 лет — треть жизни. Эти годы вошли в его биографию не только как вынужденное местожительство ссылка. Это были также годы высокой творческой активности, не всегда находившей выхода в печать, но всегда свидетельствовавшей о неизбывном таланте писателя, его мужестве, верности убеждениям. Оторванный от живой политической жизни и от широкого круга читателей, к которым он мог бы обратиться с острозлободневным публицистическим словом, Чернышевский, как и в Петропавловской крепости, вынужден был сосредоточиться на создании беллетристических сочинений, которые, проникая в печать и доставляя терпящей материальные затруднения семье средства к существованию, становятся наиболее удобной для автора и наименее уловимой для цензуры формой пропаганды просветительских, революционно - демократических идей. В апреле 1868 г. Чернышевский сообщал жене, что через несколько лет, когда «придет время писать для печатанья», он легко воспользуется «множеством планов ученых и беллетристических работ», которые накопились за «годы праздного изучения и обдумыванья». «Здесь, от нечего делать, — прибавлял он, — выучился я писать занимательнее прежнего для массы; мои сочинения будут иметь денежный успех» (Полн. собр. соч., т. XIV, с. 497). «Много, много у меня наработано, — писал Чернышевский А. Н. Пыпину спустя два года. — Талант положительно есть. Вероятно, сильный» (там же, с. 501). В январе 1871 г., догадываясь о «преднамеренном нарушении» в деле своего освобождения, Чернышевский послал жене пачку рукописей. «В ожидании переезда, — сообщал он, — я перестал писать повести, которые изобретаю: при переезде чем меньше бумаг, тем лучше. И без новых прежние достаточны для наполнения десятков книжек, журналов». Это были роман «Пролог пролога», продолжение романа «Старина», посланного раньше; «Дневник Левицкого» — начало второй части «Пролога», брошенное автором; повесть «История одной девушки»; «Эпизоды из книги Эрато» — энциклопедия в беллетристической форме, на которой он работал «уж больше двух лет»; «Драма из русской жизни» — «для эффекта» посылался «только спектакль первого вечера»; три первые главы рассказа «Потомок Барбароссы» — «продолжение этих рассказов охватит историю французской революции и т. д. до самых последних европейских событий»; «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле» — «ученый фарс», способствующий ознакомлению публики с «политической экономией и всяческими науками» (там же, с. 505—507). Не все из написанного Чернышевским сохранилось. Например, неизвестны тексты романа «Старина», некоторых пьес.

За сочинение небольших комедий, которые тут же разыгрывались импровизированными актерами-каторжанами, Чернышев-

ский взялся, заметив увлечение товарищей по ссылке самодеятельными театральными постановками на ходу придумываемых пустеньких пьес, вроде «Лизы, любящей всех» (см.: Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге, М., 1906). «Великодушный муж», «Мастерица варить кашу», «Другим нельзя» — эти сочиненные Чернышевским пьесы наполнены аллегориями, которые по-своему истолковывались «актерами» и зрителями. По поводу «Мастерицы варить кашу», где изображена самодурка и мошенница барыня, обманом завладевшая деньгами своей воспитанницы, П. Ф. Николаев писал, что здесь иносказательно имелась в виду идея «освобождения народа от уз деспотизма и служащей ей бюрократии» (там же, с. 30). Современники остро воспринимали идейную направленность новых беллетристических произведений автора «Что делать?», чутко улавливали содержавшуюся в них оценку прошедшего, но актуального по своим последствиям этапа освободительного движения, извлекая из нее важные политические выводы. Чернышевский и на сибирской каторге оставался политическим воспитателем, умело направляя зрителей своих пьес и слушателей своих повестей и романов на серьезные размышления о судьбах России.

Особое место среди сибирской прозы занимает роман «Пролог», оставшийся незавершенным. В первой части романа, прочитанной полностью товарищам по политической каторге, изображалась «старина» — провинция накануне Крымской войны. Главный герой романа Волгин служит здесь по окончании столичного университета. Взаимоотношения с родными, знакомство с Платоновой, вскоре ставшей женой Волгина, описание жизни чиновников, рассказ о крестьянском бунте, усмиренном войсками, — таково содержание романа «Старина». Современник утверждал, что «беллетристический талант Николая Гавриловича проявился в «Старике» с большой силой, нежели в каком-либо другом из его произведений на поприще беллетристики» (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 300—303).

Продолжение «Старины», получившее название «Пролог», состояло из двух частей — «Пролог пролога» и «Дневник Левицкого за 1857 год». Действие происходит в основном в Петербурге. Волгин и его жена Лидия Васильевна вовлечены в личные и общественные взаимоотношения представителей различных слоев образованного общества. Перед читателем проходит галерея мастерски изображенных типов крупных государственных чиновников — от царедворца-реакционера Чаплина до либеральствующего сановника Савелова. Автор в подробностях общественного и личного поведения изображает также либеральных деятелей разного уровня — Рязанов, Илатонцев, Нивельзин. Носителями революционных идей выступают Соколовский, еще, впрочем, не вполне преодолевший либеральные иллюзии, и Волгин с Левицким. Автор воссоздает общественную атмосферу накануне крестьянской реформы 1861 г., и выведенные в романе лица и положения почти с буквальной точностью отражают подлинные исторические события. Не случайно, опираясь на «Пролог пролога», В. И. Ленин напоминал современным партийным политикам в 1911 г. об отношении Чернышевского к либералам: «Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175). Либеральный реформизм чужд Волгину и Левицкому, в которых легко угадываются сам Черны-

шевский и Добролюбов. Они убеждены, что монархическое правительство, больше всего пекущееся о сохранении дворянской собственности, никогда не пойдет навстречу крестьянам, и вся возня вокруг будущей крестьянской реформы на деле обернется для народа новой формой закабаления. Волгин понимает и другую сторону дела: крестьяне не способны на сознательные политические выступления, чтобы отстоять свои права. «... Нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом»,— говорит он (ПСС, т. XIII, с. 140). Привыкший к рабству, народ не в состоянии постоять ни за себя, ни за своих защитников, — «нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы» — «слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствии отсутствия революционности в массах великорусского населения» (Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 107—108). Осознанное служение народу — смысл жизни Волгина и Левицкого. При этом Левицкий больше, чем скептически оценивающий возможность народной инициативы Волгин, убежден во взрывной силе народного послушания — ведь «народу не так легко терпеть, как нам» (ПСС, т. XIII, с. 245).

В 1877 г. роман «Пролог пролога» был опубликован в Лондоне революционером-эмигрантом П. Л. Лавровым. За выходом сочинения из печати заинтересованно следил К. Маркс, к тому времени хорошо знавший основные труды Чернышевского и отзывавшийся о нем как о «великом русском ученом и критике» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 18).

«Пролог» сразу же выдвинул Чернышевского в ряд крупнейших русских романистов, изображавших сложную эпоху 60-х гг. Но он был единственным, кто события общественного движения той поры оценивал с революционно-демократических позиций. Созданные Чернышевским образы «демократов, социалистов, революционеров» (так себя и Волгина называл Левицкий), преемственно продолжавшие главную тему художественного творчества автора «Что делать?», явились в истории русской романистики серьезными и не имеющими себе равных попытками художественного изображения революционера.

Художественную прозу Чернышевский продолжал создавать и в Вилюйске. Однако последовавший вскоре после приезда в Вилюйск обыск, закончившийся «отобранием» у писателя всех имевшихся рукописей, свел на нет все его творческие усилия и сильно подорвал надежду на возможность опубликования своих произведений. «Согласитесь,— гордо сказал узник производившему обыск жандармскому офицеру, — что вы никогда не забудете фамилии Пушкина, Гоголя, Лермонтова, так современная молодежь будет помнить мою фамилию, хотя я этого не ищу...» (Былое, 1924, № 25, с. 49—50). В 1875 г. Чернышевский предпринял попытку отправить некоторые рукописи М. М. Стасюлевичу и А. Н. Пыпину для опубликования в «Вестнике Европы» под псевдонимом Дензиль Элиот — поэму «Гимн Деве Неба» (из жизни древних греков), начало широко задуманного прозаического цикла «Академия Лазурных гор». Жандармы задержали посылку. 21 июля 1876 г. Чернышевский в письме к жене сообщал: «...Здесь иногда я принимаюсь писать сказки; но это не долгие периоды, а — месяца два, много три; а между ними — сначала были полугоды, а после и целый год, а вот, напоследок, и года полтора, я полагаю, — такого времени, что я не имел охоты писать для бросания в печь» (Полн. собр. соч., т. XIV, с. 661).

Власти могли запретить его сочинения, но они не в силах были погасить его творческое

дарование. По словам современника, «писать для Николая Гавриловича значило то же, что для рыбы плавать, для птицы летать, писать для него — значило жить» (Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге, с. 24). И Чернышевский продолжал творить. Сохранились отрывки романа «Отблески сияния», в которых демократ Владимир Васильевич высказывается о важнейших явлениях современной действительности, о Парижской коммуне, о науке, о положении женщин в обществе и семье. Вероятнее всего, воспроизведением сочиненного в Вилюйске была написанная в 1888 г. в Астрахани и отосланная в «Русскую мысль» повесть «Вечера у княгини Старобельской», оставшаяся в архиве журнала.

Пришла пора, и советские читатели получили возможность прочесть все созданное Чернышевским-художником в Сибири и вполне оценить его вклад в сокровищницу русской литературы. Наследие Чернышевского сибирского периода его жизни навсегда остается свидетельством мужественной борьбы писателя за свое освобождение, за свое будущее. И значение этого наследия непреходяще, потому что продолжает волновать умы и сердца прикасающихся к нему.

А. Демченко

СОЧИНЕНИЯ

Полн. собр. соч., т. 1—16. М., 1939—1953; Избр. произв. Т. 1—3. Л., 1978; Пролог, письма. Иркутск, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве. М., 1967, т. 1—2; Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1979; Плеханов Г. В. Соч. М., 1925, т. 5—6; Луначарский А. В. Романы Чернышевского. Собр. соч. М., 1963, т. 1; Струминский М. Я. Н. Г. Чернышевский в вилюйской ссылке. Якутск, 1939; Майский Ф. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье. Чита, 1950; Лебедев А. А. Герои Чернышевского. М. 1962; Научитель М. В., Тагаров З. Т. Чернышевский в Сибири. Иркутск, 1969; Скафтымов А. П. Сибирская беллетристика Чернышевского.— В его кн.: Нравственные искания русских писателей. М., 1972; Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский: Очерк жизни и творчества. М., 1976; Романов И. М. Вилюйский узник: Научно-популярный очерк. Якутск, 1978; Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978; Гуральник У. А. Наследие Н. Г. Чернышевского-писателя и советское литературоведение, М., 1980; Ланщиков А. П. Н. Г. Чернышевский. М., 1982; Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский. Художественное творчество, М., 1984.

ЖУРНАЛИСТСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРАШЕВЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Сосланные в Сибирь активные члены первого в России кружка социалистов-утопистов оставили глубокий след в истории сибирской журналистики. С 1850 г. петрашевцы, находившиеся в Восточной Сибири, отбывали каторгу в Нерчинских заводах; в 1857 г. М. В. Петрашевский, Н. А. Спешнев и Ф. Н. Львов поселяются в Иркутске, где и ведут активную журналистскую деятельность. М. В. Петрашевский и в Сибири продолжал вести непреклонную борьбу против царской администрации, резко протестовал против произвола местных властей, за это был выслан в 1860 г. в Енисейскую губернию. И в новом месте ссылки он остался верен своим убеждениям, подвергался притесне-

ниям губернских и уездных чиновников и умер, так и не прекратив своей борьбы, в 1866 г. Почти одновременно с Петрашевским в том же 1860 г. покинул Иркутск Н. А. Спешнев; для него, однако, это означало полное прекращение ссылки и возвращение в Европейскую Россию. Ф. Н. Львов выехал из Иркутска в 1863 г., направляясь в центральные губернии России. Р. А. Черносвитов жил некоторое время перед разгромом кружка в Красноярске и Иркутске. По делу петрашевцев он был заключен в крепость Кексгольм. В 1854 г. он ссылается в Вологду, а в 1856 г. его освобождают от гласного надзора. В 1858 г. Черносвитов приезжает в Красноярск и занимается золотопромышленностью, а позже переселяется в Иркутск.

Оказавшись в Иркутске, Спешнев, Петрашевский и Львов способствовали созданию первых газет в Восточной Сибири («Иркутские губернские ведомости» с 1857 г. и «Амур» — с 1860 г.), входили в число руководящих сотрудников и старались придать им действенный характер, последовательно проводить принцип гласности, разоблачать отдельных представителей местных властей, купцов, сельских мироедов, указать на нужды края, помогать его изучению.

Обширная и разнообразная публицистическая деятельность петрашевцев в Восточной Сибири касалась очень многих проблем. Петрашевцы и в ссылке оставались политическими борцами, и часть из них продолжала и здесь отстаивать свои прежние идеи и, прежде всего, идеи утопического социализма. Первая же статья Петрашевского в «Иркутских губернских ведомостях» — «Несколько мыслей о Сибири» является фактически лишь слегка замаскированной попыткой пропаганды социалистических идей. Поставив перед собой вопрос о значении Сибири, Петрашевский приходит к выводу, что главная ее задача — передать странам Азии «начала общечеловеческой нравственности». В статье говорится, что «...уже вошло, так сказать, в обычай хорошего общества считать все народности без изъятия самостоятельными членами одного свободного братства (т. е. человечества), в котором все их взаимные отношения должны определяться теми же нравственными началами, какими определяются взаимные отношения лиц в благоустроенном, т. е. руководимом разумностью — человеческом обществе». Само слово «социализм» в статье не упоминается по цензурным соображениям, но «руководимое разумностью человеческое общество» — это общество, которого еще нет в действительности, это лишь то «нормальное», по мысли Петрашевского, состояние человеческого общества, которое и называется социализмом. Подобными определениями социализма Петрашевский пользовался и раньше — в статьях знаменитого «Карманного словаря иностранных слов». По мнению Петрашевского, Сибирь «должна сперва освоить эти народности с практическими результатами науки и цивилизации, а потом уже вполне их ввести в круг общечеловеческого общения». Итак, Россия или Сибирь сначала передают азиатским странам лучшее из того, что человечество достигло до настоящего времени (цивилизация по Фурье — высшая досоциалистическая стадия развития), а затем уже помогают им перейти к социализму, ибо для Петрашевского высшее достижение европейской науки — создание теории социализма. Петрашевский предполагал напечатать в «Ведомостях» продолжение этой статьи, имея в виду, очевидно, дальнейшую пропаганду утопического социализма, но продолжения этой статьи в газете не появилось. Очевидно, это стало невозможным из-за цензурных препятствий. В осталь-

ных статьях Петрашевского, напечатанных в Сибири, такой прямой пропаганды социализма уже не встречается.

В ряде своих статей отдельные идеи социализма проводил Ф. Н. Львов.

Еще до ссылки петрашевцы вели решительную критику крепостнических, феодальных порядков; эти же идеи развивали они и в Сибири. Петрашевцы разоблачали политическую систему самодержавия. Так, по мнению Ф. Н. Львова, политические ссыльные, попав в каторжные работы, «не только не могли отказаться от своих убеждений в Нерчинских заводах, но должны были еще более утвердиться в том, что status quo, который величали порядком, был настоящий беспорядок: произвол, отступление от закона, иногда даже невозможного к применению, несостоятельность бюрократической обрядности, особливо в таком промышленном деле, каково горнозаводское, разного рода лихоимство и казнокрадство, личности между начальниками и подчиненными и т. п.— представлялись там на каждом шагу. И нельзя сказать, что большинство служащих были дурные люди: напротив, таких можно было пересчитать по пальцам, но такова была система, что все выходило дурно, все свидетельствовало о беспрестанном разладе между делом и словом, между бумажным идеалом и горькою действительностью»[1].

Петрашевцы выступили в печати горячими поборниками перехода к буржуазным принципам и в экономике, и в общественной жизни, хотя довольно ясно видели их недостатки. Так, Петрашевский говорил, что отдача казенных предприятий в аренду — не полумера, «но прямой переход от одной системы хозяйствования к другой, если не вполне совершенной, то все же более разумной и оттого для всех не только более выгодной, но вместе и более нравственной» (Амур, 1860, № 7). Петрашевский, Спешнев и Львов в своих статьях защищали политику фритредерства (свободной, беспошлинной торговли). Буржуазные принципы проводились петрашевцами и при рассмотрении вопросов административного устройства; они высказывались за самоуправление населения. Петрашевцы призывали к введению гласного суда, гласности в печати, демократизации образования, раскрепощению женщин. Петрашевцы резко критиковали систему исправления и наказания уголовных преступников, а Ф. Н. Львов выдвинул в противовес ей собственную систему перевоспитания арестантов, навеянную идеями социализма («Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного»).

Всего петрашевцами в Сибири было написано не менее 45 статей. Петрашевскому принадлежит 10 из них. Кроме двух указанных выше, это еще одна статья, в которой проводились идеи необходимости перехода к буржуазному типу судопроизводства и семь выпусков «Местного обозрения» в «Амуре». В статьях «Амура» автор дает критику действий местных властей, высказывается за буржуазные преобразования в различных сферах местной жизни. Таким образом, его публицистика посвящена только чисто политическим вопросам. Из 23 статей Ф. Н. Львова 5 статей было напечатано в центральных журналах, в том числе 3 — в «Современнике». Львов переписывался с редакцией этого журнала, и, быть может, писал некоторые статьи по ее заказу. Хотя в Сибири Львов отказался от революционных убеждений, он все же отправил две статьи в «Колокол»: одна из них, где критиковалось поведение местной ад-

[1] Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного.— Современник, 1862, № 1, с. 219—220.

министрации в известной иркутской дуэли 1859 г., была напечатана, а другая — воспоминания о деле петрашевцев, осталась лежать в архиве редакции. Основное содержание статей, напечатанных в «Современнике»,— критика остатков крепостничества и устаревших феодальных порядков. Львову принадлежит также большое количество статей (печатавшихся в основном в «Ведомостях»), в которых с прогрессивных позиций рассматривались вопросы развития образования и культуры в Восточной Сибири, а также ряд статей чисто научного характера с характеристикой природных богатств Восточной Сибири и горной промышленности.

Публицистика Н. А. Спешнева тесно связана с его редакторской деятельностью в «Иркутских губернских ведомостях». Ему принадлежит 7 статей в этой газете, из них 3 — редакционных. Будучи редактором подцензурной газеты, Спешнев, естественно, вынужден был иногда проводить в печати идеи генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского. Тем не менее в целом и его публицистика является прогрессивной по своему духу, а иногда и весьма близкой к демократической печати. В многочисленных редакторских заметках и примечаниях Спешнев призывал следовать гласности, разъяснял ее принципы, стремился вызвать полемику по ряду вопросов. Проводя последовательно принцип гласности, редактор порой печатал даже статьи, с основными мыслями которых не был согласен. Однако Н. А. Спешнев не оставался безучастным в таких случаях и в примечаниях критиковал те или иные высказывания авторов, вступая с ними в полемику. Как правило, в таких случаях он давал оценку с точки зрения интересов трудящихся: выступал против лиц, защищавших купцов от обвинений в мошенничестве и жажде наживы, высказывался за более демократическое образование и т. д.

Наконец, Р. А. Черносвитову принадлежат две статьи, в которых он ратует за свободу торговли в Приамурье и поддерживает другие прогрессивные идеи. Еще три его статьи посвящены вопросам чисто технической деятельности.

Публицистическая деятельность петрашевцев в Сибири имела большое значение. Они приняли активное участие в создании местной периодической печати, проводили в своих статьях прогрессивные и демократические принципы, боролись с произволом местных властей, в определенной мере отражали интересы трудящихся масс. Нередко статьи петрашевцев оказывались жертвами цензурных гонений. Можно считать, что петрашевцы в какой-то степени заложили традиции прогрессивной журналистики в Восточной Сибири.

А. Дулов

СОЧИНЕНИЯ

Буташевич-Петрашевский М. В. Несколько мыслей о Сибири.— Ирк. губ. вед., 1857, № 9; По поводу речи А. В. Белоголового.— Ирк. губ. вед., 1858, № 39, 40; Местное обозрение.— Амур, 1860, № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8. **Львов Ф. Н.** О питательности хлеба в Нерчинском округе.— Ирк. губ. вед., 1857, № 16; Передовая (Об устройстве общества для развития промышленности в Восточной Сибири).— Ирк. губ. вед., 1858, № 2; **Он же и Вейрих.** Забайкальские минеральные источники.— Ирк. губ. вед., 1858, № 3, 4, 5, 7 , 8, 9, 10; Передовая (Об Иркутской дуэли и дуэлях вообще).— Ирк. губ. вед., 1859, № 17; (О суде над судьями).— Колокол, 1861, л. 101, 15 июня; Заметки отставного канцелярского служителя в поисках его за промышленностью.— Современник, 1861, т. 86; Из Иркутска.— Современник, 1861, т. 89; Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного.— Современник, 1861, т. 89; 1862, т. 91, кн. 1 и 2; **Спешнев Н. А.** Передовая (Слухи о распространении откуда на Амурский край).— Ирк. губ. вед., 1859, № 3; **Черносвитов Р. А.** Несколько слов о том, кто приложил к делу начала свободы торговли: утописты или люди практические.— Ирк. губ. вед.,

1860, № 13; Корреспонденция из Красноярска. — Ирк. губ. вед., 1850, № 2.

ЛИТЕРАТУРА

Дулов А. В. Публицистика петрашевца Ф. Н. Львова.— В кн.: Журналистика в Сибири, вып. 2. Иркутск, 1969; Он же. Сибирская публицистика М. В. Петрашевского.— В кн.: Труды Иркутского гос. университета, т. 59, сер. историч., вып. 2. Иркутск, 1970; Кубалов Б. Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур». Записки Иркутского обл. краеведческого музея. Иркутск, 1961, вып. 2.

М. Л. МИХАЙЛОВ В СИБИРИ (1829—1865)

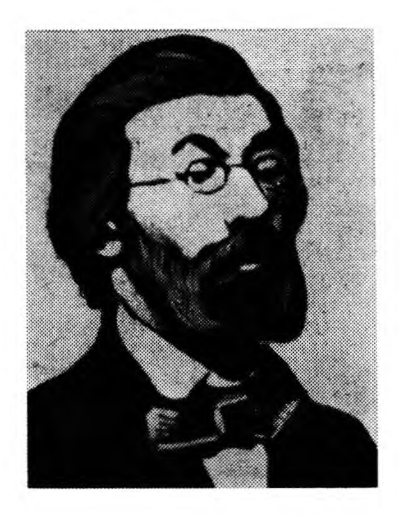
Последние годы жизни (1862—1865) революционного демократа Михаила Ларионовича Михайлова, поэта и прозаика, переводчика, литературного критика и публициста, прошли в Восточной Сибири (Забайкальская область, Нерчинский округ, Казаковский прииск, Зарентуйский и Кадаинский рудники), куда он был сослан на 6 лет по делу о распространении прокламации «К молодому поколению».

М. Л. Михайлов родился 3 января 1824 г. в Оренбурге, в семье чиновника. Дед его был крепостным. Рано осиротел. В 1846 г. переехал в Петербург и стал вольнослушателем университета. Рано овладел несколькими иностранными языками и много занимался переводами, особенно с немецкого. Большую роль в его биографии сыграло знакомство с Чернышевским, а потом и Добролюбовым и сотрудничество в журнале «Современник». В конце 50-х гг. он становится активным участником революционного подполья, участвует в составлении (совместно с Шелгуновым) и распространении направленных против самодержавия прокламаций «Русским солдатам» и «К молодому поколению». По доносу провокатора в 1861 г. Михайлов был арестован, приговорен к 6 годам каторги и пожизненному поселению в Сибири.

Характерно, что демократическая интеллигенция Сибири с большим вниманием и политическим интересом относилась к встречам с Михайловым по пути его на каторгу. Как свидетельствует Е. Д. Дубровина, «когда Михайлова провозили через Иркутск — резиденцию генерал-губернатора, — дамы забросали его венками и букетами. Карточки Михайлова, закованного в цепи, ходили по рукам и покупались за огромные деньги... Ни один из декабристов, ни один из петрашевцев не пользовался такою популярностью, как Михайлов».

По сообщению самого Михайлова, в Сибири он встречался и разговаривал с политическими ссыльными: Петрашевским — в Красноярске, Львовым — в Иркутске, декабристом Завалишиным — в Чите. В спорах с ними революционер-демократ возражал против чрезмерного их увлечения разного рода местными делами либерального характера, подчеркивая, что «только те из политических преступников, бывших здесь, оставили по себе действительно полезное влияние, которые действовали словом, брались за воспитание или вообще старались проводить в сознание молодых людей основные начала нравственности и гражданских обязанностей человека».

Позднее (в августе 1864 г.) Михайлов встретился в Кадае с Н. Г. Чернышевским и читал ему свои научно-художественные очерки «За пределами истории», которые явились первой в литературе попыткой беллетристического изображения (с материали-

стических позиций и в основном на уровне знаний той эпохи) самого начального периода развития человечества.

«Чисто умственная деятельность» и была главной целью Михайлова в период сибирской ссылки, и он считал себя счастливым, это мог заниматься литературным трудом. В эти годы он создает наиболее острые в политическом отношении стихи, переводы, очерки, роман «Вместе» — о преемственности поколений декабристов и революционных демократов, мемуарные записки.

Значение «Записок» Михайлова, завершенных в марте-июне 1862 г. и опубликованных полностью только в 1906 г., определяется, вероятно, тем (если рассматривать их в русле сибирской проблематики), что в них едва ли не впервые в истории русской литературы ярко запечатлен в жанре мемуарно-художественного очерка и с революционно-демократических позиций знаменитый каторжный путь от Петербурга до Нерчинска.

Личность (как выражение передового общественного сознания) и власть — вот главный конфликт, который определяет структуру и поэтику «Записок» М. Л. Михайлова. Другой образный мир — народная стихия, увиденная внимательно и сочувственно, голос разнородной ссыльной массы, услышанный со всеми разговорно-бытовыми и горестно-житейскими интонациями.

В «Сибирских очерках» Михайлова («Незабываемое горе», «Аграфена», «Кукушка») и в примыкающем к ним рассказе «Зеленые глазки» лежит, по существу, тот же конфликт, что и в «Записках», но проявляется не столь синтезирующе, а как бы разделяясь на три относительно самостоятельных стилевых тенденции, в каждой из которых преимущественный акцент падает то на проблему «казенной власти» с преобладанием обличительного начала («Зеленые глазки»), то на тему «несчастных» с ее арестантско-бытовым и народным колоритом («Аграфена»), то на мотив «скованности — свободы» в характерной лирико-публицистической интерпретации («Кукушка»).

Не всякий человек, побывавший на каторге, — страшный и падший преступник — эта мысль раскрывается в сюжетно-фабульной ситуации рассказа «Зеленые глазки», повествующем о том, как молодые, честные крестьянки, пытаясь отстоять свое женское и человеческое достоинство от блудливых желаний деревенского управляющего, попали на каторгу.

На первый взгляд кажется, что в очерке «Аграфена» писатель отступает от социального принципа в объяснении причины преступления, как это ясно заметно в предыдущем рассказе, а обращает основное внимание на психопатологический мотив. В самом деле, молодую крестьянку Аграфену судят за то, что она задушила своего едва успевшего родиться младенца, по пути на каторгу, в арестантской размозжила голову чужому ребенку. Но все это происходит либо «случайно», от девичьего отчаяния при мысли об отцовской и людской

каре за «грех» с любимым парнем, отданным в солдаты, либо «в беспамятстве», в минуты помрачения рассудка, вызванного страхом перед казенными чиновниками, людьми «со светлыми пуговицами», сгубившими ее.

Но в человеческой натуре есть все же вечно живущая, непреодолимая стихия — это жажда свободы. В очерке «Кукушка» эта мысль получает особенно выразительное воплощение, потому что мечта каторжников о побеге сливается с образом пробуждающейся весны. Обычно не очень щедрый на пейзажные зарисовки в своей социальной прозе, Михайлов в этом очерке создает впечатляющую картину забайкальской природы, отмеченную точностью местного колорита и тонким лиризмом.

«И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье...» — и в этом, одном из самых гражданственных стихотворений Михайлова периода сибирской ссылки выражен не только упрек молодому поколению и всему русскому обществу, поддавшемуся правительственным обещаниям и либеральным иллюзиям, «напуганному казнями», первых «штурманов будущей бури», но и живет вера, что наступит «святой, великий миг», когда «молодость восстанет, негодуя...»

В лирике Михайлова этих лет постоянно варьируются две системы образов, навеянные сибирскими впечатлениями, которые ассоциируются с мыслями и чувствами поэта-узника: здесь и «унылые места», и «черный лес», и «белые равнины», «глухая пустыня» и «глухая ночь», «зимняя вьюга» и «вечерний ветер», стонущий по ущельям, «саван снега» и «небо холодное» — и на всем этом фоне выступает главный образ —«стена тюрьмы»; но в сознании лирического героя оживают и другие картины — «праздник весны», когда «рвется река из оков на простор», праздник «воскресения, братства, сверженья цепей...»

Творчество Михайлова периода забайкальской ссылки занимает важное место в русле той сибирской типологической традиции русской классической литературы, которая была начата А. Н. Радищевым («Ты хочешь знать...»), продолжена К. Ф. Рылеевым («Войнаровский»), А. С. Пушкиным («Во глубине сибирских руд...»), а также А. И. Одоевским («Струн вещих пламенные звуки...») и другими поэтами-декабристами, развита Н. А. Некрасовым («Русские женщины», «Дедушка»), и посвоему завершена в рассказах В. Г. Короленко, очерках и лирике П. Ф. Якубовича.

В. Гайдук

СОЧИНЕНИЯ

Соч. т. 1—3. М., 1958; Избранное. М., 1979; Собр. стихотворений. Л., 1969.

ЛИТЕРАТУРА

Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967, т. 2; Лемке М. К. Дело М. И. Михайлова.— В его кн.: Политические процессы в России 1860гг. 2-е изд. М.— П., 1923; Козьмин Б. П. Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов.— В его кн.: Литература и история.. А., 1969; Фатеев П. С. М. Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969; История рус. лит-ры XIX в. Библиографич. указатель под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962; Щеголихин И. Слишком доброе сердце: Повесть о Михаиле Михайлове. М.; Изд-во полит. лит-ры, 1983.

М. В. ЗАГОСКИН (1830—1904)

В одной из статей, посвященных открытию памятника на могиле Загоскина, было замечено: «На долю Михаила Васильевича выпала славная и почетная роль. Эта роль была настолько огромной в деле культурного пробуждения Сибири, что для подробного выяснения ее понадобилось бы написать целую книгу»[1].

Михаил Васильевич Загоскин родился 6(18) сентября 1830 г. в семье священника села Узколугское (теперь Узкий луг) Иркутской губернии. В восемь лет, как сын священнослужителя, он был направлен в Иркутское духовное училище (бурсу). После четырех тяжких лет обучения в училище Загоскина в 1842 г. перевели в Иркутскую духовную семинарию, в которой занятия продолжались шесть лет: в четырех общеобразовательных классах и двух специальных — богословских.

Семинарию Загоскин закончил в 1848 г., и в числе лучших учеников был направлен в Казанскую духовную академию. Воспоминания некоторых ее воспитанников свидетельствуют, что лучшие из них не терпели ничего церковно-монашеского, тянулись, прежде всего, к светским знаниям (история, литература, логика, психология, новые языки), тайком читали Белинского, Гоголя, Герцена, в складчину выписывали «Отечественные записки», «Современник» и читали эти журналы тоже тайком[2].

Под непосредственным влиянием идей Белинского, развитых в письме к Гоголю, Загоскин в 1852 г., в год окончания академии, написал большое стихотворение «Triste vale» («Печальное прости»). Оно является одним из интереснейших памятников антицерковной мысли середины прошлого века. В нем автор посылает проклятье академии, стены которой наконец покидает, проклятье ее наставникам, опекунам и всем тем, кто покорно шел за ними[3].

Прикрывшись рясою смиренья,
вы хотите
Трон вечный на Руси себе воздвигнуть,
погодите!
Не все же будет Русь по-прежнему
слепа!

Стихотворение не было направлено против социально-экономических основ самодержавно-крепостнического строя, а лишь против «рассадницы духовного дурмана». По мысли автора, только церковники должны быть устранены народом, который в будущем «прозреет» (т. е. просветится) и поймет дурманящее влияние церкви. Загоскин не был сторонником революционного переустройства общества. Главным средством улучшения его порядков он считал просвещение в самом широком смысле, в том числе и через печать. Причем оно должно быть не только просвещением народных масс, но и всех тех, кто ими руководит.

После окончания академии Загоскин отказался от духовной карьеры, которая для него могла быть блестящей. Он возвращается на родину и работает преподавателем истории и латинского языка в Иркутской духовной семинарии. В январе 1859 г. становится инспектором классов в военном училище, преобразованном позже в военную прогимназию, а потом работает в

---

[1] Сибирь, 1911, № 201, с. 21.

[2] Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, с. 187.

[3] См.: Бушканец Е. Г. Неизвестный памятник агитационной поэзии 1850-х гг. — Исторический архив, 1960, № 2, с. 205—207.

техническом училище Иркутска преподавателем словесности.

Загоскин горячо пропагандировал идею о всеобщем обязательном обучении, о необходимости самой прочной связи народного образования с жизнью трудящихся масс. «Для этого, — писал он в статье «Одна из ближайших нужд», — необходимо организовать сельскохозяйственные школы и крупные фермы при них. Здесь учитель на деле мог бы показать детям лучшие способы ведения крестьянского хозяйства».

Самое активное участие Загоскин принял в первом педагогическом съезде учителей Восточной Сибири в 1867 г. Съезд рекомендовал к печати в качестве учебника его книгу «Иркутск и Иркутская губерния». Она была издана в 1870 г. и впервые в систематическом виде знакомила с историей, различными условиями и сторонами жизни города, губернии и кратко — с соседними с ней областями.

Педагогическая деятельность Загоскина продолжалась до 1879 г. С 1879 г. Загоскин занят только работой публициста-газетчика, которую начал еще в пору работы в духовной семинарии. После отъезда из Иркутска первого редактора «Иркутских губернских ведомостей» Н. А. Спешнева его место занял Загоскин.

Направление газеты при Спешневе и Загоскине было прогрессивным. И потому более или менее добрые отношения с генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым, с цензурой стали постепенно осложняться. Это заставило Загоскина думать о создании нового, частного издания, более независимого и свободного для выражения общественного мнения, чем официальный орган «Иркутские губернские ведомости». Такая частная газета — «Амур» — была создана Загоскиным. Первый номер ее вышел 1(13) января 1860 г. Путь ее оказался весьма тернистым и был недолгим — в декабре 1862 г. газета была закрыта.

В годы 1863—1875-й, продолжая заниматься педагогической работой, участвуя в делах городской думы и библиотеки, постоянно заботясь о создании новой частной газеты, Загоскин проявил себя еще и как один из самых активных членов Географического общества, в которое вступил в 1862 г. Он редактировал «Записки» и «Известия» отдела и одно время был правителем его дел (1875—1879).

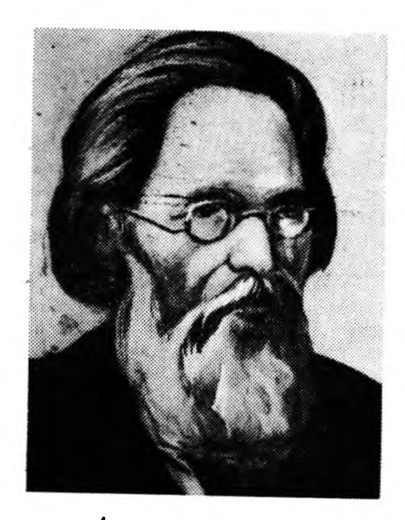
В 1875 г. он становится членом редакции новой частной газеты «Сибирь», а позже и ее редактором. Газета была защитницей деревенского населения, а также аборигенов Сибири. В связи с этим, власти и цензура преследовали газету. В 1879 г. она была приостановлена на несколько месяцев, а Загоскин арестован и заключен в тюрьму. После выхода из заключения ему было запрещено жить в Иркутске. Он поселяется в деревне Грановщина, но постоянно поддерживает связь с городом и продолжает редактировать газету «Сибирь». Когда же она была окончательно закрыта в 1887 г., он переходит сотрудником в «Восточное обозрение».

В Грановщине были написаны такие его интересные работы, как «Десять лет в сибирской деревне»[4], «Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев» (Иркутск, 1891)[5], «Одна из сибирских общин» (Иркутск, 1891). В этих работах, как и во многих других пространных газетных статьях Загоскина, обращают на себя внимание полнота фактов, превосходное знание и понимание деревенской жизни. Однако в некоторых из этих работ есть и на-

---

[4] Сиб. сб., 1890, вып. I, Иркутск, 1890, с. 1—38.

[5] ИРГО — Иркутское отделение Русского географического общества.

ивные (в основе своей народнические) утверждения, свойственные сибирским областникам относительно крестьянской общины, которая в Сибири будто бы будет существовать, несмотря на все неблагоприятные для нее условия. Такая вера опровергалась многими, приводимыми самим Загоскиным в статьях фактами, художественно-объективным изображением происходящего в деревне, например, в рассказе «Яблоня и яблочко», который был написан тоже в Грановщине[6].

В рассказе показано, как обесчеловечивается, обессмысливается жизнь кулаков-накопителей, как «самый процесс собирания и сколачивания денег» начинает «составлять интерес» их жизни, как доходят они до того, что становятся способными не только обокрасть, но и сжить со света даже самых близких людей — отца, мать, брата, жену.

В Грановщине Загоскин организовал в своем доме-заимке школу, где учил детей бедняков, обеспечивая их на свои средства всем необходимым. Постоянно принимал он участие во всех деревенских делах.

В 1898 г. передовая общественность Иркутска отмечала сорокалетие многосторонней деятельности Загоскина. Сам он от всяких торжеств отказался. Празднование состоялось в скромной обстановке редакции «Восточного обозрения». Были прочитаны многочисленные приветствия, произнесены проникновенные речи...

Но если все живое и лучшее было на стороне Михаила Васильевича, — писал И. И. Попов, — то, напротив, «все заскорузлое и невежественное, что обличал он, шипело, кляузничало и, насколько могло и умело, причиняло ему всяческие неприятности, не оставляя его своей злобой до конца жизни»[7].

И не только до конца жизни, но и после его смерти. Когда, 11(24) сентября 1904 г., в возрасте 74 лет, Загоскин умер, то, как свидетельствует другой его современник, «едва-едва удалось исходатайствовать разрешение отпеть тело»[8].

Памятник на могиле Загоскина в Иркутске был установлен лишь через семь лет после похорон писателя на деньги, собранные друзьями, членами Географического общества, без всякого участия властей города.

До нас дошла лишь первая часть романа «Магистр», в которой впечатляюще изображается, — говоря словами автора, — «удушливая атмосфера розог и всякого рода унижений» в Иркутском духовном училище. Написанная в самом начале 60-х гг. прошлого столетия, когда старая система обучения и воспитания, царившая в учебных заведениях России, вызывала особенно гнев-

---

[6] Сиб. сб., 1890, вып. 2, Иркутск, 1891, с. 17—27.

[7] Восточное обозрение, 1898, № 126, с. 2.

[8] Голос Сибири, 1911, № 145, с. 2. Заметим, что сам Загоскин был не только противником церковной обрядности, но явно неверующим человеком.

ное возмущение и протест передовых людей эпохи, первая часть романа единственный раз была (без подписи автора) опубликована лишь в 1876 г. в научно-литературном приложении (сборнике) к газете «Сибирь», изданном в Петербурге.

О том, что окончание романа (вторая его часть) была написана, свидетельствует черновик статьи В. П. Сукачева «Михаил Васильевич Загоскин». Он находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Сказав, что вторая часть «Магистра» осталась в рукописи, Сукачев добавил: «Напоминая по содержанию очерки Помяловского, роман Загоскина обнаруживает недюжинный и совершенно самостоятельный талант»[9].

Эта оценка романа справедлива. Именно поэтому и в наше время произведение Загоскина сохраняет не только познавательную, как памятник ушедшей эпохи, но и непреходящую художественную ценность.

Подробный анализ романа (оставшийся за пределами этой краткой статьи) показывает, что важнейшим художественным средством выразительности в «Магистре» Загоскин делает самые различные интонационные формы повествования — от лукавой усмешки до сарказма, от язвительной иронии, нередко прикрытой словами мнимой похвалы и восхищения, до прямых и резких выпадов автора, направленных, прежде всего против происходящего в бурсе и в «верхах» городского общества. Такой характер повествования в романе (с упоминанием еще о том, что автор его нередко уважительно и доверительно обращается к читателям) заставляет вспомнить самое известное произведение о духовном училище — «Очерки бурсы». Однако сравнивая книгу Загоскина с произведением Помяловского, нетрудно увидеть не только связи, но и различия между ними.

«Магистр» — не очерки, а роман, произведение и более объемное, и более сюжетное. В нем рамки изображаемой действительности значительно шире, чем в «Очерках». В романе достоверно повествуется не только о происходящем в бурсе, но и о жизни в деревне, о жизни сельского клира. Рисуются картины жизни и городского общества, чиновников, купцов, местных властей, низов городского населения. Роман поэтому не мог не приводить читателя к более широким, системным обобщениям и выводам.

«Очерки бурсы» и «Магистр» свидетельствуют, что их авторы в понимании того, каким должен быть язык художественного произведения, стремились следовать традициям не Греча, грамматику которого так настойчиво заставляли зубрить бурсаков, а традициям Пушкина и Белинского. И Помяловский и Загоскин обогащали лексику книжного языка лексикой живой, разговорно-бытовой речи русского народа, лексикой просторечья, не чуждаясь и некоторых местных, диалектных слов для создания речевых портретов героев. И все же язык «Магистра» более богат, чем язык «Очерков». В романе мы слышим, кроме авторской речи, речь крестьян, деревенского и городского клира, чиновников, купцов, низов городского населения, специфическую речь бурсаков и их учителей, наконец, по-особому

[9] ЦГАЛИ, ф. 1769, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1—6. Рукопись второй части романа могла погибнуть во время пожара 1879 г., когда в Иркутске сгорел дом Загоскина. Возможно, что ее мог уничтожить сам писатель, боясь дополнительных преследований. Это предположение высказал В. С. Ефремов. См. его статью: Рукописная литература. — Восточное обозрение, 1904, № 2. Во второй части романа (о чем говорит его название — «Магистр») речь, очевидно, шла о пребывании героя книги (после окончания бурсы) не только в духовной семинарии, но и в академии, а также о получении им ученой степени магистра.

окрашенную речь лиц, для которых русский язык не является родным (украинец, немец). В «Магистре» в отличие от «Очерков бурсы» есть главный герой, Ваня Попов, история жизни которого в деревне, в бурсе, в городе и является сюжетно-композиционным стержнем всего произведения.

Судьбы произведений Помяловского и Загоскина оказались неодинаковыми. «Очерки» были восприняты современниками как своеобразное литературное открытие, стали знаменитыми, имели большую прессу, много раз переиздавались. Написанный же одновременно с «Очерками» роман «Магистр» был опубликован только раз в далекой от российских центров Сибири. Он оказался несправедливо забытым.

Лишь недавно в 1981 г. роман «Магистр» и несколько лучших работ Загоскина переизданы, равноправно вошли в число памятников русской литературы Сибири.

Н. Кондратьев

СОЧИНЕНИЯ

Магистр: Роман, рассказы, очерки, статьи /Сост. послесл. комм. библиогр. Н. И. Кондратьева. Иркутск, 1981. Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1870; За умолчание: Рассказ.— Вост. обозрение, 1889, № 26—27; Одна из сибирских общин. (Селение Грановское): Очерк. Иркутск: Губ. тип., 1891; Ответы на программу императорского Русского географического общества для собирания народных юридических обычаев /Сост. М. В. Загоскиным. Иркутск, 1891; Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным.— Вост. обозрение, 1899, 26 мая; Письма М. В. Загоскина [Н. И. Витковскому: 1884—1891 гг.] /Публ. и вступ. статья А. Г. Боннер.—Сибирь, 1973, № 2, с. 105—108.

ЛИТЕРАТУРА

Авесов [Потанин]. Десятилетие газеты «Сибирь».— Вост. обозрение, 1883, № 8, 24 февр.; Ядринцев Н. М.] Начало печати в Сибири.— Лит. сборник, 1885, с. 372, 382, 384.— Подп.: — Ъ.; Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Вост. Сибири. М., 1891, с. 76—219; Сорокалетний юбилей литературно-общественной деятельности М. В. Загоскина.— Сиб. жизнь, 1898, № 240; Воротников И. К биографии М. В. Загоскина: [Из воспоминаний].— Вост. обозрение, 1904, № 241, 9 окт.; Козьмин Н. Н. М. В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности.— В кн.: Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, с. 161—229; Открытие памятника М. В. Загоскину.— Сибирь, 1911, 13 сент.; Дубровский К. Пионеру сибирской прессы: (К открытию памятника М. В. Загоскину).— Сибирь, 1911, 11 сент.; Бушканец Е. Г. Неизвестный памятник агитационной поэзии 1850-х гг.: (О стих. М. Загоскина «Triste vale»).— Ист. архив, 1960, № 2, с. 205—207; Кубалов Б. Г. Первенец частной сибирской печати газеты «Амур»: (1860—1862).— Зап. /Иркут. обл. краевед. музей, 1961, вып. 2, с. 55—87; Чернова А. И. Общественно-просветительная деятельность М. В. Загоскина; К вопросу о педагогических взглядах М. В. Загоскина; М. В. Загоскин и его место в сибирской печати.— В кн.: Из истории просвещения Восточной Сибири. Иркутск, 1972, с. 55—125; Боннер А. Г. Письма М. В. Загоскина.— Сибирь, 1973, № 2, с. 105—108; В. Г. Короленко о сибирской печати: [О статье В. Короленко «Юбилей М. В. Загоскина». С Публ. статьи /Публ. А. В. Храбровицкого.— Сибирь, 1976, № 4, с. 108—109; Кондратьев Н. И. Где и когда родился М. В. Загоскин.— Сибирь, 1980, № 5, с. 122—123; Он же. На благо Сибири.— Сиб. огни, 1980, № 9, с. 176—181.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ (1834—1895)

В созвездии имен выдающихся сибирских ученых и литераторов, вступивших в общественную жизнь на гребне волны 60-хх гг.,— Д. И. Менделеева и А. П. Щапова, Я. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, М. В. Загоскина и С. С. Шашкова — с полным правом должно быть названо имя Николая Андреевича Белоголового —

талантливого врача-терапевта, публициста, литератора, ближайшего друга Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Н. А. Белоголовый родился 5(17) октября 1834 г. в Иркутске в старинной купеческой семье. Его отец — А. В. Белоголовый — человек прогрессивных воззрений, бывший к тому же посредником между ссыльными декабристами и их родственниками, сумел позаботиться о воспитании и образовании детей. Первыми учителями будущего врача и литератора стали декабристы П. И. Борисов, П. А. Муханов, А. П. Юшневский, А. В. Поджио, оказавшие на своего воспитанника благотворное влияние. Белоголовый сохранил на всю жизнь благодарную память о своих учителях, а с Поджио его связывала позже многолетняя дружба.

Завершив среднее образование в одном из лучших частных учебных заведений Москвы (пансионе Эннеса), Белоголовый вместе со своим другом, будущим выдающимся русским врачом С. П. Боткиным, намеревался поступить на словесный факультет Московского университета. Однако в силу ряда обстоятельств должен был определиться на медицинский. То была славная пора университета, когда с его кафедры звучало вдохновенное слово «просветителя нации» (по словам Чернышевского) Т. Н. Грановского, оказавшего значительное влияние на формирование передовой молодежи.

В 1855 г., завершив университетский курс, Белоголовый становится городским врачом в родном Иркутске, куда пожелал вернуться, и всецело уходит в работу и общественную деятельность. Вместе с братом, А. А. Белоголовым, он становится во главе кружка передовой иркутской молодежи, названного ими «Обществом зеленых полей», или «ОЗП». Слову «зеленый» придавался при этом символический смысл (цвет надежды, цвет юности). Члены

«ОЗП» стали инициаторами и участниками многих прогрессивных начинаний в Сибири 50-х гг., поддерживали связь с оставшимися к тому времени в Сибири декабристами, ссыльными петрашевцами. Именно в этом кружке еще в 1857 г. возник замысел издания в Иркутске прогрессивной частной газеты. Несколькими годами позже этот замысел воплотился в иркутской газете «Амур», лучшем провинциальном издании России 60-х гг. Редактором «Амура» стал активный участник «Общества зеленых полей» М. В. Загоскин.

К тому времени относятся и первые публикации Белоголового, разоблачавшие произвол и засилие сибирской администрации на страницах вольной русской прессы за границей. Он печатается в герценовских изданиях «Колокол» и «Под суд!». Молодой иркутский врач специально ездил в Лондон для встречи с А. И. Герценом, чтобы с документами в руках опровергнуть статью М. Бакунина, взявшего под защиту неблаговидные действия сибирских властей. В 50-х гг. молодой сибирский публицист и общественный деятель — всецело во власти идей, проводимых «Полярной

звездой» и «Колоколом». Значительное влияние на его формирование оказывают также идеи материалистической философии В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

В 1866 г., защитив докторскую диссертацию, Белоголовый по настоянию Боткина переезжает в столицу. Здесь он принимает деятельное участие в литературной и общественной жизни Петербурга. Его ближайшее окружение — публицисты и литераторы самого прогрессивного в 70—80-е гг. журнала «Отечественные записки». Он становится ближайшим другом и лечащим врачом руководителей и сотрудников журнала — Н. А. Некрасова, Г. З. Елисеева, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Дружил он с другими выдающимися людьми эпохи как в России, так и в русской эмиграции И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным. Особенно тесная многолетняя дружба связывала его с М. Е. Салтыковым-Щедриным. Незадолго до смерти тяжелобольной сатирик признается Белоголовому: «И письмо это пишу через силу, опасаясь, чтобы не произошло перерыва в общении с человеком, которого я люблю больше, нежели кого-либо из друзей». Эта любовь Щедрина к «отличнейшему человеку» и верному другу была неразрывна с верой в высокое искусство одного из лучших терапевтов своего времени.

В 1881 г., оставив медицинскую практику и переселившись за границу, Н. А. Белоголовый всецело посвящает себя литературно-политической деятельности. Он становится сначала редактором, а затем и главным редактором выходившей в Женеве газеты «Общее дело», с которой и прежде поддерживал деловые контакты. Работал он в газете конспиративно, желая сохранить возможность вернуться со временем на родину. Определяя позже программу издания, Белоголовый писал, что она «заключается в борьбе с самодержавием посредством обнаружения во всей наготе его отживших форм и порядков». Продолжая поддерживать тесную связь с Россией, и прежде всего с кругом «Отечественных записок», он печатал на страницах эмигрантского издания запрещенные цензурой в России произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Из обращенных к нему писем М. Е. Салтыкова-Щедрина Белоголовый черпал обильный материал для отдела «Хроника», который вел на протяжении многих лет в «Общем деле». Газета не раз защищала сатирика, когда мракобесы вели против него кампанию клеветы. «Общее дело» при этом высоко оценивало заслуги автора обличительных публицистических циклов, исследующих пореформенную Россию, и ставила имя сатирика рядом с именем Н. Г. Чернышевского.

Находясь почти полтора десятилетия за границей, Белоголовый был хорошо знаком с выходившими там трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Лассаля, Г. Плеханова и, несомненно, испытывал влияние передовых идей времени. Он «сознательно шел, — утверждает Б. Г. Кубалов, — навстречу социалистам и представителям революционных группировок и работал с ними во имя победы общего дела — ниспровержения»[1].

Вернулся Белоголовый из-за границы тяжелобольным человеком. Умер в Москве 6(18) сентября 1895 г.

Литературное наследие Белоголового невелико по объему, но представляет значительную ценность. Он был автором лучшей в ту пору книги о выдающемся враче С. П. Боткине, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Ф. Павленкова. Книга пользовалась большим успехом у читателей. Его воспоминания о

---

[1] Кубалов Б. Сибиряк-шестидесятник.— Ангара, 1960, № 2, с. 126

Н. А. Некрасове и М. Е. Салтыкове-Щедрине относятся к наиболее ярким и достоверным произведениям русской мемуарной литературы.

«Воспоминания и другие статьи» Белоголового, выдержавшие в дореволюционные годы четыре издания, стали величайшей библиографической редкостью и, несомнено, нуждаются в переиздании.

Особое место в наследии Белоголового занимают его воспоминания о декабристах братьях Борисовых, А. П. Юшневском, А. В. Поджио. Написанные живо, задушевно, искренне, они являются ценнейшим источником, освещающим пребывание декабристов в Сибири, раскрывают этическую высоту их характеров. Написал их сибиряк-литератор в последние годы жизни, «желая,— как он утверждал, — перед смертью очистить свою совесть, воздавая должное этим людям за то, чем считал себя обязанным и за что внутренне благодарил их всю жизнь». Эти слова Белоголового — еще одно свидетельство отмеченной Лениным преемственности поколений в русском революционно-освободительном движении. И в сибирском изгнании рыцари, «выкованные из чистой стали», способствовали пробуждению сознания и воли в грядущем поколении борцов с самодержавием и деспотизмом. Одним из таких борцов стал врач, публицист и литератор сибиряк Белоголовый.

Л. Ермолинский

СОЧИНЕНИЯ

Воспоминания и другие статьи.— 2-е изд.— М.: Типо-лит. К. Ф. Александрова, 1897.— XXXII; То же.— 4-е изд.— Пг., 1901.— XXXVIII; Неизвестные страницы из воспоминаний Н. А. Белоголового о Герцене /Публ. Б. П. Козьмина.— В кн.: Лит. наследство, 1956, т. 63, с. 560—564.

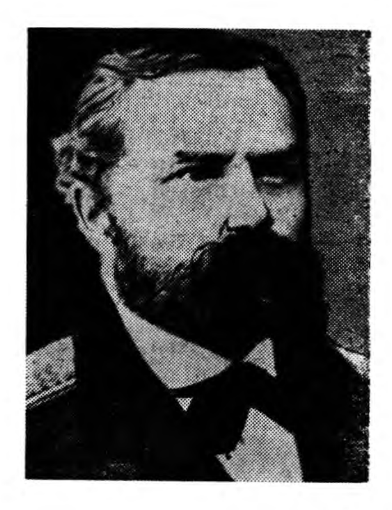
ЛИТЕРАТУРА

Памяти Николая Андреевича Белоголового.— Вост. обозрение, 1895, 22 сент.; Арсеньев К. К. Н. А. Белоголовый и Г. А. Джаншиев. — В кн.: юбилейный сборник литературного фонда. СПб., 1910, с. 346 — 347; Дубровский К. Врач-гуманист. — Сиб. зап., 1916, № 3, с. 187 — 205; Романов Н. Обед у Белоголового. — Сиб. летопись, 1917, № 1 — 2, с. 63 — 65; Мещеряков Н. Л. Н. А. Белоголовый и газета «Общее дело». — Зап. отд. рукописей Всесоюз. гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1939, вып. 2, с. 66 — 70; Садовская Н. М. Е. Салтыков-Щедрин, С. П. Боткин, Н. А. Белоголовый. — Зап. отд. рукописей Всесоюз. гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1939, вып. 2, с. 58 — 66; Матханова Н. П. Декабристы и кружок Белоголовых в Иркутске. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 175 — 185; Она же. Связи иркутского кружка Белоголовых с революционно-демократическим движением 50-х — нач. 60-х гг. XIX в. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1978, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 107-112.

А. А. ЧЕРКАСОВ (1834—1895)

Писатель-натуралист, горный инженер Александр Александрович Черкасов родился 26 марта 1834 г. в Старой Руссе Новгородской губернии в семье горного инженера. Одиннадцатилетнего Сашу Черкасова поместили в закрытое учебное заведение — Петербургский горный кадетский корпус. Учился он хорошо, но перенес много обид и притеснений от директора корпуса.

Пробыв в корпусе почти безвыходно более восьми лет, Черкасов закончил курс наук и поехал на службу в Нерчинский горный округ, где было много вакантных мест. Молодых инженеров год или два держали на практике, не давая постоянных должностей. За сравнительно короткий срок Черкасов успел побывать во многих местах Нерчинского края, познакомиться с его

природой и жизнью населения.

Вспоминая о первых годах службы в Забайкалье, Черкасов писал, что на Шахтаме «была самая трудная работа относительно физических сил человека; под мое ведение были отобраны также атлеты из ссыльных рабочих, что стоило только любоваться этими пасынками судьбы и удивляться их бычачьей силе или замечательной сметке русского простолюдина. Этими тружениками выворачивались и поднимались на борта разреза иногда такие громадные валуны, весившие несколько сот пудов, что трудно было поверить своим собственным глазам, видевшим это в действительности. Стоило только по-человечески обходиться с этими «пасынками», одобрять их усилия, отпускать за усердие пораньше с работы, а в критических случаях не указывать только пальцами, но в нужный момент помогать своими руками и плечами, — и тогда клейменые труженики становились настоящими братьями, на их заскорузлых лицах выражалась добродушная улыбка, в речах появлялся юмор, остроумие, и вы забывали, что имеете дело с теми людьми, которых таврили, как лошадей, и называли презренным именем «варнака» или «чалдона».

Лето 1856 г. Черкасов прожил в Александровском Заводе. Он сблизился с кружком местной интеллигенции, в который входили и ссыльные петрашевцы: Ф. Н. Львов, Н. А. Спешнев, Н. А. Момбелли и сам М. В. Буташевич-Петрашевский. «Люди эти, — писал Черкасов, — весьма оживляли наше общество, и с ними скучать было невозможно».

Вскоре Черкасов отправился во главе разведывательной партии на поиски золота в юго-восточном Забайкалье по реке Бальдже.

Единственным развлечением в тяжелой и умственно скудной жизни («кроме псалтыря читать нечего») для Черкасова стала охота. Он называл Бальджу «альфой своих скитаний по тайге и первоначальной школой сибирской охоты». Среди рабочих он нашел добрых товарищей и терпеливых учителей. Они отлично знали, где, как и когда можно было найти зверя, и делились секретами добычливой охоты.

После Бальджи Черкасов недолго управлял Култуминской дистанцией, около года — Алгачинским рудником, а затем, до 1860 г., служил на Карийских золотых промыслах. В 1860 г. он женился на жительнице Алгачинского рудника — Евдокии Ивановой и совсем сроднился с Забайкальем.

В 1862 г. Черкасова командировали на северо-восток Забайкалья во главе золотоискательской партии, которая начала работы в долине Белого и Черного Урюма, в местности, которая страшила всех отдаленностью, суровостью климата и ужасающим безлюдьем. Рабочие здесь часто вспоминали забайкальскую пословицу «Кто в тайге не бывал, тот богу не маливался». Черкасова ждали удачи не только охотничьи. В 1863 г. он открыл богатые золотые россыпи; за это в 1864 г. ему была назначена пенсия в

120 рублей в год «до тех пор, пока Урюмская россыпь со всеми ее притоками будет с выгодой разрабатываться».

Весь досуг Черкасов посвящал «писательству». За образец он взял знаменитые «Записки» С. Т. Аксакова. Но, как известно, Аксаков писал об охоте на птицу. У Черкасова же накопленные сведения касались только зверя. Первые главы рукописи Черкасова появились в майском номере журнала Н. А. Некрасова «Современник» за 1866 г., а осенью следующего года вышла книга Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири».

В посвящении Черкасов писал:

> **Друзья охотники! Прочтите,**
> **Что пишет верно ваш собрат.**
> **Чего не знает — не взыщите,**
> **Он все сказал, чем был богат.**

Черкасов внимательно изучал природу Забайкалья, хозяйство, язык и обычаи населения и сумел ярко рассказать об этом. Книга содержала «замечания, касающиеся собственно технической части охоты; описание различных зверей, обитающих в необъятных лесах и степях Восточной Сибири, а также способы добывания их всевозможным образом, с показанием устройств и употребляемых для того охотничьих снастей; и некоторые замечания о сибирской природе и сибирских охотниках, с их бытом, суеверием и привычками».

В дальнейшем «Записки» переиздавались еще четыре раза (1884, 1959, 1958 и 1962), были переведены на французский (два издания) и немецкий язык.

В превосходных картинах жизни охотничьей артели на «белковье» и в других главах своей книги Черкасов хорошо показал высокое чувство товарищества среди забайкальских промысловиков — добытчиков зверя. Это умные, изобретательные, выносливые и дружные люди, великолепно знающие и горячо любящие свой край.

Содержание «Записок» далеко не исчерпывается вопросами охоты. Почти в каждой главе можно встретить любопытные сведения о прошлом края, легенды, меткие характеристики отдельных сторон быта забайкальцев, рассказы бывалых людей, наконец, согретые душевным теплом воспоминания автора о своих товарищах по охоте — горных служителях и бывших каторжниках.

Простота и живость изложения, образный, богатый и подлинно художественный язык «Записок» принесли их автору литературную известность.

После 1870 г. Черкасов служил в Сузунском заводе на Алтае. Когда в 1876 г. туда приехал знаменитый натуралист Альфред Брем, автор всемирно известной «Жизни животных», Черкасов побывал с ним на охоте. Они подружились, и Черкасов потом подарил гостю свои «Записки» со следующей надписью:

> **Брем! Муж познаний и науки!**
> **Когда заснуть не можешь ты —**
> **Возьми, брат, книгу эту в руки,**
> **И сон прервет твои мечты!**

Брем высоко оценил «Записки» и очень содействовал переводу их на немецкий язык.

Выйдя в 1883 г. в отставку, Черкасов переехал в Барнаул. Здесь он занялся подготовкой «Записок» ко второму изданию. После исправлений и дополнений они вышли в издании А. С. Суворина в 1884 г. тиражом 2 тысячи экземпляров и объемом 687 страниц. Книга была дополнена главой «Глухарь», некоторыми сведениями из новой литературы, в частности: из сочинений Брема, и шестью страничными рисунками художника Н. П. Загорского (автора известной картины «У земской больницы», 1866 г., находящейся в Третьяковской галерее).

В Барнауле Черкасова избрали городским головой. Через четыре года он был оставлен на новый срок, однако, прослужив всего один год, он переехал в Екатеринбург (теперь Сверд-

ловок), купил дом и занялся хозяйством. В октябре 1894 г. его и здесь выбрали городским головой, но местные толстосумы начали под него «подкоп». Вскоре он получил грубое анонимное письмо. Черкасов тяжело переживал оскорбления. 21 января 1895 г. он умер от паралича сердца прямо за письменным столом.

Могилу Черкасова недавно отыскали, а его архив, в том числе и письма Н. А. Некрасова, теперь затеряны. Удалось отыскать лишь несколько фотографий и забытых публикаций.

Прямым продолжением «Записок» были большие циклы автобиографических рассказов Черкасова. Они печатались в журналах без хронологической последовательности. Так, о горном корпусе рассказывалось после воспоминаний о Забайкалье. Общий объем этих рассказов около 65 печатных листов, они могли составить второй и третий томы «Записок». Известен сборник (конволют) из пяти журнальных оттисков (всего 332 с.) с типографским титульным листом: «На Алтае. Из записок сибирского охотника А. А. Черкасова». М., 1893. Книга посвящалась барнаульскому врачу Ф. Е. Засс, знатоку алтайской природы.

Автор пояснял:

Есть в жизни минуты, читатель, такие,
Что ты иль хохочешь, иль плачешь сердечно.
В них юмор, и горечь, и слезы людские.
А душу лелеют, и помнишь их вечно.

В 1893 г. Черкасов вел переписку с Петербургом по поводу издания новой книги своих рассказов. Дело налаживалось, но помешала смерть.

Теперь большая часть литературного наследия Черкасова совсем забыта, хотя по языку, литературному и бытовому материалу она во многом даже богаче «Записок». Издание «Большого Черкасова», несомненно, порадует нового читателя.

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Записки охотника Восточной Сибири. — Чита: Кн. изд-во, 1958; То же. — Под загл.: Записки охотника-натуралиста /Ред., вступит. статья и коммент. Е. Е. Сыроечковского. — М.: Акад. наук СССР, 1962. — 504 с.

ЛИТЕРАТУРА

Вагин В. И. (Из воспоминаний).— Сиб. сборник, 1888, вып. 3, с. 31 — 36; Баснин П. П. А. А. Черкасов. — Гор. журн., 1895, т. 11, с. 141 — 142; Жеребцов Б. Сибирская охотничья беллетристика. — Охотник и пушник Сибири, 1928, № 12, с. 54 — 56; Скалон В. Н. Книги о зверях и охоте. — Природа, 1952, № 5, с. 124—126; Петряев Е. Сибирский Аксаков.— В кн.: Петряев Е. Д. Впереди — огни. Иркутск, 1968, с. 280 — 296; Сергеев А. А. Классический труд об охоте в Сибири. — Сиб. огни, 1959, № 10, с. 184 — 185; Сергеев М. А., Жаров В. К., Копылов И. П. и др. Письмо в редакцию: [По поводу последнего изд. «Записок» А. А. Черкасова] — Сиб. огни, 1964, № 3, с. 190—192.

И. В. ФЕДОРОВ-ОМУЛЕВСКИЙ (1836—1883)

И. В. Федоров родился 26 ноября 1836 г. в семье исправника Петропавловского порта на Камчатке. С 1842 г. семья Федоровых жила в Иркутске. Здесь в классической гимназии учился будущий писатель.

Занятия переводами «Сонетов» Мицкевича, недолгая казенная служба, на которой состоял Федороз, не могли удовлетворить его деятельной, любознательной натуры. Воспитанный на высоком примере декабристов, с юности

испытавший на себе влияние трудов Белинского, Герцена, Чернышевского, И. В. Федоров стремился к литературной и общественной деятельности.

«Только в столице человек может как следует образоваться и развиться». Эти строки из романа «Шаг за шагом» отражают причину, побудившую И. В. Федорова уехать в 1857 г. в Петербург.

Переезд в Петербург, участие в прогрессивном журнале «Искра», наблюдения над жизнью народа Центральной России, несколько встреч с родной Сибирью — все это послужило источником для творчества Федорова, печатавшего (с 1857 г.) свои произведения под псевдонимом Омулевский. Его литературное наследие состоит из стихотворений, очерков, рассказов и романа «Шаг за шагом».

Избрав для себя путь писателя-профессионала, Омулевский всегда следовал принципу:

Художник истинный, в народе
Ты отразитель красоты,
Присущей людям и природе.

Он решал проблему прекрасного в конкретных условиях господствовавшего зла — самодержавия, и потому все литературное наследие писателя, идущее под девизом «вечная борьба», состоит из двух основных жанров: сатиры, как обличения самодержавия, и лирики, как восторженного воспевания народа и народного заступника — революционера.

Следуя за Некрасовым, поэт обличает вельможу-крепостника, проклятого «забитым и темным народом»; утверждает, что «истинный герой, кто за народ вступает в бой», призывает художника различать и «уважать в толпе народ».

Подлинный путь народа и его заступника-революционера показан в лирических произведениях, написанных в различных жанрах: здесь и стихотворение типа баллады, и романтическая поэма, и прокламация в стихах, и революционные песни.

Народ представлен в произведениях писателя образами тех, кто страстно борется за справедливость («Сибирячка», «Деревенские песни», «Шаг за шагом»), а также образами «загубленных талантов» («Самородок», «Осторожный художник»).

В народе Омулевский видел и воспевал неиссякаемую революционную энергию, страстную непримиримую ненависть к поработителям.

Наиболее ярко единство целей народа и передовой русской интеллигенции показано в романе «Шаг за шагом».

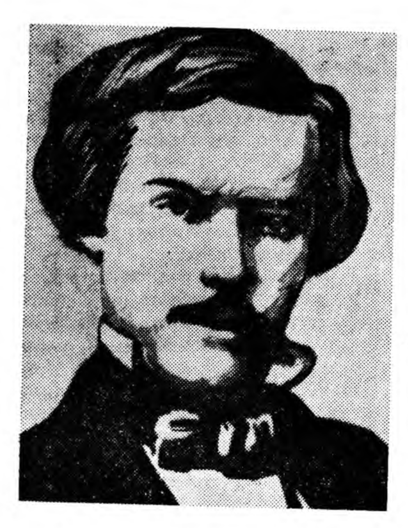
В литературном наследии Омулевского роман «Шаг за шагом» имеет особое значение. Он создавался и печатался в годы реакции, сменившей общественный подъем конца 50-х — начала 60-х гг. XIX столетия.

И вот в это трудное время, в 1870 г., на страницах журнала «Дело», а в 1871 г. отдельным изданием публикуется роман, от которого, по словам В. Г. Короленко, веяло «чем-то бодрящим, зовущим вперед».

Своим романом молодой писатель бросал смелый вызов силам реакции, торжествовавшим «победу» над «новыми людьми». Омулевский утверждал, что ученики Чернышевского не смирились, не разочаровались в прежних идеалах, не сдались на милость врагу. «Надо действовать, надо работать всеми силами ума и души!» — восклицает «новый человек» Омулевского — доктор Ельников.

Решая один из злободневных вопросов 60-х гг., вопрос о герое своего времени, Омулевский изображает две силы современного ему освободительного движения: демократов-разночинцев и народ, в частности фабричных рабочих.

Народные заступники, борцы «за благоденствие грядущих поколений», в романе представле-

ны образами литератора Светлова, доктора Ельникова и их «отцов» людей старшего поколения, сосланных в Сибирь, — декабриста Жилинского и «политического преступника» Варгунина. Совместными усилиями они «вносят сознание в массы». Именно такой цели служит школа для взрослых, организованная Светловым.

Омулевский первый в русской литературе изобразил организованную борьбу фабричных рабочих за свои права. Правда, эти рабочие по своему быту очень напоминают крестьян, а их «мир» — крестьянскую общину, но сама попытка автора указать на фабричных, как важную силу современного освободительного движения, — большая заслуга Омулевского, до сих пор достаточно не оцененная.

В романе «Шаг за шагом» выражена идея совместной борьбы народа и передовой русской интеллигенции. Они призваны идти вместе, плечом к плечу, как шли Светлов, Варгунин, Жилинский и фабричные рабочие в день Ельницкого бунта.

Наряду с идеей революции писатель пропагандирует идею эмансипации женщин, их права на образование и общественный труд, высказывает интересные мысли о воспитании, обучении молодого поколения; выступает против фанатизма религии; обличает бюрократический аппарат самодержавия.

Широкий охват злободневных вопросов своего времени, страстная убежденность в справедливости демократических идеалов, вера в творческие, созидательные силы народа обеспечили успех, которым пользовался «Шаг за шагом» на протяжении многих десятилетий. Этим же объясняется враждебное отношение царской цензуры к роману, испытавшему два ареста с полным уничтожением выпущенных экземпляров книги (в 1874 и 1896 гг.) и долгое время запрещенному к переизданию.

После появления романа «Шаг за шагом» преследования цензуры и полицейский надзор за писателем, уже давно «подозрительным», усилились. В 1874 г. он был арестован и заключен в Литовский замок.

Отбыв заключение, Омулевский заболел, тяжко нуждался. В 1879 г. он последний раз посетил Иркутск, но вскоре (1880 г.) вернулся в Петербург. Потянулись дни изнурительной работы, обессиливающей нищеты. Однако писатель не сдавал своих позиций: «Я изболел, изнемог, но в возрождение верю».

В последние годы Омулевский создал стихи о родном крае — «Сибирские мотивы» (1881—1883). Поэт изображает Сибирь как «страну изгнания и мук», воссоздает суровую поэзию сибирской природы, рисует образ мужественного сибиряка, мечтает о будущем родного края. Чуждый областнической ограниченности, И. В. Омулевский в «Сибирских мотивах» выражал те же общерусские демократические идеалы, что и во всех своих произведениях.

Сибирь — страна изгнания — характеризуется в духе революционных традиций русской литературы первой половины XIX в.

Вместе с тем, Омулевский не ограничился усвоением этих традиций, развил их и пошел своим путем. Он не принял исключительно мрачных красок, какими представлена Сибирь в большинстве произведений поэтов-декабристов, совершенно отказался от идиллической характеристики «далекой окраины», представленной у сибирских писателей-романтиков. У Омулевского Сибирь — это «страна цепей» и в то же время «цветущий сад». Ее природа богата суровыми, холодными тонами, но имеет и бесконечное разнообразие красок, радующих глаз.

Наконец, поэт по-новому изобразил обитателей Сибири. Благонамеренные сибиряки Щукина и Калашникова, замкнутые, суровые обитатели «страны метелей и снегов» Рылеева в творчестве Омулевского сменились вольнолюбивыми, энергичными и гуманными людьми.

У Омулевского «чужестранец» встречен лаской, приветом, чувствует к Сибири и ее народу искреннюю любовь. Сибиряки же с благодарностью помнят о «залетной стае» свободных птиц, которых «буря» забрасывает в их далекий суровый край.

По-новому поставил поэт и проблему будущей Сибири — «страны свободного труда», нарисовал картину социалистического общества, как в свое время представлялось оно поэту-демократу («Счастливый сон», «Я снам не верю»).

«Сибирские мотивы» были последним поэтическим произведением Омулевского.

26 декабря 1883 г., не успев дописать последней строки своего нового стихотворения, поэт скоропостижно скончался.

Понимая значение революционной проповеди, обращенной к народу, И. В. Федоров-Омулевский справедливо сказал о себе и своих товарищах по перу, друзьях по убеждениям:

Я знаю: в лучшие года
Опять от нашего труда
На молодое поколенье
Повеет свежею струей.
Оно с величием воспрянет,
Возвысит мощно голос свой
И нас добром за то помянет,
Что, выжать жатвы не успев,
Мы все же дали ей... посев.

А. Рубанович

СОЧИНЕНИЯ

Полн. собр. соч.: В 2-х т. С портр., биогр. очерком и библиогр. указ. /Под ред. П. В. Быкова. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1906; Собр. соч.: Т. 2. Стихотворения /Ред. статья, примеч. М. К. Азадовского, И. Я. Азейнштока. Иркутск, 1936; Шаг за шагом: Романы, рассказы /Сост. Н. Минаева, В. Оскоцкий. Пред. В. Оскоцкого, комм. и библ. Н. Минаевой. Иркутск, 1983; Песни жизни: Стихотворения. — СПб.: Изд.-во б-ки А. Иванова, 1883; Деревенские песни. — СПб.: Изд. б-ки А. Иванова, 1884; Земной рай и тайна карьеры: Юморист. стихотворения. — СПб.: Изд. б-ки А. Иванова, 1884.

ЛИТЕРАТУРА

Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири. — В кн.: Лит. наследство Сибири, 1980, Новосибирск, т. 5, с. 80 — 94; Петухов Е. В. И. В. Федоров-Омулевский: Очерк его жизни и лит. деятельности. Томск, 1900; О влиянии Омулевского на его современников. — Сиб. вопросы, 1909, № 13, с. 18 — 23. — Подпись: Абр-в; Дубровский К. Певец «страны изгнания». — В кн.: Дубровский К. Рожденные в стране изгнания. Пб., 1916, с. 124 — 148, Чужак Н. Сибирский мотив у И. В. Федорова (Омулевского). — В кн.: Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии, Чита, 1922, с. 4 — 22; Рубанович А. Л. Сибирские мотивы И. В. Федорова-Омулевского. — Тр. /Иркут. ун-т, 1956, т. 16. Сер. ист.-филол., вып. 3, с. 64 — 84; Васильев И. Г. Материалы к биографии И. В. Федорова-Омулевского. — Уч. зап. /Ленингр. пед. ин-т им. Герцена, 1959, т. 198, с. 301 — 305; Он же. Основные мотивы лирики Омулевского. — Уч. зап. /Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1959, т. 210, с. 67 — 79; Якушин Н. Новые факты жизни и творчества И. В. Омулевского. — Сиб. огни, 1966, № 11, с. 161 — 162; Абельтин Э. А. Неопубликованные романы И. В. Федорова-Омулевского. — В кн.: Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977, с. 89—106: Он же. К биографии И. В. Федорова-Омулевского. — Уч. зап. /Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1970, № 389. Вопр. рус. лит., с. 294 — 295; Трофимов И., Яку-

шин Н. Неизвестные произведения И. В. Омулевского (Федорова). — Сиб. огни, 1973, № 12, с. 176 — 181; Салтыков-Щедрин М. Е. Светлов, его взгляды, характер и деятельность. — ПСС, М., 1937, т. 8, с. 438 — 444; Базанов В. Цензура о романе Федорова-Омулевского «Шаг за шагом».— В кн.: Из литературной полемики 60-х гг. Петрозаводск, 1941, с. 175 — 193; Пруцков Н. И. Роман о «новых людях».— В кн.: История русского романа. М.; Л., 1964, т. 2, с. 89 — 94.

БИБЛИОГРАФИЯ

История русской литературы XIX в.: Библиогр. указ. — М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1962. с. 517 — 518; Красноштанов С. И. И. В. Федоров-Омулевский: (Библиогр. указ. К 80-летию со дня смерти). — Хабаровск, 1963.— 20 с.

Д. И. СТАХЕЕВ (1840—1918)

Дмитрий Иванович Стахеев родился 2(14) февраля 1840 г. в Елабуге Вятской губернии, умер 16 марта 1918 г. в Крыму.

Сын богатого купца, он получил домашнее воспитание, учился по церковной азбуке. Первое чтение — псалтырь. Четырнадцати лет был отправлен в Сибирь, сначала в Томск, потом в Кяхту по торговым делам отца. Кяхта переживала тогда пору расцвета, здесь было много молодежи — юристов, врачей, педагогов. Стахеев вошел в их кружок, читал запоем, занимался самообразованием, стал сотрудничать в печати. В 1857 г. в «С.-Петербургских ведомостях» был напечатан первый очерк Стахеева о чайной торговле в Кяхте. Затем последовали статьи в «Северной пчеле» (1859), «Иркутских губернских ведомостях» (1860). Он принял близкое участие в первой забайкальской газете «Кяхтинский листок» (1862). Его фельетоны (с подписью «Бытописец») одобрил декабрист М. А. Бестужев, тоже напечатавший в «Листке» большую статью в форме письма к сестре.

Разойдясь с отцом-миллионером, Стахеев решил пробивать себе дорогу своими силами. В 1863 г. вместе с молодой женой — дочерью обедневшего кяхтинского купца Трапезникова — отправился на Амур, где пытался заняться хлебопашеством. Неожиданный разлив Амура смыл посевы. Почти лишившись средств, Стахеев все же добрался до Петербурга, надеясь на литературный заработок. Пришлось испытать острую нужду, писать «мелочишки» под псевдонимами (их учтено почти тридцать) и готовиться к экзамену на учителя. Наконец, выдержав экзамен при университете, Стахеев с 1867 г. стал преподавателем словесности в Литейной женской гимназии и имел еще частные уроки. Жизнь налаживалась. В журнале «Русское слово» был напечатан большой очерк Стахеева «Кяхта». Затем появились статьи о бурятах, о Забайкалье и первые повести о быте и нравах купечества, мелких чиновников, средней интеллигенции, духовенства.

Около трех лет Стахеев служил в канцелярии государственного контроля, а с 1872 г. целиком посвятил себя литературе. В первой книге Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (СПб., 1869) рассказывается о природе края, о пути от Байкала до Кяхты, о нравах и обычаях населения, о Кяхте, о жизни в Благовещенске и в амурских казачьих станицах. Другая книга «От Китая до Москвы. История ящика чаю» (СПб., 1870) описывает хорошо знакомую автору среду кяхтинских торговцев. Вообще картины купеческого быта написаны им под явным влиянием Салтыкова-Щедрина. Это отразилось и в комедиях Стахеева, одна из которых («Луч света в темном царстве», 1868) шла в Александринском театре.

В последующих произведениях

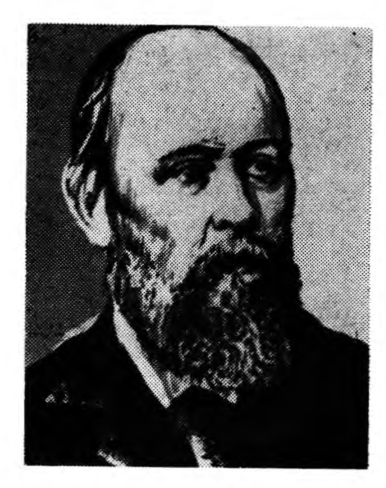
Стахеев проявил себя как недюжинный бытописатель. К темам Сибири он возвращался редко. Критика не баловала Стахеева вниманием и сочувствием. Только Н. Н. Страхов говорил, что «время Стахеева еще придет, что его не умеют достаточно ценить и что вырастет поколение читателей, которое отдаст дань уважения его самостоятельному крупному таланту».

В 1874 г. Стахеев занял пост редактора журнала «Нива», в 1876 г. редактировал «Русский мир», а в 1886 г. «Русский вестник». Эти обязанности очень мешали творчеству, и поэтому Стахеев их вскоре оставил.

В 1891 г. умерла жена Стахеева Ольга Константиновна. Она была талантливой художницей, писала пьесы для детского театра. Удрученный этой утратой, Стахеев отправился в дальние страны. Посетил многие места Италии, Египта и Греции, изучая памятники искусства. Он собрал неплохую коллекцию картин, среди которых были произведения Крачковского, Перова, Шишкина, Переплетчикова, К. Маковского, Ю. Клевера, Лагорио и многих других (каталог издала в 1913 г. вторая жена Стахеева — Ольга Яковлевна).

В 1902 г. вышло собрание сочинений Стахеева в 12 томах. В предисловии к собранию своих сочинений Стахеев привел слова Гете: «Я пишу не для того, чтобы вам только понравиться — вы должны кое-чему поучиться». В собрание сочинений не вошли пьесы, поэмы многие стихотворения, статьи по искусству и мемуары. Сибирские очерки (в исправленном и дополненном виде) были перепечатаны в томе XII (часть I) «Живописной России» (изд. М. О. Вольфа, СПб., 1895).

С 1905 г. Стахеев жил в Крыму. Последними среди его «Листков воспоминаний» о Сибири были очерки: «Сибиряки в Москве» (1901), «Встречи и знакомства»

(1905), «Группы и портреты» (1907).

В 1907 г. полувековой юбилей его литературной работы прошел почти незамеченным. Всеми забытый, он умер в Алупке, и по завещанию был похоронен рядом с его первой женой. Архив и могила давно затеряны.

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Собр. соч.: В 12-ти т. СПб., 1902; Соч. СПб.; изд. кн. магазина В. А. Увылева, 1881; На память многим: Рассказы из жизни в России Сибири и на Амуре. СПб., 1867; Глухие места: Рассказы. СПб., 1868; Драматические сочинения. 1. Знакомые все лица; 2. Луч света в темном царстве. СПб., 1869.— 265 с.; За Байкалом и на Амуре: Путевые картины. СПб., 1862; От Китая до Москвы: История ящика чаю. СПб., 1870; Благовещенск в 1862—1863 гг.— Дело, 1866, № 3, с. 1—28; Жизнь в Амурской станице.— Рус. вестник, 1863, т. 48, № 16, с. 417—454; 1866, т. 63, № 5, с. 125—159; Кяхта: Записки моего приятеля.— Рус. слово, 1865, № 9, отд. 1, с. 273—295; № 10, отд. 1, с. 172—191; Очерки бурятской жизни.— Рус. слово, 1865, № 11, отд. 1, с. 161—178; Прибайкальская жизнь.— Дело, 1867, № 6, с. 65—98; Байкал. Забайкальская область. Кяхта.— В кн.: Живописная Россия. СПб., 1895, т. 12, ч. 1, с. 99—116, 179—206; Станислав первой степени и енотовая шуба: Из воспоминаний о Н. Н. Страхове.— Ист. вестник, 1904, № 2, с. 441—479; Встречи и знакомства. — Ист. вест-

ник, 1905, № 10 с. 61 — 81; Группы и портреты: Листочки из воспоминаний. — Ист. вестник, 1907, № 1 — 3, 7 — 8.

ЛИТЕРАТУРА

Русаков В. Полвека литературного труда.— Вестн. лит., 1907, № 11, с. 217 — 221; Гурвич И. И. Забытый писатель. — Ист. вестник, 1914, № 9, с. 152—178; Петряев Е. Д. Кяхтинский листок. К 100-летию первой Забайкальской газеты. Улан-Удэ, 1963.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мезьер А. В. Русская словесность с 11 до 19 ст. включительно. СПб., 1902, ч. 2, с. 385—386; История русской литературы 19 в. М., 1962.— См. имен. указ.

С. А. СТРЕТЕНСКИЙ (1842—1880)

Имя рано умершего от туберкулеза Сергея Александровича Стретенского (нередко писали Сретенский) не упоминается в библиографических указателях, изданных в советское время: оно забыто. А это несправедливо. Он во многом был примечательной личностью в истории русской литературы Сибири.

Родился Стретенский в Ачинске, в семье соборного протоиерея. В годы 1850—1854-й учился в Томском духовном училище (бурсе), а потом в Томской же духовной семинарии, которую закончил в 1860 г. Много позже, в письме к другу (1876), он вспоминал: «На семинарской скамье я написал «Бурсака» и ревниво хранил его даже от товарищей, а Помяловский выступил в свет со своими «Очерками бурсы» и привлек всеобщее внимание. Бесспорно, что мой «Бурсак» несравненно ниже по художественной обработке очерков Помяловского, но, кто знает, может быть...» (Вост. обозр., 1882, № 13).

Мы ничего не знаем о судьбе рукописи повести Стретенского «Бурсак». Возможно, что поиски ее окажутся не бесполезными. Но если она и не будет обнаружена, упоминание о ней, как о предшественнице «Очерков бурсы», очевидно, уместно в работах о Помяловском.

После окончания семинарии Стретенский три года работал преподавателем в Томской бурсе. Одновременно он сотрудничал в сатирическом журнале «Искра», издававшемся в Петербурге. Об этом сам Стретенский писал: «Пропавший даром «Бурсак» не обескуражил меня; поступив учителем (в бурсу. — Н. К.), я примкнул к «Искре» и доставлял кое-какие материалы к «Хронике прогресса»; в конце концов, редакция поручила мне «Сказки русской Шехерезады». Но это завидное поручение застало меня уже поступившим на место и забившимся в глушь» (Вост. обозр., 1882, № 13).

По настоянию властного отца, которое расходилось с желанием и склонностями сына, Стретенский в 1863 г. был направлен на должность священника в небольшое село Николаевское Ачинского округа. Место было глухое, окружающая среда непривлекательна. Стретенского не удовлетворяли ни соседние священнослужители, ни сельские учителя, большинство из которых погрязло в хозяйстве, быте и дрязгах. Стретенского угнетало исполнение треб, произнесение проповедей о смирении и покорности. Еще более настойчиво стал он в Николаевском заниматься живописью и музыкой, которыми был увлечен с детства, продолжал писать и стихи.

Когда в Иркутске начала издаваться частная демократическая

газета «Сибирь», основание которой Стретенский горячо приветствовал, он становится ее постоянным бескорыстным сотрудником, не получавшим гонорара, как, впрочем, и большинство сотрудников газеты.

Горькие разочарования он испытывал только оттого, что большая часть его лучших статей и очерков о жизни сибирской деревни не пропускалась цензурой. Но те, которые публиковались, занимали в газете видное место: их называли блестящими, они обращали на себя внимание столичной прессы. Речь в них шла о мошенничестве разного рода представителей властей, вконец разорявших крестьян-бедняков («Из кулька в рогожку»), о жестокой расправе с ними, которую учиняли деревенские кулаки за покражу, обусловленную нуждой («Своим судом»), о настоятельной необходимости в основу крестьянских поборов и повинностей положить иные начала, нежели те, которые в то время всей тяжестью ложились прежде всего на крестьянскую голытьбу («На мосты и дороги»), и о многом другом.

Писать часто приходилось хотя и о важном, но не о самом главном, не о том, что сразу же могло вызвать протест властей, недовольство цензуры. Показательна в этом отношении статья «Причины крестьянского безденежья (из наблюдений в Ачинском округе)». К ней редакция газеты сделала такое характерное примечание: «В настоящей статье обращено внимание только на одну категорию причин, порождающих бедность и безденежье крестьян. Другая, быть может, главнейшая категория с **трудом поддается анализу»** (подчеркнуто мной. — Н. К.). Под «другой категорией причин» редакция, разумеется, имела в виду социальные причины.

Стретенский пристальное внимание обратил и на жизнь приисковых рабочих, большинство которых рекрутировалось из беднейшего населения деревень и сел. Об этом внимании писателя свидетельствуют его статья «Золотая лихорадка» и очерк «Деревенские сцены. С задатками», материал которого позже войдет в самое лучшее произведение Стретенского — «Сибирские мученики», в подзаголовке названное «Очерками жизни приисковых рабочих». Оно было одним из ранних значительных произведений о рабочем классе Сибири.

Долгое время «Сибирские мученики» подвергались цензурному запрету. Они были опубликованы лишь спустя шесть лет после смерти писателя в трех номерах «Сибирского сборника» за 1886 г. Вскоре произведение это было включено в специальную тематическую книгу — «Сибирские рассказы из жизни приискового люда», вышедшую в Петербурге в 1888 г. В рецензии на нее «Сибирские мученики» Стретенского были оценены высоко. В частности, было сказано: «Покойный обладал решительным литературным дарованием... совершенно достаточным для того, чтобы — при иных условиях — доставить автору прочную и почетную известность» (Северный вестник, 1883, № 8).

В очерках создается мрачная картина, разоблачительная для местных властей и хозяев приисков. Рабочие на них — это действительно мученики, добровольные каторжники, у которых «день за днем проходит в однообразной, тяжкой работе, подрывающей на всю жизнь человеческие силы».

По стилю очерки Стретенского весьма просты. В них нет сентиментальности при изображении нужды деревенских бедняков тяжкого труда рабочих на приисках. Нет и стремления удивить читателя суровостью, специфичностью картин сибирской природы. И тем не менее они зримо предстают перед ним.

Для стиля очерков характерно и экономное, осторожное употребление диалектизмов в речи действующих лиц.

Думается, что приведенные сведения о жизни и литературно-публицистической деятельности С. А. Стретенского являются достаточным основанием для того, чтобы его имя вошло в историю русской литературы Сибири.

Н. Кондратьев

СОЧИНЕНИЯ

Из кулька в рогожку.— Сибирь, 1877, № 7, с. 3—4; На мосты и дороги.— Сибирь 1877, № 31, с. 1—2; Своим судом.— Сибирь, 1877, № 34, с. 3—5; Деревенские сцены. С задатками.— Сибирь, 1878, № 14, с. 627; Записки сибирского сельского священника: Руководство для сельских пастырей.— Киев, 1878, № 22, с. 163—171; Золотая лихорадка.— Сибирь, 1878, № 45—46, с. 1; Причины крестьянского безденежья (из наблюдений в Ачинском округе).— Сибирь, 1878, № 21, с. 1—2; Сибирские мученики: Очерки жизни приисковых рабочих.— Сиб. сб., 1886, кн. 2, СПб., с. 1—39; кн. 3 СПб., 1886, с. 1—39; кн. 4, СПб., 1887, с. 1—33.

ЛИТЕРАТУРА

Некролог. Священник С. А. Стретенский. Статья Евгения Ф-а.— Сибирь, 1880, № 9; Гибнущие силы. Статья Молодого Сибиряка. Сергей Александрович Стретенский.— Неделя, 1882, № 24.— Сибирь, 1880, № 9.— Восточн. обозрение, 1882, № 13: /Рец. на кн. Стретенский С. А. «Сибирские мученики»/.— Северный вестник. СПб., 1888, № 8, отдел 2, с. 120.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ (1842—1894)

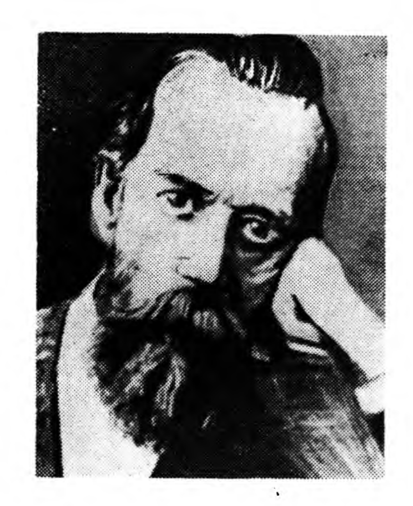
Николай Михайлович Ядринцев — русский писатель, ученый, путешественник и общественный деятель. Родился он 18(30) октября 1842 г. в Омске в семье купца Михаила Яковлевича Ядринцева и его жены Февронии Васильевны, бывшей крепостной. В 1851 г. семья Ядринцевых переезжает в Томск, и Николай Михайлович сначала отдан в частный пансион, затем с 1854 г. учится в Томской гимназии. В 1860 г., не окончив 7-й класс гимназии, уезжает в Петербург и поступает вольнослушателем в университет на естественный факультет. В Петербурге Ядринцев знакомится с Г. Н. Потаниным, вместе с ним создает «сибирское землячество», принимает участие в студенческих волнениях, входит в круг передовых людей времени — знакомится с Г. Е. Елисеевым, В. С. Курочкиным и другими деятелями тайного общества «Земля и воля». В 1863 г. в журнале В. С. Курочкина «Искра» Ядринцев печатает несколько фельетонов. Это было началом его более чем тридцатилетней литературной деятельности.

Осенью 1863 г. Ядринцев, не возобновляя занятий в университете, выехал в Сибирь (длительное время университет был закрыт правительством, и часть студентов покинула его в знак протеста против новых правил). В Омске Ядринцев работает домашним учителем, знакомится с участниками польского восстания, принимает активное участие в общественной жизни города. На литературных вечерах, организуемых молодежью города, он выступает с лекциями — «О сибирском университете», «Общественная жизнь Сибири». Они вызвали негодование в среде местной буржуазии, и Ядринцев перебирается в Томск, где в это время живет и его друг Г. Н. Потанин. С этого момента деятельность томского кружка передовой молодежи активизируется: тайные собрания и чтение нелегальной литературы, сбор средств в пользу ссыльных, попытка приобрести литографию для печата-

ния литературы, связь с польскими ссыльными, готовившими восстание, организация просветительских лекций... Легальной трибуной кружка стала неофициальная часть «Томских губернских ведомостей». В газете Ядринцев опубликовал несколько статей, среди них «Общественная жизнь Сибири», «Сибирь перед судом русской литературы», «Экономические особенности сибирского населения». В мае 1865 г. Ядринцев и Г. Н. Потанин были арестованы. Их вместе с другими товарищами обвинили в попытке создать независимую Сибирь. Дело разбиралось почти три года и завершилось каторгой для Г. Н. Потанина и ссылкой для остальных активных, по решению суда, участников «Общества независимости Сибири». Ядринцев получил бессрочную ссылку в Архангельскую губернию с доставкой туда по этапу.

И находясь в Омском остроге, Ядринцев не прекращает литературной работы. Он ведет подробный дневник, выступает с фельетонами в «Искре», печатается в «Сибирском вестнике» и в «Женском вестнике». А после того, как надолго обосновывается в г. Шенкурске Архангельской губернии, он часто публикует свои работы в передовом тогда журнале «Дело». «Бродячее население Сибири», «Секретная», «Типы сибирского острога», в некрасовских «Отечественных записках» — «История одного странствия» — все это яркие очерки из пережитого, из увиденного. Ведь «странствие» — это же изображение этапа из Сибири в Архангельскую губернию! Почти пол-России прошел Ядринцев, человек наблюдательный и острый, собственными глазами видел, какую «свободу» получил русский крестьянин, и писал об этом сколь возможно откровенно.

Из очерков и статей, опубликованных в журналах «Дело» и «Отечественные записки», складывается и издается в 1872 г. книга «Русская община в тюрьме и ссылке». После выхода «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в 1861 г. две книги на ту же тему произвели на читателей впечатление — это «Сибирь и каторга» С. В. Максимова (1871) и книга Ядринцева. Создавая свои очерки о ссылке и каторге, Ядринцев взял за образец «Записки из Мертвого дома». Вслед за Достоевским он скажет, что в этой острожной массе «можно ближе всего познакомиться с жизнью простого народа и его судьбою». Видеть в преступнике человека, перевоспитывать его трудом, развитием самосознания — определяющая идея книги Ядринцева.

В повести «На чужой стороне», опубликованной в журнале «Азиатский вестник» в 1872 г. и затем продолженной в «Литературном сборнике» (1885), Ядринцев рисует ссыльных по-разному, но речь, собственно, идет о трагедии огромной массы народа, поставленной в безнадежно отчаянное положение. Повесть стоит в ряду тех обличительных произведений, которые были созданы Н. Наумовым, Г. Успенским, Н. Златовратским и другими писателями демократического на-

правления, только материал был исключительным по своей специфике и расширял картину жизни пореформенной России.

В 1874 г. Ядринцев был освобожден и переехал в Петербург. Последовавшее затем десятилетие связано у него в основном с работой над историческим трудом «Сибирь как колония», вышедшем к 300-летию присоединения Сибири. Но одновременно он пишет немало очерков и статей, которые публиковались в «Вестнике Европы», «Русском богатстве», в «Отечественных записках». Среди них следует выделить «Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири» с характерным подзаголовком «Исследование о сибирской кабале, монополии и мироедстве», затем «Современная мания к путешествиям» и «Сибирская Швейцария». Это именно статьи-очерки, в которых запечатлены то образы рабочих на алтайских заводах, то новосела-переселенца, то путешественника. Иначе сказать, в эти годы Ядринцев пишет работы о разложении крестьянской общины и рождении кулачества, обвиняет правительство в преступном невнимании к науке, способствующей освоению пустующих земель России, рисует трагедию русского крестьянина-переселенца, наконец, создает картины ужасающего бедственного положения рабочих, их протеста против социальной несправедливости. Он требует срочного вмешательства в судьбу инородческого населения Сибири, физически уничтожаемого обнаглевшим предпринимателем. Что ни работа, она обязательно касается самой жгучей проблемы современности, она обязательно направлена на защиту интересов угнетенного народа России.

1882 г. знаменателен для Ядринцева. Он создает в Петербурге частную газету «Восточное обозрение» и выступает в ней как редактор. Через пять лет он вместе с газетой переезжает в Иркутск, С 1885 г. Ядринцев начал издавать приложение к этой газете — «Сибирский сборник», ставший фактически периодическим журналом литературы и науки. «Открывая газету, — писал Ядринцев меценату В. П. Сукачеву,— я мечтал соединить все литературные силы Сибири, привлечь наши таланты, дать выход научным работам, статистике, истории Сибири, предпринять ряд изданий».

Для газеты Ядринцев пишет передовицы на злободневные темы, исторические исследования типа «Жизнь и труды А. П. Щапова», но как писатель он прежде всего выступает в роли сатирика. Пожалуй, не было номера газеты, в котором не появлялся бы новый фельетон Ядринцева. Лучшие его сатиры покоряют доверительным тоном, авторской открытостью, беспощадностью к живым носителям зла. В своих многочисленных фельетонах, обличающих конкретных людей, Ядринцев стремится также и к художественным обобщениям. Наиболее крупная фигура в его сатирах — Кондрат, тип сибирского воротилы, фантастически разбогатевшего, фантастически осатаневшего. Есть фельетоны, посвященные Кондрату специально, — «Кондрат у себя дома», «Кондрат на поприще литературы» или «Беседа с Кондратом и его потомством», но есть еще «Очерки общественной жизни на окраинах» или «В стране чудес и курьезов», где нередко Кондрат тоже главный герой или выступает как эпизодическое лицо. Словом, это сквозной герой многих сатирических произведений писателя. Художник проследовал за Кондратом через несколько поколений, показал, что встречается он в самых разных обличиях — от убийцы и дикого самодура до образованного хапуги-живоглота, разоряющего край и всю страну. Но в том, другом и третьем сконденсированы основные черты сибирской буржуазии.

Лучшие сатирические произведения Ядринцева по своим идейно-художественным качествам соответствовали уровню народнической литературы 80-х годов.

Многочисленны у Ядринцева путевые очерки. Можно сказать, что они в его творчестве преобладают. Не было путешествия по стране, чтобы он его не описал. Названия очерков говорят за себя. «По чужим и родным полям», «По дороге в Сибирь», «Путевые картины Монголии», «Письма сибиряка из Европы» и т. д. Сибири он во всех случаях отдавал свои лучшие чувства, даже если находился далеко за ее пределами, в других странах.

В 1885 г. Ядринцев впервые выехал за границу. Он был переполнен и подавлен впечатлениями. Но изображая все «дивы и красоты» Европы с присущей ему экспрессией и эмоциональностью, он и на минуту не может отвлечься от забот и дел России, от главного для него — забот и дел Сибири. С прекрасных берегов Рейна он переносится на берег Иртыша и, подробно сопоставив эти могучие реки, воскликнет: «Закипит ли когда жизнь в наших пустынях, перережут ли когда тоннели Нарымский хребет и Алтай, выдвинутся ли, если не виллы, то чистые домики переселенцев-крестьян!..»

Во всех сравнениях и сопоставлениях постоянно чувствуется ядринцевская энергия, ядринцевская образная сила и хватка подлинного публициста. Очерки Ядринцева непременно содержательны и актуальны в постановке социальных, национальных, общественно значимых проблем и вопросов. Небольшой, красочный, на едином дыхании написанный очерк, точнее, стихотворение в прозе «На обетованных землях» завершается так: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, притаилося!..» Бедствия русского крестьянства были для Ядринцева источником его героя, страданий и мук.

В 1894 г. в связи с замыслом новой книги Николай Михайлович переезжает из Иркутска в Барнаул.

Творчество Ядринцева-писателя вообще автобиографично. Даже в фельетонах он нередко идет от непосредственных впечатлений, от воспоминаний. Об очерках и говорить нечего — лирика существенный компонент их содержания, и главный герой их чаще всего сам наблюдатель. В 1884 г. Ядринцев задумывает цикл воспоминаний о людях, с которыми он начинал жизнь. Возникли «Сибирские литературные воспоминания». Потом он приступает к автобиографии и печатает «Воспоминания о Томской гимназии». И до конца жизни не оставит этот жанр — напишет «Детство», «К моей автобиографии», воспоминания о друге С. С. Шашкове, о Ф. М. Достоевском, о женах двух писателей-сибиряков Е. П. Елисеевой и О. И. Щаповой, несколько автобиографических рассказов... Автобиография Ядринцева так и не сложилась в отдельную книгу, но то, что создано им в этом жанре и дошло до нас, представляет не только исторический интерес. В них автор выступает как художник, создавший свой, в чем-то неповторимый мир, рассказавший о людях, о которых никто другой не мог рассказать с такой правдой, с таким проникновением и пониманием.

«Литература и наука, — торжественно и трепетно пишет в воспоминаниях Ядринцев,—являвшиеся во всем ореоле, покорили навеки наши сердца, ибо мы видели их в самых лучших проявлениях... Мы считали человеческое слово за лучшее из средств для победы знания над невежеством, для торжества идеи, для завоевания человеческого права». Ясно, что это — слова Ядринцева-просветителя.

Исповедальность — характери-

стическая особенность мемуаров Ядринцева. Исповедальность последних произведений продиктована и свойствами художественной манеры Ядринцева — он всегда был лиричен, но в большей степени той духовной драмой, какую он переживал в последние годы жизни. Говорят, что его духовная драма была прямым отражением исторической драмы областничества, которое эволюционировало вправо. На самом деле все определялось еще и общей атмосферой в стране и состоянием западной демократии. Во всяком случае его преждевременная гибель может быть объяснена и этим его состоянием. Глубоко осознанное им трагическое положение всей России (а вместе и Сибири) и привело писателя к личной духовной драме. 7 июня 1894 г., будучи в возбужденном состоянии, он принял большую дозу опия. Ему было всего 52 г., и он, можно сказать, находился в расцвете своего незаурядного таланта.

В центре научных, публицистических и художественных исканий Ядринцева постоянно находились проблемы борьбы с социальным злом, обличения реакционных сил, уничтожения национального насилия в любом его проявлении. Николай Михайлович Ядринцев был и остался выдающимся гражданином России, пламенным патриотом родной Сибири.

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Сибирь как колония: К юбилею 300-летия. Соврем. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882; То же.— Под загл.: Сибирь как колония в географическом и историческом отношении. — 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892; Культурное и промышленное состояние Сибири, (по случаю торжества 300-летия Сибири).— СПб.: Тип. Суворина, 1884; Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этногр. и стат. исслед. с прил. стат. таблиц. СПб., 1891; Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину: Вып. 1. С 20 февр. 1872 по 8 апр. 1873 г. Красноярск: Изд. ж. «Сиб. записки», 1918; Жизнь и труды А. П. Щапова. Красноярск, 1919; Избранные статьи, фельетоны и стихи.— Красноярск: Изд-во ж. «Сиб. записки», 1919; Сибирские литературные воспоминания.— Красноярск: Изд. Краснояр. союза сибиряков-автономистов, 1919; Художественные и публицистические произведения; Воспоминания. Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1979, т. 4; То же. Новосибирск, 1980, т. 5.

ЛИТЕРАТУРА

Кеннан Д. Памяти Н. М. Ядринцева.— Вост. обозрение, 1894, № 120; Глинский В. Н. М. Ядринцев: Биогр. очерк. М., 1895; Баитов Г. В. Несколько слов памяти Н. М. Ядринцева.— Сиб. сб., 1901, вып. 1, с. 1—11; Материалы к биографии Н. М. Ядринцева.— Лит. вестник, 1902, № 131, с. 167—171; Лемке М. Н. М. Ядринцев: Биогр. очерк.— СПб.: Изд. газ. «Вост. обозрение», 1904.— XVI; Михайловский Н. К характеристике Н. М. Ядринцева.— В кн.: На сибирские темы. СПб., 1905, с. 62—68; Дубровский К. Славный сын Сибири.— В кн.: Дубровский К. Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916, с. 106—129; Крутовский В. Из истории одной дружбы: Н. М. Ядринцев — Г. Н. Потанин; Отрывки из воспоминаний о Н. М. Ядринцеве.— Г. Н. Потанин; Отрывки из воспоминаний о Н. М. Ядринцеве; Ученые труды Н. М. Ядринцева.— Сиб. записки, 1919, № 2, с. 11—22, 36—45, 67—70; Кошелев Я. Р. Новое о Н. М. Ядринцеве.— В кн.: Из истории культуры Сибири. Томск, 1966, вып. 1, с. 65—94; Лапин Н. А. Революционно-демократическое движение 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири. Свердловск, 1967; Кандеева А. Г. Н. М. Ядринцев — фельетонист газеты «Восточное обозрение.— Зап. /Ом. пед. ин-т, 1969, вып. 40, с. 50—67; Она же. Общественная и литературная деятельность Н. М. Ядринцева первой половины 60-х гг. XIX в.— В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 130—146. Раппопорт Е. «Лучом гражданства озарить».— В кн.: Раппопорт Е. Тайны старых негативов. Иркутск, 1969, с. 11—20; Хваленская Е. Ю. Фельетоны Н. М. Ядринцева в сибирской печати 70—80 гг. XIX в. Вопр. яз. и лит. /Новосиб. гос. ун-т, 1969, вып. 3, ч. 1, с. 144—152; Коржавин В. К. Н. М. Ядринцев и проблема присоединения и заселения Сибири [60—90-е гг. XIX в.]. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1972, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 69—77; Он же. Общественно-политические и исторические взгляды Н. М. Ядринцева: АКД. Новосибирск, 1973.— 26 с.; Постнов Ю. Его называли заступником народным.— Алтай, 1972, № 4, с. 80—83.

БИБЛИОГРАФИЯ

Межерова Л., Нагибина А. Литературный отдел газеты «Восточное обозрение»: (1882—1906). Библиогр. материалы.— Сиб. лит.-краевед. сборник. Иркутск, 1928.— См. имен. указ. (с. 122), Кондратьев Н. И. Приложение к газете «Восточное обозрение»: Указ. содерж. Иркутск, 1974.— См. имен. указ.

«СИБИРСКИЙ СБОРНИК» (1885—1905)

«Сибирский сборник» — научно-литературное приложение к одной из частных демократических газет Сибири «Восточному обозрению». Основателем и редактором этой газеты был известный литератор, этнограф и археолог Н. М. Ядринцев. Издаваться она начала в 1882 г. в Петербурге. С 1888 г. местом ее издания становится Иркутск. Здесь, по указанию присланного из Москвы в Сибирь карателя Меллера-Закомельского, газета была закрыта местными властями в январе 1906 г.

Передовые люди и печатные органы того времени ставили в пример принципиальность «Восточного обозрения» в освещении важнейших вопросов общественной жизни.

Известно, однако, что газете, ее сотрудникам и сотрудникам приложений к ней, самому Ядринцеву, другим так называемым сибирским областникам, были присущи и ошибочные (в основе своей народнические) взгляды. Тем не менее известная слабость позиций сибирских областников не может свидетельствовать о будто бы неправомерности сравнения их деятельности, особенно деятельности Ядринцева, с деятельностью не только революционных демократов, но и народников.

В рецензии на книгу Б. Глинского, которая была первой большой работой об умершем Ядринцеве, Горький назвал его «бескорыстным и светлым деятелем далекой Сибири, рыцарски честно работавшим всю жизнь для суровой родины» (Самарская газета, 1895, № 54).

В. И. Ленин тоже положительно оценил деятельность Ядринцева. В 1918 г. в беседе с его сыном, сотрудником «Правды», В. И. Ленин сказал: «Я высоко ценю деятельность Вашего покойного отца и рад, что Вы работаете в нашей газете»[1].

Эта оценка работы Ядринцева согласуется с оценкой В. И. Ленина взглядов и деятельности народников. Он писал, что в борьбе с народниками марксисты всегда считали своей задачей не только раскрывать слабые стороны их учения и деятельности, «марксисты издавна считали столь же обязательной своей задачей выделять демократическое ядро народнических взглядов»[2].

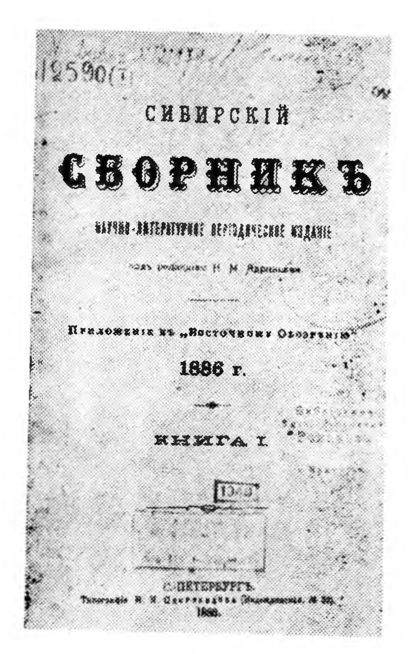
Первым приложением к «Восточному обозрению» был «Литературный сборник» — собрание научных статей и литературных произведений о Сибири и Азиатском Востоке. Он был издан в 1885 г. С 1886 г. приложение к газете стало называться «Сибирским сборником».

С 1889 г. Н. М. Ядринцев, занявшись научными исследованиями Сибири и Монголии, нередко бывая в Петербурге и за границей, постепенно отходил от редакторской работы в газете и приложений к ней. Еще при его жизни редактором «Восточного обозрения» были В. А. Ошурков,

---

[1] Вержбицкий Н. Вы работаете в нашей газете. — Советская печать, 1958, № 4, с. 8.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 368.

СИБИРСКІЙ
СБОРНИКЪ

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію"
1886 г.
КНИГА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

Д. А. Клеменц, А. Н. Ушаков, И. Г. Шешунов, В. В. Демьяновский. Шешунов, Ошурков и Ушаков были редакторами и ряда выпусков «Сибирского сборника» в годы 1890—1894-й. После смерти Н. М. Ядринцева (1894) постоянным редактором «Восточного обозрения» и приложения к нему стал ссыльный народоволец И. И. Попов.

В связи с общественным подъемом в середине 90-х гг. окажется возможной публикация в сибирских частных газетах статей ссыльных марксистов. Они подвергнут научной критике «областнические» позиции этих газет, в том числе и позиции «Восточного обозрения» (свойственные и «Сибирскому сборнику»), прежде всего по вопросу развития капитализма в Сибири[3]. Однако И. И. Попов, выражая мнение редакции, отверг критику и снова утверждал, что Сибирь не пойдет по капиталистическому пути[4].

Издавая «Сибирский сборник» с различной периодичностью — от одного до семи выпусков в год, всего было издано 48 книг-выпусков. Во всех сборниках было опубликовано около 70 произведений художественной прозы, драматургии, поэзии, более 200 публицистических, историко-литературных и других научных статей, воспоминаний, сообщений, заметок, информаций, не считая материалов библиографического отдела. Печатались и произведения устного народного творчества, а также статьи о них.

Ведущими темами статей, опубликованных в «Сибирском сборнике», были актуальные темы общественной жизни не только Сибири, но и всей России того времени. Речь шла о земельном вопросе, о характере землепользования в деревне, о всем происходящем в ней. Как все частные демократические газеты Сибири («Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение»), «Сибирский сборник» главной своей задачей считал защиту угнетенных, беднейших слоев деревенского населения. Он разоблачал произвол «верхов» деревень и сел, местной администрации, чиновников. Однако, как и многие сотрудники частных демократических газет, участники «Сибирского сборника», разоблачая пороки капитализма, показывая их проявление и в сибирской деревне, нередко утверждали, что признаки капитализма не являются внутренне присущими общественной жизни Сибири, а возникают здесь лишь в результате

[3] См.: Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири.— Восточное обозрение, 1896, № 121—123.

[4] Попов И. И. Судьбы капитализма в Сибири (ответ Л. Б. Красину). — Восточное обозрение, 1896, № 130—133. Подробно о статьях Л. Б. Красина, И. И. Попова и др. сотрудников газеты, а также о прекращении дискуссии не по вине Л. Б. Красина, см.: Научитель М. В. Страницы жизни и борьбы. Иркутск, 1972, с. 86—126.

внешнего влияния. Сибири же присуще общинное землевладение, она поэтому должна и может развиваться по самобытному пути.

Сотрудники «Сибирского сборника» писали и о жизни, быте, нравах, положении аборигенных народов Сибири, выступали против угнетения, эксплуатации «инородцев» со стороны царских властей, торговцев, золотопромышленников. Однако статьи об «инородцах» тоже дают представление о некоторых наивных позициях сотрудников издания, особенно при выяснении причин неволи аборигенных народов Сибири, при выявлении путей облегчения их участи. Выход из положения некоторые авторы статей видели в обращении с просьбами к тем, кто и был виновником кабалы, разорения «инородцев»: к властям, администрации, торговцам. Сотрудники издания взывали к их совести, гуманности, не говоря о необходимости социальных изменений для освобождения «инородцев» от кабалы, эксплуатации. Лишь намеки на эту необходимость можно почувствовать в статье без подписи «Хозяйственные заметки» (Сиб. сб., 1897, вып. 4, с. 436).

В «Сибирском сборнике» были опубликованы статьи, посвященные изображению условий жизни рабочих на золотых приисках. Вопрос этот был актуальным и сам по себе, и по своим тесным связям с другими важнейшими сторонами общественной жизни — с жизнью сибирской деревни, аборигенных народов Сибири, с каторгой и ссылкой.

Все авторы этих статей внимательно и сочувственно относились к положению рабочих, обвиняли золотопромышленников, администрацию, местные власти в тяжелых условиях работы на приисках. Один из сотрудников «Сибирского сборника» писал: «Весь труд этой массы, труд «вольной каторги»... основан на хищнической и разнузданной эксплуатации рабочих сил, в принципах этого труда нет ни одного рационального начала»[5].

В разной степени, но так же с прогрессивных, демократических позиций освещались в статьях «Сибирского сборника» и многие другие вопросы: переселенческого дела, истории и экономики Сибири, этнографии, просвещения, медицинского и ветеринарного обслуживания, жизни в «сопредельных» с Сибирью областях и странах.

О прогрессивных, демократических позициях издания свидетельствуют и опубликованные в нем художественные произведения различных литературных родов и жанров.

Ряд произведений художественной прозы посвящен каторге и ссылке. Сотрудники сборника были противниками ссылки как меры наказания, так как она не способствовала перерождению преступника, а, как правило, еще более развращала его. Гуманным (восходившим к взглядам Ф. М. Достоевского) был взгляд авторов издания на преступников, ссыльных-каторжников, в которых они видели не патологические натуры, а в первую очередь людей, доведенных до преступления условиями жизни. Участники издания, разумеется, не освобождали уголовников от личной ответственности за совершенные ими преступления. Однако, прежде всего, они говорили о значении общественных условий, «среды», условий пребывания на каторге и в ссылке, как о факторах, толкающих людей на преступления и развращающих их.

«Сибирский сборник» разоблачал прежде всего «бубновых тузов» из столичной титулованной, чиновной и денежной аристократии. Их преступления, в отличие от преступлений других уголовных ссыльных, обусловливались

---

[5] Сиб. сб., 1886. Кн. 2., СПб., 1886, с. 124.

не нуждой, а стремлением жить в еще большей роскоши, тщеславной мыслью о том, что такая жизнь вызовет зависть у окружающих. Один из таких преступников изображен в рассказе «сибирского путешественника» (К. М. Станюковича) «Бубновые тузы на покое» (Сиб. сб., 1886, кн. 4, СПб., 1887, с. 34—52).

Совсем иным было отношение сотрудников «Сибирского сборника» к политической ссылке. По цензурным соображениям симпатии к ней прямо, в статьях, выражать было нельзя. Но все же использовались некоторые возможности, чтобы в художественных произведениях сказать о политической ссылке добрые слова, показать ее представителей как людей, близких им по духу. Интересен в этом плане рассказ В. С. Е. (В. С. Ефремова) «На паузке» (Из воспоминаний). (Сиб. сб., 1905, Иркутск, 1905, с. 95—109).

Стоит отметить, что лучшие произведения о каторге и ссылке созданы именно политическими ссыльными. Одним из них был писатель-поляк Вацлав Сирко (В. Л. Серошевский). В «Сибирском сборнике» он опубликовал интересный рассказ «Хайлак»[6]. Его можно смело назвать особенно убедительным художественным аргументом, направленным против утверждения, что ссылка как мера наказания способствует будто бы исправлению преступников.

Напомним, что ссылку на каторгу и поселение в Сибирь называли «штрафной» колонизацией края. Но был и другой вид его колонизации — переселение крестьян из европейской части России, где остро ощущался недостаток земель. Вопросами этого вида колонизации интересовались все передовые люди эпохи, причем не в меньшей степени, чем вопросами каторги и ссылки. И не случайно: при переселении крестьян тоже имели место вопиющие упущения. По пути следования переселенцы не обеспечивались, по существу, ничем: ни подводами, ни питанием, ни жильем для ночлегов, ни медицинским обслуживанием, ни первоначальной помощью на местах поселения. С волнением и горечью в очерке Н. М. Ядринцева «На обетованных землях» говорится о горемыках-переселенцах, искавших «земли обетованной» на Алтае, о трудностях приписки к новому месту, о борьбе со старожилами, о мытарствах при улаживании дел с местными властями и землемерами, о постоянной боязни приехавших, что их могут согнать с занятой земли (Сиб. сб., 1886, кн. 2, СПб., 1886, с. 36—43).

В ряде произведений художественной прозы «Сибирского сборника» нашли свое изображение жизнь, быт, обычаи, обряды аборигенных народов Сибири, прежде всего жизнь якутов и тунгусов. Среди этих произведений выделяется рассказ Вацлава Сирко (В. Л. Серошевского) «В жертву богам» (Сиб. сб., 1892, вып. 1, Иркутск, 1893, с. 133—156), волнующее повествование об одном эпизоде из жизни бродячих тунгусов во время массового мора оленей. Рассказ этот отличается точностью, экономной образностью авторского языка, характерной речью. Но в первую очередь он выделяется главной своей мыслью — мыслью о служении народу, о самопожертвовании ради его блага.

Изображению происходящего в сибирской золотопромышленности было посвящено несколько произведений. «Литературный сборник» (1885) открывался «Очерками приисковой жизни в Сибири» под общим заглавием «В тайге». В этих очерках Завитков живо рисует суровые и в то же вре-

---

[6] Сиб. сб., 1890, вып. 2, Иркутск, 1891, с. 28—65. «Хайлаками» якуты называли ссыльных. Слово «хайлак» можно перевести словами — злодей, преступник, варнак, острожник.

мя величественные картины таежной природы. Им противопоставляется изображение тусклой и тяжкой жизни приисковых рабочих.

По охвату материала, связанного с сибирской золотопромышленностью, еще более значительным произведением, чем очерки Завиткова, является произведение С. А. Стретенского «Сибирские мученики».

В лучших произведениях «Сибирского сборника», посвященных деревне, главным является не изображение деревенского быта, нравов, обычаев, а изображение социальной жизни, теневых ее сторон, расслоения деревни, господства, насилия, произвола ее «верхов».

Одним из значительных произведений художественной прозы на деревенскую тему является большой рассказ С. Ан-ского (С. Раппопорта) «Овцы» с подзаголовком «Деревенская идиллия» (Сиб. сб., 1903. Иркутск, 1903, с. 174—219). Подзаголовок имеет иронический смысл: речь в рассказе идет не об «идиллической» жизни в деревне (на этот раз не в сибирской, а в российской). Заглавие рассказа тоже имеет подтекст. Он назван «Овцы» не столько потому, что в нем говорится о насильственной распродаже крестьянских овец купцам, лавочникам и кабатчикам окрестных деревень, сколько потому, что владельцы овец крестьяне в массе своей сами похожи на овец, робких, боязливых, не умеющих защитить себя.

В рассказе созданы живые характеры, действующие в хорошо выписанных обстоятельствах. Выразителен их язык, как и язык авторской речи. Зримо рисуются поступки, поведение представителей деревенских «верхов».

Приехав в деревню, купцы бесцеремонно ведут себя в доме старосты, который предупредительно разослал по соседям всех членов своей семьи, чтобы они не мешали «гостям». К соседям не отправили только отца старосты: он был болен и лежал на полатях. «В его взгляде,— рассказывает автор,—было что-то глубоко безотрадное, тяжелое, тоскливое и в то же время бесконечно покорное. Три четверти века прожил старик честно, работал не покладая рук, не зная отдыха. И вот, стоя на краю могилы, он должен молча смотреть, как орда кулаков, приехавших разорить его родную деревню, нагло ворвалась в его дом и распоряжается в нем полным хозяином. Один бог знает, что происходило в душе этого почти умирающего старика».

Примечателен эпизодический образ и самого старосты деревни. Он — свидетельство приниженности, закрепощенности деревенскими «верхами» не только простых крестьян, но и деревенских властей.

Художественные произведения, опубликованные в «Сибирском сборнике», неравноценны по своему содержанию и форме, как неравноценны и опубликованные в нем статьи. Однако лучшие художественные произведения сборника, как и лучшие его статьи, заслуживают переиздания. Они, во-первых, могут послужить лучшему пониманию тех изменений, которые произошли в Сибири за годы Советской власти, во-вторых, некоторые художественные произведения сборника имеют не только историческое значение. Они до сих пор сохраняют художественную ценность, привлекают писательским мастерством. Эти произведения помогают расширить наше представление о деятельности писателей, позволяют поставить вопрос о типологических связях творчества поздних писателей, с творчеством участников «Сборника», например В. Л. Серошевский («В жертву богам») и А. М. Горький («Старуха Изергиль») и т. п.

Н. Кондратьев

СОЧИНЕНИЯ

Сибирский сборник. Науч.-лит. период. изд. Прилож. к газ. «Восточное обозрение». Иркутск. 1886—1905.; Ред. разновременно: Н. М. Ядринцев, В. А. Ошурков, А. Н. Ушаков, И. Г. Шешунов, И. И. Попов и др. Изд. Редакция «Восточного обозрения». В 1886 г. вышло 3 вып.; 1887 — 2 вып.; 1888 — 4 вып.; 1889—1893 по 2 вып.; 1894 — 7 вып.; 1895—1896 по 4 вып.; 1897 — 3 вып. (№ 1/2, 3, 4); 1898 — 1 вып.: 1899 — 2 вып.; 1900 — 3 вып.; 1901—1905 по 1 вып. в год.; Место изд.; 1886—1887, СПб.; В 1885 г. первое приложение вышло под названием: Литературный сборник; Указ. содерж.: Кондратьев Н. И. Приложение к газете «Восточное обозрение»: («Лит. сборник», «Сиб. сборник»). Иркутск: б. и., 1974.— 49 с.— (Иркут. ун-т).

ЛИТЕРАТУРА

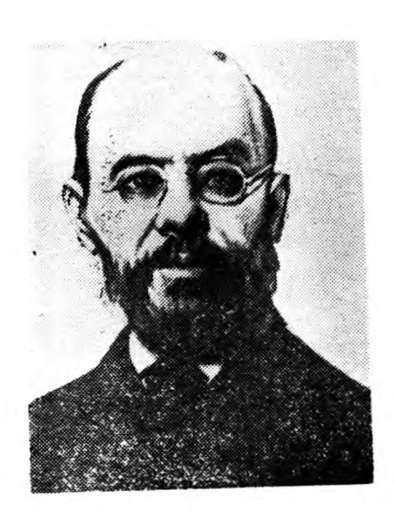
Mea Culpa.— Сибирь, 1885, № 39, 22 сент., с. 9—10; Н. К. Новый опыт областного сборника. — Нов. время, 1885, № 3373; Несколько слов по поводу «Литературного сборника», изд. ред. «Вост. обозрения».— Сиб. газ., 1885, № 37; Сибирский сборник Н. М. Ядринцева. Кн. 3.— Сиб. газ., 1887, № 4; Ал. И-ой. Сибирский сборник: (Прилож. к «Вост. обозрению»). 1890, вып. 1.— Этногр. обозрение, 1890, № 4, с. 213—214; Русская периодическая печать: (1702—1894). Справочник.— М., 1959, с. 673; Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири. Иркутск, 1985.

И. В. БАГАШЕВ (1843—1919)

Забайкальский литератор и историк Иван Васильевич Багашев родился 16 июля 1843 г. в Нерчинском заводе в купеческой семье. В десятилетнем возрасте его постигло несчастье: он почти оглох. Учиться пришлось дома. Малограмотность и тугоухость стали тяжкими препятствиями для развития незаурядных способностей Багашева. Торговлей он заниматься не мог. С юношеских лет пристрастился к книгам и газетам. Выпуская рукописный журнал «Нерчинско-заводский наблюдатель», обнаружил талант бытописателя. Побывав в столичных редакциях, он избрал поприще журналиста и стал сотрудничать в газете «Сибирь». Главной его темой была хозяйственная и общественная жизнь Забайкалья. Он часто писал корреспонденции о состоянии и нуждах земледелия, торговли и кустарных промыслов. Одна из статей рассказывала о том, как горное ведомство вымогало с населения Приаргунья полувековые долги. В 1872 г. он напечатал первый в нашей литературе обзор истории Нерчинского завода.

В «Письмах из Приаргунья» (1876) Багашев обстоятельно (почти на двух печатных листах) освещал причины длительного застоя в развитии края. Ссылаясь на статистические данные и новые литературные материалы («Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, книги и статьи М. И. Венюкова, С. В. Максимова и др.), автор выступал против монополии казны, за развитие самодеятельности населения. Он сопоставлял Нерчинскую заводскую страну с Ново-Калифорнией: богатство той и другой — в золоте, почти одновременно открытое, дало совершенно противоположные результаты. Через 25 лет в Калифорнии возникли многолюдные города, как Сан-Франциско и другие, имеющие университеты, музеи, банки, а земледелие настолько развилось, что миллионы пудов хлеба продавались в другие страны света, здесь же — «полуразрушенные лачуги, а в Каре тюрьмы и плачевная обстановка ссыльных».

В иркутском редакционном кружке «Сибири» Багашев общался с А. П. Щаповым, Г. Н. Потаниным, И. В. Федоровым-Омулевским, но газету закрыли. Багашеву пришлось переселиться в

Нерчинск. Здесь он заведовал типографией М. Д. Бутина и более десятилетия был одним из главных культурных деятелей города. Он принимал участие в устройстве общественной библиотеки и музея, в организации кружка любителей литературы и искусства, председательствовал в «Чайном клубе» — первом в Сибири кружке библиофилов, имевшем устав и регулярные дискуссионные заседания.

В конце 1880-х гг. в «Забайкальских областных ведомостях» печатались статьи Багашева «Что пишут о Забайкалье» — это были первые местные публикации по краеведческой библиографии.

Попытки Багашева издавать газету не удались. Нерчинск вступил в полосу экономического упадка. В поисках занятий Багашев переехал в Кяхту. Ему предложили подготовить обзор кяхтинской торговли на основе документов купеческого архива. С 1897 г. он стал издавать еженедельную газету «Байкал». «Немало здесь трудностей в деле ведения газеты,— писал он через год,— ограниченность числа подписчиков и своих материальных средств, вольное и невольное соединение в одном лице обязанностей редактора-издателя, секретаря, хроникера, переписчика, а иногда и разносчика...» В «Байкале» помещались стихотворения и фельетоны, научные статьи и материалы по истории края (архивные документы и выдержки из редких изданий), библиографические заметки. Раздел «Современная летопись» был дневником местной культурной жизни.

С перерывами газета выходила до 1906 г. и была закрыта «за вредное направление». Багашев вернулся в Нерчинск, привезя 25 пудов своих бумаг. Разборкой этого архива он занимался более четырех лет, изредка печатая в газетах статьи о литераторах старого Забайкалья (Ф. И. Бальдауфе, Ф. М. Мокееве, М. А. Зензинове и др.). В эти годы у него сильно ослабело зрение. Жизнь осложнилась столкновениями с женой, не понимавшей значения его работы. Нужда заставила продать архив. В начале 1912 г. из Нерчинска в Красноярск в знаменитое книгохранилище Г. В. Юдина ушло более 150 больших связок бумаг. Но когда они дошли до места, Юдин умер, а наследники отнеслись к ним безучастно. Через несколько лет архив Багашева попал в Новосибирск, дорогой еще подмок. Оттуда его, немало напутав, разослали по разным городам. Объяснялось это тем, что Багашев рассортировал свою обширную переписку по местам жительства корреспондентов. Поэтому письма читинцев и нерчинцев попали в Кяхту, иркутян — в Читу и проч. Так ценнейший архив оказался совершенно разрозненным, а сам его владелец и создатель надолго забыт. Лишь недавно удалось выяснить биографию Багашева, уточнить даты его жизни.

Перед первой мировой войной Багашев уехал к приемной дочери в Тулун, а затем перебрался в Иркутск и здесь, уже слепой и глухой, умер в крайней нужде

26 января (8 фев.) 1919 г.

Багашев первым начал систематически собирать материалы о Даурии, опубликовал интересные документы и обзоры, сберег массу редких писем, заметок и рукописей. Особенно настойчиво он собирал все, что относилось к местным деятелям литературы, к истории печатного слова и библиотек. Его наследие, включая комплекты газеты «Байкал», — важный источник историко-культурных сведений.

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Нерчинский завод.— Всемирная иллюстрация, 1872, № 17 и 18; Письма из Приаргунья.— Сборник газ. «Сибирь». СПб., 1876, с. 237—268; По Шилке и Амуру.— Сибирь, 1873, № 34, 37, 41 и 44; 1877, № 41, 42, 44; Чита.— Сибирь, 1878, № 23; Иркутск накануне пожаров.— Сибирь, 1879, № 31; Доклад (О торговле с Монголией).— Труды общества содействия русской торговле и промышленности. 1881, ч. 12, с. 57—81; Что пишут о Забайкалье (Обзоры).— Забайк. обл. ведомости. 1889, приб. к № 2 и 9—10; 1890, приб. к № 4; О местной общественной библиотеке.— Байкал, 1898, № 1; Интересные документы (Переписка Бутина с американцами). — Нерчин. жизнь, 1908, № 12; Федор Иванович Бальдауф.— Забайкальская новь, 1910, № 778; Историческая быль (Стихи Ф. М. Мокеева о Разгильдееве).— Забайкальская новь, 1911, № 1102; К истории Забайкалья. — Забайкальская новь, 1912, № 1380, 1386, 1404, 1414, 1415.

ЛИТЕРАТУРА

Фучан (А. А. Зензинов). Предтеча нерчинской прессы.—Нерчинская жизнь, 1908, № 2; Петряев Е. Д. Летописец Даурии.— В кн.: Люди и судьбы. Чита, 1957, с. 52—95 (Портрет, библиография).

Е. О. ДУБРОВИНА (1845—1913)

Писательница, видная деятельница женского движения 70-х гг. Екатерина Оскаровна Дубровина (урожденная Дейхман) родилась 29 мая 1845 г. Отец ее — горный инженер О. А. Дейхман с 1842 г. служил в Забайкалье. Детство и юность будущей писательницы прошли в Петровском и Нерчинском заводах.

Какое-то время она обучалась, видимо, в Иркутском институте благородных девиц. В 1863 г. вышла замуж за горного инженера Н. Н. Дубровина, управляющего Петровским заводом. Брак оказался неудачным, и все последующие годы Дубровина боролась за равноправие, за свою полную самостоятельность.

В 1863 г. О. А. Дейхман за «послабления» политическим ссыльным был предан суду и уволен со службы (он был начальником Нерчинских горных заводов).

После долгих мытарств семья его переехала в Петербург. Здесь Екатерина Дубровина сделала попытку заняться литературной работой. Первые опыты были неудачными, но затем ее рассказы стали появляться в столичных журналах («Живописное обозрение», «Новый русский базар», «Звезда», позднее в «Ниве») и получили одобрение видных писателей (А. К. Шеллера-Михайлова и других).

Первый роман Дубровиной «Скиф» (1877) привлек внимание читателей и критики. В статьях А. М. Скабичевского и В. П. Буренина отмечались промахи молодого автора и явная его тенденциозность. Имеются сведения, что Дубровина сближалась с радикальной молодежью и даже участвовала в революционном кружке, организованном Г. В. Плехановым в 1878 г. После кратковременного ареста в 1879 г. она продолжала выступать в печати, часто под псевдонимами (Ани

Ворбуд, О. Скарова, Деберве, Николаевна и др.). Она писала романы и повести, в которых встречались эпизоды из сибирской жизни. Например, в романе «Семья Критских» (1881) есть некоторые аналоги с судьбой династии забайкальских купцов Кандинских. Драматическая история рассказана в «Каторжнице» (1884). В повести «Бабушкины внушения», выдержавшей несколько изданий, упоминается Иркутск, в котором, по словам героини, «есть и театр, и клуб, и отличная библиотека, и катанье с гор зимою, и целая толпа любителей кавалькад и пикников». Лето героиня прожила на Байкале. Но Селенгинск, Нерчинск, Иркутск и другие сибирские места Дубровина иногда упоминала лишь в беглой характеристике места действия своих персонажей. Многие ее романы посвящены далеким событиям истории («Из тьмы веков», «Рухнувший великан», «От плахи к почестям» и др.) и более близким («Опаленные», «Заслуженная кара», «Бескровная месть» и др.). Но главное внимание Дубровина уделяла женскому вопросу (романы «Сфинкс», «Без вины — расплата», «Женская месть» и др.).

В 1893 г. на одном литературно-артистическом обеде в Петербурге Дубровина выступила с речью, называя себя «женщиной шестидесятых годов». Об этом сообщал А. П. Чехову участник обеда писатель Н. А. Лейкин.

С конца 90-х гг. Дубровина часто печаталась в журнале А. А. Каспари «Родина». Тогда это был самый дешевый и распространенный иллюстрированный еженедельник России. Но литературный уровень издания не был высок. В 1910—1911 гг. в приложении к журналу «Всемирная новь» вышло десять томов собрания сочинений Дубровиной.

Литературное наследие ее довольно велико — более двух десятков романов и повестей. Они не переиздавались и давно забыты. Полного комплекта их нет даже в крупнейших наших книгохранилищах. Многие произведения, рассеянные по журналам и газетам, Дубровина не включала в свои книги; в собрание сочинений вошли последние ее романы и повести. Почти все это устарело. Историко-литературный интерес сохранили, видимо, только воспоминания о встречах в Забайкалье с такими политическими ссыльными, как декабрист И. И. Горбачевский, поэт М. И. Михайлов и др.

Умерла Е. О. Дубровина 8 января 1913 г. в Тифлисе. Некролог (автор Ст. Дембская) был в «Тифлисском листке» 10 января 1913 г.

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

На Петровском Заводе. Воспоминания. СПб., 1898; Памяти М. И. Михайлова.— Беседа, 1905, № 12, с. 13—26; Каторжница: Материал для драмы.— Русск. богатство, 1884, № 1, с. 73—104. Сфинкс: Роман. СПб., 1877; Очерки и рассказы. СПб., 1884; Мертвецы-мстители: Роман-хроника. СПб., 1888; Две повести: Под каштанами. Современная Цирцея. СПб., 1889; Рухнувший великан: Истор. роман из XV века. СПб., 1889, То же, 1890; Опомнилась: Повесть. СПб., 1899; Без вины — расплата: Роман. М., 1899; Опа-

ленный: Роман, 1890; Заслуженная кара: Истор. роман. Запутанное дело: Рассказ. СПб., 1891; Сила долга: Роман. СПб., 1892; Право сильного: Повесть. СПб., 1899; Тени и призраки: Повесть. СПб., 1899; Бабушкино внушение: Повесть. СПб., 1901; Загробная сила: Рассказ. СПб., 1902; Романы, повести и рассказы. СПб., 1902 и 1905; Отживающие типы: Рассказы: Из мрака к свету. Тихие воды. СПб., А. А. Каспари, 1903; Под шум зимней вьюги: Рассказы. М.: М. А. Вахрушев, 1902; Под гнетом застоя: Повесть. СПб., 1902; Любовь: Роман. СПб., А. А. Каспари, 1904; Памяти оклеветанного друга. СПб., 1908; Женская месть: Роман. СПб., 1910; Из тьмы веков: Истор. роман. СПб., 1911; Немезида: Роман. СПб., 1914; Соб. соч. Е. О. Дубровиной: В 11-ти т. СПб., 1910—1911 гг.: Т. 1. Сфинкс: Роман; Чертова кукла: Истор. повесть. Т. 2 (не вышел); Т. 3. Ящик Пандоры: Роман. Т. 4. Мертвецы-мстители: Роман. Т. 5. От плахи к почести: Истор. роман; Возмездие: Роман. Т. 6. Божья: Повесть; Жизнь за жизнь: Роман; Опомнилась: Повесть. Т. 7. В заколдованном кругу: Роман; Чем жить?: Повесть. Т. 8. В тумане жизни: Роман; Пристроилась: Рассказ; Дети гор: Рассказ; Гаданье: Рассказ. 188. Т. 9. Семена и всходы: Роман Т. 10. Среди огней: Роман; Та ли не та: Рассказ. Т. 11. В тенетах любви: Роман.

ЛИТЕРАТУРА

И. Г[урвич]. Памяти литературного инвалида.— Истор. вестник, 1913, № 2, с. 560—566.

В. Я. КОКОСОВ (1845—1911)

Писатель-беллетрист, врач, забайкальский краевед Владимир Яковлевич Кокосов родился 8(20) июля 1845 г. в селе Крестовском Камышловского уезда Пермской губернии, умер 17(30) октября 1911 г. в Нижнем Новгороде.

Родился в семье сельского священника, рано умершего. Учился в Пермской бурсе (духовном училище) а затем в Пермской духовной семинарии, но был исключен из-за нерадения и неблагонадежности.

Приехав в Петербург, работал грузчиком на невских пристанях. В 1865 г. выдержал экзамен на аттестат зрелости и после долгих хлопот поступил в медико-хирургическую академию (позже она стала называться военно-медицинской). В студенческие годы ему привелось встречаться с земляком-писателем Ф. М. Решетниковым, а затем с Н. Г. Помяловским. Как личное горе Кокосов пережил гражданскую казнь Н. Г. Чернышевского и похороны Д. И. Писарева.

В декабре 1870 г. Кокосов получил диплом и был отправлен на службу сначала в Иркутск, а затем врачом Карийской каторги в Нерчинском округе и здесь провел десять лет. Он своими глазами видел кошмар здешней жизни. По необходимости он присутствовал при наказаниях и даже при смертных казнях. В 1873 г. на Кару доставили «государственных преступников» — политических ссыльных. Появились книги и газеты. Для многих ссыльных Кокосов стал настоящим другом.

Уезжая в 1881 г., Кокосов увез с собой массу заметок, надеясь поведать миру о делах на каторге. Позднее он служил в Чите, в Акше и лишь в 1903 г., после 33-летнего пребывания в Забайкалье, уехал в Европейскую Россию и с 1907 г. жил в Нижнем Новгороде.

Первый отрывок из воспоминаний о Карийской каторге Кокосов послал в журнал «Русское богатство». Из-за цензурных препятствий рассказ был напечатан лишь в мае 1902 г., а в октябре появилось три следующих. Это укрепило веру Кокосова в общественном значении его литературных занятий. До 1906 г. он опубликовал еще десять рассказов, а также свои и слышанные им воспоминания о Н. Г. Чернышевском.

Затем эти произведения вышли сборником под названием

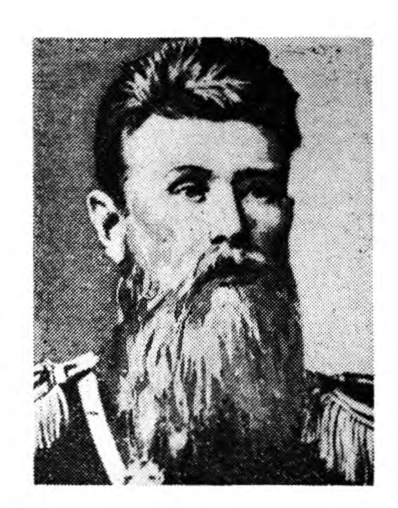
«Рассказы о Карийской каторге» (СПб., 1907). Редактором и «крестным отцом» их был В. Г. Короленко. В период первой русской революции они обратили на себя особенное внимание, так как воочию показывали звериную сущность власть имущих.

Рассказы Кокосова изображали не только ужасы каторги, но и «чудные, незабываемые минуты в этой заброшенной жизни, поднимавшие человека в его собственных глазах на недосягаемую для другого высоту, заставлявшую «осязательно» верить в человеческую душу, в человеческое сердце».

В рассказе «Каторжник Срублевов» Кокосов описал случай, когда «бессрочный тележник», отпущенный под «честное слово» для свидания с женой, в срок вернулся обратно, хотя стража не считала его «человеком».

Забайкальские впечатления отразились во многих произведениях Кокосова (более пятидесяти рассказов, очерки «Из забайкальских пережитков», «Из жизни на монгольской границе»). Получили известность статьи Кокосова по краеведческим и медицинским вопросам (о дарасунских минеральных водах, о тарбаганах-сурках и чуме, о борьбе с волками и др.). Кстати, он одним из первых указал на тарбаганов, как на хранителей чумной инфекции в забайкальских степях.

Немногое из задуманного Кокосову довелось довести до печати. Всего десятилетие продолжалась его литературная работа. Он смог взяться за перо уже стариком, удрученный потерями близких и постоянной нуждой. Последние его рассказы посвящались событиям революции 1905—1907 гг., разгулу карательных экспедиций и чрезвычайных судов («Палач», «На усмирении», «Гидра», «Каторжанин Горшков», «Приговоренный» и др.). Почти все эти произведения появились в печати уже после смерти автора. Он сам готовил к выпуску два тома рассказов (52 названия), напечатанных в 1908—1910 гг. в журналах и газетах. Болезнь не дала возможности закончить работу, издание не состоялось.

Наследие Кокосова учтено еще не полностью. Не раскрыты псевдонимы, которыми он пользовался в «Восточном обозрении» и других сибирских изданиях.

Только в 1955 г. впервые были напечатаны по рукописям рассказы «Гидра» (одобренный Л. Н. Толстым) и «На усмирении».

Довольно много рукописей и автобиографических материалов Кокосова находится в архивах Перми, Горького и Ленинграда. В произведениях Кокосова преобладает «бытописание», порой много натурализма, но автор свято сохраняет «веру молодости» — убежденность в неизбежной победе добра. Он наглядно показывает духовное богатство и силу тех, кого тирания и произвол пытались сломить и превратить в «людскую пыль».

Е. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Не наш: [Из воспоминаний о Карий-

ской каторге] — М.: Посредник, 1907; То же. Нижний Новгород, 1918; Рассказы о Карийской каторге.— СПб.: Рус. богатство, 1907; То же.— Под загл.: На Карийской каторге: Рассказы и воспоминания. Чита, 1955.

ЛИТЕРАТУРА

Золотницкий В. Н. В. Я. Кокосов.— Волгарь, 1911, № 349, 21 дек.; Ивановский В. В. Я. Кокосов: [Некролог]. — Волгарь, 1911, № 286, 19 окт., с. 2; Ивановский В. Похороны В. Я. Кокосова.— Волгарь, 1911, № 287, 20 окт., с. 2; Парендский С. Памяти В. Я. Кокосова.— Волгарь, 1911, № 287; У [Маньский А.] Биографические данные о В. Я. Кокосове.— Нижегород. листок, 1911, № 285, 19 дек., с. 2; Он же. А. В. Кокосов: [Некролог].— Нижнегород. листок, 1911, № 284; Брусянин В. В. Доктора и пациенты. СПб., 1913, с. 2, 27, 29; Золотницкий В. Н. Памяти В. Я. Кокосова.— Рус. богатство, 1911, № 12, с. 117—128; Максимов А. Н. В. Я. Кокосов.— В кн.: Русские ведомости. М., 1913, с. 86; Кокосов В. Я.: Крат. автобиотр. сведения.— Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1915, вып. 5, с. 69—78; Короленко В. Г. Письмо 1888—1921 гг.— Б. М.: Время, 1922, с. 74—75, 81—82; Чарушин Н. А. О далеком прошлом; На Каре. М., 1929, с. 43; Власов-Окский Н. Бытописатель Карийской каторги.— Каторга и ссылка, 1934, кн.2, с. 110—113; Петряев Е. Д. Писатель-демократ В. Я. Кокосов.— В кн.: Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, с. 186—205; Из записок старого врача: О кн.: [На Карийской каторге].— Дал. Восток, 1955, № 5, с. 187—189.— Подп.: А. М.

М. И. ОРФАНОВ (1848—1884)

Михаил Иванович Орфанов родился 11(24) января 1848 г. в Пятигорске, где его отец служил военным врачом и был ученым секретарем комиссии при кавказских минводах. Иван Иванович Орфанов также был не чужд литературе. Его работы, касавшиеся различных вопросов медицины, публиковались как в местной периодике, так и в специальных изданиях.

В 1866 г. М. И. Орфанов, уже окончивший к тому времени гимназию, переехал в Москву. О его жизни в Москве почти ничего не известно, кроме того, что власти одно время подозревали юношу в причастности к делу Каракозова. И хотя эти подозрения не подтвердились, его на всякий случай отправили в Петербург, к месту жительства родителей, под надзор полиции.

В Петербурге, поступив в 1867 г. на юридический факультет университета, Орфанов попадает в круг революционной молодежи, в частности, есть сведения о том, что он входил в так называемую Сморгонскую академию. Это был революционный кружок, который поддерживал тесные связи с эмигрантами, занимался распространением нелегальной литературы. Известно также, что сморгонцы вынашивали планы освобождения Н. Г. Чернышевского.

По мнению В. М. Физикова, именно это обстоятельство и обусловило внезапный отъезд Орфанова в Сибирь, куда он отправился в 1869 г., не закончив университетского курса[1]. В пользу этой гипотезы свидетельствует знакомство М. И. Орфанова с Г. А. Лопатиным[2], известным своей дерзкой попыткой освобождения вождя русской революционной демократии, а также имеющиеся в литературе указания на то, что каракозовцы, жившие за Байкалом с Чернышевским, копировали его сочинения и пересылали их в Россию и за границу с попутчиками, в числе которых был и Орфанов[3].

Не исключено, однако, что при-

[1] Физиков В. М. Материалы к научной биографии М. И. Орфанова.— В сб.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1980, с. 112—113.

[2] Прометей, т. III, 1967, с. 259.

[3] Физиков В. М. Указ. соч., с. 112.

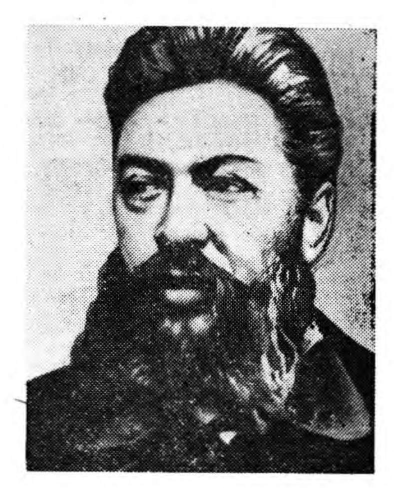
чиной неожиданного перемещения Орфанова в Сибирь была его причастность к «крамоле». В очерке «Первая командировка», автобиографическом в своей основе, герой, от лица которого ведется рассказ, вспоминает, как в 1869 г. двадцатилетним юношей «по разным обстоятельствам» он должен был бросить университет и самый Питер и удалиться куда-нибудь подальше. Таким образом, он оказался в... Чите[4].

В Сибири Орфанов проводит около восьми лет (с 1869 по 1876 г.), занимая различные должности в местных учреждениях: столоначальника Забайкальского областного правления, стряпчего, секретаря полицейского управления, смотрителя типографии и редактора «Забайкальских областных ведомостей», чиновника по особым поручениям при управлении Нерчинскими каторжными рудниками и т. д.

Без сомнения, Орфанов—чиновник, гуманный, хорошо образованный и безукоризненно честный, составлял исключение среди своих собратьев. Однако как ни старался он облегчить несчастья, водворить законность удавалось далеко не всегда. Вероятно, осознав свое бессилие что-либо изменить, Орфанов стал время от времени прибегать к «спасительному зелью», что, конечно, не могло не отразиться на его здоровье.

По делам службы будущему писателю приходилось много ездить по Сибири. Он бывал и в губернских городах, и в крохотных селениях, затерянных среди гор и лесов где-нибудь на границе с Монголией.

Богатство жизненного материала ощутимо в большинстве очерков и рассказов Орфанова, в таких, как, например «Отрывки из дневника бывалого человека»,

«Среди «семейских» и «бурят», «В тайге», «Пасха в остроге», «Сменился» и др. Подписанные псевдонимом Мишла или криптонимами М-а, О-в, М., они появились уже после возвращения писателя из Сибири на страницах «Отечественных записок», «Русского курьера», «Русской мысли» и «Русских ведомостей», а в 1883 г. при содействии писателя и этнографа С. В. Максимова и с его предисловием были изданы в Москве отдельной книгой под названием «В дали (из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни».

«В дали» состоит из двух частей. В первой, озаглавленной «Жизнь и служба в Восточной Сибири», помещены очерки, содержащие путевые впечатления автора и результаты его многолетних наблюдений над жизнью различных слоев сибирского населения. Описания Иркутска, Читы, притрактовых деревень чередуются здесь с прекрасными ландшафтами Забайкалья. Вместе с автором мы наблюдаем быт «семейских» (так именуют в этих местах староверов), заглядываем в самые укромные уголки инородческих улусов, поражающих нищетой и безутешным горем, становимся свидетелями

[4] Орфанов М. И. В дали (из прошлого): Рассказы из вольной и невольной жизни. М., 1883. с. 149.

хищничества и нещадной эксплуатации рабочих на золотых приисках.

Рассказано и о тех, кому доверено управлять этим огромным краем. Читатели узнают о времяпрепровождении чиновников, о способах вымогательства, которыми пользуются земские заседатели и другие должностные лица, о губернаторах, облеченных такой полнотой власти, что карьера, а иногда и сама жизнь их подчиненных нередко зависит от простого каприза всемогущего начальства.

Во второй части («Тюрьма и каторга») уже иного рода панорама. Действие большей частью происходит на этапах, в зловонных, переполненных сверх меры острогах, в местах ссылки. Мастерски обрисованы различные типы арестантов, тюремные нравы и порядки, которые, по мнению автора, остались такими же, какими их показал «Достоевский в «Записках из Мертвого дома».

В авторском предисловии к своей книге Орфанов писал, что видит свою цель в том, чтобы «познакомить «русских» с Сибирью и лишний раз обратить хотя бы небольшое внимание на взрослую падчерицу России, которая до сих пор ходит в детском платьице»...

Несомненно, что автор «Вдали» достиг большего, показав, наряду с богатством и своеобразием края, ту пагубную роль, которую играет капиталист. При этом он также сумел заинтересовать читателя искренностью и естественностью своей писательской манеры. «Достоинство очерков М. И. Орфанова,— писал Н. М. Ядринцев,— заключается в том, что он, не прикрашивая, дает лишь встреченное им, не философствует лукаво, не решает судьбу Сибири под мимолетным впечатлением, не клеймит ее и сибиряков...»[5] В другом месте, отмечая заинтересованность автора «В дали» в описываемом, тот же рецензент подчеркивал, что «он, рисуя темные стороны, болел над несчастьями Сибири»[6].

Совсем по-иному оценили обличительный пафос книги Орфанова в цензурном ведомстве. Еще в октябре 1881 г. редакции «Русских ведомостей» было предложено прекратить печатание в фельетонном отделе газеты его очерка «Из писем каторжного»[7]. Осложнения возникли и при подготовке отдельного издания. В докладной записке цензора Назаревского отмечалось, что автор представляет положение Восточной Сибири «в безотрадном виде» и что «особенно мрачными чертами рисуются во второй части книги [...] положение ссыльных в Карийских рудниках». Далее цензор приходил к выводу, что «такое тенденциозное изложение дела не может не произвести на читателей мрачного и раздражающего впечатления»[8].

Аналогичным было и заключение Московского цензурного комитета, а в результате, по распоряжению министра внутренних дел, выпуск книги был приостановлен, и все 1200 экземпляров — опечатаны в типографии. Только после трехнедельных колебаний из Петербурга пришло разрешение на выпуск произведения[9], что не помешало тем не менее впоследствии включить его в «Список изданий, запрещенных для публичных библиотек и общественных читален»[10].

«В дали» получила в целом благоприятную оценку критики (на выход книги, помимо Н. М. Яд-

---

[5] Восточное обозрение, 1883, № 37, 15 сент., с. 11.

[6] Лит. наследство Сибири, т. 5, Новосибирск, 1980, с. 79.

[7] Центр. гос. архив г. Москвы, ф. 31, оп. 3, д. 2172, л. 299.

[8] Там же, д. 2174, л. 14 об.

[9] Там же, д. 211, л. 39. Ср.: Центр. гос. историч. архив СССР, ф. 776, оп. 20, 1884, № 645, л. 95.

[10] Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в., ч. IX (Приложение. М., 1971, с. 1129).

ринцева, откликнулись рецензенты ведущих русских журналов: «Вестника Европы», «Дела», «Русского богатства» и «Русской мысли»), но при этом она не принесла Орфанову материального благополучия. Из переписки писателя, частично сохранившейся, видно, что он очень бедствовал в последние годы и часто вынужден был обращаться за помощью к издателям и редакторам журналов[11]. Характерно вместе с тем, что ни одно из его обращений такого рода не адресовано к влиятельному и обеспеченному А. С. Суворину, состоящему с ним в родстве (последний был женат на родной сестре писателя Анне Ивановне). Не печатался Орфанов и в суворинских изданиях. Факт, свидетельствующий, что его политические симпатии остались теми же, что и во времена молодости.

Последнее произведение Орфанова — серия очерков под общим названием «Сибирские колонизаторы», в которых выведены различные типы уголовных преступников и показана их дальнейшая судьба в условиях ссылки. Читатели этих очерков (они служат как бы дополнением к ранее вышедшей книге) должны были непременно прийти к выводу, что «цивилизация» в Сибири обходится очень недешево и что здесь, говоря словами Ядринцева, «под именем цивилизации» выведен какой-то фальшивый привозной товар; как доставляется в Сибирь поддельное вино и т. п.»[12]

«Сибирские колонизаторы» печатались на страницах «Русской мысли» в сентябре—ноябре 1884 г., когда их автора уже не было в живых. Он умер 4 сентября того же года, незадолго до появления в журнале первых глав.

Смерть М. И. Орфанова не прошла незамеченной и вызвала сочувственные отклики и некрологи, в которых покойный писатель именовался талантливым бытописателем страны изгнания и ссылки. Таковым он вошел и в историю литературы. И хотя за истекшее столетие очерки Орфанова не переиздавались, они тем не менее не затерялись в «курганах книг», ибо неизменно служили и служат опорой для тех, кто изучает прошлое Сибири.

Е. Меламед

[11] См., например, письма к В. П. Острогорскому (Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР) Пушкинский Дом (ф. 599, № 208) и В. О. Михневичу (Там же, ф. 183, оп. 1, № 265).

[12] Восточное обозрение, 1883, № 37, 15 сент., с. 13.

СОЧИНЕНИЯ

Из недавнего прошлого. Очерки Забайкалья. — Русский курьер, 1880, № 337; Рассказы из сибирской жизни.— Отечественные записки, 1881, № 6—7; Из сибирской службы.— Русские ведомости, 1881, № 190; Из писем каторжного.— Русские ведомости, 1881, № 186, 253, 257; Нечто о тюрьмах в России.— Русский курьер, 1882, № 129—130; Среди «семейских» и «бурят».— Русский курьер, 1882, № 208; Отрывки из дневника бывалого человека.— Русская мысль, 1882, № 9, с. 1—32; В тайге.— Русский курьер, 1882, № 234; В дали (из прошлого): Рассказы из вольной и невольной жизни /С предисловием С. В. Максимова. М., 1883; Сибирские колонизаторы.— Русская мысль, 1883, № 9—11; Вояж сибирского купца (из путевых впечатлений).— Восточное обозрение, 1883, № 33.

ЛИТЕРАТУРА

Ядринцев Н. М. Мнимые цивилизаторы Сибири. (По поводу очерков и рассказов «В дали» М. Орфанова).— Восточное обозрение, 1883, № 37, с. 11—14; Его же, М. И. Орфанов и его пребывание в Сибири. Литературное наследство Сибири, т. 5.— Новосибирск: Наука, 1980, с. 76—80. Физиков В. М. Материалы к научной биографии М. И. Орфанова. В кн.: Фольклор и литература Сибири. Омск, 1980, с. 105—116.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки» 1868—1884. Указ. содерж.— М.: Книга, 1971 (им. ук.);

Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь, т. 1, ч. 2, М., 1928, стб. 298; Пыпин А. Н. История русской этнографии, ч. IV, СПб., 1892 (им. ук.); Русские ведомости. 1863—1913: Сборник статей. М., 1913, с. 129; Русский биографический словарь, [т. 12], Обезьянинов-Очкин, СПб., 1905, с. 376—377; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века, ч. IX, М., 1971, с. 1129; Энциклопедический словарь (изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон), т. 22, Опека-Оутсайдерь, СПб., 1887, с. 219; Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей за 1884 г., вып. 4, СПб., 1888.

РУКОПИСНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ XIX — XX вв.

В развитии общественно-революционной и литературно-художественной жизни Восточной Сибири на протяжении всего XIX и начала XX вв. особое место принадлежит рукописным журналам, издававшимся сибирской интеллигенцией, учащейся молодежью и политическими ссыльными в тюрьме и на поселении.

Рукописная журналистика зародилась в первой половине XIX в. под влиянием ссыльных декабристов. Дворянские революционеры поддержали сибирских литераторов в их намерении издавать свой литературный орган. Так появились в Сибири первые рукописные журналы «Зарница» в Чите, «Кяхтинский литературный цветник» и «Кяхтинская стрекоза» в Кяхте. Первые издания еще не были периодическими, они выходили в свет по мере накопления материала. Журналы имели «определенно политический смысл», выполняя одновременно чисто литературные, общественные, познавательные, просветительные и практически-хозяйственные функции[1].

Рукописные издания способствовали собиранию и объединению литературных сил Забайкалья, формированию культурных и литературных интересов передовой части населения. Сотрудники журналов и газет призывали к изучению богатейшего сибирского края, пробуждали у читателей любовь к нему, гуманное отношение к малым народам, населяющим Сибирь, занимались собиранием русского и инонационального фольклора. Журналы вызывали живой отклик у передовой части населения, прочитывались и обсуждались в кружках любителей литературы в Иркутске, Чите, Кяхте, Нерчинске. В них нередко можно было встретить сатирические стихи декабристов Н. А. Бестужева, В. Л. Давыдова, сибирского поэта Ф. И. Бальдауфа. Прямое отношение имели декабристы к выпуску газеты «Метляк» в Верхнеудинске и юмористической газетки С. Черепанова в Тунке. В. К. Кюхельбекер называл «Метляк» «легкой, чисто литературной газетой» и записал для нее «Баргузинскую сказку»[2].

Общественные настроения и литературные интересы сибиряков в 20—30-х гг. находили свое выражение на страницах журнала «Домашний собеседник», издаваемого преподавателем Иркутской гимназии Н. И. Виноградским, в какой-то мере и в ученических журналах «Стрелка» и «Вечера досуга». Иркутские гимназисты издают рукописные журналы в конце 40-х—начале 50-х гг. Они предпринимают выпуск жур-

---

[1] Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири, с. 107—124.

[2] РО ГБЛ, ф. 449, оп. I, ед. хр. 26, с. 85.

налов «Звездочка», «Козуля», «Мещанин», «Заушаковский вестник», а в 80-е гг. были широко известны журналы «Разбойник», «Семинарист». В 50-е гг. появился рукописный журнал томских гимназистов. В нем помещали первые литературные опыты Н. М. Ядринцев и Н. И. Наумов, известный впоследствии писатель-народник. Иркутская интеллигенция на протяжении нескольких лет издавала литературный сборник «Либералист» (1860—1863); не отставали от них и забайкальцы. Во второй половине века выходили журналы местной интеллигенции в Нерчинске, Селенгинске, Кяхте.

В 60-е гг. XIX в. заметно оживилось развитие журналистики в Сибири в связи с пребыванием политических ссыльных. Нередко свою литературную и общественную деятельность они начинают с выпуска рукописных изданий. Так, польские повстанцы издавали журнал «Метеор», газету «Этап», юмористический листок «Оса», позднее, в 80—90-е гг., в Якутской области выходили три сборника — «Вилюйский», «Якутский», «Улусный», и рукописная газета, о которой вспоминал Ф. Кон[3].

Интересное явление представляют журналы, выпуск которых организовали политические ссыльные на этапах во время длительного пути к месту ссылки по Сибири. Сведения о таком журнале «Еж» (1888) и стихотворение «Сибирь» неизвестного автора журнала сохранились в записной книжке М. Брагинского[4].

Немало рукописных изданий в конце XIX в. выпускали политические ссыльные в тюрьмах Восточной Сибири. Начало тюремной журналистике было положено на Каре. В 1881—1882 гг. в Карийской тюрьме выходили журналы «Кара», «Кукиш» и «Карийский листок объявлений». Периодическим журналом была «Кара». Вышло всего 5 номеров, интересных как по содержанию, так и по тематике и разнообразию жанров. В нем публиковались романы Н. Позена «Наследство нигилиста» и В. Костюрина «Гнездо террористов», рассказы Н. Виташевского и Е. Минакова, стихи, очерки, воспоминания и публицистические статьи участников освободительного движения 70-х гг. В большинстве своем материалы в рукописных журналах носили злободневный характер, содержали элементы обличения пороков самодержавно-крепостнического строя, сибирской администрации, тюремного начальства.

В конце XIX в. и в начале нового столетия сибирские рукописные журналы по тематике, задачам сближаются с тюремными изданиями. И те, и другие приобретают определенно выраженный политический характер. В них, наряду с вопросами краеведения и просветительства, на первое место выдвигаются политические проблемы. И все-таки некоторые тюремные журналы «страдали прожектерством и обилием общих рассуждений»[5]; много дискутировали о методах и тактике борьбы, опубликовали фантастические романы, рассказы. Несмотря на это, современного читателя привлекает в журнальных материалах главное: неукротимая воля борцов, их неугасимая вера в будущее, сознание нужности и необходимости своего дела, стремление к свободе, желание снова встать в строй борющихся.

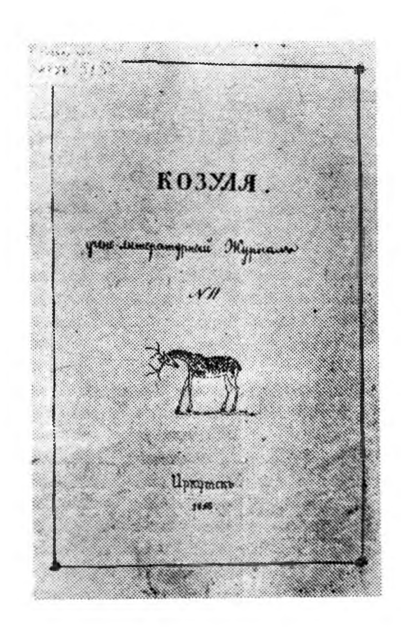
В XIX в. журналы часто возникали стихийно, выходили в одном экземпляре, ограничивались двумя-тремя номерами. Исключе-

---

[3] Кон Ф. На поселении в Якутской области.— Каторга и ссылка, 1929, № 51, с. 97.

[4] ГАИО, ф. 25, оп. 10, ед. хр. 30, л. 216.

[5] Петряев Евг. Впереди — огни. Иркутск, 1969, с. 242.

ние составляют «Кара» (5 номеров), «Нерчинско-заводский наблюдатель» (25 номеров) и некоторые другие. В начале XX в. в них отчетливо проявляются новые черты. Журналы характеризуются ярко выраженным революционным содержанием, издаются планомерно, целенаправленно, массовым тиражом, т. к. распространение их в большинстве случаев осуществляется не рукописным, а гектографическим способом. По-прежнему политические ссыльные предпринимают издание рукописных журналов в тюрьмах и на поселении, привлекают к изданию учащуюся и рабочую молодежь. В период подготовки первой русской революции политические ссыльные принимали участие в выпуске журналов «Летучий листок» (Иркутск, Якутск), «Вестник ссылки» (Якутск), «Кандальный звон» (Александровская тюрьма). В годы русско-японской войны появляются журналы военнопленных. В Читинском государственном архиве среди литературных заметок, записей неизвестных авторов сохранилось несколько пожелтевших от времени страниц гектографированного журнала «Друг», выходившего в лагере для военнопленных в Хамадере в Японии[6].

Интенсивно развивается на рубеже нового века и в 900-е г. рукописная журналистика в учебных заведениях Восточной Сибири. В Чите — «Опыты» Г. Ц. Цыбикова (1891)[7], в Томске — студенческая газета (1899)[8] и журнал Н. Баранского (1902)[9], в Благовещенске — «Заря», «Рассвет» Г. Пригорного (Крамольникова) (1900), в Иркутске — его же «Крамола» (1902)[10], «Студент», «Забастовка» (1901), «Окраина», «Братство» (1902—1903)[11], «Порыв», «Семинарский вестник», «Свисток» (1902)[12], в Красноярске — «Светоч», «Луч», «Школа и жизнь» (1903—1905)[13].

Поражение революции 1905 г. вызвало массовые аресты и ссылку революционеров в административном порядке, без суда и следствия в глухие уголки Сибири. В суровые годы столыпинской реакции первыми начали издательскую деятельность большевики, заключенные в Томскую тюрьму. В 1906 г. они успешно размножили на гектографе два номера журнала «Тюрьма» и распространили их не только в тюремном замке, но и на воле.

---

[6] ГАЧО, ф. 331, оп. I, ед. хр. 13.

[7] ГАЧО, ф. 1683, ед. хр. 43.

[8] ГИМ, отдел письменных источников, ф. 443, ед. хр. 56.

[9] Баранский Н. (Николай Большой). В рядах сибирского социал-демократического союза: (Воспоминания о подпольной работе 1897—1900 гг.) Новониколаевск: Сиб. обл. госиздат, 1923, с. 12.

[10] Крамольников Г. И. О подпольной работе социал-демократических организациях Сибири. — В кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. — Томск: изд. Томского ун-та, вып. IV, 1967, с. 18, 27.

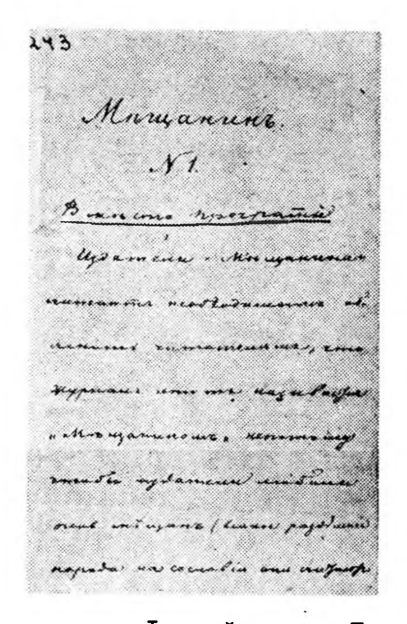
[11] Журналы хранятся в библиотеке Иркутского гос. ун-та, в фонде редких и старопечатных книг, рук. № 246, 247, 241, 244, 245, 248.

[12] ГАИО, ф. 245, оп. I, ед. хр. 2034.

[13] ГАКК, ф. 827, оп. I, ед. хр. 487, л. 3214.

Сквозь тюремную решетку проникли стихи молодого революционера С. М. Кирова, был услышан народом его поэтический клич: собирать силы для борьбы.

В 1908—1910 гг. «расцветает» тюремная журналистика в Горном Зерентуе, в Александровском централе и каторжной тюрьме. Горно-зерентуйские журналы «Наше», «Наше с вашим», «Овод» (1908—1909) описаны Я. Зильберштейном и В. Плесковым, как и журнал Н. Снегульского, выходивший в Александровском централе[14], кроме того, в Александровской пересыльной тюрьме были выпущены «Наш журнал», «За решеткой», «Политический товарищ» (1910)[15]. Здесь же политические ссыльные задумали выпуск «Листка ссыльных»[16]. В этих журналах шире, чем в тюремных изданиях конца XIX в., представлен литературно-художественный отдел. Да это и неудивительно. В 900-е гг. в тюрьмах Восточной Сибири томились талантливые поэты и революционеры Е. Бражнев, И. Ионов, П. Прошьян, известный фельетонист Н. Снегульский-Саур. Революционеры за тюремной решеткой жили напряженной, интенсивной, богатой духовно жизнью. В Горном Зерентуе они организовали университет, театр, втягивали в сферу интеллектуальных вопросов людей, которые до того времени никогда ими не интересовались. Свой «рабфак» и театр были в Александровском

243

Мѣщанинъ.

№ 1.

централе и Томской тюрьме. Политические заключенные осуществляли выпуск рукописных журналов общественно-политического и литературно-художественного характера. Журналы объединяли политкаторжан в сплоченный коллектив, помогали переносить трудности тюремного заключения, закаляли волю революционеров. Немало времени политзаключенные отдавали творчеству. Не все из них были прирожденными литераторами. Большинство стало ими в силу сложившихся обстоятельств. В горнозерентуйских рукописных изданиях помещали свои произведения А. Соболь, И. Ионов, К. Лигский, П. Прошьян, А. Биценко, А. Попов, а писателем впоследствии стал только А. Соболь, стихи, написанные в тюрьмах и сибирской ссылке, сумел опубликовать только И. Ионов в сборнике «Алое поле».

Немаловажную роль в развитии сибирской рукописной журналистики и литературы 900-х гг. сыграли журналы политических

---

[14] Зильберштейн Я., Плесков В. Тюремные журналы. — В сб.: Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. М.: Изд-е политкаторжан, 1932, с. 180—189. Из литер. архива Горного Зерентуя.— Каторга и ссылка, 1929, № 6, с. 167—175.

[15] Кудрявцев Ф. 1 мая в Александровской пересыльной тюрьме (по матер. крайархива). — Вост.-Сиб. правда, 1936, 15 апр.; Виноградов (Ягодин) Ф. Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910. — В сб.: Иркутская ссылка. М., 1934, с. 21 — 28.

[16] Глауберзон Н. Наша газета. М.: Изд-е Об-ва политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1931, с. 8 — 32.

ссыльных, издаваемые на поселении. Они издавались по типу больших литературно-художественных журналов. Некоторые представляют собою целостный организм с определенной структурой отделов, в числе которых обязательны отделы художественной прозы, поэзии, воспоминаний, библиографии, краеведения. Журналы издавали опытные журналисты, прошедшие сложную «издательскую» школу в тюрьме и на каторге. Отдельные политические ссыльные участвовали в выпуске ряда журналов. Н. Л. Мещеряков, например, в 1904 г. был сотрудником марксистского «Вестника ссылки» в Чурапче; в 1907 г. совместно с Н. П. Будариным редактировал журнал «Бутырец» в Бутырской тюрьме, а в 1910 — входил в группу, по инициативе которой вышло два номера литературно-художественного и критико-публицистического гектографированного журнала «Тайга». И. И. Ионов был сотрудником горнозерентуйского журнала «Наше» в 1909 г., а в 1915 — одним из редакторов верхнеленского сборника «Елань». Преимущество и принципиальное отличие журналов, издаваемых на поселении, от тюремных и в том, что в последних авторы стремились быстро, оперативно откликнуться на происходящие события, передать ощущения борцов, еще не остывших от жарких битв на баррикадах 1905 г., и горечь поражения, и не покидающую сильных людей веру в будущее. Позднее, на поселении, те же политзаключенные смотрели на первую русскую революцию, на ее временное поражение другими глазами, на расстоянии 5—10 лет, когда произошел «отстой того настроения, которое получилось в этой борьбе»[17]. Они оценивали ее с позиции настоящего, с точки зрения практического значения для будущего, для воспитания молодого поколения революционеров. Страстная поэзия В. Куйбышева, Д. Глушкова, И. Ионова («Елань»), рассказы Н. Бударина, Н. Д. Покровской («Тайга») способствовали пробуждению революционного сознания сибиряков. В лучших произведениях рукописной журналистики, прославляя героизм сражающегося народа, авторы неизменно призывали к борьбе против ненавистного строя. Поэзия и проза в журналах внесли существенный вклад в развитие сибирской литературы, ее проблем, жанров, образов, углубили разработку традиционной сибирской темы каторги и ссылки, внесли, особенно поэзия, новые оттенки в зарисовки сибирского пейзажа. О содержании других журналов, издаваемых политическими ссыльными на поселении, имеются скудные сведения, которые не позволяют говорить о них подробнее. Их можно просто перечислить: «Паук» П. Драверта (Якутск, 1906), «Листок ссыльных» (Киренск, 1908—1911)[18], какой-то «Листок» в Баргузине (1909—1910)[19], «Бобыль» (с. Колпашево, 1911)[20], журнал в Туруханске (1912)[21]. В этом перечислении важен сам факт, что сосланные на дальний Север, в тюрьмах Сибири революционеры продолжали бороться доступными им средствами — художественным словом.

В эти же годы особенно много рукописных журналов выходило в молодежной среде. Нередко журналы появлялись под редакцией директоров и начальников училищ, принимая тем самым ка-

[17] Гастев А. Поэзия рабочего удара. М.: Сов. писатель, 1964, с. 29.

[18] Глауберзон Н., указ. раб., с. 8 — 32.

[19] Петряев Е., указ. раб., с. 243.

[20] ЦГАОР, ДПОО, 1911, оп. 241, ч. I, ч. 2, ед. хр. 155, л. 40 сб.

[21] Шумяцкий Я. Туруханка (очерки из жизни ссыльных Туруханского края 1908 — 1916). — Московский рабочий, 1925, с. 75.

зенный характер. К числу таких журналов можно отнести 4 черемховских журнала, издававшихся в коммерческом училище П. К. Щелкунова в 1913—1915 гг.[22], читинский — «Друг юности» (1912)[23], красноярский — «Юношеские дни» (1914—1915)[24]. Это были простые альбомы, куда учащиеся помещали свои стихотворения, рассказы, рисунки. Некоторые журналы после революции 1905 г. стали органами революционной мысли. Это красноярские и енисейские издания «К свету», «Снежинки», «Товарищеский журнал», «Искатель истины» (1909—1910), иркутские — «Вестник гимназии» (1911—1912), «Наша работа» (1915), журнал читинских семинаристов, посвященный гибели Номоконова (1919)[24].

Журналистика развивалась в постоянной борьбе журналов, враждебных друг другу по общественно-политическому направлению. Журнал «Наша работа» активно и последовательно защищал свое большевистское направление, выступая против эсеровского журнала «Объединение» (1914—1915)[25]. Издание отвечало основной задаче, выдвинутой II съездом РСДРП перед партийными организациями по отношению к учащейся молодежи: «Поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного революционного миросозерцания»[26]. «Наша работа» интересна публицистическим материалом по вопросам войны и мира.

Сибирская рукописная журналистика прошла длительный путь исторического развития и характеризуется многосторонним отражением жизни, освободительной борьбы, прогрессивными идеями и художественным своеобразием публикуемых произведений. Она глубоко самобытна и представляет собой одну из сторон духовной культуры сибиряков. Развитие и распространение рукописной журналистики убеждает нас в том, что существуя параллельно с печатной литературой, рукописные издания более глубоко отразили революционную историю политической ссылки, пополнили русскую литературу Сибири образцами революционной поэзии, острой, злободневной публицистики.

Журналы были и литературной школой. Они приобщали сибирское население к произведениям литературы и искусства, поощряли их самостоятельные художественные опыты, через журналы входили в большую литературу поэты, писатели, литературоведы Ф. Лыткин, С. Туя, Г. Лебедев, Н. Степной, А. Соболь, И. Гольдберг, М. Азадовский.

В массе дошедшего до нас литературного материала в рукописных журналах есть немало произведений высокохудожественной, подлинной поэзии и прозы. Журналы не только дополняют наши сведения о развитии литературы, позволяют не только полнее восстановить историческое и литературное прошлое края, уточнить отдельные политические события предреволюционного времени, но и вырвать из забвения имена забытых поэтов и писателей.

А. Паликова

[22] Шестаковец. Школьная выставка. — Сибирь, 1915, № 114.

[23] Михаил Алексеевич. Друг юности. — Забайкальская новь, 1913, 7—8 февр.

[24] ПАИО, ф. 300, оп. 1, ед. хр. 338, л. 34.

[25] Кустов В. Тайны старого дома. — Забайкальский рабочий, 1969, 24 янв.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 253.

СОЧИНЕНИЯ

Вагин В. Сороковые годы в Иркутске: Из воспоминаний.— Литературный сборник. СПб., 1885, с. 261—265; Ефремов В. С. Рукописная литература: К биографии Загоскина М. В. — Восточное обозрение, 1904, № 247; Зильберштейн Я., Плесков В. Тюремные рукописные журналы. «Кандальный звон», историко-революцион-

ный сборник Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Одесса, 1925, с. 118—136; Он же. Тюремные журналы.— В сб.: Учеба и культработа в тюрьме и на каторге.— М.: Изд-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932, с. 174—201; Ройзман И. Г. Нелегальная печать в Якутской области до февральской революции: Рукописные издания.— В. сб.: 100 лет Якутской ссылки.— М.: Изд-во общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934, с. 300—311; Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири.— Иркутск: Огиз, 1947, с. 106—137; Кунгуров Г. Сибирь и литература. Иркутск, 1965, с. 3—57; Петряев Е. Д. Впереди — огни. Иркутск, 1968; Боннер А. Г. Как восстали иркутские семинаристы.— Ангара, 1967, № 6, с. 59—62; Рукописный журнал «Забастовка»:— В сб.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, вып. 1 (4).— Новосибирск: Наука, 1970, с. 136—147; Белоусов А. А. Русско-бурятские связи в журналистике и литературе XIX—XX вв. Улан-Удэ, 1967, с. 42—50, 53—70; Крамольников Г. И. О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири.— В кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Вып. 4.— Томск: изд-во Томского ун-та, 1967, с. 7—32; Зангеева С. Забайкальские рукописи.— Байкал, 1968, № 3, с. 152—154; Шаракшинова Н. О. У истоков бурятской журналистики: Рукописный студенческий журнал «Товарищ».— В сб.: Журналистика в Сибири. Вып. 2, Иркутск, 1969, с. 143—149; Кустов В. Тайны старого дома: (по следам семинаристов).— Забайкальский рабочий, 1969, 24 янв.; Евграфов В. «Светоч» — рупор революции: Из истории революционной молодежной печати в Красноярске. — Красноярский комсомолец, 1970, 5 мая; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в.— Новосибирск: Наука, 1970, с. 182—187, 315, 325, 364—365; Трушкин В. П. Пути и судьбы литературного движения в Восточной Сибири (XIX—XX вв.).— Ангара, 1970, № 1, с. 99—100, 105; Он же. Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири 1890—1917 гг. Иркутск, 1972, с. 26—33, 384—407.

П. Ф. МАСЮКОВ (1848—1903)

Порфирий Федорович Масюков разделил судьбу многих русских литераторов, вышедших из народа: безрадостное детство, борьба за существование, болезнь и смерть.

Сын священника, он родился 23 октября 1848 г. в забайкальском каторжном Кутомарском Заводе. Каторжная тюрьма, постоянное унижение человеческого достоинства — первые детские его впечатления. Нерчинское духовное училище, куда юноша поступил учиться, из-за слабости здоровья и тяжелого материального положения закончить ему не удалось. В поисках средств существования он меняет ряд профессий. Мечтая стать материально обеспеченным и независимым, Масюков пробирается на Карийские золотые промыслы, где располагалась мрачная Карийская каторга. К наблюдениям над жизнью каторжников прибавляются наблюдения над жизнью приисковых рабочих. Разорившись на мелких подрядах, он поступает конторщиком в Верхне-Амурскую золотопромышленную компанию, где завязывает дружеские связи со многими политическими ссыльными, которые оказывают ему поддержку в его литературной работе. Стремясь иметь досуг, свободный от повседневной заботы о куске хлеба, чтобы всецело заняться литературой, поэт устраивается сторожем на частные прииски в верховьях Амура. Длительное время он живет в таежном зимовье на Зейско-Воскресенской дороге — путь с приисков на Тынде и Уркане к Зее и Амуру.

Умер П. Ф. Масюков в Благовещенске от брюшного тифа 23 октября 1903 г.

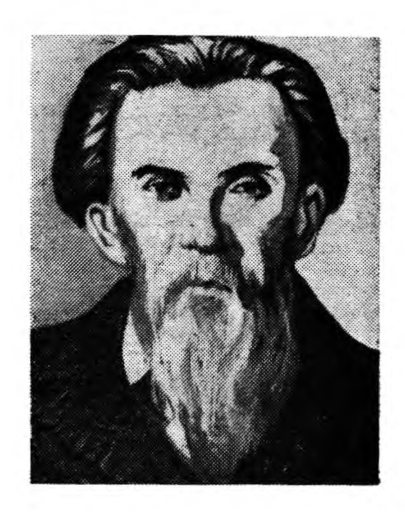
Еще учась в Нерчинске, Масюков пишет стихи, в основном сатирические. Первые его литературные опыты до нас не дошли. В «Сибирской газете» в начале 80-х гг. появляются его стихотворения. В дальнейшем он публикует стихи, не считая перепе-

чаток, исключительно в газетах Благовещенска. Имя его как поэта прочно утверждается во всем Забайкалье и Приамурье. В 1894 г. с помощью политических ссыльных С. С. Синегуба, П. Д. Баллода, Н. В. Прибылева Масюков издает в Благовещенске свой первый и единственный сборник стихов. Запрет цензуры на издание подготовленного к печати второго сборника в начале XX в. свидетельствует об его обличительной силе. Последняя публикация его произведений относится к 1911 г. («Забайкальская новь»).

В связи с интенсивным развитием в Забайкалье и Приамурье золотодобывающей промышленности во второй половине XIX в. возникло множество частновладельческих приисков. Техника на приисках была самая примитивная. Рабочие вербовались из крестьян-переселенцев, беглых каторжан, всякого «вольного люда». Самая беспощадная эксплуатация, произвол администрации, авантюризм, взяточничество, казнокрадство, невежество царили здесь.

Эта своеобразная сторона забайкальской жизни прошлого века впервые нашла яркое отражение в творчестве Масюкова. Поэт обличал произвол администрации, беззаконие, авантюризм, приобретательство. В его стихах — боль поэта-патриота за родной народ, который под гнетом самодержавия пребывает в невежестве, уверенность в изменении общественно-политического строя, вера в то, что «пойдет тут жизнь дорогой новой», понимание высокого призвания поэта-пророка. Разделявший с народом всю тяжесть подневольного труда, поэт отождествляет его жизнь с жизнью каторжников, но несмотря на мрачную действительность, он полон неугасимой веры в светлое будущее народа, родной Сибири:

И страна позора, муки,
Где лишь слышны издавна
То цепей, то стонов звуки,

Будешь славная страна!
(На Зее)

Затрагивает Масюков в своем творчестве и традиционную тему русской литературы — о назначении поэта и поэзии («Моему ценителю», «Мое призвание», «К Музе», «Поэту»).

Превыше всего Масюков ставил изображение правды жизни:

Хоть я кой-где не сохранил
В своих стихах известных правил,
Но правде я не изменил...
(Моему ценителю)

Испытав на себе всю тяжесть жизни интеллигента-пролетария, Масюков первоначально разделял просветительские иллюзии. Он глубоко угнетен тем, что «невежества мрачные тучи, нависнув над массой людей, в ней давят и гений могучий и множество светлых идей». В просвещении народа, развитии науки видел он путь освобождения от эксплуатации, пробуждения народных талантов:

Но если б лучом просвещенья
Ум дремлющий был озарен,
То, верно, б иные стремленья
И цели преследовал он...
(Тайга)

В отличие от идеологии народников Масюков не надеялся на особый, некапиталистический путь развития России. Он верил в си-

лу человеческого разума, в то, что достижения его будут служить народу.

В период подготовки первой русской революции происходит дальнейшая эволюция мировоззрения поэта. Ему видится другой путь:

Трезвым словом встряхни
Спящий ум земляков.
И проснутся они
На беду кулаков...

В творчестве Масюкова нет прямых призывов к «топору», но призыв этот ясно звучит между строк, вытекает из содержания его стихотворений.

В. И. Ленин, характеризуя писателей-народников, говорил, что даже маленьких писателей мы не должны предавать забвению, нужно собирать их произведения, публиковать, изучать.

В. Дегтярников

СОЧИНЕНИЯ

Отголоски: Стихи. Чита, 1959; Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья: В 2-х ч. Благовещенск, 1894.

ЛИТЕРАТУРА

Петряев Е. Д. Поэт-забайкалец П. Ф. Масюков.— В кн.: П. Ф. Масюков. Отголоски. Чита, 1959, с. 112—117.

Д. А. КЛЕМЕНЦ (1848 — 1914)

Публицист, археолог и этнограф Дмитрий Александрович Клеменц родился 15 декабря 1848 г. в селе Горяинове Самарской губернии, умер 8 января 1914 г. в Москве.

Учился на математическом факультете Казанского, а затем Петербургского университета. Как один из выдающихся деятелей революционного движения 70-х гг., был арестован и выслан в Сибирь. С 1879 г. жил в Минусинске, затем в Томске и Иркутске. Принимал участие в «Сибирской газете» и «Восточном обозрении». Вел научный отдел, писал фельетоны на общественные темы (псевдоним Нургали). Много работал в области изучения сибирских древностей, участвовал в поездках в Монголию и Турфан, организовал экспедицию в Якутский край.

Большое внимание привлекли его публицистические статьи о кочевниках и в защиту алтайцев, обвиненных в человеческих жертвоприношениях. В его очерках и статьях выдвигалась широкая программа сибиреведческих исследований. Сам он сделал ряд выдающихся открытий в археологии. В 1892 г. он прочел в Кяхте публичную лекцию, позже напечатанную: «Местные музеи и их значение в провинциальной жизни». Лекция произвела огромное впечатление и послужила сильным толчком к созданию Кяхтинского музея.

В трудах Клеменца близкое участие принимала его жена — Елизавета Николаевна (урожденная Зверева). Она тоже печатала в сибирских изданиях обзоры литературных новинок, рецензии и рассказы (например, в «Забайкальской нови», 1909—1910 гг.). Союз Клеменцев был на редкость дружным и творческим.

В середине 90-х гг. Клеменц был приглашен Академией наук в Петербург, где организовал этнографический музей и до 1910 г. был его директором. Выйдя в отставку по болезни, он переехал в Москву и занимался литературной работой, писал воспоминания о годах своей революционной деятельности. Около Клеменцов долго держалась московская «колония сибиряков».

Елизавета Николаевна умерла в 59 лет от удара, постигшего ее при известии о безнадежном со-

стоянии мужа, заболевшего пневмонией. Через четыре дня умер и Клеменц. Их похоронили в общей могиле...

Обзору жизни и деятельности Клеменца был посвящен ряд статей, составивших специальный том «Известий» Восточно-Сибирского отдела Географического общества (Иркутск, 1916).

Е. Петряев

ЛИТЕРАТУРА

Местные музеи и их значение в провинциальной жизни.— Сиб. сб., 1892, вып. 2, с. 1—35; К развитию научной деятельности в Сибири.— Вост. обозрение, 1894, № 130, 131, 142 и 143; 1895, № 3 и 4; (Очерки, фельетоны).— Вост. обозрение, 1884, № 5, 7, 9, 12; 1889, № 3; 1891, № 1, 17—21, 46, 52; 1892, № 1, 2, 4, 46, 49, 52; 1893, № 36, 38, 41; 1896, № 6, 8, 28; 1897, № 67, 140, 142; 1900, № 61.

Г. С. ГАНТИМУРОВ (1850 — 1921)

Гамалиил Степанович Гантимуров родился в Урульге (ныне Карымский район Читинской области) 23 декабря 1850 г. в культурной эвенкийской семье, ведшей свою родословную чуть ли не от хана Тимура. Род Гантимуровых шел от эвенкийского князя Гантимурова, который перешел со своими родичами на сторону русских в XVII в. Дом в селе Урульга, усадьба и вся сторона этого большого села так и называлась: княжеское поселье. От того времени до наших дней сохранились лишь остатки когда-то огромного сада.

Семья Гантимуровых не была богатой, но в ней много .читали, выписывали «толстые» журналы, в почете были произведения русских классиков. Все это привило мальчику любовь к литературе. Личная жизнь любознательного и мечтательного мальчика была омрачена «некоторыми физическими недостатками», что развило в нем, как указывает один из биографов Гантимурова Лев Михалкович, «подозрительное отношение к людям». В начале 1860 г. богатые родственники поместили мальчика в Иркутскую военную прогимназию, но он ее по болезни не закончил.

С 1865 г. начинается трудная самостоятельная жизнь будущего писателя, изобиловавшая частыми переездами и скитаниями. Он занимает место то телеграфиста, то интендантского чиновника, то просто мелкого служащего. Работает в Чите, Хабаровске, Иркутске. И все время он страстно тянется к книге, мечтает поступить в столичный университет. Живя в Иркутске, он, при крайней бедности, собрал большую библиотеку.

Литературную деятельность Гантимуров начал сорокалетним. В 1896—1897 гг. в Томске была напечатана драма «Из огня да в полымя» — первое крупное произведение Гантимурова, отображающее борьбу сибирского крестьянства с кулачеством. Сведений о том, была ли драма поставлена на сцене, не найдено. В 1904 г. выходит роман Гантимурова «Ганя Хмуров» (Томск, 1904), носящий автобиографический характер. Спустя пять лет в Москве издается его второй автобиографический роман «Двое в одной шкуре». В центре романа сам автор и его жизнь. Как отмечалось в печати, написанный в реалистической манере роман охватывал 80—90-е гг. жизни сибирской деревни.

Выступал Гантимуров и как исследователь. В 1906 г. увидела свет его двухтомная этнографическая работа «Люди и нравы Дальнего Востока», переизданная в 1910—1911 гг. в Москве под названием «По русскому Дальне-

му Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника».

Как явствует из переписки Гантимурова с В. Г. Короленко, в портфеле журнала «Русское богатство» были очерки «Из отдаленного прошлого амурских войск», написанные Гантимуровым.

Последние двадцать лет своей жизни Гантимуров прожил в Иркутске. В 1918 г. в «Голосе минувшего» № 4—6 напечатаны его «Воспоминания интенданта».

Умер 23 ноября 1921 г. Похоронен на Иерусалимском кладбище.

Е. Дворниченко

СОЧИНЕНИЯ

Из огня да в полымя: Драма в 5-ти актах. Томск, 1896; Люди и нравы Дальнего Востока: От Владивостока до Хабаровска. [Путевой дневник]. Томск, 1901; Ганя Хмуров: Роман. В 3-х ч. Томск, 1904; Двое в одной шкуре: Роман из жизни сел. обывателей Сибири. М., 1909; По русскому Дальнему Востоку: Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1—2. М., 1910—1911.

ЛИТЕРАТУРА

Михалкович Л. Письма В. Г. Короленко к Г. С. Гантимурову.— В кн.: Сибирский литературно-краеведческий сборник. Иркутск, 1928, вып. 1, с. 73—76; Дворниченко Н. Г. С. Гантимуров — эвенкийский писатель.— Заб. рабочий, 1960, 15 сент.; Зубрий Е. Архив писателя.— Вост.-Сиб. правда, 1976, 9 окт.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первый эвенкийский писатель Г. С. Гантимуров.— В кн.: Календарь знаменательных и памятных дат по Читинской области на 1965 г. Чита, 1965, с. 70—71.

В. Г. КОРОЛЕНКО В СИБИРИ

Среди тех русских писателей, которых связали с Сибирью невольные узы, Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) по праву занимает одно из самых видных мест. Недаром творческий опыт автора «Сна Макара» стал своего рода ориентиром для тех, кто шел по его пути позднее[1].

Короленко впервые попал в Сибирь двадцатисемилетним, однако, это была уже не первая его ссылка. Еще в 1876 г. он был арестован за участие в коллективном протесте студентов Петровской академии и выслан административным порядком в Вологодскую губернию, откуда его вскоре вернули отбывать наказание по месту жительства родителей, в Кронштадт. Через три года по доносу полицейского агента юношу вновь сослали — сначала в город Глазов Вятской губернии, а после столкновения с местным самодуром-исправником — еще дальше в глубь уезда, в Березовские Починки, глухое селение, затерянное среди топей в верховьях Камы.

И в Починках, где Короленко прожил около трех месяцев, он по-прежнему давал отпор незаконным притязаниям начальства, что повлекло за собой новые репрессии. В январе 1880 г. его неожиданно увезли в Вышневолоцкую пересыльную политическую тюрьму, а оттуда—вместе с партией ссыльных отправили в Якутскую область по ложному обвинению в побеге с места жительства.

Только по счастливой случайности подлог Вятской администрации раскрылся, когда партия была еще в пути и из Томска ссыльного вернули в пределы Евро-

[1] Подробнее см. :Тан (В. Г. Богораз). В. Г. Короленко и сибирская школа писателей. — В кн.: Короленко. Жизнь и творчество /Сб. статей под ред. А. Б. Петрищева. Пгр., 1922, с. 30 — 39.

пейской России, поселив под надзором полиции в Перми.

К тому времени Короленко уже дебютировал в литературе. Его первый рассказ — «Эпизоды из жизни искателя» — был опубликован (Слово, 1879, № 6) еще в ту пору, когда находился в Глазове. В Вышневолоцкой тюрьме написан известный очерк «Чудная», опубликованный много лет спустя; по пути в Сибирь — очерк «Ненастоящий город».

Обосновавшись на новом месте, писатель работает над очерками «В Березовских Починках», начинает рассказ «Прошка», разросшийся впоследствии в повесть «Прохор и студенты», и пишет очерк «Временные обитатели подследственного отделения» («Яшка»), первоначальный набросок которого был сделан непосредственно «с натуры» в Тобольской тюрьме, где Короленко находился по пути из Томска в Пермь.

Опубликованный в феврале 1881 г. в петербургском журнале «Слово» очерк о Яшке-стукальщике принес его автору первый литературный успех, вызвав особый интерес в среде политических ссыльных, которые, как свидетельствует Н. С. Тютчев, сопоставляли его с опубликованным за границей очерком Г. А. Лопатина «Не-наши» (Вперед, 1874, т. 3) и пытались найти общее между Яшкой и сектантами, встреченными Лопатиным в Иркутской тюрьме[2].

Имеется ряд свидетельств о том, что Короленко собирался продолжить свои наблюдения над сектантами и даже составил «обширный план», который, как ему казалось, должен был «дать материал, если не для большого труда [...], то для отдельных очерков[3], однако реализовать его он уже не успел: в августе 1881 г. писателя отправили в Якутскую область за отказ подписать присягу «на верность подданства» царю Александру III, сменившему казненного народовольцами Александра II.

Об этом эпизоде — кульминационном в его сибирской «одиссее» — Короленко подробно рассказал в «Истории моего современника», не скрыв при этом тогдашних сомнений и колебаний. Сторонником террора он не был, однако не мог простить убитому царю жестоких репрессий, хотя и вспоминал его, встреченного как-то мельком в Петербурге, только жалким и несчастным[4].

К новому месту назначения Короленко, конвоируемый двумя жандармами, добирался четыре с половиной месяца — всю осень и часть зимы 1881 г., — преодолев за это время тысячи верст по железной дороге, пароходом по Иртышу и Оби, на лошадях и на санях по льду замерзшей Лены.

Он опять сидел в тюрьмах: Тобольской, Томской, Красноярской, Иркутской и не только познакомился здесь со всеми напластованиями тогдашнего революционного движения, но и в который раз испытал на себе грубость и произвол местной администрации. В тобольском тюремном замке ссыльного поместили в одиночку военно-каторжного отделения, мстя ему таким образом за разоблачения, сделанные в очерке о Яшке-стукальщике, а знакомство писателя с Томской тюрьмой началось с того, что его заперли на ночь в одной камере с сумасшедшим.

Путь был труден и богат приключениями, однако разнообразные по характеру впечатления благотворно повлияли на творчество Короленко. «Нравы

---

[2] В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. — М.: Гослитиздат, 1962, с. 82.

[3] Цит. по кн.: Короленко В. Г. Письма из тюрем и ссылок. Горький, 1935, с. 145.

[4] Короленко В. Г. История моего современника. М.: Гослитиздат, 1965, с. 667. (Далее ссылки только на это издание).

изучаю усердно»[5],— сообщал писатель в сентябре 1881 г. из Томска своему знакомому, ссыльному литератору П. М. Волохову и как бы в подтверждение описывал порядки в местной тюрьме, типы арестантов, приводил образцы тюремного жаргона.

Подобными наблюдениями переполнены и записные книжки Короленко, рисующие Сибирь как «настоящее складочное место российской драмы», где можно найти «целое депо драматических сюжетов»[6]. Встречаются здесь и сами «сюжеты». Показательно, что многие из них писатель почерпнул по дороге в якутскую ссылку. Так, путевые впечатления дали ему материал для таких произведений как «Убивец», «Содержающая», «Черкес», «Федор Бесприютный», «Искушение», «Ат-Даван». Не случайно действие в этих очерках и рассказах происходит в дороге или, по крайней мере, в дороге начинается.

Покидая Пермь, Короленко рассчитывал, что ему позволят жить в Красноярске, где в то время находились мать и сестра, приехавшие в ссылку к его зятю Н. А. Лошкареву, но разрешение на это не последовало. Не оправдались и надежды писателя остаться в Якутске. В качестве нового места ссылки ему была определена лежащая в 178 верстах от него Амгинская слобода, входившая в состав Батурусского улуса.

Прожитые в Амге три года (с дек. 1881-го по сент. 1884-го) Короленко называл самым здоровым периодом своей жизни[7], имея в виду, что физический труд и противоборство с суровой природой закалили его.

Заброшенный в убогую слободу, заселенную большей частью объякутившимися поселенцами и наглухо отрезанную громадностью расстояний от всего цивилизованного мира, он не пал духом от «тоски и ничегонеделанья». В летнее время в товариществе с другими ссыльными писатель занимался полевыми работами, зимой — сапожничал и давал уроки детям местных жителей. С последними у него вскоре установились тесные дружеские связи. «Обаятельная простота его, обычная приветливость, прямые искренние отношения к окружающим, кто бы они ни были, — вспоминал О. В. Аптекман,— очаровывали даже самых закоренелых. [...] К нему льнули все, а в особенности наиболее отчаявшиеся и отверженные»[8].

Эти годы стали также важнейшим этапом в духовном развитии писателя. В юности он был захвачен идеологией революционного народничества, согласно которой народ считался хранителем и обладателем какой-то таинственной мудрости и «особенной народной правды». Этих иллюзий Короленко, по собственному признанию, лишился еще в Березовских Починках, перестав быть «кающимся дворянином»[9]. Однако окончательный перелом в его отношениях к народу произошел в Амге.

Именно здесь, оказавшись однажды в уединении на вершине высокого холма, именуемого Яммалахским утесом, Короленко оглянулся на свое прошлое и честно спросил себя, существует ли вообще эта пресловутая народная мудрость, при том, что народ признает самодержавие, против которого, собственно, и борется интеллигенция, и где в таком случае правда?

---

[5] Цит. по публикации А. К. Стрижковой: Письма В. Г. Короленко из сибирских тюрем. — Вопросы архивоведения, 1962, № 3, с. 111.

[6] Короленко В. Г. Записные книжки. 1880—1900.— М.: Гослитиздат, 1935, с. 69.

[7] Короленко В. Г. История моего современника, с. 750.

[8] В. Г. Короленко в воспоминаниях современников, с. 57.

[9] Короленко В. Г. История моего современника, с. 920.

Все увиденное и пережитое привело его к мысли, что правда на стороне интеллигенции[10] и что народа, «единого и неразделимого, с одной физиономией нет. А есть миллионы людей, добрых и злых, высоких и низких, симпатичных и омерзительных»[11]. По-прежнему считая своей нравственной обязанностью служить интересам народа, писатель пришел к тому, что служить ему надо так, как велит собственная совесть, «а не преобладающее мнение этого же народа»[12].

Тогда же, на Яммалахском утесе, подводя итоги своему прошлому и задумываясь над будущим, Короленко поставил перед самим собой и другой важный вопрос: является ли он настоящим революционером?

Выше уже отмечалось, что по пути в Сибирь писатель повидал многочисленных представителей освободительного движения того времени, а в пору его пребывания в Амге в самой слободе и близлежащих улусах находилось около двадцати политических ссыльных, с которыми он непосредственно соприкасался[13]. Находясь «среди последовательных и непреклонных революционеров, Короленко, — как пишет Н. К. Пиксанов,— должен был раз и навсегда определить себя»[14], что он и сделал, там, на Яммалахском утесе, честно сознавшись самому себе в том, что по складу характера и по своим личным склонностям он не является революционером и что его орудие в деле служения народу — это литература.

Выбор был закономерным и решающим. И не только потому, что Короленко никогда не принимал непосредственного участия в деятельности политических партий и конспиративных организаций, но еще и потому, что он вернулся из Сибири уже твердо убежденным в своем призвании «воевать пером» и с уверенностью в общественной значимости писательского труда.

Ссылка в Сибирь не прервала литературную работу Короленко. Не имея возможности публиковать свои произведения, он, однако, продолжал писать и наблюдать. Известно, что в Амге созданы (полностью или частично) «Сон Макара», «Соколинец», «Убивец», «Марусина заимка», «В дурном обществе» и сделано большое количество беллетристических набросков и фольклорных записей.

Обращение Короленко к якутской народной поэзии диктовалось прежде всего его творческими замыслами[15], но одновременно являлось и следствием того разностороннего интереса, который автор «Сна Макара» питал к жизни далекой окраины. Богатство фактов и новизна впечатлений не могли не захватить писателя. «Материала непочатый угол! И какого материала!» — писал он в наброске статьи «Изучение края», обосновывая необходимость организовать всестороннее исследование Якутии. Короленко призывал привлечь к этой работе людей, хорошо знающих быт местного населения: врачей, торговцев, политических ссыльных, и не только призывал. Сохранилась составленная им «Программа для очерков Якутской области», которая предусматривала собирание географических и этнографических сведений, исследование экономических отношений, вопросов землевла-

---

[10] Короленко В. Г. История моего современника, с. 792.

[11] Короленко В. Г. Избранные письма, т. II.— М.: Мир, 1932, с. 69.

[12] Там же, с. 70.

[13] Пиксанов Н. Владимир Галактионович Короленко и якутская ссылка 1881—1884 гг.— В сб.: В якутской неволе. М., 1927, с. 82.

[14] Там же, с. 85

[15] См.: Власова З. И. Фольклорные записки В. Г. Короленко.— В сб.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II.— Л.: изд. АН СССР 1957, с. 187

дения, системы административной ссылки, ее роли в процессе колонизации края и т. д.[16] И хотя эта обширная программа в полном ее объеме не была осуществлена, наблюдения писателя, собранные им этнографические и статистические материалы и просто живые впечатления со встреч и разговоров с вольными и невольными обитателями Якутской области оказались столь обильными и яркими, что питали его творчество всю жизнь.

После возвращения из ссылки, в 90-е и 900-е гг., Короленко, помимо уже названных сибирских очерков и рассказов, пишет целый ряд других: «Мороз», «Последний луч», «Феодалы», «Государевы ямщики», «Огоньки». А незадолго перед смертью он работает над четвертой книгой «Истории моего современника», которая целиком посвящена Сибири.

Нельзя сказать, что этими произведениями писатель открыл для литературы новые темы или ввел в нее неизвестных до него героев. Их новаторский характер проявился скорее в том, что он показал «зарождение новых черт в народной психике, появление новых людей, прорастание новых настроений, разрушающих старое и пассивное отношение к жизни»[17].

Именно по этой причине его герои — обычные крестьяне, поселенцы, уголовные арестанты — зачастую предстают в необычном свете. Это и ищущий праведной жизни Федор Силин («Убивец»), и Микеша («Государевы ямщики»), безумие которого почему-то вызывает симпатии автора и, конечно, знаменитый Макар («Сон Макара») с его пробуждающимся протестом. В последнем случае перед нами и новый подход к традиционной для русской литературы теме «маленького человека».

А герои-бродяги? Читатели встречались с ними и раньше, в частности в книгах С. В. Максимова и В. В. Берви-Флеровского, однако автор «Соколинца» влил в эти образы новое содержание, рассмотрев под суровой и угрюмой внешностью бродяг подлинную душевную красоту и опоэтизировав их независимость и свободолюбие.

До Короленко,— писал М. К. Азадовский,— «сибирское» в литературе сводилось по большей части к воспроизведению случайных бытовых черт, к переполнению рассказа местными географическими и этнографическими терминами, к диалектическим особенностям и пр.»[18] И хотя автор «Сна Макара» также не был чужд этнографизма, он сумел избежать крайностей и воссоздать картины сибирского быта и сибирской природы «во всем их разнообразии и своеобразии»[19].

Позднейшая критика уделила немалое внимание тематике и художественным особенностям «сибирских» произведений Короленко, но их роль и место в творчестве писателя были очевидны уже для его современников[20]. Мнение многих из них выразил П. Ф. Якубович (Мельшин), заявив в 1896 г. со страниц «Восточного обозрения», что «только на очерках из сибирской жизни развернулся этот талант, и только Сибирь дала ему первые вдохновения, которыми он завоевал себе общие симпатии»[21].

Е. Меламед

---

[16] Цит. по ее же: Этнографические интересы В. Г. Короленко (по сибирским материалам).— Советская этнография, 1960, № 4, с. 123—125.

[17] Бялый Г. А. В. Г. Короленко. Изд. 2-е, перераб. и доп. — Л.: Худлит., 1983, с. 287.

[18] Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Вып. I, Иркутск, 1947, с. 171.

[19] Там же с. 175.

[20] Подробнее см.: Очерки русской литературы Сибири, т. I. Новосибирск: Наука, 1982, с. 446—447.

[21] Аквилонъ [П. Ф. Якубович]. Литературные беседы. I.— Восточное обозрение, 1896, № 7, 17 янв., с. 2.

СОЧИНЕНИЯ

Полн. собр. соч.: В 9-ти т. Т. 1—2.— СПб.: Изд-во тов-ва А. Ф. Маркса, 1914; Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 1. Повести и рассказы.— М.: Гослитиздат, 1953; Письма из тюрем и ссылок: 1879—1885.— Горький: Обл. изд-во, 1935; Сибирские записные книжки.— В кн.: Короленко В. Г. Записные книжки. (1880—1900). М., 1935, с. 57—104; Очерки и рассказы по Сибири.— М.: Гослитиздат, 1936; История моего современника: Кн. 3, 4.— М.: Худ. лит., 1938; Сибирские очерки и рассказы: В 2-х ч.— М.: Гослитиздат, 1946. Ч. 1, ч. 2; О Якутии.— Якутск: Якуткнигоиздат, 1954; Сибирские рассказы.— Томск: Кн. изд-во, 1963; Сибирские очерки и рассказы: Публицистика и лит.-кр. статьи, беллетрист. наброски, фольклорн. записи, документы /Сост., посл., комм. Е. Меламеда. Иркутск, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Сибирь по поводу юбилея В. Г. Короленко.— Сиб. вестник, 1903, № 158; В. Г. Короленко в Якутской области.— Сиб. вопр., 1912, № 24, с. 84—97; Попов И. В. Короленко и Сибирь.— Сибирь, 1913, № 289; Азадовский М. Поэтика гиблого места.— Сиб. огни, 1927, № 1, с. 138—158; Пиксанов Н. Короленко и якутская ссылка.— В кн.: Пиксанов Н. О классиках. М., 1933, с. 231—270; Кулик П. С. Сибирские рассказы В. Г. Короленко.— Киев: Изд-во АН УССР, 1961; Малютина А. И. Сибирские рассказы В. Г. Короленко и их народнопоэтическая основа.— Енисейск, 1962; Она же. В. Г. Короленко и Сибирь.— Енисей, 1950, кн. 7, с. 210—219; Она же. В. Г. Короленко — критик произведений на сибирские темы.— В кн.: История литературной жизни и устнопоэтического народного творчества в Сибири. Красноярск, 1959, с. 43—74; Она же. Образ старой Сибири в «Истории моего современника» В. Г. Короленко.— В кн.: Вопросы истории литературы. Енисейск, 1971, с. 39—71; Власова З. И. Этнографические интересы В. Г. Короленко. [По Сиб. материалам].— Сов. этнография, 1960, № 4, с. 121—136.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бик В. И. В. Г. Короленко в амгинской ссылке: Материалы для библиографии. Якутск, 1947; История русской литературы конца XIX — начала XX века: Библиогр. указ. М.; Л., 1963, с. 256—271.

Н. М. АСТЫРЕВ (1857—1894)

Николай Михайлович Астырев родился 16 ноября 1857 г. в г. Тихвине Новгородской губернии. Он был сыном богатого отставного генерала, но сыном побочным, и потому не мог получить в жизни всех тех благ, которые обычно выпадают на долю тех, кто имеет знатное происхождение. Мать же Астырева скончалась при его рождении. Ему было дано хорошее воспитание и образование, однако уже с девяти лет он начинает жизнь без семьи, а с 14 лет ему приходится подрабатывать репетиторством и частными уроками. Он учится в Петербургской, затем в Московской гимназиях. В 1878 г. заканчивает Московское реальное училище и в этом же году в Москве поступает в институт инженеров путей сообщения, но учится в нем всего полтора года. В ту пору молодежь из интеллигенции активно стремилась быть полезной народу, хоть чем-то да облегчить его участь. Этой благородной волной был поднят и молодой Астырев. Для него был открыт путь благополучия и успехов на деловом поприще, но он оставляет учебу в институте, расстается с привычной средой и едет в 1881 г. в Воронежскую губернию, где три года работает сначала помощником писаря, затем волостным писарем. Он решает «сесть на землю», выражаясь словами писателя-народника Глеба Успенского, под влиянием которого находился. Астырев искренне верит, что «волостной писарь, представитель волости, умственный человек и законник, толкователь всяких распоряжений и ближайший исполнитель их — вот кто мог бы принести громадную поль-

зу в деле умственного развития сельского населения» (Астырев Н. В волостных писарях, М., 1896).

Литературная деятельность Астырева началась письмами из деревни в столичные газеты «Русский курьер» и «Порядок» и деятельным участием в местной печати, а с 1884 г. он печатается в лучших периодических изданиях того времени: в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Русской мысли».

Можно сказать, творчество Астырева, как и других русских писателей 80-х — начала 90-х гг., выросло из нужд общественного движения. Именно поэтому главными достоинствами его произведений являются острая публицистичность, строгая документальность, исследовательское начало. Социологическую направленность очерков Астырева усиливает его экономическая «подкованность». Его труды по статистике высоко оценивались специалистами и, в частности известным русским статистиком-экономистом, работами которого пользовался В. И. Ленин при написании труда «Развитие капитализма в России»— В. И. Орловым. В первой очерковой книге Н. Астырева «В волостных писарях» есть немало страстных строк, обращенных прямо к народу, выражающих боль за его приниженное положение, презрение к эксплуататорам, кулакам-мироедам. И в то же время они дают почувствовать и либерально-буржуазную ограниченность «исследователя народной жизни», как называли его современные ему критики. Однако в силу своего таланта, искренности, честной позиции Астырев объективно точно запечатлел состояние современной ему деревни, вывел яркие, запоминающиеся человеческие типы, составил, как он сам выразился, «любопытную коллекцию крестьянских физиономий» старост, деревенских дельцов. Умно и тонко он анализирует метаморфозы, происходящие с людьми под воздействием окружающей среды, обнажает нравы с точки зрения причинно-следственных связей. День за днем, скрупулезно Астырев повествует о своей деятельности в деревне, о тех трудностях и конфликтах, которые возникали у него самого в процессе деятельности или которым он был свидетель.

Астырев не идеализирует деревню, не замалчивает ее теневых сторон, он — реалист. Какой-нибудь современный социолог может подивиться, насколько удается ему проникнуть в мотивы поступков людей, объяснить меняющуюся на его глазах нравственность, процесс индивидуализации личности. В своих очерках он обличает произвол местных властей, дальнейшее социальное расслоение деревни.

Конечно же, не случайно книга Астырева «В волостных писарях» имела большой успех и за сравнительно короткий период издавалась в России трижды: в 1886, 1896 и 1904 гг. А в 1891 г. в Москве же издается книга очерков и рассказов писателя «Деревенские типы и картинки», куда вошли произведения «Слепые и зрячие», «От колыбельки до могилки»,

«Первые опыты» и другие, сочувственно изображающие простых людей. Две эти книги явились ступенью в подготовке бытописателя к труду о Сибири — «На таежных прогалинах». А создавалась книга о Сибири так.

В 1890 г. царское правительство в целях более успешного освоения своих окраин посылает в Сибирь, в частности в Иркутскую губернию, группу статистиков, которые бы исследовали крестьянский быт и состояние землепользования. В группу был включен и Астырев, который к этому времени по приглашению генерал-губернатора Восточной Сибири с 1888 г. уже заведовал Иркутским статистическим бюро. За три года материалы были собраны, обработаны, да так успешно, что за этот труд по исследованию далекой окраины России авторам во главе с Астыревым была присуждена большая золотая медаль Русского географического общества. А вскоре после этого в журнале «Русская мысль» (1891) стали выходить сибирские очерки Астырева, объединенные впоследствии в книгу «На таежных прогалинах».

Он объехал округи, населенные бурятами, старосельцами-крестьянами из казаков и русских сибиряков, а также высланными в эти места сектантами, духоборцами и субботниками. Автор много общался с местными жителями этой разнородной — по обычаям, верованиям, быту — массы, и ему удалось открыть читателю немало в них неожиданного.

Очерки привлекли в свое время большое внимание читателей и критиков, но были приняты далеко не однозначно. Вслед за первым очерком «Райский уголок Иркутской губернии» (о Тункинской долине), появившемся в «Русской мысли», в газете «Восточное обозрение» появляются язвительные заметки под заголовком «Густые сливки» сибирского туриста». Их автор (подпись: Заряй) не отказывает Астыреву ни в наблюдательности, ни в способности быстро схватывать общий тон жизни и характер природы, но замечает, что «...он относится к сибирякам не без значительной злобы, он проникнут каким-то недружелюбным чувством, причина которого не выяснена и не понятна». Больше всего автора заметок возмутило, что тункинец представлен живущим в «сытости и довольстве», без каких-либо заметных духовных интересов. Некоторая ограниченность в очерках действительно присутствует, и уже в предисловии к книге «На таежных прогалинах», вышедшей в 1891 г., Астырев объясняется по этому поводу. Он не претендует на обобщение, говорит, что писал лишь о том, что сам видел. «Я пытаюсь изобразить наиболее заинтересовавшие меня моменты этой, богатой всякими осложнениями жизни людей, принадлежащих к разным национальностям, пользующихся различными гражданскими правами, стоящих на весьма различных ступенях экономического благосостояния и еще до сих пор не разобравшихся в своих взаимных отношениях»,— пишет он.

Что же представляет собою книга «На таежных прогалинах»?

По жанру это цикл очерков. Как известно, жанр очерка начиная с 60-х гг. вплоть до Октябрьской революции превращается в «крестьянский очерк». Он, как пишут исследователи, оказывается самым содержательным жанром во всей народнической литературе. Очерки «На таежных прогалинах» несколько выходят за рамки понятия «крестьянского очерка» тем, что привлекают большой исторический материал. Экскурс в далекое прошлое, история вопроса присутствует в той или иной мере в каждом из восьми очерков. Он пишет о Тункинской долине, и здесь читатель знакомится не только с непосредственными впечатлениями человека от встречи с удивительной природой и неожиданными ха-

рактерами, но и с историей заселения этого уголка Сибири. То же можно сказать и об описании села Катоя или жизни в Нижнеудинском округе. В очерках много чрезвычайно интересного этнографического материала, к которому он подошел и как ученый, и как страстный публицист, обращающий внимание на ряд острых проблем жизни Сибири. Касается ли это непомерно тяжелой жизни ссыльнопоселенцев, вымиранием инороднических племен, состояния просвещения или же других вопросов.

В книге привлекают страницы, где автор через живые характеры и ситуации рассказывает об обычаях и нравах сибиряков. Он берет и крестьян, и рабочих на строительстве дорог и телеграфа, и священников, и поселенцев, и разного рода сектантов. Он пишет обо всем с большой степенью достоверности и постоянным сочувствием к униженным и обделенным судьбой, с искренней верой в возможности народа. И как бы отвечая тем излишне горячим местным патриотам, которые обвиняли Астырева в недоброжелательном отношении к сибиряку, приведем выдержку из главы, в которой Астырев пишет об Оекской волости Иркутского округа. В людях села Котинское он отмечает пытливость и гибкость ума. «Мне припоминается мое трехлетнее пребывание среди крестьян одной из черноземных губерний России: ни разу мне не пришлось вести там столь продолжительного и научного разговора, и ни разу я не имел там столь внимательных и любознательных собеседников» (Астырев Н. На таежных прогалинах. М., 1891, с. 403).

Астырев шел только от жизни, он прежде всего публицист, но, как писали о нем в некрологе, помещенном в «Историческом вестнике» (1894, № 7), «в народническом движении последних двух десятилетий он занимает почетное место вслед за Левитовым, Решетниковым, Гл. Успенским, Златовратским и др.».

В. Г. Короленко еще в 1886 г. в «Волжском вестнике» (№ 201) тепло отозвался о молодом публицисте: «Его произведения далеки от сухих этнографических «снимков с натуры. В нем есть известный центр, ось, около которой группируется богатый запас подлинных фактов. Наконец, в книге («В волостных писарях», — В. С.) присутствует также глубоко драматический момент, который с первых же строк захватывает всякого читателя с живой душой, в которой хоть раз в жизни находили отклик жизненные вопросы нашего времени... Те факты, которые он сумел отметить с такой яркостью, падали, очевидно, на почву очень восприимчивого воображения. Народная жизнь вторглась в чуткую душу интеллигентного «искателя».

В пору, когда были написаны эти строки, Астыреву было 28 лет. В книге «На таежных прогалинах», вышедшей спустя семь лет, он предстает уже более трезвым реалистом.

К недостаткам книги о Сибири надо отнести и его односторонний взгляд на сибиряка. В свое время очерки Астырева были привлечены для исследования вопроса «Русская народность в Сибири» представителем русской культурно-исторической школы А. Пыпиным, который справедливо отмечал, что недостатком очерков Астырева является то, что он приписывает сибиряку те пороки, которые составляют принадлежность не только русского крестьянства, но, пожалуй, целых слоев всего рода человеческого.

Причины отмеченных Пыпиным серьезных недостатков следует искать и в мировоззрении Астырева, и в том, что он явился все-таки сторонним наблюдателем, многое принявшим по первому впечатлению на веру, а не выходцем из Сибири, как отмечалось в одной из сибирских газет. Во всяком случае его очерки — это

интересная попытка проследить, что происходило с национальным русским типом в новых условиях природы, климата, экономики, отдаленности от России. И сделал он это талантливо.

После трехлетней работы в Иркутской губернии, в 1891 г., Астырев возвращается в Москву, где снова занимается статистикой. Он продолжает писать и мечтает о том времени, когда сможет полностью отдать себя литературному труду. Однако вскоре его арестовывают («астыровское дело» фигурирует в книге М. Горького «Жизнь Клима Самгина»). Около двух лет он был в заключении, затем по пути на поселение он останавливается подлечиться в Москве, но в клинике умирает. Скончался Астырев 3 июня 1894 г. и похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с Левитовым.

В. Секерина

СОЧИНЕНИЯ

В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления.— М.: Кн. дело, 1886; То же. Изд. 2-е, доп.— М.: Рус. мысль, 1896; То же. Изд. 3-е.— М.: Кн. дело, 1904; Деревенские типы и картинки: Очерки и рассказы. М., 1891; На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири.— М.: Тип. Д. И. Иноземцева, 1891; Жидовствующие и субботники в России и Сибири. — Сев. вестник, 1891, кн. VI.

ЛИТЕРАТУРА

Рус. мысль, 1891, № 12, с. 536—537; Вагин В. Судья сибирской жизни.— Вост. обозрение, 1892, № 7; Пыпин А. Русская народность в Сибири.— Вестн. Европы, 1892, № 1, с. 276—323; Птицын В. На реке Лене.— Вестн. Европы, 1893, № 11, с. 99—100; Астырев Николай Михайлович.— В кн.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889, с. 844—847; Густые сливки сибирского туриста.— Вост. обозрение, 1890, № 35. Подпись Заряй; Н. М. Астырев (Некролог).— Вост. обозрение, 1894, № 66; Глинский Б. Б. Н. М. Астырев. Некролог.— Ист. вестн., 1894, № 7, с. 182—189; К 15-летию смерти Н. М. Астырева.— Сибирь, 1909, № 126; Азадовский М. К. Эпическая традиция в Сибири.— Чита: Вестн. просвещения, 1921, с. 5—7; Короленко В. Г. О литературе.— М.: Гослитиздат, 1957, с. 301—303, 641—643; Очерки русской литературы Сибири. Т. 1.— Новосибирск: Наука, 1982, с. 418, 422.

БИБЛИОГРАФИЯ

Астырев Николай Михайлович.— В кн.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Т. 1. СПб., 1900, стб. 122—123; История русской литературы XIX века. (Под ред. К. М. Муратовой). М.; Л., 1962, с. 135.

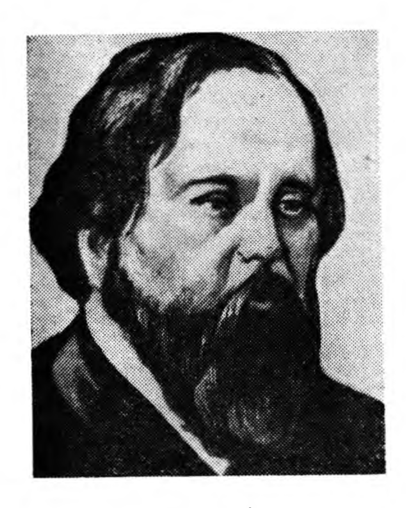
В. М. МИХЕЕВ (1859 — 1908)

Василий Михайлович Михеев был одним из самых крупных поэтов старой Сибири. Сила общественного пафоса, пронизывающая многие стихи Михеева, ставит его выше многих других дореволюционных сибирских поэтов. Михеев сумел подняться выше узкого «областничества» и сочетать глубокое общественное содержание с довольно ярко выраженным «местным сибирским колоритом».

В. М. Михеев родился в 1859 г. (точная дата неизвестна) в Иркутске в богатой купеческой семье, учился в Иркутской гимназии. Окончив курс, уехал продолжать образование в Москву. Здесь и началась его плодотворная литературная деятельность. Стихи Михеева впервые появились в печати в основанной Н. М. Ядринцевым (в 1882 г. в Петербурге) сибирской газете «Восточное обозрение».

В 1884 г. Михеев издал в Москве книжку своих «Песен о Сибири». Книга эта вышла только на год позже книги стихов известного сибирского поэта И. В. Федорова-Омулевского «Песни жизни» (СПб., 1883).

Таким образом, Михеев, наряду с Федоровым-Омулевским, был

одним из первых сибирских поэтов, издавших свои стихи отдельными сборниками. Сибирская печать (газ. Сибирь, 1885, № 4) радостно приветствовала появление первой книги стихов молодого поэта-сибиряка.

В 90-х гг. Михеев переехал из Москвы в Ярославль, где и жил до самой смерти (8 мая 1908 г.), редактируя местную газету «Северный край» и занимаясь общественной деятельностью в духе буржуазно-земского либерализма.

Кроме стихов Михеев писал рассказы, романы и пьесы. Первый небольшой сборник его рассказов «Художники» был издан в Москве в 1894 г. В том же году вышел отдельным изданием роман из сибирской жизни «Золотые россыпи», печатавшийся ранее в журнале «Артист». Кроме этого романа и ряда рассказов Михеев посвятил сибирским темам драму «Тайга» (1893) и комедию «По хорошей веревочке» (1889).

В 1890—1900-х гг. Михеев печатался в лучших журналах того времени («Мир божий», «Русское богатство») и неоднократно выпускал свои произведения отдельными изданиями.

Для советского читателя наибольший интерес представляют книга стихов Михеева «Песни о Сибири» и роман «Золотые россыпи».

«Песни о Сибири», насыщенные общественным пафосом, представляют собой выдающееся явление в старой сибирской поэзии. В целом ряде стихотворений («Через мрак к свету», «Запевала», «Старая казарма», «Аутодафе») Михеев выразительно описывает тяжелую долю приисковых рабочих. Вместе с ними поэт спускается в сырую, темную рудничную шахту, где надрываются за каторжным трудом измученные люди:

И видел я, что я пришел лишь видеть,
Что я пришел лишь наблюдать
Туда, где надобно терпеть
иль ненавидеть,
Туда, где мало сострадать!

Жгучим негодованием веет и от стихотворения «Запевала». Рабочие везут на себе на прииск по таежным дебрям паровую машину. Измученные люди не в состоянии втащить на кручу тяжелую машину. Запевала, хилый, малорослый мужичок, заводит песню, и под звуки ее, надрываясь, рабочие взвозят наконец машину на хребет. Но короткий опьяняющий порыв прошел, и снова страшная, нечеловеческая усталость охватывает обессиленных людей.

Второй большой цикл стихов Михеева («Песни бурята», «Хамархан», «Дочери Мунко», «Омороча») посвящен малым сибирским народностям. Михеев реалистически правдиво описывает их забитость, темноту, отсталость. За этими описаниями скрыто ясное понимание общественных причин тяжелого положения малых народностей Сибири. Бедняк бурят —

Наезжей кокардой жестоко запуган,
Сурово напуган ламой и шаманом.
Дешевым презреньем безмолвно
поруган,
Опоен кабацким дешевым дурманом...
(Песни бурята)

Михеев первым из дореволюционных сибирских поэтов поднял голос протеста против угнетения малых народностей Сибири русскими и «собственными» кулаками, купцами, царскими чиновниками, попами и шаманами. В русской поэзии 80-х гг. прошлого столетия эти темы были совершенно новыми, нетронутыми.

Так же оригинальны стихи Михеева о декабристах («Друзья шайтана», «Ряженые», «Князья»). Михеев использовал в качестве тем для своих стихотворений распространенные в старой Сибири рассказы о встречах декабристов с местным населением.

Особенно интересен рассказ старого бурята об его поездке с декабристами в качестве конвоира (стих. «Друзья шайтана»). Бурят смутно сочувствует плененным революционерам и в то же время боится этого чувства как «внушения шайтана».

Роман «Золотые россыпи» (частично также драма «Тайга») посвящен описанию быта рабочих таежных золотых приисков.

Совладелец прииска, молодой, идеалистически настроенный художник, пытается улучшить положение угнетенных, жестоко эксплуатируемых рабочих, но вскоре убеждается в своем полном бессилии помочь им в рамках капиталистического строя. Опутанный народническими предрассудками, Михеев не мог указать читателю правильный выход из капиталистического рабства. Бегство в тайгу, уход в вольную жизнь полуразбойников-спиртоносов (стих. «Спиртонос Патрушев», роман «Золотые россыпи») — таков путь смелых, энергичных одиночек. А многоликая пестрая масса приисковых рабочих всегда обречена на терпеливое, пассивное страдание.

Однако идеологическая путаница и свойственная народникам тревога перед наступлением капитализма не препятствует роману оставаться до наших дней одним из самых ярких художественных памятников старого сибирского таежного быта.

В свое время произведения Михеева, его роман и стихи, проникнутые горячим сочувствием к «униженным и оскорбленным», несомненно, действовали на широкого демократического читателя революционизирующим образом, несмотря на то, что сам Михеев был лишь весьма умеренным «народолюбцем-либералом».

Б. Жеребцов

СОЧИНЕНИЯ

Песни о Сибири. М., 1884; То же.— Иркутск: Облиздат, 1938; Черемуха; Красная линия.— В кн.: Сибирские мотивы. СПб., 1886, с. 127—129; О воеводе Вышате, как он о войске-дружине сердцем болел и как за то в Цареграде муки принял: Сказание для народа.— М.: изд. И. Д. Сытина и К°, 1887; По хорошей веревочке. (По хорошей дорожке): Нар. комедия из сиб. жизни. В 3-х д. М., 1889; Стихи.— В кн.: Отголоски Сибири. Томск, 1889, с. 18—19, 44—45, 71—82, 96—97, 117—118, 152—155; Стихи.— В кн.: Сибирский сборник. М., 1892, вып. 1, с. 62—65, 99; Тайга: Драма из сиб. жизни. М., 1893; Золотые россыпи: Роман. М., 1894; Художники: Очерки и рассказы. М., 1894; В семье и вне семьи: Рассказы.— СПб.: изд. М. Ледерле, 1895; Нирвана: Повесть.— Лит. прилож. к «Ниве», 1897, № 4, стб. 674—724, № 5, стб. 1—37; № 6, стб. 257—288; На Князь-озере: Повесть. — Рус. богатство, 1897, № 3, с. 1—48; № 4, № 67—114; Отрок-мученик: Углицкое предание. СПб., 1898; Стихи.— В кн.: Сибирь в художественной литературе. Новосибирск, 1938, с. 10, 67—68, 95—96; Стихи.— В кн.: Славное море. Иркутск, 1949, с. 316—318, 368—369; Новоселы: Стихи.— В кн.: Стихи о Сибири. М., 1961, с. 39—40; Золотые россыпи: Роман, рассказы, очерки/Сост. тома, подг. текста, посл. комм. Е. А. Куклиной. Иркутск, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Дубровский К. Симпатичный писатель В. М. Михеев.— В кн.: Дубровский К. Рожденные в стране изгнания. СПб., 1916, с. 219—229: Бродский Н. Д. Декабристы в русской художественной литературе.— Каторга и ссылка, 1925, № 8 (21), с. 210—213; Черных П. Заметки о творчестве В. М. Михеева (1859—1908): К истории песен в Сибири. По материалам Ярослав. обл. архива. — Сиб. огни, 1937, № 4, с. 125—128; Куклина Е.

В. М. Михеев.— В кн.: Очерки русской литературы Сибири. 1982, т. 1, Новосибирск: Наука, с. 433—443; Белова Э. Проблемы передовой русской интеллигенции 80-х гг. в романе В. М. Михеева «Золотые россыпи».— В сб.: Вопросы русской и советской литературы. Красноярск, 1973, с. 36—57.

П. Ф. ЯКУБОВИЧ (1860 — 1911)

Жизнь и творчество Петра Филипповича Якубовича, выдающегося писателя-революционера конца XIX — начала XX в., видного деятеля революционно-народовольческого движения, непреклонного борца с самодержавием, связаны с Сибирью.

Долгие мучительные годы он провел на сибирской каторге.

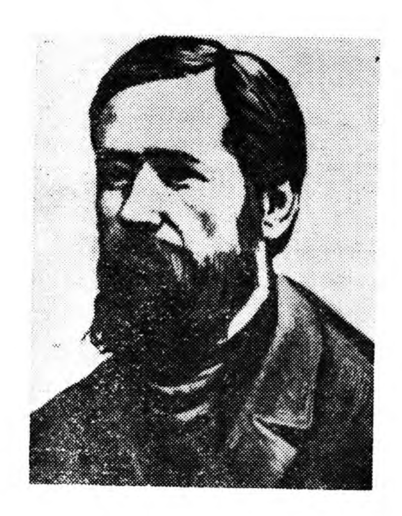
П. Ф. Якубович принадлежал к передовому лагерю русской демократической литературы. Он известен как поэт и прозаик, литературный критик, публицист и переводчик. Долгое время Якубович не мог открыто выступать в печати. Его имя, как имя «государственного преступника», более двадцати лет (с 1884 до 1905 г.) было под запретом. Сборники стихов поэта по цензурным соображениям выходили под инициалами П. Я. и псевдонимом Матвей Рамшев, как критик и публицист он выступал под многими псевдонимами, как прозаик — Л. Мельшин.

Якубович родился 22 октября 1860 г. в сельце Исаеве Валдайского уезда Новгородской губернии в обедневшей дворянской семье. В 1878 г. после окончания Новгородской гимназии он поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. В университете Якубович сближается с революционно настроенным студенчеством, принимает участие в сходках и манифестациях, пишет листовки и прокламации. В 1878 г. в демократическом журнале «Дело» появилось первое печатное стихотворение Якубовича «Моя дорога», в котором поэт предопределяет свой путь революционера-борца. С 1881 г. он начинает сотрудничать в журналах «Русское богатство», «Отечественные записки», «Вестник Европы».

В 1882 г. П. Ф. Якубович окончил Петербургский университет со степенью кандидата. В том же году вступил в тайную организацию «Народная воля», к этому времени ослабленную многочисленными арестами. В период мрачной политической реакции Якубович со всей энергией отдается революционной деятельности и в своих стихотворениях «Рассеян мрак, завеса поднята!..» (1882), «Юноше» (1882), «Друзья! В тяжелый миг сомненья...» (1883) и др. страстно призывает к борьбе с самодержавием.

В 1884 г. после разгрома народовольческих организаций Якубович создает новую революционную группу Молодую партию «Народной воли», главной задачей которой была деятельность среди рабочих.

15 ноября 1884 г. поэт-народоволец был арестован и брошен в одиночную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В декабре 1886 г. Якубовича перевели в Дом предварительного заключения, а в 1887 г. Санкт-Петербургским военно-окружным судом по процессу 21-го он был приговорен к смертной казни через повешение. Якубович встретил смертный приговор с исключительной стойкостью. Две недели висела над ним петля палача, и только через 14 дней смертный приговор был заменен каторгой. Ни одиночное заключение в мрачных стенах каземата, ни нависшая угроза смертной казни не сломила воли и мужества поэта-борца. В стихотворениях, написанных в Трубецком ба-

стионе и вошедших в цикл «В крепости» (1884—1886), поэт призывает товарищей по борьбе быть стойкими, непреклонными и бороться до победного конца. Незадолго до суда друзьями и сестрой поэта под псевдонимом Рамшев был выпущен первый сборник его стихотворений[1].

20 июля 1887 г. Якубович в общей арестантской партии был отправлен на каторгу в Сибирь. Во время долгого изнурительного этапного пути поэт написал стихотворения, вошедшие в цикл «В дороге» (1887).

В Карийскую каторжную тюрьму П. Ф. Якубович прибыл 20 февраля 1888 г. и находился в ней до ее закрытия. В сентябре 1890 г. он был переведен в Акатуйскую уголовную тюрьму, где три года работал в серебряных рудниках. В сентябре 1893 г. его перевели из Акатуя в Кадаю, где он также около двух лет работал в рудниках. Каторга не сломила сильного духом писателя. В суровых условиях сибирской каторги Якубович создает ряд лучших своих произведений. Это был зрелый и плодотворный период его творчества. В Сибири он пишет большое число стихотворений, объединенных в циклы «Кара и Акатуй» (1889—1893), «В стране сопок» (1894—1895), создает выдающуюся книгу о каторге «В мире отверженных», переводит книгу французского поэта Шарля Бодлера «Цветы зла». Переводы Якубовича из Бодлера были высоко оценены А. В. Луначарским.

На каторге Якубович ближе сталкивается с народными страданиями. Он пересматривает взаимоотношения интеллигенции с массой, отбрасывает народнические иллюзии о руководящей роли героев-интеллигентов. Народ предстает перед ним сильным и могучим, как главная и единственно реальная историческая сила, способная освободить себя.

Сибирская лирика Якубовича является особой страницей в творческой биографии поэта. Она проникнута большим чувством патриотизма и глубокими философскими раздумьями. В сибирских стихах поэта нашли отражение тема Сибири и каторги, сибирской природы, труда и величия человека. Центральное место в сибирской лирике Якубовича, как и во всем его творчестве, занимает тема родины. На каторге мысли и думы писателя обращены к народу. В сибирских произведениях Якубович дает широкое изображение страданий и борьбы народа за свое освобождение.

В 1892 г., узнав в Акатуе о страшном голоде, охватившем Россию, Якубович откликнулся гневным взволнованным стихотворением «В голодный год». Оно пронизано ненавистью к самодержавию, доведшему народ до голода, нищеты и отчаяния. Поэт убежден, что только сам народ сможет освободить себя от пут рабства и нищеты и страстно призывает к всенародному восстанию.

В ряде сибирских стихотворений Якубович рисует страшный

[1] Стихотворения Матвея Рамшева. СПб, 1887.

мир каторги. Реалистическую картину каторжного труда поэт создает и в «Песне бурильщиков» (1892). Поэт убежден, что на смену потерпевшим поражение и сосланным на каторгу революционерам поднимутся новые многочисленные отряды борцов и продолжат начатое ими дело.

В 1893 г. Якубович написал полное веры в неизбежную победу революции стихотворение «Кузнецы», в котором выразительный реалистический образ рабочего-кузнеца приобретает символическое значение: он олицетворяет образ борца за свободу. Стихотворения Якубовича «Песня бурильщиков» и «Кузнецы» получили большую популярность в революционных кругах того времени и оказали влияние на пролетарскую поэзию. В 1912 г. крупнейший пролетарский поэт Ф. С. Шкулев написал известную песню «Кузнецы», близкую по революционному звучанию стихотворению Якубовича.

Большое место в поэзии Якубовича сибирского периода занимают стихи, посвященные описанию природы Забайкалья.

С особой теплотой Якубович пишет лирический цикл — стихи, посвященные любимой женщине, жене, другу, соратнице по революционной борьбе, политической ссыльной Р. Ф. Франк. Лирический цикл стихов поэта покоряет глубиной и постоянством чувств, возвышенным отношением к женщине, моральной чистотой и искренностью. Основной темой любовной лирики Якубовича явилась насильственная разлука с любимой, отбывавшей каторгу в Якутии. Но в лирических стихах Якубович поднимает не только личную тему, она неразрывно связана с политическими мотивами. Это слияние личного и политического составляет одну из главных особенностей поэзии Якубовича. В 1893 г. в Акатуе Якубович написал первый том книги «В мире отверженных».

Со страниц книги встает мрачная Шелаевская каторжная тюрьма, прообразом которой послужила одна из самых страшных тюрем Сибири — Акатуевская. Якубович вводит читателя в тесные тюремные камеры, где на сплошных нарах и даже под нарами влачат тяжкое существование закованные в цепи люди; в обледенелые шахты, в которых с раннего утра до позднего вечера в «сыром полумраке» работают полуголодные арестанты; раскрывает мрачную атмосферу тюремных будней. Одна за другой сменяются страшные сцены истязаний арестантов казаками, палачами, экзекуторами, тюремным начальством, жестоких издевательств и глумления над беззащитными людьми. В книге проходит вереница представителей «властей», начиная от грозного беспощадно жестокого начальника Шелаевской тюрьмы штабс-капитана Лучезарова, его свирепого помощника Ломова, невежественных, озлобленных надзирателей, ожесточенных казаков до бездушного генерала из Петербурга. В основу сюжета книги легла борьба двух враждебных социальных миров — мира каторжников с «миром властей». Автор книги знакомит читателя не только с уголовной каторгой, но и рассказывает о политических узниках и их неустанной борьбе с тюремным начальством.

Книга писателя-демократа явилась суровым обличительным документом произвола, насилия и беззакония, царивших в самодержавной России.

13 июня 1895 г. Якубович был отправлен на поселение в Курган под гласный надзор полиции. В курганской ссылке поэт написал около 30 стихотворений, вошедших в цикл «На родном рубеже» (1895—1899). В стихотворениях, написанных в этот период, поэт поднимает острые социальные темы. Особенно боевое революционное звучание имела «Песня труда» (1896), которую по цензурным условиям поэт был вы-

нужден выдавать за перевод с английского — «из Блангарда».

В Кургане Якубович заканчивает работу над вторым томом книги «В мире отверженных». С 1895—1898 гг. «В мире отверженных» печатались под псевдонимом Л. Мельшин на страницах журнала «Русское богатство». «В мире отверженных» принесли писателю заслуженную славу. Критика признала книгу Якубовича лучшим художественным произведением о каторге после «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. В 1903 г. книга получила высокую оценку на Всемирном конгрессе криминалистов.

Находясь в курганской ссылке, Якубович принимает активное участие в сибирских газетах «Восточное обозрение» и «Степной край» как поэт, беллетрист, публицист и критик. Здесь он печатается анонимно или под псевдонимами. В 90-е гг. Якубович заведовал литературным отделом газеты «Восточное обозрение» и вел «Литературные беседы», подписывая их псевдонимом Аквилон. Пристальное внимание критика привлекали писатели, отражавшие в своих произведениях сибирскую тему. Сибирь, по мнению Якубовича, уже начинала вносить лепту в сокровищницу русской науки и литературы. Писатель проявлял большой интерес к народам Сибири, особенно к малым народностям. Он мечтал о преобразовании «далекого края», о том времени, когда над ним «взойдет солнце света и правды».

Пребывание на каторге не прошло бесследно для писателя. Здоровье его было резко подорвано. В 1899 г. ему было разрешено переехать на станцию Удельная под Петербургом. В Петербурге он продолжает заниматься литературной деятельностью, сотрудничает в журнале «Русское богатство», а с 1904 г. входит в состав его редакции и вместе с В. Г. Короленко заведует беллетристическим отделом журнала. В стихотворениях Якубовича этого периода ярко запечатлено нарастание революционного движения в России и общественный подъем в стране в начале 900-х гг. «Майская песня» (1901), «Новая весна» (1902), «Ледоход» (1903).

Якубович принимает активное участие в революции 1905—1907 гг. и, как в годы боевой юности, все силы отдает революционному делу: выступает на митингах и литературных вечерах, агитирует, скрывает на своей квартире нелегальных революционеров.

В стихотворении «Красный снег» (1905) поэт взволнованно и гневно откликнулся на события 9 января и призывал к мщению за пролитую кровь народа.

За революционную деятельность и распространявшиеся революционные стихи 15 января 1905 г. Якубович вновь был арестован и заключен в тюрьму «Кресты», где он просидел около трех недель. Заключение в одиночной камере «Крестов» окончательно подорвало здоровье поэта.

Якубович тяжело пережил поражение революции 1905—1907 гг. В период реакции поэт полон тяжелых раздумий о судьбе родины, нашедших отражение в стихотворениях «Из дневника» (1906), «Сны» (1907), «Бред» (1908), но вместе с тем он уверен в неминуемом свержении самодержавия.

Последние годы жизни Якубович подолгу и тяжело болел, 17 марта 1911 г. оборвалась жизнь писателя. Похоронен он в Петербурге на «Литературских мостках» Волкова кладбища. Большевистская газета «Звезда» дала высокую оценку личности, деятельности и творчества писателя-революционера: «...его борьба не прошла напрасно: его идеалы нашли сочувственный отклик в сердцах народа, а его поступки вдохновили не одного героя на борьбу и подвиг...»[2]

Н. Славнина

---

[2] Звезда, № 15, 25 марта 1911 г.

СОЧИНЕНИЯ

Стихотворения Матвея Рамшева. СПб., 1887; Стихотворения. Т. 1—2, СПб., 1898—1901; Стихотворения. Библиотека поэта (большая серия).— Л.: Сов. писатель, 1960; В мире отверженных: Записки бывшего каторжника: В 2-х т.— М.; Л.: Худож. лит-ра, 1964; Пасынки жизни: Рассказы. Изд. 4-е.— М.: Изд-во Задруга, 1918; Гриневич П. Ф. (П. Ф. Якубович): Очерки русской поэзии.— Изд. ред. ж. Русское богатство. Изд. 2-е, СПб.. 1911; Якубович П. Ф. (Л. Мельшин). Шлиссельбургские мученики. — Библиотека освобод, борьбы, СПб., 1906.

ЛИТЕРАТУРА

М. О. (Ольминский М. С.). Похороны.— Звезда, 1911, 25 марта; Е. П. (Бедный Д.). Певец борьбы и гнева.— Звезда, 1912, 18 марта; Попов И. И. П. Ф. Якубович. М., 1930; Прибылева А. Из воспоминаний о П. Ф. Якубовиче. — Русское богатство, 1912, кн. 10, с. 56—75; Дейч Л. Певец поколения проклятого богом: — Русское богатство, 1912, кн. 3, с. 131—152; Якубович Д. П. Народоволец на каторге.— В кн.: Мельшин Л. (П. Ф. Якубович). В мире отверженных: Записки бывшего каторжника. Т. 1, изд. 5-е.— М.: О-во политкаторжан, 1932, с. 1—22, изд. 7-е. М., 1933, с. 21—41; Двинянинов Б. Н. Творческие переклички: (М. Горький и П. Якубович).— В кн.: М. Горький и его современники.— Л.: Наука, 1968, с. 7—20; Двинянинов Б. Н. Меч и лира: Очерк жизни и творчества П. Ф. Якубовича.— М.: Наука, 1969; Якубович И. Д. П. Ф. Якубович: Брошюра из серии «Узники Петропавловской крепости». Лениздат, 1967; Славнина Н. Г. П. Ф. Якубович на царской каторге: (по архивным неопубликованным документам). Труды /Иркутск, ун-т. Серия литературоведение и критика; 1969, т. 62, в. 6, с. 49—92; Она же. П. Ф. Якубович в сибирской прессе: там же, с. 136—148; Она же. Узник Акатуя.— Сибирь, 1971, № 5, с. 76—89.

А. П. ЧЕХОВ В СИБИРИ (1860 — 1904)

Поездка на каторжный Сахалин через Сибирь (19 апр. — 8 дек. 1890 г.) явилась крупным событием в жизни А. П. Чехова.

Имя Чехова в то время было уже хорошо известно в Сибири не только как талантливого рассказчика, но и как автора пьесы «Иванов», водевилей «Предложение», «Медведь», поставленных в Томске и Иркутске.

В сибирских городах писатель останавливался на небольшой срок. Поэтому личные контакты с местной интеллигенцией, в том числе с литераторами и сотрудниками газет, носили непродолжительный и, по-видимому, неглубокий характер. Впрочем, об этом сведения весьма скудны. Известно, что редактор томского консервативного «Сибирского вестника» получил ироническую оценку в одном из писем Чехова. Однако писатель готов был использовать малейшую возможность, чтобы лишний раз напомнить сибирскому интеллигенту о необходимости общественной активности. «Да, непростительно безобразна ваша дорога, и как вы грешите, что не ругаете ее вдоль и поперек», — писал он из Иркутска сотруднику «Сибирского вестника» В. А. Долгорукому.

Благотворным было и нравственное воздействие личности Чехова на тех, кому с ним приходилось общаться. В Нерчинске с писателем встретился местный корреспондент ряда сибирских газет И. В. Багашев. В своем дневнике 20 июня 1890 г. он записал: «Вчера у Мокеева (содержатель гостиницы) познакомился с беллетристом г. Чеховым; он едет на Сахалин. ...Человек любознательный, не чета чиновникам. Спрашивал о Нерчинске и Каре, о врачах, удивился, что здесь есть музей. Мокеев — старая лиса: всех проезжающих называет «ваше превосходительство», и никто не возражает, только г. Чехов ему по поводу себя сделал замечание».

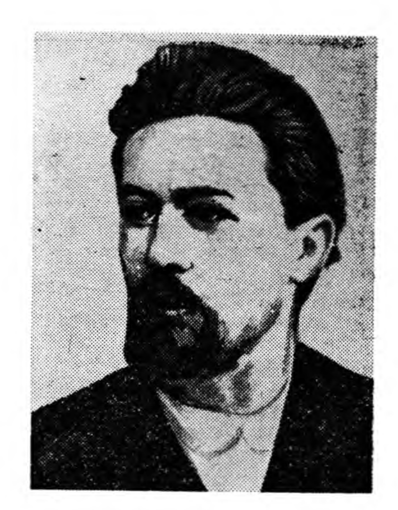
Как известно, одной из главных причин поездки Чехова в Сибирь

и на Сахалин явилось стремление писателя «окунуться в гущу жизни, вникнуть в реальные противоречия действительности, здесь искать ответы на важнейшие вопросы человеческого бытия» (Бердников Г. А. П. Чехов. Идейные и творческие искания. Л., 1970, с. 258). Это обстоятельство во многом обусловило характер чеховских впечатлений и повлияло на идейно-художественную интерпретацию сибирско-сахалинской темы.

В путевых очерках Чехов смотрит на Сибирь не только как на край со своими местными особенностями и нуждами. Он стремится увидеть в нем и то, что роднит его со всей страной: в противоречиях сибирской жизни писатель обнаруживает общерусские проблемы. Вот почему образы переселенцев и ссыльных, характеры талантливых самородков (скрипач-бобыль и мастер-кузнец), рассуждения мужика-философа («...по всей Сибири нет правды»), унылая сибирская распутица и величественная тайга с красавцем Енисеем, щедрые дары природы и неумение ими воспользоваться, доброта и сердечность простой женщины, усыновившей чужого ребенка («Какие хорошие люди!»), и брань ямщиков и паромщиков — все это слизается в широкую и пеструю мозаичную картину, в которой — боль и гордость за русского человека, тоска о зря пропадающих просторах и богатствах родины, мечта о победе мысли, воли и новой жизни над дикостью, вялостью и бездорожьем.

Сибирскую действительность Чехов увидел через призму тех проблем, что волновали его в 80-е гг.

Стиль очерков А. П. Чехова «Из Сибири» лишен нарочитой экзотики, узкого этнографизма, диалектного просторечия. Писатель предпочитает простоту, точность, тонкую иронию и сдержанный лиризм. Сибирский речевой колорит («реветь», «язвина» —

единичные случаи) не затемняет публицистическую задачу — раскрыть суровость и тяжесть жизни сибиряка, несправедливость административных и судебных порядков.

В чеховское повествование о судьбе русских людей, переселяющихся в Сибирь, вдруг проникают, казалось бы, неожиданные слова: необыкновенный человек, герой. Именно в очерках «Из Сибири» получает закрепление новая эстетика писателя: красота — в обыкновенном, героика — в будничном, талант — в незаметном.

В стилевой тональности сибирских очерков впервые, пожалуй, так отчетливо и мажорно прозвучала новая чеховская мелодия: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» И это оказалось не случайно брошенной фразой: здесь источник определенной идейной тенденции, которая постепенно все сильнее будет пробиваться в творчество писателя, завершившись призывом «Здравствуй, новая жизнь!»

Кроме того, эта тенденция положит начало развенчанию устойчивой традиции и в художественном изображении Сибири — поэтики «гиблого места».

Правда, может показаться, что сибирский рассказ Чехова «В ссылке» (1892) выдержан еще в духе старой традиции, особенно пейзаж и местный колорит («...вода, голые берега, кругом глина и больше ничего. ...Темная, холодная река; она ворчала, хлюпала об изрытый глинистый берег и быстро неслась куда-то в далекое море. ...Сыро, холодно...»). Но герои чеховского рассказа при всей их реально-бытовой конкретности и социально-психологической определенности несут на себе печать нравственно-философских раздумий писателя над идеей активности, жизнеутверждения. Ссыльные Семен Толковый и татарин — носители двух разных мироощущений. Первый — смирения, пассивности, безразличия («окаменелости»), второй — действенности, устремленности, жизнелюбия («желания»). Характерно, что эту нравственно-философскую интонацию, примечательную для чеховского творчества конца 80-х гг., писатель связывает теперь с социальным мотивом угнетения человека. В этом смысле рассказ «В ссылке» можно считать предтечей «Палаты № 6», где будет создан знаменитый образ действительности — тюрьмы.

Еще ранее идея активности, возмущения получила развитие в в сахалинском рассказе «Гусев» (1890), в котором впервые у Чехова появился образ откровенного протестанта, пусть еще чудаковатого, беспомощного и обреченного, но сознательно реагирующего на раздражения действительности. «Я воплощенный протест,— говорит чеховский герой Павел Иванович.— Вижу произвол — протестую, вижу ханжу и лицемера — протестую, вижу торжествующую свинью — протестую».

Итак, сибирскую тему Чехов поднимает до высокого художественного уровня, до важных проблем, приобретающих обобщенное, национальное и гуманистическое значение. Однако в дальнейшем писатель отходит от художественной разработки подобного «местного» материала, переключаясь в план более «общих» наблюдений.

Значение сибирско-сахалинских впечатлений для Чехова— прежде всего идейное, внутреннее, а не внешнее, бытовое, экзотическое. Это — общее представление об арестантском строе жизни, о необходимости борьбы с ним, о безнравственности примирения и пассивности. Все это, впервые прозвучавшее в очерках «Из Сибири» и «Остров Сахалин», в рассказах «Гусев» и «В ссылке», прочно войдет в «Палату № 6» и отдаленным эхом раздастся даже в таком, казалось бы, интимно-психологическом рассказе, как «Дама с собачкой» (1899), неожиданным сравнением: «...и уйти, и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!» Таков глубинный подтекст сибирско-сахалинской темы в творчестве Чехова.

В. Гайдук

ЛИТЕРАТУРА

Захаркин А. Ф. Сибирь и Сахалин в творчестве А. П. Чехова: Ученые записки/Москов. пединстит. им. В. И. Ленина, т. 248, 1966; Семанова М. Л. Отражение сибирских впечатлений в творчестве А. П. Чехова: Ученые записки/Омский вечерний пединститут, филологическая серия, выпуск II, 1944; Теплинский М. В., Бурятов Б. Н. А. П. Чехов на Сахалине. Изд. Сов. Сахалин, 1957; Турунов А. Н. Сибирские фельетоны и письма А. П. Чехова.— В кн.: А. П. Чехов. Из Сибири. Иркутск, 1946; Фадеев В. П. Очерки А. П. Чехова «Из Сибири».— В кн.: Чеховский сборник. Труды/Ставропольский пединститут. Ставрополь, 1960.

«СИБИРСКАЯ НЕДЕЛЯ» (1913 — 1914)

Литературно-художественный и общественно-политический еженедельник «Сибирская неделя», объединивший на своих страницах многих литераторов дореволюционной Сибири, издавался в Иркутске с сентября 1913 по март 1914 г. Всего вышло 25 номеров журнала — 17 в 1913-м и 8 в 1914 г. Редактором его был журналист и поэт П. З. Озерных, печатавшийся обычно под псевдонимом Степан Байкалов. В числе сотрудников «Сибирской недели» значились: В. И. Анучин, Г. А. Вяткин, Г. Д. Гребенщиков, В. Я. Шишков, В. М. Бахметьев, А. Е. Новоселов, А. С. Сорокин, М. М. Сиязов, публицисты Дм. Илимский (псевдоним политссыльного Д. И. Голенищева-Кутузова), М. Изюмский, С. Крайский, А. И. Миталь и другие.

Редактор журнала стремился превратить его в печатный орган прогрессивной, свободной мысли Сибири. Об этом недвусмысленно было заявлено в программной статье, открывавшей первый номер журнала. Здесь с удовлетворением говорилось о пробуждении общественного самосознания Сибири, активизации ее общественной жизни. Журнал призван был отразить эти настроения. Издатели писали в программной статье: «Делая едва ли не первую в Сибири попытку издания еженедельного литературно-публицистического журнала по широкой программе, по возможности полно охватывающей жизнь родного края, мы верим, что наш журнал найдет своего читателя, так как потребность в такого типа органе в Сибири назрела. И мы с радостью идем навстречу этой потребности»[1].

«Сибирская неделя» широко освещала на своих страницах общественно-политическую, культурную и экономическую жизнь Сибири и страны в целом. Много публицистического материала посвящалось положению сибирского крестьянства, проблемам кооперации, школьного образования и т. д. Из номера в номер публиковались статьи и очерки Дм. Илимского на общественно-политические темы, о жизни и быте сибирской деревни, городских ремесленников — «Мелкий кредит в сибирской деревне», «Провинциальные заметки», «Иркутский портной», «Хозяева сибирских городов» и др. В нескольких номерах журнала печатался подробный отчет о нашумевшем в то время позорнейшем процессе по так называемому делу Бейлиса, спровоцированному черносотенцами.

Журнал с возмущением писал о многочисленных политических процессах, о насаждавшейся в стране системе полицейского сыска, о массовых репрессиях и произволе властей, о гонении на свободу печати. В ряде материалов журнала говорилось о том, что нарастает полевение масс. «Не отрезвление от политики «левых крикунов» происходит в стране, а отрезвление от угара реакции»[2]. Таким образом, общественно-политическая линия журнала была явно оппозиционной по отношению к самодержавию, отличалась ярко выраженным демократизмом.

Литературно-художественный отдел «Сибирской недели» был далеко не равноценен. Наряду с превосходными рассказами здесь печатались вещи слабые и малозначительные по содержанию. Особенно низок был уровень многих стихов С. Байка-

[1] Сиб. неделя. Иркутск, 1913, № 1, с. 8.

[2] Сиб. неделя, 1913, № 16—17, с. 17.

Воскресенье, 10-го ноября 1913 г. № 10-й

СИБИРСКАЯ НЕДѢЛЯ.

Литературный, политическій и общественный журналъ

СОДЕРЖАНІЕ

РАДИКАЛЫ

лова и ботаника М. Сиязова. Однако подлинное лицо журнала определялось произведениями талантливых литераторов-сибиряков. Журнал приветствовал появление в поэзии Сибири самобытного дарования Петра Драверта. Большая и доброжелательная статья была посвящена журналом другому сибирскому поэту — Георгию Вяткину. На страницах «Сибирской недели» впервые появился целый ряд произведений талантливых сибирских прозаиков — А. Ершова, А. Новоселова, А. Сорокина, В. Бахметьева, В. Шишкова. Омский литератор Артемий Ершов, писавший под псевдонимом Артем, опубликовал здесь романтически окрашенный рассказ «Маяк» (1913, № 15). Александр Новоселов выступил с большим рассказом «Сто рублей» (1914, № 5—8), в котором изображена трагическая история казачьего вахмистра Самсонова. Антон Сорокин в 1913 г. поместил несколько рассказов из жизни и быта степняков-казахов — «Зарзаман, или плач времени», «Страшный танец Кутерем», «Мало материала, ничего не сделаешь». В рассказе «Последняя обида» повествуется о печальной участи девушки, погубившей своего ребенка. В пьесе «Корабли, утонувшие ночью» А. Сорокин рассказал о драме, разыгравшейся в купеческой семье.

На страницах «Сибирской недели» увидела свет и первая публикация из повести В. Шишкова «Тайга». Одна из глав ее появилась здесь под названием «Последние думы» (1914, № 5—8).

С интересными, остро злободневными по тому времени произведениями выступил в «Сибирской неделе» Владимир Бахметьев, опубликовавший здесь в 1913 г. ранние рассказы о трагической судьбе крестьян-переселенцев, прибывших на Алтай из центральных губерний России.

Еженедельник «Сибирская неделя» находился на левом фланге сибирской журналистики в самый канун первой мировой войны. Он отчетливо отражал нарастающее в стране общественное возмущение всеми формами и методами правления самодержавно-полицейского режима. В литературном движении Сибири предреволюционной поры он сыграл определенно положительную роль.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Сибирская неделя. На обл. подзаг.: Лит., полит. и обществ. ж. Иркутск. 1913—1914. Еженед. Ред. П. З. Озерных. Изд. К. П. Окунева: 1913, № 1 (8—IX), № 16—17 (22—XII); 1914, № 1/13 (5—I), 5—8/22 (2—II), [№ 9/23 (30—III)]: Изд. прекратилось в 1914 г., последний номер не установлен. Указ. содерж.: Оглавление «Сибирской недели» за 1913 г. в последнем номере этого года.

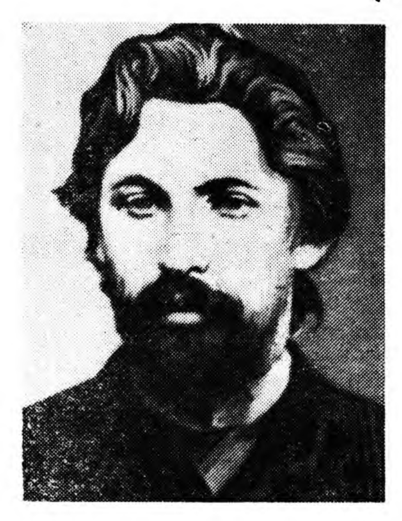
ЛИТЕРАТУРА

Шумиловский Л. Не по плечу дерево.— Жизнь Алтая, 1913, № 208; Трушкин В. П. Пути и судьбы: Лит. жизнь Сибири 1900—1917 гг. Иркутск, 1972, с. 314—329.

И. И. ПОПОВ
(1862 — 1942)

Публицист, редактор-издатель газеты «Восточное обозрение» и общественный деятель Иван Иванович Попов родился 2 марта 1862 г. в Петербурге в семье фельдфебеля. Окончил городское училище и Петербургский учительский институт. Преподавал историю. В 1884 г. был арестован по делу Г. Лопатина и других и выслан в Забайкалье. Жил в Кяхте. Здесь стал инициатором создания общественной библиотеки и музея. Сотрудничал в «Сибирской газете». В 1894—1906 гг. редактировал иркутскую газету «Восточное обозрение» и «Сибирские сборники». В его руках газета стала руководителем общественного мнения немалой части сибиряков. На страницах газеты «в духе заветов Ядринцева и Потанина» систематически освещались нужды Сибири, трудности в развитии ее экономики, рассказывалось о местной литературе, театральных и художественных событиях, научной жизни, о трудах выдающихся сибиряков.

В газете работали преимущественно политические ссыльные. Они чрезвычайно много сделали для объединения культурных сил в многостороннем изучении Сибири. За публикации в «Восточном обозрении» редактор более 25 раз привлекался к суду, дважды был оштрафован, но моральные приговоры газеты признавались «голосом правды». В конце 1905 г. газета сделала попытку включиться в политическую борьбу и почти сразу же в административном порядке была закрыта. Попов обосновался в Москве, занимаясь журналистикой. Он опубликовал ряд книг («Великая могила прошлого» — об Италии, «От небесной империи к срединной республике» — о Китае, «Дума народных надежд — история первой думы

и др.) и много статей и корреспонденций, в том числе о Чехове, о переписке с Л. Н. Толстым, о Н. М. Ядринцеве и т. д. Он редактировал «Известия Московского литературно-художественного кружка» (1913—1915), а с 1916 г.— газету «Русские ведомости», состоял председателем правления общества деятелей периодической печати и литературы.

После революции работал в Московском областном музее, в бюро краеведения, в обществе политкаторжан. Сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка» (очерки, некрологи, рецензии), издал книги о П. Ф. Якубовиче, Д. А. Клеменце — товарищах по революционной работе.

В 1922 г., когда ему исполнилось 60 лет, он «уступил распространенной привычке пожилых людей» и решил писать мемуары. Первые два тома его воспоминаний «Минувшее и пережитое» вышли в 1924 г. Том первый был переиздан в 1933 г. В рукописи остались два тома: «Записки ре-

дактора» и «Среди литературы и искусства». Больше двадцати глав-очерков было подготовлено для пятого тома (в соавторстве с сыном — Александром Ивановичем), но работу прервала начавшаяся война. Пошатнулось здоровье, 12 февраля 1942 г. И. И. Попов умер, оставив большой литературный архив. Среди неопубликованных рукописей наибольший интерес представляют оба тома мемуаров, очень богатые сведения о предреволюционной Сибири, о связях с видными литераторами, учеными и общественными деятелями. Но и опубликованные книги и очерки содержат много подробностей о литературном народничестве, о В. М. Гаршине, Ф. М. Достоевском, Н. К. Михайловском, Н. А. Некрасове, В. С. Соловьеве, И. С. Тургеневе, Г. И. Успенском, Н. В. Шелгунове и др.

В. Петряев

СОЧИНЕНИЯ

Кяхта и Троицкосавск.— Сиб. газ., 1888, № 25, 30; Страничка из истории Кяхты.— Вост. обозрение, 1892, № 51; Еще об интеллигенции Кяхты.— Вост. обозрение, 1893 № 30; Запросы жизни и отношение к ним интеллигенции в Кяхте.— Вост. обозрение, 1893, № 15; Русская торговля на Дальнем Востоке.— Вост. обозрение, 1895, № 76, 77; Земство и Сибирь.— М.: Изд. Доровативского и Чарушникова, 1905; Проект положения о земских учреждениях в Сибири. Иркутск, 1905; Самоуправление и земские учреждения. М., 1906; Дума народных надежд. М., 1907; Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. Ч. 1.— 1907; То же.— [В 2-х ч.].— Л.: Колос 1924; То же.— М.; Л.: Academia. 1933; От небесной империи к серединной республике: (История Китая, Монголии, Тибета и наших сношений с Китаем).— М.: Изд. Саблина, 1912; Е. К. Брешко-Брешковская: Бабушка рус. революции. М., 1917; Клеменц Д. А. Иркутск, 1917; Ковалик С. Ф. М., 1926; Лопатин Г. А. М., 1926; То же.— 2-е изд.— М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930; Якубович П. Ф. М., 1930;

ЛИТЕРАТУРА

Энциклопедический словарь бр. Гранат.— 7-е изд., т. 15, с. 48—49; Письмо П. Ф. Якубовича И. И. Попову.— Красный архив, 1929, т. 6, с. 157—163; Горький М. И. А. Груздеву: [Письмо от 3 авг. 1933 г.]— Собр. соч. 1956, т. 30, с. 313; Попов И. И.— Сов. ист. энциклопедия. 1968, т. 11, стб. 409.

Ф. Ф. ФИЛИМОНОВ (1862 — 1920)

Федор Федорович Филимонов был одним из популярнейших поэтов дореволюционной Сибири и Урала. Уральская и сибирская периодика 1880 — 1910-х гг. буквально наводнена его стихами и сатирическими стихотворными фельетонами, которые печатались как под собственной фамилией, так и под многочисленными псевдонимами — Аякс № 2, Бес, Гейне из Ирбита, Два Аякса, Дедушка Фаддей, Иванов Г. И., Скромный летописец, Три Фиты, Фита да не та, Фита, Ф-ов, Ф. и многие другие. Первые его произведения появились в газете «Московский листок» в начале 1880-х гг. В 1880-е же годы он много печатался в «Екатеринбургской неделе», «Ирбитском листке», «Сибирской газете». Затем сотрудничал в «Сибирской жизни», в «Сибирском вестнике», в журналах «Сибирский наблюдатель» (1900—1905), «Сибирские отголоски» (1906), «Сибирская неделя» (1914), «Сибирские записки» (1916 — 1919), «Сибирский рассвет» (1919) и многих других изданиях. О популярности Филимонова свидетельствует и то обстоятельство, что стихи его охотно публиковались в известных поэтических антологиях и хрестоматиях наряду с первоклассными русскими поэтами — «Мысли и чувства. Сборник стихотворений современных русских поэтов» (М., 1886 г.), «Родные песни» (М., 1896). Вошли они и в популярную, выдержав-

шую пять изданий антологию Влад. Бонч-Бруевича «Избранные произведения русской поэзии» (1894 — 1909).

Биографических сведений о поэте сохранилось немного. Филимонов родился в 1862 г. в Камышлове в купеческой семье. Учился в Московском коммерческом училище, из которого был исключен за участие в студенческом революционном движении и как политически неблагонадежный сослан на 4 года под гласный надзор полиции сначала в г. Ирбит, а затем в Тюмень. В 1887 году Филимонов переезжает в Красноярск и живет здесь вплоть до своей смерти в 1920 г. Здесь он занимался адвокатурой, состоял много лет частным поверенным при Красноярском окружном суде и Иркутской судебной палате. В 1906 г. в Красноярске он издавал сатирический журнал либерального направления «Фонарь», который вскоре, на девятом номере, был запрещен сибирской администрацией. Один из томских журналов того времени откликнулся на это событие своеобразной эпитафией:

> Слегка мерцал ты светом красным
> И волею судьбы угас,
> Не заменен другим, запасным...
> **Имейте ж фонарей запас!**[1]

Таковы основные вехи на жизненном пути Филимонова в дореволюционный период, который на всем протяжении его сопровождался интенсивной литературной работой. В 1889 г. в «Театральной библиотеке» появилось его первое крупное произведение — пьеса «В краях сибирских». В следующем году в Москве издается сборник его стихотворений «Песни сибиряка», вобравший в себя стихи 1880 — 1890-х гг. За ним последовали сборники — «Стихотворения» (СПб., 1898), «За прошлые годы (песни сибиряка)» (СПб., 1913).

«Песни сибиряка» благожелательно были встречены читателями и критикой. Одобрительные рецензии на первую книгу поэта появились в газете «Екатеринбургская неделя» (1890, № 48) и «Сибирском сборнике». Рецензент «Сибирского сборника», характеризуя стихи Филимонова, посвященные Сибири, писал, что «муза автора — преимущественно муза печали, скорби и тоски» (М. А.-н. Песни сибиряка. — «Сиб. сборник», 1891, вып. 1, с. 201). По словам рецензента, в своих сибирских стихах «автор является таким разочарованным, так гнетет его тяжелая действительность, что его муза бессильна бросить хотя бы луч надежды на тяжелую, безотрадную ночь, окутавшую родную страну автора, бессильна показать хотя проблеск света и радости; он только находит в себе силы скорбеть за нее, страдать, но исхода не видит и не указывает» (там же, с. 204). Это довольно точная характеристика поэтического творчества Ф. Филимонова, отразившего в своей лирике настроения позднего народничества. Верно указал рецензент и на художественную незавершен-

---

[1] Жеребцов Б. Старая сибирская сатирическая поэзия. Новосибирск, 1938, с. 23.

ность многих стихов поэта, «симпатичных по замыслу», но в большинстве своем плохо обработанных.

Действительно, Филимонов обладал весьма скромным поэтическим дарованием. На ранних стихах его сказалось сильное влияние С. Надсона. В них немало избитых и стертых образов, расхожих штампов: «светлые идеалы», «вьюга», «непроглядная ночь», «грезы», «сумрачные тучи», «бездна», «золотая пора идеалов», «нежность с чарующей лаской», есть даже вера «в мощь идеала». Таков поэтический реквизит Филимонова. Он может написать: «цветы надежд давно повяли, их белым снегом злой печали бураны жизни замели». И все же умонастроениям современников поэта импонировали, были глубоко «симпатичны» гражданские мотивы в его лирике, картины социальной несправедливости и горя народного, напоминали порой некрасовскую «музу мести и печали». Так или иначе, но существенные стороны неприглядной действительности эти стихи сумели запечатлеть и отразить. Перед читателем его стихов развертываются сцены и картины одна печальнее другой. Вот пароход тянет на буксире «огромную мрачную барку», заполненную арестантами (стих. «На пристани»), вот юная узница, с тоской наблюдающая пробуждение весны (стих. «Весной»), вот люди-гномы «на дне холодных рудников» гремят «заржавленными оковами» в этом «царстве бесконечных мук» (стих. «В руднике»).

Наблюдая эти горестные картины, поэт заключает:

Когда беспечный пир свершают
счастья дети,
В уме моем является вопрос:
Уж не наполнены ли все бокалы эти
Вином из крови и из слез.

В стих. «Слышите стон?» автор пишет: «Это тяжкие цепи звенят, это люди по тюрьмам поют». В символически озаглавленном стихотворении «Ночью» говорится о том, что кругом царит «одна лишь тьма и нет предела ей» и автору «чудится, что льются слезы где-то» и он слышит «вопль суровой нищеты».

Родная Сибирь предстает перед лирическим героем Филимонова в крайне безотрадном виде:

Еду я, объятый думой,
По стране моей угрюмой,
Я тоской проникнут весь...
Или горы, или степи,
Или муки, или цепи,
Вот что всюду видишь здесь.

Спрашивается, что же в этих условиях остается делать поэту? Оказывается, по Филимонову, назначение поэта заключается в том, чтобы звать людей «к вершинам красоты средь ночи неприветной» (стих. «Поэту»). Программа, как видим, весьма расплывчатая. Она несколько уточняется автором в другом его стихотворении — «В наше время». Здесь он сетует на бездействие интеллигенции с ее извечными жалобами на то, что «среда заела». «У всех поэтов наших, — не без горечи замечает он, — песни и безотрадны и грустны», и «разве может песнь печали людей на битву вдохновить». Филимонов приходит к выводу: «Нужны нам звуки бодрых песен, а не бессилья горький плач».

Впрочем, лирика самого поэта как раз и представляла собой этот горький плач бессилья. Есть у него стихотворение «Сибирскому соловью», где говорится «о мраке, кровью залитом», «о кромешном этом аде», из которого нет выхода. В другой раз он скажет: «Бродим мы темным проселком, страшно с тропинки сойти. Кто же расскажет нам толком к свету и счастью пути». В стих. «В тайге» автор мечтает о времени, когда рассвет рассеет «тьму позорную», когда «солнце яркое взойдет и пойдет дорогой торною истомившийся народ». В своей лирике Филимонов часто возвращается к образу «бедной

родины моей». Он готов со всей категоричностью заявить: «И искусства для искусства я давно не признаю» (стих. «Тогда и теперь»).

Выразительный образ страждущей Родины запечатлен в стихотворении «Песня» — одном из лучших у Филимонова.

Все песни Родины моей
Полны тоски, полны печали;
Как плач покинутых детей,
Они мне душу надорвали.
В цепях, в глубоком руднике.
Их пели злой судьбины дети,
На Волге-матушке реке
Я часто слышал песни эти...
В них вопль суровой нищеты,
В них море слез, скорбей, печали...
О, милый друг, слыхал едва ли
Печальней этих песен ты.

Обращается поэт и к рабочей теме. Он создает яркое стихотворение «На фабрике», рисующее каторжный труд фабричных рабочих. В стихотворении «На Енисее» автор, изображая разгулявшуюся во время наводнения грозную стихию, потопившую «жилища бедняков», выражает заветное желание: чтобы могучий Енисей «смыл с лица земли врагов страны родной» и всю ту «грязь, что к нам Россия шлет». Он восторженно приветствует строительство Транссибирской железной магистрали и первый паровоз, ворвавшийся в таежные дебри — «Пускай несут твои огни иную жизнь, иные дни» (стих. «Перед зарей»). Поэт посвящает стихи сельским учительницам, этим самоотверженным «труженицам-героям», несущим свет в самые глухие углы, выражает надежду, что с трудом их «светлее станет на Руси, на всех проселочных дорогах».

Таков в своих существенных чертах характер лирики Ф. Филимонова, чье творчество развивалось в русле общедемократических традиций русской литературы и под несомненным воздействием идеологии позднего народничества, когда оно уже утратило всякую революционность и все более скатывалось на позиции умеренного либерализма. Значительное место в его литературной деятельности, особенно в ранний период, занимали произведения обличительно-сатирического жанра. Первый свой стихотворный сборник он назвал «Шутки и пародии» (Екатеринбург, 1886). Сатирическая направленность многих его стихотворных фельетонов позволила современным исследователям истории русской поэзии назвать по праву его имя в числе продолжателей «традиций революционно-демократической сатиры» наряду с такими литераторами, как П. В. Шумахер, И. А. Бойчевский (См. история русской поэзии. Т. 2, Л., 1969, с. 232).

В годы гражданской войны в Сибири Филимонов, издавна выступавший эпигоном народнических умонастроений, убежденным сторонником сибирского областничества, резко эволюционирует вправо, смыкаясь с лагерем откровенной реакции. В 1919 г. он издает газету областнического толка «Свободная Сибирь», на страницах журнала «Сибирские записки» (1919, № 4—5, с. 74) публикует свои «Песни народные», проникнутые растерянностью, непониманием происходящего, отмеченные неприязненным отношением к победившей пролетарской революции. Обращаясь к народу, он взывает: «Опомнись и проснись, скорей оставь раздоры». И здесь же: «Проснись, народ! И песни вновь запой!» Смысл этого призыва к пробуждению народному недвусмысленно раскрывается в следующей фразе: «Освободи Москву с ее Кремлем священным от ужасов бездушного врага». Так, в сущности, бесславно закончился жизненный и творческий путь этого некогда популярного сибирского поэта, сыгравшего определенную роль в литературном движении дореволюционной Сибири.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Шутки и пародии (стихотворения), соч. Гейне из Ирбита. Екатеринбург, 1886; Песни Сибиряка 1880—1890. М., 1890; Стихотворения. СПб., 1898; За прошлые годы (Песни Сибиряка). СПб., 1913.

ЛИТЕРАТУРА

История русской литературы. М.; Л., 1956, т. IX, кн. 1, с. 430—431. История русской литературы. Л., 1983, т. 4, с. 102—103; Трушкин В. Пути и судьбы. Иркутск, 1972 (по именному указателю); Он же. Из пламени и света. Иркутск, 1978, с. 91.

П. К. БЕЛЕЦКИЙ (1871 — 1934)

Павел Кузьмич Белецкий родился в Ставрополе на Кавказе 17 мая 1871 г. Отец его, «николаевский солдат», провел 25 лет в кавказских сражениях и вышел в отставку унтер-офицером с пенсией «на раны и ордена». Мать была дочерью крепостного крестьянина.

Одиннадцати лет, учеником Ставропольского городского училища, мальчик лишился отца. Пришлось познакомиться с ремеслом штукатура. Через два года, благодаря хлопотам матери, Павел был принят в Тифлисскую военно-фельдшерскую школу на казенное иждивение. По окончании, с 1887 г. работал военфельдшером в Грозном, Ставрополе, Невинномысске, Георгиевске. В 1890 г. вышел в отставку по болезни: стал работать участковым фельдшером в Ставрополе.

Однако отчаявшись бороться со знахарством, представлявшим тогда значительное препятствие в работе фельдшера, уже в следующем году покинул Кавказ и в течение десяти лет исколесил Дон, Поволжье, Украину, Среднюю полосу России, Карелию, Прибалтику. Взяла свое страсть к путешествиям.

В 1896 Белецкий впервые выступил в петербургском журнале «Врач» (№ 41), хотя к литературе влекло его еще в ранней юности. «Письмо в редакцию» о трагической судьбе семьи покончившего с собой врача А. имело громкий успех, и автора причислили к «бунтовщикам». В 1897 г. Павел Кузьмич приехал в Петербург с намерением посвятить себя литературе. В газетах «Народ», «Русский труд», «Неделя», «Новости» он печатает статьи, в которых поднимает такие вопросы, как эксплуатация рабочей силы на предприятиях Петербурга, низкий уровень санитарии и гигиены на производственных участках, низкая заработная плата рабочих.

Через год, затравленный цензурой, состоящий на учете полиции как «бунтовщик», сменивший несколько предприятий, наконец, лишенный средств к существованию, он уезжает в составе геологической экспедиции Я. А. Макерова в Забайкалье. Два года путешествует по звериным тропам даурской тайги, живет в пещере орочена, в юрте бурята, в шалаше золотоискателя, наблюдает жизнь и быт малых народностей, исполняя роль фельдшера, геолога, этнографа, корреспондента газеты «Восточное обозрение» (печатался под псевдонимом Гость).

С тех пор Белецкий еще не однажды побывал и в Забайкалье, и на Дальнем Востоке, и в Монголии. Активно вторгаясь в жизнь местного населения, он собрал интересный, обширный материал для своих произведений.

Столкнувшись близко с жизнью забайкальских староверов, а также сибирских народов, писатель пробует себя и как этнограф. Бережно, стараясь не сфальшивить,

переносит он на страницы своих этнографических рассказов и очерков, путевых записок и этюдов восточный колорит. «Забайкальские раскольники», «Мой спутник Ошир», «Слепой охотник», «Голод», «Таежный бродяга», «Таежный курорт» — все эти и многие другие его произведения пронизаны заботой о малых народах — «милых инородцах». Писатель остро переживает свое бессилие помочь людям, с которыми сводит его судьба. Однако верит, что и в медвежьи углы Забайкалья придет новая жизнь.

Рамки рассказа и очерка становятся тесными для материала, накопленного во время неоднократных посещений Забайкалья и Дальнего Востока. И вот с 1911 по 1914 г. один за другим выходят три романа: «В горах Даурии», «Король тайги», «Старый грех» и повесть «На вольной земле».

Рисует ли автор в своих романах миграцию русских крестьян на новые земли по Амуру, или многоликую армию каторжан и вольных безземельных крестьян на строительстве Амурской железной дороги, или борьбу русских людей с расхитителями богатств Сибири — везде он затрагивает разваливающуюся государственную машину царизма и неизбежно приводит читателя к мысли: так долго продолжаться не может. Герои Белецкого — разные по возрасту и по социальному положению — каждый по-своему борются за лучшее будущее.

Октябрьскую революцию Белецкий, тогда уже известный писатель, принимает безоговорочно, ведет большую общественную и политическую работу. Его волнуют все животрепещущие проблемы молодой Советской страны. Не оставляет он и писательской работы.

Всю свою жизнь Белецкий был на переднем крае. Он написал более тысячи статей, затрагивающих самые разные проблемы:

от реформы в золотопромышленности до сибирской язвы. Но все их объединяет бескомпромиссная гражданственность.

Путешественник и этнограф, геолог и фельдшер, беллетрист и золотоискатель, охотник и журналист — Белецкий жил для людей, забывая о себе, о своем здоровье. Натура романтическая, он был счастлив этой самоотдачей, счастлив своей сопричастностью к творчеству:

Я жил без цепей, как орел на высотах,
Свободой дышал я, свободу любя.
Паря средь лазури, при творческих взлетах,
Я чудную сказку создал для себя.

Умер Павел Кузьмич Белецкий 19 марта 1934 г. Похоронен на Успенском кладбище в Ставрополе.

Обширнейшее литературное наследие Белецкого не изучено, многое затерялось. Между тем оно представляет интерес не только для историков литературы, но и для этнографов, биологов, медиков.

Б. Белецкий,
Г. Белецкий

СОЧИНЕНИЯ

Король тайги: Роман.— Газ. Копейка, 1911, № 1179—1242; В горах Даурии: Роман.— Природа и люди, 1912, № 1—6; Старый грех: Роман.— Вестник

полиции, 1913, № 1—52 (псевдоним Пав. Чернецкий); На вольной земле: Повесть.— Прилож. к ж. Всходы, 1914, № 10.

ЛИТЕРАТУРА

Петряев Е. Д. Псевдонимы писателей-сибиряков. Новосибирск, 1973; Ионов Ю. В., Ионов А. Ю. Фельдшер П. К. Белецкий — писатель, публицист, этнограф, общественный деятель.— Ж. Фельдшер и акушерка, 1982, № 1, с. 55—58.

Н. С. РОМАНОВ (1871 — 1942)

Имя Нита Степановича Романонова — библиотекаря, библиографа, летописца Иркутска широко известно в научном мире.

В этом человеке жил глубокий и тонкий исследователь, необыкновенно кропотливый и грамотный библиограф, страстный и умный библиофил.

Родился Романов 27 сентября 1871 г. в г. Балаганске Иркутской области, в семье мелкого чиновника.

В 1884 г. его определили в Иркутскую военную прогимназию, которую он окончил в 1888 г. Отец в это время служил в Усть-Уде, и Нит Степанович уехал к отцу, так как военная карьера его не очень привлекала.

В Усть-Уде он служил при волостном управлении. В 1890 г. возвратился в Иркутск, поступил в 1-ю полицейскую часть писцом. Потом служба в гостинице, в городской управе. В управе была библиотека, которую вели и содержали сами служащие. В 1906 г. заведывание библиотекой было предложено Романову, так как сослуживцы знали о его аккуратности, о необыкновенном интересе к книгам. Два года работы в библиотеке управы определили его будущее. Вскоре он стал заведующим городской публичной библиотекой, переехал в квартиру при библиотеке, начал изучать и приводить в порядок запущенное хозяйство библиотеки. «Я за восемнадцать лет заведыванием библиотеки ни одного дня не провел без работы... моя личная жизнь была в книгах и около книг. Я всегда что-нибудь писал», — читаем мы в рукописных «Воспоминаниях» Нита Степановича, хранящихся в редком фонде научной библиотеки ИГУ.

В эти годы он изучал историю народного образования, книгоиздательского и библиотечного дела в крае, много внимания уделял комплектованию фонда библиотеки, особенно книгам о Сибири. Много времени и сил требовала работа в библиотеке. Помещение ее было небольшое, читателей много, постоянно увеличивалось поступление денег от читателей.

13(27) марта 1911 г. библиотека отметила свое 50-летие. В связи с этим событием Романов опубликовал «Краткий исторический очерк 50-летнего существования Иркутской городской публичной библиотеки». Нит Степанович с большим желанием пишет и публикует статьи, очерки, различного рода заметки об истории Иркутска. В «Сибирском архиве» 1911 г. напечатаны материалы «Очевидцы о пожарах в Иркутске в 1879 и 1897 годах», «Дополнение к летописи Пежемского и Кротова», «Злостная эпиграмма на графа М. М. Сперанского», в 1912 г. в том же издании печатаются его исследования: «Бельская сторожевая башня», «Береговые укрепления р. Ангары», «Восстание поляков в Сибири 1866 года», «Иркутские эпиграммы...», «Иркутский Хлестаков», «Первая смертная казнь в Иркутске» и т. д.

Первая библиотека (по списку, который он составил, занимаясь историей библиотек Иркутска)

была открыта 23 марта (ст. ст.) 1780 г. при духовной семинарии. Заканчивается список 1918 г. — открытием библиотеки при Государственном университете им. А. А. Жданова.

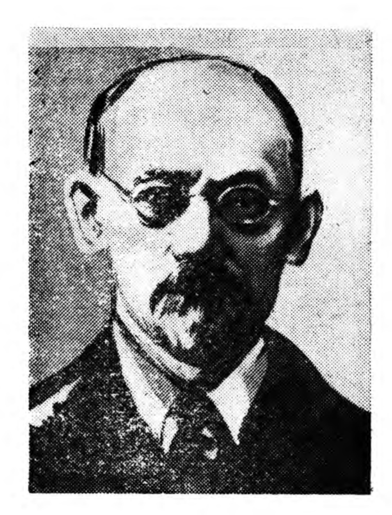
Кроме этого он составил большой список «Периодика Сибири», «Периодика Иркутска», которые были использованы в настоящее время зональным библиографическим объединением для составления указателя «Периодика Восточной Сибири». И, несмотря на пропуски, некоторые неточности, труд Романова оказал значительную помощь в выявлении периодических изданий за минувшие годы.

Долгие годы Романов работал над продолжением летописи В. А. Кротова и П. И. Пежемского «Летопись города Иркутска 1857—1925 гг.» Первая часть этой работы за 1857—1880 гг. была опубликована в 1911 г. ВСОРГО. Окончание осталось в рукописи.

Много любви и сил вложил Романов в создание «Истории Иркутска». Он изучал вопрос о народном образовании, восстанавливал сведения об открытии первой школы в Иркутске и довел список учебных заведений до открытия университета 1918 г. Романов собирал материалы о книжных лавках, о букинистах, о писателях, ученых-историках Иркутска.

Многие годы Романов сотрудничал в ряде иркутских газет и журналов, в которых было опубликовано более 400 заметок и корреспонденций. В журнале «Сибирский архив», в «Трудах Иркутской архивной комиссии» напечатаны интересные и ценные материалы по истории г. Иркутска.

По заданию редакции «Сибирской советской энциклопедии» он написал ряд биобиблиографических характеристик о П. П. Пежемском, М. Писареве, М. М. Сибирякове, М. П. Шестунове, заметки «Справочники о Сибири» «Епархиальные ведомости», о

журнале «Сибирский архив», о приложении к газете «Восточное обозрение» — «Сибирский сборник», о книжной торговле в Иркутске, о типографиях Иркутска. В распоряжение редакции он передал ряд рукописей.

18 октября 1926 г. он поступил в научную библиотеку при Иркутском государственном университете, где и проработал до конца своих дней. Нит Степанович обрабатывал свои рукописи, выполнял обязанности главного библиографа, составлял библиографию по краеведению.

В эти годы он продолжает писать свои «Воспоминания», которые ценны многими историческими фактами. Выступает с докладами перед учеными, библиотекарями, жителями Иркутска.

Умер Нит Степанович 13 августа 1942 г. Его рукописи, которыми пользуются исследователи по различным вопросам, до сих пор свидетельствуют о том, что этот человек, проработавший 36 лет среди книг, оставил заметный след в истории культуры Сибири.

Р. Шолохова

СОЧИНЕНИЯ

Иркутская летопись. 1857—1880 гг. (Продолжен. «Летописи П. И. Пежем-

ского и В. А. Кротова»). Иркутск, 1914; Краткий исторический очерк пятидесятилетнего существования Иркутской городской публичной библиотеки. (1861—13/III—1911). Иркутск, 1911.

ПУБЛИКАЦИИ РАБОТ Н. С. РОМАНОВА

Очевидцы о пожарах в Иркутске в 1879 и в 1897 гг.— Сиб. архив, Иркутск, 1911, № 2, с. 105—114; Бунт: Восстание поляков в Сибири 1866 г.— Сиб. архив, 1912, № 3, с. 176—184. (Тоже.— ж. Былое, 1922, № 17, с. 108—113); Бельская сторожевая башня.— Сиб. архив, 1912, № 3, с. 199—200; Разбойник Алифанов.— Сиб. архив, 1912, № 4, с. 263—272; Береговые укрепления р. Ангары: (Историч. справка).— Сиб. архив, 1912, № 4, с. 306—309; Письма декабристов.— Труды иркутской архивной комиссии, вып. 2, 1914, с. 37—58. (10 писем А. Л. Кучевскому от Е. Оболенского, А. Муравьева и С. Трубецкого); Периодическая печать г. Иркутска 1856—1916 гг.— Сиб. летопись. Иркутск, 1916, № 9—10, с. 389—448, № 6—8; К истории университетского вопроса в Иркутске.— Сиб. летопись, Иркутск, 1916, № 9—10, с. 458—475, № 6—8; Памяти М. А. Гаевской.— Сибирь, 1918, № 23, 27/VII; К истории периодической печати в г. Якутске: (Прилож. к труду П. П. Хороших «Якуты»).— Известия ВСОРГО, Иркутск, 1924, XI, т. 8, в. 1, с. 45—48; Сибирские газеты: К истории библиографии периодич. прессы Сибири.— Вост.-Сиб. правда, 1941, 30 марта.

ЛИТЕРАТУРА

Бер Н. С. Нит Степанович Романов: Биобиблиогр. очерк. Иркутск, 1946, 15 с. (Труды научной б-ки при Иркут. гос. унив-те им. Жданова. № 8). То же:— Новая Сибирь, № 17, — Иркутск: ОГИЗ, 1946, с. 250—262; Боннер А. Г. Библиография: Нит Степанович Романов: О сибиреведческой библиотеке Н. С. Романова (конец XIX в.—1933 г./и рукописи его «Воспоминаний», хранящихся в научной библиотеке Иркутского университета/К 100-летию со дня рождения.— Сибирь, 1971, № 4, с. 120—123; Зыков А. В. О фонде Н. С. Романова в Гос. арх. Ирк. обл.— Ист. архив, 1956, № 5, с. 245—246; Николаев В. А. Романов Нит Степанович.— В кн.: Николаев В. А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока. Библиограф. словарь. Новосибирск, 1973, с. 116—118; Петряев Е. Забайкальские редкости.— В кн.: Альманах библиофила. Вып. 3-й.— М.: Книга, 1976, с. 183—194; Потапова Н. К. Летописи и летописцы Иркутска.— В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири.— Новосибирск: ГПНТБ, 1969, с. 156—168; Северная Азия, 1926, кн. 2, с. 112—113/Краткие сведения о работе Романова в Иркутской гор. б-ке/; Шолохова Р. И. Нит Степанович Романов: К 100-летию со дня рождения.— В кн.: Родное прибайкалье. Иркутск, 1971, с. 57—59.

(Иркутская областная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского).

В. Я. ШИШКОВ (1873—1945)

Родился Вячеслав Яковлевич Шишков 4 октября (н. ст.) 1873 г. в г. Бежецке Тверской губернии (ныне Калининской области). Отец его, Яков Дмитриевич, рано пошел «в люди» — к купцам в «мальчишки» — и через несколько лет дослужился до приказчика. Женившись на дочери купца Первухина, Елизавете Ивановне, стал хозяином небольшой лавки, но быстро «прогорел», и многочисленная семья испытывала острую нужду, пока дети не встали на ноги.

Учился Вячеслав Яковлевич сначала в частном пансионе, затем поступил в шестиклассное училище Бежецка. В 1887 г. сдал экзамен в Вышневолоцкое техническое училище, т. к. в нем обеспечивали стипендией и общежитием. Через пять лет обучения отбыл на обязательную практику в Новгородскую и Вологодскую губернии.

Детские и отроческие годы в сознании будущего писателя связаны с памятью о бабушке Елизавете Даниловне, внебрачной жене помещика Дмитрия Алексеевича Шишкова. Она была умной и гордой женщиной, неутомимой сказочницей. Когда помещик оставил ее с четырьмя детьми, она не пожелала воспользоваться предложенной ей помощью, хотя и бедствовала всю жизнь. Часто живя у нее, наблюдательный внук приобщился к среднерусской природе, к обычаям крестьянской среды, к де-

ревенскому говору. Раннее увлечение книгами — другой источник ярких впечатлений детства и юности. Читал он много и беспорядочно, но полюбил сразу Гоголя, Пушкина, Льва Толстого...

В 1894 г. по собственному почину выехал в Сибирь, в Томск, где находилось окружное управление путей сообщения. Сначала Шишков работает техником, в 1898 г. сдает экзамен на право выполнять инженерные работы и начинает вскоре делать самостоятельные ответственные изыскания, обследует реки Сибири — Чулым, Иртыш, Енисей, Лену...

Писать Шишков начал в юности, но первое цельное произведение — гневно написанные впечатления о томском погроме 1905 г., было уничтожено им в годы реакции. В 1908 г. в томской газете «Сибирская жизнь» появляется аллегорическая сказка «Кедр», в ней Шишков выражал настроения передовых сил общества, не желающих мириться с поражением революции. С этого времени в газетах в томской и барнаульской) в журналах «Молодая Сибирь», «Сибирский студент», в «Алтайском альманахе» он выступает с зарисовками, корреспонденциями, очерками и рассказами. В 1912 г. публикует в столичном журнале «Заветы» рассказы «Помолились» и «Краля». Большая серия очерков «По Чуйскому тракту» дает богатейший материал об аборигенах края. Но главное, чем он занимался в эти годы, это работа над повестью «Тайга», которая была опубликована в горьковском журнале «Летопись» (1916 № 7—11). И лучшие рассказы и особенно повесть «Тайга» поставили Шишкова в ряд заметных и обещающих писателей России.

В «Тайге» писатель размышляет о социальном и нравственном облике крестьянства, показывает целую галерею характеров и типов, убеждающих, что деревня русская не только темная и се-

рая, но многоцветная, тут и дикость бессмысленных преступлений, и взлеты нравственного подвига. Он обращает внимание в первую очередь на социальную природу народных бедствий. Но сквозь грязь и кровь, сквозь жадность и злобу писатель видит у крестьян доброту и широту души, подлинную красоту их помыслов. Образы Прова и Анны в повести — убежденное выражение веры в духовные силы народа, способного преодолеть, казалось бы, непреодолимое и в самом себе, и в условиях своего существования. Не случайно повесть, впервые вышедшая отдельным изданием в 1918 г., воспринималась читателями как революционное произведение.

В 1915 г. Шишков переехал в Петроград, где он и становится профессиональным писателем, пишет юмористические рассказы и многократно издает их, работает над двумя произведениями о гражданской войне. Одно из них роман «Ватага» (1923), другое — повесть «Пейпус-озеро» (1924). Если повесть об отступлении разлагающейся белой армии Деникина, а с нею и некоторых людей разных сословий обманутых или обманувшихся в своих поступках,

не вызвала нареканий, потому что речь шла о сложном процессе постижения ими правды и о стремлении к возврату на Советскую родину, нередко под воздействием большевистской агитации, то роман «Ватага» вызвал «бурю» негодований, потому что он якобы воспевал стихийные силы революции и возвеличивал главного героя Зыкова, запятнавшего себя преступлениями против народа. Однако в задачу автора, как доказывает объективный анализ, и входило стремление показать, к чему приводит крестьянское движение, лишенное идейного руководства коммунистов, революционеров, и Зыкова, рисуя его как человека сильного и бесстрашного, он не воспевал, а разоблачал как руководителя кровавых расправ над людьми, нередко ни в чем не повинными. Автор показал, как от него отшатнулись жители города, в котором чинились беззакония, как отвернулись от него и революционно настроенные крестьяне, как, наконец, представители Красной Армии арестовали его и за совершенные им преступления осудили на расстрел. В этом обличении и осуждении Зыкова и зыковщины содержалась истинная авторская позиция, не учтенная первыми критиками романа. В предисловии к роману Шишков писал: «Герой романа — Зыков — и та ватага, которая поднялась за ним, характерны именно как стихийный бунт медвежьего крестьянского царства, оторванного в данном случае от руководящего идейного влияния социалистической революции», а зыковщину рассматривал тут же как «горючую накипь в народном движении». «И как бы жестока и уродлива ни была трагедия ватаги Зыкова, она все же полна народным страданием, отчаянием и гневом, мимо которых автор равнодушно пройти не мог... Трагедия зыковщины — в самих ее мятущихся, хаотических, неорганизованных недрах...» В позиции Вяч. Шишкова нет прямолинейности, он диалектичен: он видит преступления зыковщины и осуждает ее за это, но одновременно он видит и ее трагедию, связанную с неорганизованностью крестьянских масс, с отсутствием связи ее с революционным пролетариатом.

В 20-х гг. Шишков наряду с М. Зощенко был самым популярным писателем-юмористом, что не было случайностью и объясняется их общественно значимой зоркостью и художественным мастерством. Они беспощадно высмеивали невежество, подхалимаж, взяточничество, бюрократизм, комчванство и т. п. уродства уже в советском обществе, и случалось, что их произведения именно за это критиковали и обесценивали, а то и противопоставляли друг другу, не учитывая природу юмора у каждого из них. Юмор Шишкова идет от скоморошества, бытовавшего в крестьянской среде, он райка, от пристального внимания автора к слову неожиданному, резко контрастному. Юмор Зощенко в значительной степени связан с городской улицей, с городским героем-обывателем, с его внешней, нахватанной отовсюду без разбора «культурой» поведения и речи, с его предельно ограниченностью мышления... Разница героев, разница истоков не могла не определить и различного стиля рассказов двух писателей-сатириков. Определяя доминирующую особенность юмора Шишкова, следует учитывать, что голос его имеет несколько регистров. За мягкостью отношений к людям стоит непримиримость к любым проявлениям лжи и пошлости, злобы и невежества, бюрократизма и политической трескотни. Он создал несколько десятков остро обличительных, подлинно сатирических рассказов, среди них особенно выделяется повесть «Дикольче» (1927—1929). Повесть долго оставалась в тени,

потому что и в 1929 г. и позже ее называли не иначе, как «прокулацкой». Шишков же в повести высмеивал тунеядцев, лодырей и пьяниц, с которыми коллективизацию не осуществишь. Писатель восхвалял крестьянина трудолюбивого, готового работать и на себя и на других, потому что в обществе, как ему объяснил агроном, основанном на социалистических принципах, нет «чужих», все друг другу братья, и трудолюбивый Ногов организовал по собственному почину сельскохозяйственную артель. А доказал Ногов свое бескорыстие тем, что по спору отдал, обменял им созданное добротное хозяйство на хозяйство запущенное, бедное у Колченогова, обязавшись сделать его таким же исправным, как и свое, отданное лодырю. Так это и осуществилось, и лодырь уже возмечтал теперь вернуть себе «свое» хозяйство. Самоотверженный труд Ногова «для всех», который воспел Шишков в повести «Дикольче», полноправно живет в советской литературе. Писатель оказался прозорливей, чем некоторые его современники, уничтожавшие повесть «Дикольче». Как нечто идейно порочное, потому она не входила ни в одно из собраний сочинений писателя и лишь в 1981 г. появилась наконец отдельным изданием.

Роман «Угрюм-река», над которым Шишков работал около двух десятилетий, давно признан классическим произведением советской литературы, хотя М. Горький в свое время отнесся к нему сурово (на что есть, разумеется, свои причины, требующие исследования). Окончательное решение в возникшие было разногласия внес читатель — роман до сего дня пользуется у него исключительным вниманием и не потому, что он авантюрно-занимательный, а за свою историческую содержательность и достоверность, за философскую наполненность, за яркость и самобытность характеров, за красочность, неповторимость языка и стиля... О теме и проблематике романа хорошо сказал сам Шишков: «Главная тема романа, так сказать, генеральный центр его, вокруг которого вихрятся орбиты судеб многочисленных лиц,— это капитал со всем его специфическим запахом и отрицательными сторонами. Он растет вглубь, ввысь, во все стороны, развивается, крепнет и, достигнув предела могущества, рушится. Его кажущуюся твердыню подтачивают и валят нарастающее самосознание рабочих, первые шаги их борьбы с капиталом...»

За всем этим, столь точно сформулированным, возникают картины, исполненные драматизма и величия, накаляются страсти, вспыхивают ошибки и схватки, потрясающие душу. Шишковым изображен сам ход исторического процесса, своеобразно, причудливо переломленного в характерных действиях героев, изображена поступь истории, поскольку в основе всех событий — классовые столкновения, социальная борьба.

Общая концепция романа выстрадана писателем, ее продиктовали не исторические и философские сочинения, конечно же изученные им, а сама жизнь. Именно этот личный опыт позволил ему сказать в романе беспощадную правду о растущем в начале XX в. сибирском капитализме — сказать о трагедии людей, втянутых в водоворот безудержной наживы и стяжательства, сказать о внутренней несостоятельности самой философии индивидуализма.

«Лебединой песней» писателя стал обширнейший, в несколько томов, исторический роман-эпопея «Емельян Пугачев» (1934—1945). Первый том вышел в канун войны, продолжил Шишков работу в блокадном Ленинграде, затем в Москве после эвакуации в апреле 1942 г.

Шишкова «пугала» взятая им

тема, потому что предстояла «встреча» с несравненным А. С. Пушкиным, с его «Капитанской дочкой», в которой сюжетная интрига шла от традиций, заложенных Вальтером Скоттом. Секрет успеха повествования Шишкова в том, что «сюжетную интригу» он нашел в самой хронике событий эпохи, а пружину, движущую конфликт, в действиях исторических лиц — Пугачева и Екатерины, представителей народа и крепостников-помещиков. «Итак, — говорил писатель, приступая к работе, — «роман о «темном» Пугачеве и «просвещенной» Екатерине... Между этими полюсами проскакивают искры социального электричества».

Полнота в изображении истории народа и государства от Семилетней войны до крупнейшего крестьянского восстания 1773—1775 гг. — одна из существенных отличительных особенностей повествования Шишкова, если сравнивать его с «Капитанской дочкой». Она вытекает у него из необходимости показать небывалый размах народного движения и влияние его на всю общественно-политическую и духовную жизнь России. Конечно, в изображении Пугачева Шишков шел вслед за Пушкиным. Он, как и Пушкин, покажет его полководческий талант, его героизм, широту души и непримиримую ненависть к дворянству. Но значительна у Шишкова и новизна в изображении Пугачева, идущая от достижений советской исторической прозы. Пугачев у Шишкова — главный герой, потому характер и поступки его он был обязан исторически и психологически мотивировать. У Пушкина Пугачев показан в тесной связи с историей любви Гринева и Маши Мироновой, у Шишкова — в связи с историей движения народных масс XVIII в. Пушкин проделал громадную новаторскую работу, создав правдивый образ Пугачева, утвердив его как поэтический образ русской истории. Шишков проследил причинно-следственные связи появления Пугачева, раскрыв решающую роль народа в ходе событий переломного периода. Новые теоретические открытия, опыт истории позволили Шишкову запечатлеть исторический процесс во всей его неповторимости. Особенность романа «Емельян Пугачев», как определенного завершающего этапа в развитии писателя, заключается еще и в том, что он впитал в себя все лучшее, что было создано им на его творческом пути, и по-новому этот путь осветило. Не вдруг Шишков пришел к зрелости художнического мышления, а в естественном процессе развития — от стихийного историзма, например, к историзму осознанному, от ненависти к любому насилию к признанию революционного насилия во имя освобождения угнетенного народа, от постоянного сочувствия народным массам, жившим при царизме невыносимо, к непосредственному погружению в стихию народного сознания в годы крупных восстаний, в годы войн и революций.

В последние годы Шишков выступал с разными произведениями. В блокадном Ленинграде он пишет статьи для фронтовых газет, выпускает историко-патриотические книги, но в основном занят одним романом «Емельян Пугачев». Это был настоящий художнический и гражданский подвиг писателя, его патриотический вклад в победу советского народа над фашизмом, так как все повествование от начала и до конца проникнуто неколебимой верой в силу и мощь русского народа в его исторической борьбе за свою свободу. В последние годы Шишков жил только этим, потому и говорил в речи в день семидесятилетия, когда ему вручали орден Ленина: «Тот срок, который отпустит мне мать-природа, мне хотелось бы ис-

пользовать не для отдыха, а для упорной работы... Молю судьбу, чтоб дала она мне окончить «Пугачева», а там уже что будет, то и будет, не так уж обидно и страшно».

Судьба не даровала ему этих необходимых для окончания «Пугачева» дней, но то, что было сделано к 6 марта 1945 г., когда писатель был вынужден навсегда отложить недописанную страницу, поражает нас щедростью писательского сердца, широтой охвата исторических событий, грандиозностью поставленной задачи, глубиной и бесстрашием мысли.

За роман «Емельян Пугачев» 26 января 1946 г. Вячеславу Яковлевичу посмертно присуждена Государственная премия первой степени.

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

ПСС: В 12-ти т./С автобиографией и статьей-предисловием. П. Медведева.— М.; Л.: ЗИФ, 1926—1929; Собр. соч., В 8-ми т./Сост. В. Бахметьев, примечания В. Борисовой.— М.: Гослитиздат, 1960—1961; Собр. соч.: В 10-ти т./Сост., ред., автор статьи и примеч. Н. Еселев, вступл. Г. Маркова.— М.: Правда, 1974 (Б-ка «Огонька», из серии «Библиотека отечественной классики»); То же, 1983; Избр. соч.: В 6-ти т. Под редакцией В. Бахметьева.— М.: Гослитиздат, 1946—1948.

ЛИТЕРАТУРА

Майзель М. Вячеслав Шишков: Критический очерк.— Л.: Гослитиздат, 1935; Бахметев В. Вячеслав Шишков: Жизнь и творчество.— М.: Сов. писатель, 1947; Богданова А. Вячеслав Шишков: Литературно-критический очерк. Новосибирск, 1953; Изотов И. Вячеслав Шишков: Критико-биографический очерк.— М.: Сов. писатель, 1956; Чалмаев В. Вячеслав Шишков: Критико-биографический очерк.— М.: Советская Россия, 1969; Кондаков Г. В. Алтайский фольклор в творчестве В. Я. Шишкова. Барнаул, 1969; Еселев Н. Шишков.— М.: Молодая гвардия, 1873 [из серии ЖЗЛ]; На родине Шишкова: Статьи.— М.: Московский рабочий, 1973; Еселев Н. Шишков.— М.: Современник, 1976; Проблематика и поэтика творчества В. Я. Шишкова: К 110-летию со дня рождения писателя/Сборник научных трудов. Калининский гос. ун-т, 1983; Яновский Н. Вячеслав Шишков: Очерк творчества.— М.: Худож. литература, 1984.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские писатели-прозаики, т. 6, ч. 1— М.: Книга, 1969; Шишков и Сибирь: К 100-летию со дня рождения. Список литературы [по газетно-журнальным источникам]. Томск, 1973; Вяслав Яковлевич Шишков: Рекомендательный указатель литературы. Калинин, 1973.

В. С. АРЕФЬЕВ (1875 — 1901)

К числу тех, кто жил в Сибири недолго, но оставил заметный след в ее культуре, принадлежит и писатель В. С. Арефьев. Прожил он лишь 27 лет от роду, но, читая его многочисленные статьи, исследования, публицистические заметки, рассыпанные в сибирских изданиях с 1896 по 1902 г., отмечаешь широту его знаний и интересов, удивляешься тому, как тонко он понимал характер и душу русского народа, как скрупулезно изучал его этнографию и устное народное творчество, неустанно радел за просвещение, за жизнь, достойную этого народа.

Викторин Севастьянович Арефьев родился в 1875 г. в селе Боцманове Балашовского уезда Саратовской губернии, в крестьянской семье, известной своими революционными связями. Всех Арефьевых власти так боялись, что выслали из родного села в Архангельскую губернию даже старика Арефьева.

Образование будущий писатель больше получал самостоятельно. Он доучился лишь до второго класса духовной семинарии, отку-

да был исключен за карикатуры на учителей. После этого он учительствовал в деревне. Видимо, он сам подготовился и сдал экзамен на звание народного учителя.

Первый раз его арестовали, когда ему минуло 16 лет. Год он просидел в Саратовской тюрьме. Затем в 1893 г. его выслали в Нижний Новгород, а оттуда в Вятку. К этим годам и относится знакомство Арефьева с М. Горьким и В. Короленко. В 1896 г. за напечатание прокламаций к 1 Мая его вновь арестовывают и ссылают в Восточную Сибирь.

Здесь, в Енисейской губернии, в течение трех лет он жил в селах Бельское, Казачинское, Пинчуга, Кежма. В 1899 г. В. Арефьев приезжал в Красноярск и работал в знаменитой библиотеке Юдина.

В 1900 г. окончился срок его ссылки, но перед тем, как уехать на родину, он успевает еще поработать в Сибири как исследователь-фольклорист и этнограф. В Иркутске, в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества он выступает с докладом, который был одобрен.

Скончался Арефьев у себя на родине 2 (15) августа 1901 г. после тяжелой операции. Ценные сведения о жизни и деятельности Арефьева можно почерпнуть в очерке Н. Удимовой «Сибирский бытописатель В. С. Арефьев»[1].

Три года сибирской ссылки были самым плодотворным периодом его жизни. Как фольклорист он ведет записи и исследование народной песни, увлекается этнографией.

Как литературный критик он постоянно выступал в сибирских газетах в 1898 — 1899 гг. со статьями и рецензиями на беллетристические произведения, которые печатались в столичных журналах. В них он отстаивает принципы революционно-демократической критики, ведет полемику с буржуазной консервативной критикой.

Лучшая критическая статья Арефьева «В. Г. Белинский» была опубликована в газете «Енисей» в 1898 г. (№ 60, 62). Эту статью относят к числу лучших работ о великом критике в литературоведении конца XIX в., «ее общественный смысл и значение становятся вполне очевидными при учете той борьбы, которую вели русские социал-демократы за восстановление наследия шестидесятников»[2], — пишет Я. Р. Кошелев. Главным критерием в оценке художественного произведения для Арефьева была правда жизни, «биение общественного пульса, свежей и живой струи», правда характеров.

Чисто кабинетным произведением он называет роман П. Д. Боборыкина «Тяга». Несмотря на то, что он о «самоновейшем» — об отношении фабрики и деревни, автору, по мнению Арефьева, не удалось отобразить типического — он утонул в массе ненужных читателю мелочей и подробностей, пишет он обо всем с апломбом, не смущаясь полным незнанием предмета. Рецензент обвиняет Боборыкина в угодничанье, заигрывании перед публикой, заискивании перед властями, в поверхностности.

В 90-е — начало 900-х гг., когда шло массовое переселение людей из России в Сибирь, важное значение имела литература о Сибири. Нередко на ее основе люди, трогаясь с места в нелегкий далекий путь, выбирали, где им жить. Но, к сожалению, произведения о Сибири часто были написаны недобросовестными авторами. В рецензии «Народные книжки о Сибири»[3], в которой анализируется 19 названий, Арефь-

---

[1] Удимова Н. И. Сибирский бытописатель В. С. Арефьев.— Сибирская живая старина. Вып. 8—9, 1929, с. 225—242.

[2] Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1962.

[3] Сиб. жизнь, 1899, № 54, 55.

ев критикует авторов за ненаучность подхода, указывает на несообразности и неточность, упрекает их в избытке неуместной фантазии, в отсутствии исторической достоверности — в частности в обрисовке образа Ермака. Причину низкого качества книжек о Сибири он видит в том, что написаны они людьми, мало знакомыми с Сибирью и притом только по литературным источникам, тогда как, считает он, сейчас «нужна особая чуткость и внимательность в изучении текущих событий для того, чтобы с достаточной верностью определить характер совершающейся эволюции»[4].

Арефьев считает, что книжек о Сибири должно выходить больше и включиться в работу по ее изучению и описанию должны сами сибиряки. Дабы подать в том пример, он сам пишет и издает в 1901 г. в Томске «Описание Сибири. Очерки для народного чтения»[5], где дает краткое описание всех губерний и областей Сибири с привлечением обширного материала о географическом положении, климате, хозяйстве, народном образовании и культуре. Написанные емко, живым языком, они и сейчас служат интересным материалом.

Вообще, любознательный этнограф, краевед найдет в трудах Арефьева немало интересного о Сибири и сибиряках и, в частности, о Енисейской губернии — нынешнем Красноярском крае. Можно указать на его «Письма с Ангары»[6], публиковавшиеся в газете «Сибирская жизнь», «Свадьбу в ангарской деревне»[7], написанную совместно со ссыльной С. П. Розенбаум; «Сибирскую «самосидку»[8] и многие другие работы, в которых публицистичность, живость изображаемого, описание нравов, обычаев, состояние экономики и политики — все это по-хорошему переплетено, и впечатление получается сильнее. Во многих работах он с тревогой и болью пишет о неразумном отношении к земле и рекам, к лесу и его обитателям, к природе в целом, об эксплуатации невежества сибиряков. Недостатки, пороки он выводит не из внутренней, природной «греховности» простых людей, а из сложившегося порядка вещей, из системы отношений в обществе, где богатый богатеет, а бедняк разоряется еще больше. По жанру это чаще всего публицистические заметки или проблемные очерки. Вот, к примеру, его очерк «Сибирская «самосидка» с подзаголовком: «О домашнем винокурении в Сибири». Показывая экономические истоки этого обычая, он пишет: «Хлеба много, сбыту нет, денег в обращении очень мало». И крестьянин вынужден, скажем, для свадьбы «приобрести данный продукт возможно дешевле и с большими удобствами для себя». А далее он обвиняет закон, который равняет крестьянина с заведомым мошенником, каким-нибудь контрабандистом, имеющим тайный завод и сознательно обворовывающим казну. С сочувствием к простому человеку он описывает, как тот, попав «в среду отверженных членов общества, какими так обильно снабжает сибирские тюрьмы Европейская Россия, ...из мирного неиспорченного сына деревни получается озлобленный, развращенный и уже носящий в себе семена действительной преступности субъект, а не мнимый только преступник». Здесь, как и в других очерках, Арефьев стоит за униженных и оскорбленных в духе народнических тенденций.

В те годы очень остро стоял вопрос о вымирании аборигенов — малых народов Сибири.

[4] Сиб. жизнь, 1899, № 55.

[5] Арефьев В. Описание Сибири: Очерки для народного чтения. Вып. 1—2. Томск, 1901.

[6] Сиб. жизнь, 1899. Начиная с № 115 по № 252, с перерывами.

[7] Арефьев В. С., Розенбаум С. П. Свадьба в ангарской деревне. Иркутск, 1901.

[8] Арефьев В. Сибирская «самосидка».— Сиб. сб. Вып. 2-й за 1899 г. Иркутск, 1900.

Арефьев также занимался ими. В книге «Описание Сибири» он дает этнографические сведения о местных народах. Следует также назвать его статьи «О прошлом и настоящем ангарских аборигенов»[9] и «Енисейские инородцы»[10]. Он говорит об их неимоверно трудных условиях жизни, слабом экономическом развитии и опровергает мысль о биологических причинах вымирания аборигенов.

У Арефьева есть еще несколько небольших рассказов из тюремной жизни — это скорее наброски, нет в них ощущения цельности, какой-то важной мысли, идеи. После «Записок из мертвого дома» Ф. Достоевского они кажутся сегодня скорее подражательными.

В творчестве Арефьева большой интерес представляют его записи сибирских песен, обрядов, обычаев и исследования по фольклору. В этом плане интересные наблюдения и выводы содержатся в уже упоминаемой книге Я. Р. Кошелева «Русская фольклористика Сибири», в которой помещен очерк творчества Арефьева. Он прослеживает, как последовательно тот отстаивал свои фольклористические взгляды, начиная с раннего периода, т. е. со статей, написанных им еще на саратовском материале.

Еще М. Горький отмечает этот интерес Арефьева к фольклору: «Он отлично знал поволжские говоры, у него были интересные записи песен пензенских татар, запевок «Дубинушки» и целое исследование о саратовской «Матане», предшественнице современной «Частушки». Горький имеет в виду статью «Новые народные песни (деревенские думы и дела)»[11], которая была опубликована в газете «Саратовский дневник» в 1893 г. Это исследование ценно тем, что в ней Арефьев «едва ли не первый в русской фольклористике сделал серьезную попытку разобраться в причинах появления частушек, в их содержании и общественном значении»[12].

Новые песни, считает Арефьев, «продукт новой жизни, и изучение их необходимо «для уразумления этой новой жизни». И далее: «Мы до сих пор недоумеваем, почему это современные народные песни не издаются по прежнему шаблону и почему в них не рассказывается, как прежде, о «горькой кукушечке», «белой березоньке» и т. д. Видимо, сильны новые интересы народа, если они совсем заслонили собой и «горькую кукушечку», и «белую березоньку»[13].

В названной статье на материалах фольклора он анализирует новое состояние пореформенной деревни: «Новые веяния создали в деревне новые типы, а новые типы создали новые песни». Он верно уловил особенности этого нового времени, называя его «переходным моментом»; «идет быстрая ломка прежних форм жизни и прежних общественных и экономических отношений», «ломка установившегося миросозерцания миллионной массы»[14].

В деревне, пишет он, происходит тяжелая внутренняя драма. В чем она? В смутном и неопределенном недовольстве народной массы, в порыве к чему-то лучшему, в беспокойном искании смысла и цели жизни. В. Арефьев считает, что «черта эта присуща не одним только избранным натурам, а характеризует собой вообще внутреннюю жизнь деревни нашего времени, являясь неизбежным продуктом переходного момента»[15].

К работе по собиранию сибирских народных песен и их анализу Арефьев был подготовлен предшествующими наблюдениями,

---

[9] Сиб. сб., 1900, вып. 1-й, с. 121.
[10] Там же, 1902, Иркутск, с. 1—40.
[11] Саратовский дневник, 1893, № 286.

[12] Кошелев Я. Р. Русская фольклористика, с. 270.
[13] Саратовский дневник...
[14] Енисей, 1898, № 90.
[15] Сиб. жизнь, 1899, № 55.

поэтому в статьях на эту тему он выступает с полной доказательностью и в то же время с большим уважением к простому народу, верой в его духовное начало и нравственное здоровье. Чаще всего статьи Арефьева носят полемический характер. Так, анализ сибирской народной песни в «Сибирском сборнике»[16] он начинает как отклик на статью С. В. Максимова «О сибирских великорусских народных песнях», опубликованную в «Живой старине» за тот же год. С. В. Максимов отказывает сибирякам в творческой самостоятельности, поэтическом настрое характера, приписывает им дурные черты: «Русская песня у замкнутого, сосредоточенного в себе сытого сибиряка совсем не в почете и, как праздная безделка в виду серьезных задач суровой природы, даже как будто бы в загоне»[17].

«Песня играет в жизни сибиряка все-таки очень большую роль. Ни одно из увеселений сибирской деревни не обходится без песни... репертуар так велик, что, например, одних вечерочных сибирских песен мне удалось записать свыше 300»[18].

Арефьев подмечает, что в Сибири гораздо большим распространением, чем в России, пользуются книжные песни. Он называет «Узника» Пушкина, прощальную арию Чайльд Гарольда Байрона; «Огородника», «В полном разгаре страда деревенская», «Коробейники», «Тройка», «Что так жадно глядишь на дорогу» — Некрасова. Песни проникали в деревню через политических ссыльных и лубочные издания. Нередко эти песни приспосабливались крестьянами в соответствии со своими жизненными представлениями. Как известно, буржуазные исследователи считали это искажением культуры, созданной господствующими классами, и фактом в пользу теории об аристократическом происхождении искусства. Арефьев же утверждает мысль о самобытности песенного творчества сибирского крестьянина, о страстности его в пении, об умении украшать всякий свой праздник песнею. Он отмечает: «И уж совершенно самостоятельны песни приискательские, поселенческие и тюремные». Они-то и «являются наиболее характерным материалом для определения сущности сибирской народной поэзии... Правда, большинство тюремных песен создано не коренным сибиряком, а людьми, занесенными сюда волею судеб, но Сибирь наложила на них такой резкий колорит и играет в них такую видную роль, что их нельзя не включить в разряд народных песен в Сибири». В собирании и анализе их — особая заслуга Арефьева.

Подводя итог подвижнической деятельности и творчества Виктора Севастьяновича Арефьева, скажем, что они были далеко не напрасными. Его страстное слово помогало людям осознавать себя, раскрывало им глаза на причины их бедственного положения и этим подталкивало к революционной борьбе. Его рассказы, очерки, исследования — это прежде всего искренние, правдивые, яркие свидетельства человека все более удаляющегося от нас времени.

В. Секерина

СОЧИНЕНИЯ

Новые народные песни (деревенские думы и дела).— Саратовский дневник, 1893, № 286; Нечто о народных песнях в Сибири.— Сиб. жизнь, 1897, № 270—271; Федор Михайлович Решетников: Очерк жизни и творчества.— Енисей, 1897, № 22, 24, 25, 26; Живая старина.— Сиб. жизнь, 1898, № 46; Белинский В. Г. Очерк творчества Белинского.— Енисей, 1898, № 60, 62; Крестьянские вечерки в Енисейском округе.— Енисей, 1898, № 34, 36, 37, 39; Очерки захолустной жизни.— Енисей, 1898, № 54, 67, 69, 72, 76; Несколько тюремных и поселенческих песен.— Енисей, 1898, № 89, 90; Арестанты — дети.— Сиб. жизнь, 1898, № 20, 21; Журнальное обозрение.— Сиб. жизнь, 1898, № 1, 3, 7, 31, 44, 65, 96, 122, 150, 184, 205, 234, 263, 268; Бытописатель катор-

[16] Сиб. сб. Вып. 1, Иркутск, 1899.
[17] Сиб. сб. Вып. 1, Иркутск, 1899.
[18] Там же.

ги.— Сиб. жизнь, 1898, № 235; Достоверное, истинное непременно.— Сиб. жизнь, 1898, № 259; К воспоминаниям о Д. И. Писареве.— Сиб. жизнь, 1898, № 142; Народные книжки о Сибири.— Сиб. жизнь, 1899, № 54, 55; Журнальное обозрение.— Сиб. жизнь, 1899, № 22, 34, 75, 76; Потап (Из тюремной жизни).— В кн.: Сиб. сб., 1899, вып. 1, с. 56—76; Тюремный роман: Из воспоминаний. — Вост. обозр., 1899, № 142, 145; Сибирская самосидка.— В кн: Сиб. сб., 1899, вып. 2; Об изучении сибирской деревни.— Енисей, 1899, № 5; Письма с Ангары.— Сиб. жизнь, 1899, № 115, 135, 146, 163, 171, 189, 190, 208, 237, 252; На «кануне»: Из поездок по Ангаре.— Вост. обозр., 1899, № 123; По проселочным дорогам.— Сиб. жизнь, 1899, № 124, 125; В тюремной больнице.— Енисей, 1899, № 6, 7, 8, 9; К вопросу о сибирской народной песне.— В кн.: Сиб. сб., 1899, вып. 1, с. 34—40; Былое и настоящее сибирских инородцев. — Сиб. жизнь, 1900, № 105; Журнальное обозрение.— Сиб. жизнь, 1900, № 260, 269; На Восток! Письма с дороги.— Сиб. жизнь, № 156, 162, 187, 194, 205; В низовьях Ангары.— В кн.: Сиб. сб. 1900, вып. 1, с. 1—36; О прошлом и настоящем ангарских аборигенов.— В кн.: Сиб. сб., 1900, вып. 1, с. 114—122; Свадьба в ангарской деревне.— Изв. ВСОРГО, 1900, т. XXXI, № 1, 2, с. 79—118; Описание Сибири: Очерки для народного чтения. Томск, 1900, вып. 1, с. 105. В низовьях Ангары.— В кн.: Сиб. сб., 1901, вып. 1, с. 88—116; Образцы народной словесности.— Изв. ВСОРГО, 1901, т. XXXII, вып. 1—2, с. 88—119; Приметы, гадания, колдовство, наговоры и суеверия.— Изв. ВСОРГО, 1901, т. XXXII, вып. 1—2, с. 119—140; В мирской избе: Из записок волостного писаря.— Вост. обозр., 1901, № 210; Енисейские инородцы: Популярные очерки.— В кн.: Сиб. сб., 1902, с. 1—40; Народные книжки о Сибири.— В кн.: Сиб. сб., 1902, с. 164—184; М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Русская старина, 1902, № 1, с. 178—182.

ЛИТЕРАТУРА

Арефьев В. С. Некролог.— Искра, 1901, № 9, окт.; То же.— Вост. обоз., 1901, № 186; Удимова Н. Сибирский бытописатель В. С. Арефьев.— Сиб. живая старина, 1929, вып. 8—9, с. 225—242; Горький А. М. О Викторине Арефьеве.— В кн.: Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 26, М., 1974, с. 256; Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.).— Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1962, с. 254—288; Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1968, с. 73—77; Юсупова М. С. Арефьев В. С. — публицист и литературный критик. В кн.: Вопросы русской и советской литературы. Сб. научн. трудов. Вып. 2. Благовещенск, 1962; Юсупова М. С. Из прошлого сибирской печати.— В кн.: Вопросы русской литературы. Сб. науч. тр. Вып. 2. Благовещенск, 1962, с. 91—132; Лепешинский П. Н. На повороте. Пг. 1922, с. 70—71; Макаренко А. А. Из припоминаний о В. С. Арефьеве.— Сиб. живая старина, 1929, вып. 8—9, с. 221—224.

Н. Ф. НАСИМОВИЧ-ЧУЖАК (1876 — 1937)

Имя Николая Федоровича Насимовича-Чужака хорошо известно литературной общественности Сибири. Талантливый публицист и критик, он связал свой жизненный путь с революцией, с практикой социалистического строительства. Произведения Чужака рождались в буднях подпольной борьбы, в эмиграции, сибирской ссылке, на фронтах гражданской войны.

Судьба его типична для многих российских интеллигентов. Н. Ф. Насимович родился 20 июля 1876 г. в Нижнем Новгороде в бедной семье музыканта-скрипача. После окончания реального училища он несколько лет работал учителем в одном из глухих уголков Ярославской губернии, в Ветлужском уезде.

В 90-х годах прошлого столетия Насимович сближается с народовольцами, тогдашними властителями дум молодежи, участвует в ученических революционных кружках, пробует силы в провинциальной газете «Северный край». С 1904 г. член Коммунистической партии. А в 1905 г. Чужак уже ведет постоянный военный отдел в большевистском «Пролетарии». Затем работа в издательстве ЦК РСДРП «Вперед», редактирование газеты «Казарма» — органа временного бюро военных и боевых организаций партии. В декабре 1906 г. арест, двухлетнее заключе-

ние в петербургских «Крестах», вечное поселение в Братско-Острожной волости Иркутской губернии.

Новый этап в творческой деятельности Чужака начинается в 1908 г., когда он нелегально переезжает в Иркутск, центр литературной жизни Сибири, и становится сотрудником газеты «Восточная заря». С тех пор его статьи по вопросам эстетики не сходили со страниц «Иркутского слова», «Голоса Сибири», «Молодой Сибири», «Новой Сибири», «Забайкальского обозрения», «Восточной Сибири», «Сибирской мысли», «Сибирского архива», «Сибирской летописи», «Багульника», «Сибирских записок». Он редактировал «Иркутское слово», «Молодую Сибирь», «Новую Сибирь», «Сибирские новости», «Сибирский журнал». К участию в сибирской прессе он привлек крупные литературные силы: А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, В. В. Воровского, М. С. Ольминского, В. М. Величкину, И. И. Скворцова-Степанова.

Большинство работ Насимовича относится к жанру литературной критики. По существу, впервые он дал развернутую и обоснованную оценку произведениям сибирских писателей и поэтов с марксистских позиций. Острой полемической направленностью отличались его исследования «К эстетике марксизма», «Эстетизм и эстетика», «Сибирское художество и сибирское областничество», «Сибирские мотивы у И. В. Федорова-Омулевского», «Человек страшной жизни», «Сибирские поэты», «О сибирской и иносибирской интеллигенции», «Литературные наброски». В них — защита лучших традиций русской художественной литературы, пропаганда прогрессивных идей культуры прошлого. Опровергая мнение, что в крае нет и не было настоящей поэзии и провинциальная литература находится на грани вырождения, Чужак называет несколько имен: В. Серошевского, В. Короленко и В. Тана, творивших в ссылке, коренного сибиряка

И. В. Федорова-Омулевского. Касаясь временных застойных явлений в сибирской литературе, он связывал пути их преодоления с моментом, когда поэты и писатели «сольют свое индивидуальное творчество с творчеством коллективным... любовно приникнут к родникам народным», научатся «не фразами одними, но и делом любить свою Родину... выполнят завет того же Омулевского». С большим удовлетворением Чужак отмечал богатство и глубину, оригинальность и своеобразие пролетарской поэзии, к наиболее ярким представителям которой в Сибири он относил И. И. Тачалова.

В статьях Насимовича изложены общие эстетические принципы. Непременным условием художественного творчества он считал два неразрывных фактора: формальный (форма) и жизненно-идеальный (содержание). Выясняя природу образа и его отношение к действительности, критик-большевик исходил из диалектически-материалистической точки зрения. Он отвергал эстетическую платформу Г. Н. Потанина о первостепенном влиянии климатических условий на чувства и настроения поэта. Чужак писал, что «климатические и прочие (из области

«физических» и значит, относительно говоря, неизменных) причины, разумеется, играют свою роль, но в конечном счете вопрос решается не ими, а той художественно - производительной и социально-политической конъюнктурой, которая, меняясь, меняет и психику человека-творца».

Однако Насимович не отрицал и заслуги первых областников, выразившиеся в утверждении на начальном этапе демократических идей и прогрессивных культурных достижений в сибирском обществе. Чужак отмечал, что Н. М. Ядринцев в исследовании «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» поднялся до признания частичного влияния исторических условий на формирование психологии сибирских поэтов, хотя и не сумел дать эстетическую оценку художественного творчества в соответствии с диалектической философией. Зато с тем большей настойчивостью и последовательностью критик-марксист боролся с областнической идеологией мнимых продолжателей и наследников Ядринцева и Потанина, которые, прикрываясь именами своих учителей, фактически изменили их революционно-демократическим идеалам и в условиях Сибири начала XX в., в атмосфере нарастающей пролетарской революции все более и более скатывались на реакционные, а потом и откровенно контрреволюционные позиции. Хорошо аргументированная убежденная и страстная по тону своему полемика Чужака с сибирскими областниками сыграла в свое время значительную прогрессивную роль, способствовала политической изоляции областников, откалывая от них передовую, революционно настроенную интеллигенцию.

В своих взглядах на литературу Насимович был противоречив. Он полностью отрицал романтический метод в искусстве. Отсюда его отрицательное отношение к роману А. М. Горького «Мать». Защищая реализм в искусстве, Чужак в то же время переоценивал творчество поэта-символиста Ф. К. Тетерникова-Сологуба. Был непоследователен он и как политический деятель, что вызвало справедливые нарекания В. И. Ленина[1].

Поистине огромную общественно - журналистскую деятельность развертывает Чужак в годы революции и гражданской войны в Сибири. Сразу же после февральской революции он начинает издавать «Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов». С 21 ноября 1917 г. вместе с М. А. Трилиссером и Б. Шумяцким он редактировал «Известия Центросибири». После Октября Насимович стал комиссаром печати и типографий. Он был первым редактором иркутской губернской газеты «Власть труда». Вместе с П. П. Постышевым, Я. Б. Шумяцким, С. И. Лебедевым и другими видными большевиками - центросибирцами Насимович в декабре 1917 г. участвовал в знаменитой обороне Белого дома в Иркутске. В газете «Власть труда» за 12 января 1918 г. появилась его специальная статья о Белом доме, об этой героической эпопее иркутских большевиков.

Во второй половине 1918 г. после временного торжества контрреволюции в Сибири, Чужак оказывается на Дальнем Востоке. Здесь он редактирует газету дальневосточных большевиков «Красное знамя», входит в состав Дальбюро ЦК РКП(б). Во Владивостоке неутомимый литератор-журналист увлекся футуризмом, с жаром стал проповедовать в печати принципы и догматы нового, футуристического искусства. Вскоре вокруг него образовался своеобразный литературный кружок из представителей этого течения. В него входили Н. Асеев, С. Третьяков, В. Силлов, С. Алымов, художник Пальмов. Чужак стал инициатором и редактором футуристического

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 48.

журнала на Дальнем Востоке — «Творчество».

В это время он создает восторженные статьи о В. Маяковском — «Земляная Мистерия» и другие, готовит к печати свои книги, вскоре изданные в Чите, — «К диалектике искусства» (1921), «Сибирский мотив в поэзии» (1922), «Через головы критиков» (1922), выпускает коллективный сборник о бесчинствах японских интервентов на Дальнем Востоке — «Неравнодушные строчки» (1921).

С созданием Дальневосточной буферной республики Чужак переезжает в Читу — столицу ДВР. Здесь он редактирует газеты «Дальневосточный телеграф» и «Дальневосточный путь», издает последний, седьмой, номер журнала «Творчество».

В ноябре 1922 г. он уезжает из Читы в Москву. В 1923 г. Чужак входил в состав редколлегии созданного В. Маяковским журнала «Леф», но вскоре разошелся с великим поэтом во взглядах на искусство и порвал с «Лефом». В 20—30-е гг. Насимович был редактором многих коллективных историко-литературных сборников, входил в состав редколлегии журнала «Каторга и ссылка», работал в Главлите.

Обладая неиссякаемой энергией и инициативой, он был великолепным журналистом и организатором. Увлекающийся и темпераментный, Насимович нередко в своих статьях и публичных выступлениях впадал в полемические крайности, излишнюю прямолинейность. Многие его работы 20-х гг. не свободны от вульгаризаторских упрощений и теоретических ошибок. В полной мере это замечание относится и к сибирскому периоду в жизни и деятельности Чужака. Однако эти заблуждения и ошибки ни в коей мере не могут перечеркнуть того огромного вклада, который внес этот незаурядный человек в дело создания партийно-советской печати Сибири и Дальнего Востока, в литературное движение Сибири и сибирскую журналистику предреволюционной поры. Умер 3 сентября 1937 г. в Ленинграде.

В. Трушкин
Н. Щербаков

СОЧИНЕНИЯ

О сибирской и иносибирской интеллигенции.— Сиб. архив, 1913, № 15, с. 270—275; Сибирские поэты.— Сиб. архив, 1913, № 6—8, с. 332—336; Человек страшной жизни: (Сиб. поэт И. И. Тачалов).— Сиб. архив, 1915, № 2, с. 82—98; К эстетике марксизма. Иркутск, 1916; Сибирские поэты и их творчество. Иркутск, 1916; Сибирское художество и сибирское областничество.— Сиб. архив, 1916, № 2, с. 49—67; Эстетизм и эстетика. Иркутск, 1916; К диалектике искусства: От реализма до искусства, как одной из производственных форм.— Чита: Дальпечать, 1921; На больные темы: Письма о быте, культуре и чванстве.— Чита: Изд. Птач, 1922; Сибирский мотив в поэзии. Чита, 1922; Через головы критиков.— Чита: Отд. огт., 1922. Литература: К худож. политике РКП.— М.: Всероспролеткульт, 1924; Фетишизм культуры.— М.: Моск. рабочий, 1925; Правда о Пугачеве: Опыт лит.— ист. анализа. М., 1926; Ссылка и областничество.— В кн.: Сибирская ссылка. М., 1927, сб. 1, с. 51—96; Культпоход теперь и на каторге. М., 1930.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. Февр.— март 1912 г.— ПСС, т. 48, с. 48; Друзин В. Напостовцы, Чужак и Центроархив.— Жизнь искусства, 1926, № 17—18, с. 12—13; Писатели современной эпохи. М., 1928, с. 268; Маяковский В.— ПСС, М., 1959, т. 12, с. 40—44, 275—284; Маяковский В. Письма Н. Ф. Чужаку. ПСС, М., 1959, т. 13, с. 51, 60—61; Любимов Л. С. Первые редакторы газет советской Сибири М. А. Трилиссер и Н. Ф. Насимович-Чужак.— Журналистика в Сибири, 1967, вып. 1, с. 64—69; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967.— См. имен. указ; Раков В. П. Маяковский и советская поэзия 20-х годов. Челябинск, 1968.— См. имен. указ.; Трушкин В. П. Пути и судьбы: Лит. жизнь Сибири 1900—1917 гг. Иркутск, 1972.— См. имен. указ.; Правдухин В.— Сиб. огни, 1922, № 2, с. 167—169; Азадовский М. К. Из литературы об областном искусстве.— Изв. гос. ин-та нар. образования в Чите, 1923, т. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

Петряев Е. Д.; Советское литературоведение и критика: Рус. сов. лит. и крит. 1917—1962 гг. Библиогр. указ. М., 1966.— См. имен. указ.

К. В. ДУБРОВСКИЙ (1879 — 1943)

Константин Владимирович Дубровский (Кац) был популярным журналистом и поэтом дореволюционной Сибири, активным участником многих сибирских альманахов и сборников, газет и журналов. Он родился 28 августа 1879 г. в Иркутске. После окончания учительской семинарии работал учителем в сельской школе, но вскоре был отстранен от должности за революционную пропаганду среди крестьян и всецело посвятил себя журналистской и литературной деятельности. Первые его выступления относятся к 1899 г., когда он стал ближайшим сотрудником газеты «Восточное обозрение». На ее страницах появились первые его стихотворения и литературно-публицистические статьи, посвященные А. Н. Радищеву, Т. Н. Грановскому, А. П. Щапову, поэту-радищевцу И. П. Пнину, А. К. Толстому, И. З. Сурикову и др. После закрытия в январе 1906 г. газеты «Восточное обозрение» Дубровский в течение многих лет входил в состав редколлегии большой ежедневной газеты «Сибирь», вея в ней в стихах и прозе отдел фельетона, выступая под псевдонимами К. Ленский, Каде и др.

Поэт активно сотрудничал и в других многочисленных изданиях дореволюционной Сибири и Центральной России — в газетах «Сибирская жизнь», «Сибирское обозрение», «Забайкальская новь», «Омское слово», в журналах «Сибирский наблюдатель», «Сибирские отголоски», «Ленские волны», «Сибирский студент», «Сибирские записки», «Сибирский рассвет» и др. Имя его не сходило со страниц большинства коллективных сибирских изданий — первого и второго литературного сборника сибиряков, альманаха «Северные зори» и др. Он был редактором юмористического еженедельника «Иркутская незабудка» (1915), журналов «Шиповник» (1918), «Сибирский учитель» (1918), «Автономная Сибирь» (1918), «Пролетарская культура» (1920—1921).

Лирика Дубровского, не отличаясь особыми художественными достоинствами (не зря автор называет ее «песнями прозаика»), была тем не менее примечательна своей идейной направленностью, затрагивала общественно важные темы. Она продолжала гражданские, близкие к народническим, традиции в сибирской поэзии тех лет. Весьма показателен в этом отношении его цикл стихотворений «Песни прозаика», с которым он выступил в «Первом литературном сборнике сибиряков». В открывающем этот цикл стихотворении «Когда бы могучее слово поэта» автор говорит о том, что если б природа наградила его могучим поэтическим даром, он стал бы прославлять «братство, добро и свободу и к битве с неправдой и злом призывать». В стихотворении «После боя» он пишет о погибающем от ран бойце, павшем «бессмысленной жертвой войны». Образ старого русского литератора, пронесшего через всю жизнь верность демократическим идеалам и убеждениям юности, нарисован в стихотворении «Труженик слова».

В другом своем произведении «Поле» Дубровский, используя мотивы Т. Шевченко, славит павших борцов, отдавших жизнь «за желанную свободу, за права свои и честь».

В цикле «Из весенних мелодий» поэт рисует символический образ весны, ломающей ледяные покровы. Он верит и знает, что «не вечно морозам царить над землей, что близка уж пора обновления». Назначение поэзии, по Дубровскому, в ее демократизме, в выражении настроений обездоленных масс, истомившихся по лучшей доле.

Пой о скорбях и страданьях народных,
Пой о томящихся в рабстве и тьме,
Пой об униженных, падших, голодных,
К свету стремящихся в душной тюрьме[1].

Нельзя не заметить, что все эти мотивы при всей их демократичности носили еще, в сущности, весьма расплывчатый в политическом отношении характер. Более уверенным голосом заговорил поэт в самый разгар революции 1905 г. Так, в журнале «Ерш» появляется его стихотворение «Пловцы», утверждающее святость борьбы, революционного подвига:

Уж снаряжены быстрые челны,
Ветер крепнет... Смелее вперед!
Пусть грозят нам сердитые волны,
Пусть о скалы нас бьет...
Пусть погибнем в пучине холодной
От желанных вдали берегов,—
Лучше смерть, чем душою свободной
Изнывать среди тьмы и оков![2]

Не терял веры в конечное торжество справедливости Дубровский и в годы реакции, наступившей после революции. В стихотворении «Сны», опубликованном во «Втором литературном сборнике сибиряков», он скажет: «Пусть сердце сковано в цепях, но и в неволе свобода и простор мне грезятся во сне». В его лирике периода реакции отчетливо были слышны мотивы горьковского «Буревестника».

Подуйте ветры, сгуститесь тучи,
Пусть грянет буря, пусть грянет гром,
Разрушит скалы, повергнет кручи,
Что стали грозной стеной кругом[3].

«Второй литературный сборник сибиряков», изданный в самую глухую пору реакции, завершался таким поистине многозначительным восьмистишием Дубровского:

Пусть тьма царит вокруг — угрюмая, немая...
Пусть ночь глубокая объяла сонный мир
И черных хищников ликующая стая

Под кровом тишины свершает алчный пир...
Пусть тьма царит вокруг...
Но близок час рассвета!
Уж брезжит небосклон восходом золотым,
И скоро под лучом ликующего света
Все силы темные рассеются, как дым![4]

В 1916 г. в альманахе «Северные зори» Дубровский публикует новый стихотворный цикл «Сибирские мелодии». Они проникнуты сыновней любовью к родному краю. В его стихах отчетливо звучат «областнические» мотивы, сказывается стремление противопоставить Сибирь метрополии, свидетельствующие об определенной ограниченности мировоззрения автора. С одной стороны, он гордится Сибирью, давшей миру Менделеева и Ершова, Сурикова и Врубеля, говорит о том, что «эта грозная природа с ранних отроческих лет в нас лелеет дух свободы, дух протеста и побед». С другой — ему больно сознавать, что его родина при царизме была на положении падчерицы, приниженной и бесправной. Привлекает в стихах Дубровского оптимистическое начало, вера в грядущее преображение «грустного края», что знал «на протяжении томительных столетий... лишь звон

---

[1] Первый литературный сборник сибиряков. Томск, 1906, с. 27.
[2] Дубровский К. Пловцы.— В кн.: Революционная поэзия в Сибири (1905—1917) /Сост. Е. А. Куклина. Новосибирск, 1960, с. 37.
[3] Второй литературный сборник сибиряков. СПб., 1908, с. 98.
[4] Там же, с. 99.

цепей и свист позорной плети». «Сибирские мелодии» завершаются словами веры и надежды.

На разметавшемся просторе
Лесов и тундр твоих, Сибирь,
Каскадом жизнь забьется вскоре,
Будя твою немую ширь...
...И — скрытая от святотатства
На протяжении веков —
Ты явишь все свои богатства
Из заповедных тайников...[5]

Однако веря в будущее родной Сибири и приветствуя наступление его, поэт не может скрыть и смутной тревоги: «Но будет жаль твоих просторов и потревоженных целин!»

Свое завершение сибирская тема в лирике Дубровского находит уже в советский период. В мае 1920 г. он публикует в иркутской газете «Набат» весьма показательное в этом отношении стихотворение «К Сибири».

Как не узнать тебя, безмолвная страна!
Где тишь твоих равнин, что так невозмутима?
Ты вся воспрянула, живым огнем палима,
Все дальше катит вглубь кипучая волна:
Немые берега пустынного Илима,
Камчатки сонной, и даль Сахалина,
И молчаливая холодная Колыма —
Мятежно ожили, разбив оковы сна[6].

Не раз выступал Дубровский и как очеркист, исследователь быта, истории и культуры Сибири. Еще в начале века на страницах томского журнала «Сибирский наблюдатель» появились его очерки об Илиме «В глухом краю». В годы гражданской войны в журнале «Сибирский рассвет» печатаются «Очерки по истории просвещения Сибири». Особено же много статей и очерков он посвятил культурным деятелям Сибири. Он писал о М. И. Михайлове, В. И. Вагине, М. В. Загоскине, П. А. Словцове, Н. А. Белоголовом, И. А. Худякове и многих других. Лучшие из этих очерков составили книгу «Рожденные в стране изгнания», изданную в 1916 г. в Петрограде. В нее вошли литературные портреты и биографические очерки о Г. С. Батенькове, А. П. Щапове, С. С. Шашкове, Н. М. Ядринцеве, Г. Н. Потанине, А. П. Федченко, Д. И. Менделееве, П. П. Ершове, И. В. Федорове-Омулевском, Н. И. Наумове, В. М. Михееве, В. И. Сурикове, М. И. Пескове, И. Н. Жукове, В. В. Пассеке. Эта книга до сих пор не утратила своего познавательного, историко-культурного значения. Она впервые познакомила широкого читателя с целой плеядой замечательных сибиряков.

Вскоре после гражданской войны Дубровский уехал из Сибири и поселился в Москве. Во второй половине 20-х гг. он публикует ряд работ, посвященных Якутии. В 1927 г. выходит его небольшая книга «В стране снегов и золота. Якутская автономная республика, ее настоящее, прошлое и будущее», появляются из-под его пера и стихи о Якутии. Заслуживает быть отмеченной брошюра «Якутская ссылка в русской художественной литературе» (М., 1928), в которой едва ли не впервые в исследовательской литературе автор попытался осмыслить и обобщить богатый материал о якутской ссылке в творчестве русских писателей — А. Бестужева-Марлинского, Н. Чижова, И. Калашникова, В. Г. Короленко, В. Богораза-Тана и др. В конце 20-х — начале 30-х гг. Дубровский входил в творческое объединение писателей-краеведов, выступал в печати со статьями по вопросам краеведения. Одна из программных работ подобного рода — «Краеведение и художественная литература» — была им опубликована в 1930 г. в № 11—12 журнала «Советское краеведение».

Умер К. В. Дубровский 6 февраля 1943 г. в Челябинске.

В. Трушкин

---

[5] Северные зори: Литературно-публицистический сборник. М., 1916, с. 8.

[6] Цит. по кн.: Стихи, песни, частушки времен гражданской войны в Забайкалье /Сост. Л. Е. Элиасов. Чита, 1957, с. 173.

СОЧИНЕНИЯ

Песни прозаика; После боя; Поле; Вечная память; Из весенних мелодий; «Счастлив, кто чуждый треволнений...»; Поэту: Стихи.— В кн.: Первый литературный сборник сибиряков. Томск, 1906; Сны (На мотиве Ф. Гименс); «Мне часто грезятся во сне простор и воля...»; «Пусть тьма царит вокруг угрюмая, немая...» — В кн.: Второй литературный сборник сибиряков.— СПб., 1908, с. 81—83; То же.— В кн.: Сугробы. СПб., 1909; Стансы: (Суровый хмурый край печали и невзгод...»); Сонет: («В глухих углах страны моей уныло...») «Снова ночью злилась вьюга...»; Октава: («Статья капризная. Несчетные контрасты...»); Эпилог: («На разметавшемся просторе...») — В кн.: Северные зори. М., 1916. Рожденные в стране изгнания.— П д, 1916.— 255 с.; Якутия: Стихи.— В кн.: В стране снегов и золота. М.; Л., 1927, с. 2; То же.— В кн.: Бермемер Л. Литературная хрестоматия. М.; Иркутск, 1932, с. 133; Якутская ссылка в русской художественной литературе.— М.: изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928.— 38 с.

Нечто о Щапове.— Вост. обозр. 1900, № 1697; Памяти А. Н. Радищева: (По поводу столетия со дня смерти).— Вост. обозр., 1902, № 203, 206. Бард русской мысли: К 50-летию смерти Т. Н. Грановского).— Вост. обозр., 1905, № 220, 223; Забытый деятель: (Памяти И. П. Пнина).— Вост. обозр., 1905, № 209; Памяти А. К. Толстого.— Вост. обозр., 1905, № 214; Певец народного горя злосчастья: (к 25-летию смерти И. З. Сурикова).— Вост. обозр., 1905, № 96.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М. Сибирь в русской художественной литературе.— Иркутск, 1926, с. 14; Малаховский В. А. Сибирские темы в современной детской художественной литературе. Иркутск, 1929, с. 25—26; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 6—7, 167—168, 170; Трушкин В. Пути и судьбы. Иркутск, 1972, с. 60—62, 71—73, 99—100; Он же. Из пламени и света. Иркутск, 1976, с. 103, 119, 184.

Н. Е. ОЛЕЙНИКОВ (1882 — 1922)

Публицист, очеркист, библиограф и общественный деятель Н. Е. Олейников оставил заметный след в становлении литературы, журналистики, просвещения и здравоохранения дореволюционной Якутии. Обстоятельства его короткой жизни складывались на редкость сложно и драматично.

Николай Ефимович Олейников родился 19 декабря 1882 г. в Бодайбо на Надеждинском прииске в рабочей семье. В раннем детстве повредил ногу и на всю жизнь остался инвалидом. С 1898 г. учился в Омской фельдшерской школе, но школу не окончил. За участие в революционном движении учащейся молодежи был арестован. В 1902 г. по выходе из тюрьмы сдал экстерном экзамены за два курса, получив звание фельдшера. Работал разъездным фельдшером сначала в Омске, затем в сибирских городах и поселках Зима, Усолье, Хайта, Черемхово. Будучи членом Иркутского Комитета РСДРП с 1902 г., он вел пропаганду среди рабочих-шахтеров, распространял нелегальную литературу, публиковал под различными псевдонимами статьи и корреспонденции о положении рабочих в сибирских газетах.

В 1905 г. Олейников, носивший в то время партийную кличку Немешалов, пишет тексты воззваний и прокламаций, печатает их на гектографе. Его вновь арестовывают и бросают в Иркутскую тюрьму. Летом 1906 г. Олейников был освобожден под денежный залог. Под особым надзором полиции он поселяется в Усолье. 13 июля 1907 г. он подвергается новому аресту. Военно-окружной суд приговаривает его за принадлежность к РСДРП и хранение нелегальной литературы к лишению всех прав состояния и вечному поселению в Якутии. Но и оказавшись в далеком суровом Якутске, этот беспокойный, самоотверженный человек активно участвует в общественной жизни. Он оказывает медицинскую помощь местно-

му населению, политссыльным, ведет этнографические исследования, организует местную печать, занимается сбором материалов по истории якутской ссылки, создает для политссыльных-лишенцев кассу взаимопомощи.

В 1908 г. Олейников издает альманах — «Первый литературный сборник в Якутске», к участию в котором он привлекает политических ссыльных, в частности, поэта и ученого П. Л. Драверта. Примечательно, что основное место в альманахе отведено было изображению образов и судеб революционеров, томящихся в тюрьмах и ссылке. Открывался «Первый литературный сборник в Якутске» очерком самого Олейникова «Положение лишенцев». Подписан он был псевдонимом Н. Усольцев. Опираясь на собственный горький жизненный опыт, автор пишет о невыносимом положении так называемых «лишенцев», т. е. тех ссыльно-поселенцев, которые были осуждены царским судом на поселение «с лишением всех прав состояния». Он говорит об их полнейшем бесправии, невозможности трудоустройства, голоде, об огромной смертности в их среде от цинги и туберкулеза, об издевательствах и беззакониях всякого рода по отношению к ним со стороны местных властей. Среди политических ссыльных «лишенцы» были самой бесправной и самой униженной прослойкой.

В том же 1908 г. Олейников издал в Якутске сборник стихов ссыльного Петра Драверта «Ряды мгновений». В следующем году он издает книгу стихов и очерков П. Н. Черных-Якутского «Тихие струны». Однако на этом издательская деятельность его не ограничивается. Большая заслуга принадлежит ему в издании ежедневной прогрессивной газеты «Ленский край», в которой печатались ссыльные социал-демократы.

В 1913—1916 гг. Олейников издавал ежемесячный литературно-политический журнал «Ленские волны», в котором принимали участие многие литераторы-сибиряки, в частности, здесь регулярно печатались стихи и очерки П. Н. Черных, рассказы Антона Сорокина, библиографические материалы по Якутии, очерки и статьи самого Олейникова и других авторов.

Перу Олейникова принадлежит целый ряд работ по этнографии, народной медицине, обрядам и поверьям якутов. Наиболее интересные из них: «Народные средства лечения в Якутской области», «Об акушерской помощи у якутов Устьянского края», «Из поверий якутов Устьянского улуса», «Поверья устьянских якутов о Котельном острове», «Происхождение православной веры в Якутской области» и другие.

Большинство этих работ, равно как и цикл рассказов из жизни и быта аборигенов края навеяны были впечатлениями от новой ссылки автора. Весной 1910 г. Олейников за организацию кассы взаимопомощи был выслан из Якутска на два года на крайний север Якутии в селение Устьянское, расположенное вблизи Северного Ледовитого океана.

Встречи с жителями Севера, близкое знакомство с их повседневным бытом, обычаями и верованиями легли в основу кор-

респонденций и очерков: «О пушном промысле тунгусов в Устьянском улусе», «Богатство и рыбный голод в Булуне», «Вниз по Лене от Якутска», «Спирт на Севере» и другие.

Вынужденное длительное пребывание в устье реки Яны дало богатейший материал и для двух книжек его небольших новелл из жизни Севера Якутской области «Устьянские рассказы» и «Якутские рассказы», изданных в Якутске и Иркутске в 1914—1916 гг. Основной мотив в них — поведение человека в экстремальных условиях Севера, когда он оказывается один на один перед лицом суровой природы, попадая в такие остро необычные ситуации, когда от человека требуется максимальное напряжение всех духовных и физических сил, чтобы не погибнуть и выжить. Так, в рассказе «Полынья близко» описывается случай с героем-рассказчиком, застигнутым в снежную пургу на безлюдной реке и едва не погибшем там. В другом рассказе — «Не умилостивил» — снова дается картина разыгравшегося бурана, в который попадает олений караван, сопровождаемый погонщиком-якутом и рассказчиком. Здесь же воспроизведена характерная сцена: суеверный якут обвиняет своего спутника в постигшей их беде, ибо он якобы прогневал духов гор и ветра, не оказал им во время перехода через горный хребет должного уважения и не принес положенных обычаем подношений.

Бедственное положение простых якутов запечатлено в рассказе «Кабалу выиграли». Их спаивают, обыгрывают в карты, обирают и обманывают местные тойоны. Трагическая судьба одинокого тунгуса-рыболова воспроизводится в рассказе «Проказа». Вблизи своей юрты гибнут в жестокую снежную пургу герои рассказа «Смерть Уйбана». Не менее безотрадная картина нарисована и в рассказе «Суд божий». Тяжелы условия существования коренных жителей Севера. Наивных и доверчивых по природе своей, их обманывают, спаивают, нещадно эксплуатируют местные тойоны и пришлые русские купцы. Мрачен и безотраден колорит рассказов и очерков Н. Олейникова, сурова действительность, изображаемая им. Произведения его по идейной направленности своей близки «Тунгусским рассказам» Ис. Гольдберга, ранней прозе Вяч. Шишкова. Они несут в себе заряд большой обличительной силы, направленной против кошмарных условий жизни, на которые обрекал царизм малые народы Российской империи.

Заметное место в общественно-публицистической деятельности Олейникова занимали его выступления в печати по вопросам народного образования и просвещения. Под псевдонимом «Вокло» и другими он опубликовал целую серию статей и корреспонденций о плохой постановке образования в церковно-приходских школах и гимназиях, писал об упадке культурно-просветительских обществ и организаций Якутии, деятельность которых сдерживала местная администрация (См.: Вокло. Об обществах. — Ленские волны, 1914, № 5, с. 18—19).

Особо следует сказать о библиографических работах Олейникова. В разработке библиографии по Якутии его можно считать одним из предшественников Н. Н. Грибановского. В своем журнале «Ленские волны», в «Сибирском архиве» и других периодических изданиях он систематически публиковал «Библиографический указатель текущей литературы о Якутии». В 1915 г. в Якутске отдельным изданием был издан его «Библиографический указатель статей, напечатанных в «Якутских епархиальных ведомостях».

Активной общественно-политической деятельностью занимался Олейников в годы революции и гражданской войны. Он был чле-

ном продовольственной управы Временного правительства в Якутии, председателем Якутского комитета РСДРП, товарищем председателя Якутского совета рабочих депутатов, комиссаром продовольствия и пр. В августе 1918 г. был арестован белогвардейцами и под стражей в ноябре того же года отправлен в Иркутск, но по дороге бежал, скрывался в селах Приангарья, затем нелегально уехал в г. Бийск, работал счетоводом в местной кооперации. В феврале 1920 г. он был принят в члены РКП(б), заведовал отделом Роста в Иркутске, куда прибыл в середине марта 1920 г. Вскоре он был назначен заместителем иркутского губернского продкомиссара и зав. хлебофуражным отделом — крайне важной и ответственной должности в то время.

Эта напряженная работа была прервана тяжелой болезнью. В 1921 г. он получает назначение в Омск в систему Сибздрава. Вскоре его приглашают в Москву на работу в Роста. Однако дни его уже были сочтены. Он заболел сыпным тифом и 29 марта 1922 г. скончался.

Ю. Душкин
В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Устьянские рассказы. Вып. 1, Якутск, 1914; Якутские рассказы: Из жизни севера Якутской области. Вып. 2, Иркутск, 1916;

ЛИТЕРАТУРА

Н. Е. Олейников: Некролог.— Власть труда, 1922, 5 апр.; Трушкин В. Пути и судьбы. Иркутск, 1978, с. 80—83; арх. материалы: ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 425, л. 57; ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 117, л. 573, ф. 524, оп. 1, д. 31.

Ф. В. ГЛАДКОВ В СИБИРИ (1883 — 1958)

Жизнь и творчество выдающегося советского писателя Федора Васильевича Гладкова в ранний период были тесно связаны с Восточной Сибирью — Забайкальем и Верхоленьем Иркутской губернии. Он родился 9 (21) июня 1883 г. в селе Чернавка Саратовской губернии в бедной семье крестьян-старообрядцев. Рано пошел «в люди», зарабатывая тяжелым трудом «мальчика на побегушках» хлеб насущный. В 1900 г. он окончил Екатеринодарское городское училище и получил звание учителя начальной школы. В том же году в газете «Кубанские областные ведомости» появился его первый рассказ «К свету». Вскоре на ее страницах было опубликовано еще несколько рассказов начинающего автора — «После работы», «Максютка», «Черкесенок», «Маленький горец», «У ворот тюрьмы».

В это время в жизни Гладкова наступает крутой перелом, связанный с трагическими обстоятельствами в жизни его родителей. Они оказались замешанными в неприглядной и темной истории. Отец и мать его по обвинению в связи с фальшивомонетчиками 1 февраля 1902 г. были приговорены Екатеринодарским окружным судом к лишению всех прав и ссылке в каторжные работы на четыре года, которую отбывали в Горно-Зерентуйской каторжной тюрьме. Желая хоть в какой-то степени облегчить участь родителей, у которых он был единственным сыном, Федор Васильевич решает последовать за ними. Так, в сентябре 1902 г. он оказался в Забайкалье. Первый год он учительствовал в захолустном поселке Удинском, а потом перевелся в поселок Кокуй близ Сретенска. Здесь Гладков устанавливает связи с читинскими большевиками, выполняя их поручения по распространению прокламаций и нелегальной литера-

туры и одновременно активно сотрудничая в забайкальских газетах.

В 1905 г. Гладков уезжает в Тифлис для учебы в учительском институте, сближается с местными большевиками, ведет партийную работу. В августе 1906 г., спасаясь от ареста, он снова возвращается в Забайкалье, поселяется в Сретенске и работает учителем четырехклассного приходского училища. Позднее в «Автобиографии» писатель вспоминал: «В Сретенске вместе с членом читинского ПК Моисеем Губельманом, Иваном Бутиным, расстрелянным впоследствии семеновцами, и учителем Подсосовым был организатором большевистской группы. Работа велась нами среди приказчиков, железнодорожников и грузчиков на пристани». В октябре 1906 г. жандармы устраивают обыск на квартире писателя. По распоряжению забайкальского военного губернатора принимается решение о высылке Гладкова, как «крайне вредного в политическом отношении лица», в северные уезды Иркутской губернии. Под стражей его доставляют 25 ноября 1906 г. в Иркутскую тюрьму, где он находился более двух месяцев. «Пребывание в этой тюрьме, — говорил позднее писатель, — через которую прошли Чернышевский, поэт Михайлов, Короленко, было для меня настоящим университетом». Он оказался свидетелем и участником ожесточенных споров между марксистами и эсерами. Много лет спустя впечатления и события тюремной жизни нашли отражение в его повести «Старая секретная».

В конце января 1907 г. Гладкова освобождают из тюрьмы и высылают в глухую деревушку Самодуровка Верхоленского уезда. Здесь в полнейшей изоляции от внешнего мира он проводит около года. В 1908 г. его переводят в большое село Манзурка, расположенное в 180 километрах от Иркутска по Якутскому тракту. Условия ссылки здесь были несравненно легче. Однако Гладкова ожидало новое тяжелое испытание. В начале мая 1908 г. в Верхоленье в селе Татаурово зверски были убиты бандитами вышедшие на поселение после каторги его родители. Гладков тяжело пережил эту трагедию. Он настойчиво ходатайствует об освобождении из ссылки и разрешении ему вернуться в Европейскую Россию. 6 ноября 1909 г. Гладкову разрешено было свободное проживание в пределах Восточной Сибири. И только в январе 1910 г. он окончательно освободился из ссылки и переехал в Новороссийск.

Такова внешнесобытийная сторона пребывания писателя в Сибири. Вместе с тем Сибирь оставила заметный след и в становлении его как писателя. Находясь в Забайкалье, он в 1903—1904 гг. часто бывал, навещая отбывавших каторгу родителей, в Горном Зерентуе и в находившейся рядом с ним Мальцевской женской тюрьме. Впечатления от посещения каторжных тюрем и так называемой вольной команды послужили ему материалом для целого цикла рассказов и очерков «На каторге», которые публиковались в 1903—1905 гг. в читинской газете «Забайкалье». Здесь были напечатаны рассказы «До каторги», «Последний из разгильдеевцев», «Былинка забытая», «Среди вольной команды», «В дороге», «Бродяга», «Три в одной землянке», «Из политических», «На войну ушли» и другие.

В первых газетных публикациях сохранились автобиографические мотивы, положенные в основу рассказов, многие из которых были изуродованы царской цензурой[1]. В конце жизни, готовя 8-томное собрание своих со-

---

[1] Подробно о сибирском периоде в жизни и творчестве Ф. Гладкова см.: Трушкин В. Пути и судьбы. Иркутск, 1972, с. 298—313.

чинений, писатель заново переработал многие из них.

Новаторство Гладкова в изображении царской каторги проявилось прежде всего в том, что он впервые в литературе показал женскую каторгу. Серия произведений, объединенных общей темой каторги, с самого начала была задумана как единый, цельный цикл. В газетной публикации они имели последовательную нумерацию и подзаголовок «Зимние заметки о летних впечатлениях». Очерки «На каторге» взаимосвязаны не только общим тоном повествования и образом автора-рассказчика, но и общностью героев. Одни и те же персонажи проходят через многие очерки, выявляя те или иные грани своего характера, биографии и пр. Каторжане в изображении автора — не закоренелые преступники, а жертвы несправедливого социального строя. Они по-своему горды, ненавидят и презирают своих мучителей-тюремщиков, в них живет неистребимый дух бунтарства и свободолюбия. Вольнолюбивый пафос отличает эти ранние произведения писателя. Таков, в частности, привлекательный образ старика, бывшего каторжанина, из рассказа «Последний из разгильдеевцев». Он сочувствует арестантам, укрывает и переправляет за границу беглых каторжников.

В рассказе «Среди вольной команды» изображена жизнь каторжанок, отбывших срок тюремного заключения и вышедших в так называемую вольную команду. В ряде очерков любовно выписаны автором гордые, не сломленные несчастьем и унижением характеры женщин-каторжанок. Особенно впечатляет образ девушки-работницы Веры из рассказа «Три в одной землянке», которая по ложному обвинению в убийстве попала на каторгу. Она и в этих условиях осталась прежней — отчаянно смелой и независимой. Ни цепи, ни плети, ни карцер не сломили ее. Вольнолюбивый характер выписан Гладковым и в образе Хороброва из рассказа «Бродяга». В душе его живет обостренное чувство социальной несправедливости. Своеобразным поборником справедливости изображен Исай — герой рассказа «В дороге». У каждого из них в прошлом своя драма или трагедия, и все же они не растеряли своего человеческого достоинства, остались людьми.

Весь цикл рассказов «На каторге» насыщен живописными картинами щедрого забайкальского лета. Автор любовно выписывает забайкальские пейзажи, буйное многоцветье красок и очарование природы, которые так контрастируют с картинами жизни подневольных людей.

Из других произведений Гладкова сибирского периода следует назвать рассказ «Черносотенец», опубликованный в 1906 г. в газете «Голос Забайкалья», рисующий мерзкий облик старика черносотенца, погубившего десятки людей, и повести «Удар» и «Изгои», написанные в период ссылки в Верхоленье. В них изображены жизнь и быт северной сибирской деревни, показана аг-

мосфера политической ссылки, выведены яркие характеры участников революционного движения. В повести «Удар», опубликованной в читинской «Новой газете» в январе 1909 г. (№ 161—167), рассказывается о жизни и быте сельского учителя, попавшего в глухое сибирское захолустье. Повесть «Удар» была тепло встречена А. И. Куприным (См. Огонек, 1958, № 25, с. 8).

Сибирский период творчества Гладкова — не только важная веха в биографии большого русского писателя, в становлении его художественного дарования, но и крайне любопытная и интересная страница в истории литературного движения предреволюционной Сибири. Духом протеста против социальной несправедливости, критическим изображением действительности, всей своей идейной направленностью ранние произведения Гладкова смыкались с общими тенденциями развития художественной прозы в Сибири, с тенденциями развития критического реализма в ней. Творчество Гладкова развивалось в том же русле, в котором формировалось творчество ведущих сибирских прозаиков той поры — И. Гольдберга и В. Бахметьева, Ф. Березовского и В. Шишкова, А. Новоселова и Г. Гребенщикова.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Собр. соч.: В 3-х т.— М.; Л.; Земля и фабрика, 1926; Собр. соч.: В 8-ми т.— М.: Гослитиздат, 1958—1959; Соч.: В 5-ти т.— М.: Гослитиздат, 1950—1951; На женской каторге: Зимние заметки о летних впечатлениях.— Забайкалье, Чита, 1904, 22, 29 февр.; 3, 21, 24 марта; 9, 11 апр. (под назв.: На каторге. Зимние заметки о летних впечатлениях); Ни в тюрьме, ни на воле.— Забайкалье, Чита, 1904, 21, 24 марта. (На каторге) (под назв.: Среди вольной команды); Бродяга.— Забайкалье, Чита, 1905. 28, 29 янв., 1 февр., В дороге.— Забайкалье, Чита, 1905, 9, 11 апр. (На каторге); Три в одной землянке.— Забайкалье, Чита, 1905, 2, 4, 5, 9 февр. (На каторге); Аспид.— Голос Забайкалья, Чита, 1906, 17 сент.— (За Байкал. Путевые впечатления. Под назв.: Черносотенец).

ЛИТЕРАТУРА

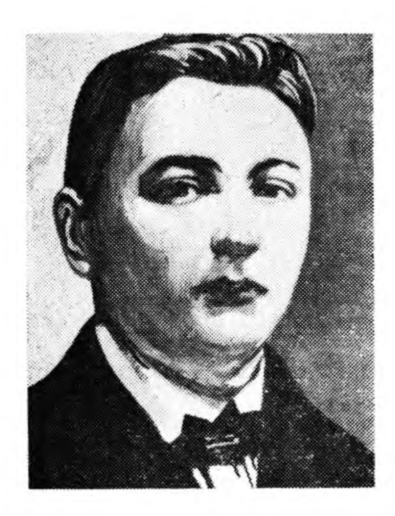
Финкель М. Е. Сибирские очерки Ф. В. Гладкова.— Науч. зап./Харьков. пед. ин-т им. Г. С. Сковороды, 1957, т. 26, с. 109—130; Губельман М. Из далекого прошлого: [Ф. Гладков в Забайкалье].— В кн.: Ф. Гладков. Воспоминания современников. М., 1965, с. 96—107; Наш земляк: Неопубл. письма Гладкова.— Комс. Забайкалья, 1966, 13 марта; Власов А. Е. Начало педагогической и революционной деятельности Ф. Гладкова в Забайкалье.— В кн.: Проблемы краеведения. Чита, 1966, вып. 1, с. 93—95; Власов А. Е. Ф. В. Гладков в Забайкалье.— Уч. зап./Чит. гос. пед. ин-т им. Н. Г. Чернышевского, Труды кафедр. рус. яз. и лит., 1966, с. 12—24; Ульрих Л. Н. Творчество Федора Гладкова.— Ташкент: Фан, 1968; Воложенин А. П. Федор Гладков: Жизнь и творчество.— М.: Просвещение, 1969; Брайнина Б. Талант и труд: [Крит. раздумья о Ф. Гладкове].— М.: Худ. лит., 1977; Воспоминания о Ф. Гладкове: Сборник/Сост. Б. Брайнина и С. Гладкова. 2-е изд., доп.— М.: Сов. писатель, 1978; Татуйко А. Федор Гладков в Сибири.— Дальний Восток, 1983, № 6, с. 146—150.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кандель Б. Л. Ф. В. Гладков.— В кн.: Русские советские писатели-прозаики. Л., 1959, т. 1, с. 465—499; Советское литературоведение и критика: Рус. сов. лит. Кн. и статьи 1917—1962 гг. Библиогр. указ.— М.: Наука, 1966.— См. имен. указ.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК В СИБИРИ (1883 — 1923)

Имя Ярослава Гашека, автора знаменитой книги «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», особенно дорого сибирякам. Это и понятно: в 1919—1920 гг. он работал в

политотделе 5-й Краснознаменной Армии, совершившей героический путь от Волги до Байкала, участвовал в разгроме колчаковщины и утверждении власти Советов на обширных просторах Сибири: в Уфе и Омске, Красноярске и Иркутске. Ярослав Гашек родился 30 апреля 1883 г. в Праге, в учительской семье. Еще в ранней молодости он полюбил русскую литературу и живо интересовался судьбами России. Поэтому, оказавшись в 1915 г. на фронте, он перешел на сторону русских войск и в числе революционно настроенных чехословацких легионеров стал бойцом Красной Армии.

Гашек был талантливым организатором, пропагандистом и публицистом. Как руководитель интернационального отделения, политкомиссар, заместитель начальника политотдела 5-й Армии, он имел тесный контакт с местными партийными и советскими органами, с иностранными секциями РКП(б) — Венгерской, Чехословацкой, Немецкой, Польской, Китайской, Корейской, Югославской и другими, — активно участвовал в координации их деятельности среди различных групп интернационалистов и бывших военнопленных.

Он был ответственным редактором журнала политического отдела 5-й Армии — «Вестник ПОАРМ 5», председателем райкома РКП(б) штаба 5-й Армии, был избран депутатом Иркутского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов.

Он призывал зарубежных рабочих и крестьян, тогда находившихся в интернациональных частях Красной Армии, в войсках внутренней охраны, учиться делу революции у пролетариата России, учиться советскому опыту строительства новой жизни. Он живо откликался на важнейшие политические события, давал им ясную и четкую оценку с позиций марксизма-ленинизма.

Гашек читал лекции в армейской партшколе и на курсах комсостава, выезжал в районы, где выступал с докладами на политические темы. Член ревтрибунала штаба 5-й Армии С. Бирюков вспоминает: «Несколько раз мы выступали на Черемховских копях среди шахтеров, которые сразу полюбили Гашека за образные речи. Для всех находилась у Гашека шутка, острое словцо, он своим юмором зажигал сердца слушателей».

Как депутат Иркутского горсовета Гашек принимал активное участие в устройстве детей-сирот, у которых погибли во время войны родители.

Как заметил Матэ Залка, стихией Гашека была, несомненно, журналистика, он быстро и метко формулировал мысли. Он выступал на страницах армейской печати с замечательными боевыми статьями на животрепещущие темы: «Армия адмирала Колчака», «Творчество эсеров». «Обзор военных действий», «Перебежчики», «Сибирская скоропадчина», «Два выстрела», «Международное значение побед Красной Армии», «В мастерской контрреволюции», «Англо-французы в Сибири» и др.

Советским читателям известны

и гашековские фельетоны, разящие врагов Советской власти. Эти статьи и фельетоны были написаны на русском языке и опубликованы в газете «Красный стрелок» — органе политотдела 5-й Армии.

Работа в газете «Красный стрелок», с которой он был творчески связан со дня ее основания и вплоть до осени 1920 г., была особенно плодотворной. Именно здесь появились такие его искрящиеся остроумием, заразительно веселые и политически острые произведения, как «Из дневника уфимского буржуя», «Трагедия одного попа», «Уфимский Иван Иванович», «Творчество эсеров», «Замороженные чиновники», «Дневник попа Малюты», «Вопль из Японии», «Белые о 5-й Армии» — целая серия блестящих памфлетов и сатирических миниатюр. Используя форму дневниковых записей, рассказ от третьего лица, нередко обращаясь к откровенной публицистике, он создает сатирические образы-маски, своего рода социальные типажи, которые в обнаженно-гротескном виде воспринимают окружающее — происходящие события, людей. Это мир уходящий — купцы, попы, обыватели, контрреволюционеры всех мастей и оттенков. Сатира и публицистика Гашека правдиво отражала различные этапы и грани гражданской войны в Сибири, идейно-эмоциональную атмосферу тех лет.

Во время своей работы в Иркутске Гашек блеснул новыми статьями: «Чешский вопрос», «К празднику», «Белые о 5-й Армии», «Чем болен аппарат экспедиции» и другими.

Статьи, очерки и фельетоны Гашека характерны политической остротой, глубокой верой в пролетарскую революцию и ненавистью к его врагам, живостью и ясностью изложения.

С участием Гашека издавалась однодневная газета «Совет», посвященная первым выборам в Иркутский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов после ликвидации колчаковщины. Статьи написаны на русском, чешском, венгерском, немецком, бурятском, латвийском языках.

Гашек редактировал газеты «Рогам» на венгерском языке, «Штурм» на немецком.

Политический отдел 5-й Армии организовал издание бурятской газеты «Ур» («Рассвет»). Несмотря на занятость другими ответственными делами, Гашек стал редактором газеты, взялся и за это трудное дело со свойственной ему энергией. Главная трудность заключалась не только в недостатке шрифтов и бумаги, но и в отсутствии специалистов по бурятскому и монгольскому языкам, способных заниматься переводом, не говоря уже о журналистах и других сотрудниках, элементарно знакомых с постановкой газетного дела.

Опыт издания «Ур» имел, несомненно, важное значение в издании первой революционной газеты на монгольском языке «Монголой Унэн», под руководством Сухэ-Батора и Чойбалсана в период их пребывания в Иркутске.

Будучи руководителем организационно-инструкторской части и заместителем начальника политотдела 5-й Армии, Гашек внимательно изучал опыт партийного и советского строительства, политическую обстановку в Иркутской губернии, анализировал материалы инструкторов-агитаторов, информационные сводки.

Гашек проявлял большой интерес к освободительному движению народов зарубежного Востока, их истории и культуре, был зачислен слушателем японского отделения восточного факультета Иркутского университета. Он встречался с лидерами Монгольской народно-демократической революции Сухэ-Батором и Чойбалсаном во время их пре-

бывания в Иркутске (сент. 1920 г.). В числе ораторов, выступивших с приветствием на III конференции губернской организации РКП(б), были Сухэ-Батор и Ярослав Гашек.

В январе 1920 г. в Красноярске состоялось знакомство Ярослава Гашека и Матэ Залка. «С Ярославом Гашеком, — писал Матэ Залка, — я познакомился на собрании политработников, комиссаров и командиров интернациональных частей 5-й Красной Армии после взятия Красноярска... Я обратил на него внимание, как и все остальные, ибо в присутствии Гашека мрачным оставаться было невозможно. Он рассказывал, а мы, кругом стоящие, улыбались, смеялись, хохотали или просто ржали, надрываясь от смеха».

В Красноярске Ярослав Гашек и Матэ Залка участвовали в создании революционной пьесы «Haza menyi!» («Хотим домой!»), которая была поставлена артистами самодеятельного «Будапештского театра» на торжественном вечере, посвященном годовщине провозглашения Венгерской Советской Республики. Постановка имела огромный успех среди многоязычной массы зрителей.

Еще один интересный эпизод из сибирского периода жизни Гашека. Дело было в Иркутске. В городском клубе на одном торжественном вечере Гашек выступил на сцене в качестве артиста: изображал «борьбу эсера с самим собой», который «обещал землю крестьянам и в то же время не хотел, чтобы они ее получили». Выступление имело огромный успех: смех и рукоплескания сотрясали переполненный зал.

Сибирский период деятельности Гашека — одна из самых значительных страниц его жизни и творчества. Он не только щедро отдавал свои знания, талант и энергию делу упрочения Советской власти в Восточной Сибири, укреплению братской дружбы между народами Советской России и Чехословакии. Но именно в Сибири Гашек вынашивал идеи и образы своего бессмертного романа — «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Один из руководящих работников политотдела 5-й Армии впоследствии писал: «В Иркутске, в подвале редактируемой Гашеком армейской газеты, он стал помещать сенсационные рассказы... Уже тогда Гашек проектировал большой роман», в котором была бы обрисована «эволюция» героя от солдата австрийской армии до красногвардейца.

Кипучая и плодотворная деятельность Гашека в Иркутске была прервана. Центральное чехословацкое бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) потребовало перевести Гашека «...на партработу в Чехословакию».

Из Иркутска Гашек уехал в конце октября 1920 г. Он отправился на родину, чтобы опыт и знание, энергию и талант отдать делу борьбы за светлое будущее своего народа.

Память о Гашеке бережно хранят в нашей стране. Большими тиражами издаются его произведения. Богатейшая коллекция материалов (более 15 тыс. экспонатов), связанных с жизнью и творчеством писателя, собрана в «Музее Гашека-Швейка» его создателем, неутомимым «гашековедом», инженером П. М. Матко (Москва, Измайловский проезд, дом 6-А, кв. 54). За последние 15—20 лет опубликовано много книг и статей о творчестве и революционном подвиге писателя.

Б. Санжиев

СОЧИНЕНИЯ

Собр. соч.: В 5-ти т.— М.: Правда, 1966; Избранные юморески.— М.: Гослитиздат, 1937; Избранное: В 2-х т.— М.: Правда, 1958; Чешский вопрос: (Об отношении чешских солдат к революции в Сибири).— Власть труда, 1920, 21 апр.: Похождения бравого солдата Швейка: Ч. 1—4.— Л.: Прибой, 1926—1928; То же.— М.: Правда, 1979; Бра-

вый солдат Швейк готовится к войне: Юморист. рассказы. М.; Л., 1931; Рассказы; Фельетоны.— М.: Гослитиздат, 1954; Крестный ход: Атеист. сатиры и юморески. — М.: Политиздат, 1964; Письмо Ярослава Гашека председателю Центр. чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Салату-Петрлику: Иркутск, 17 сент. 1920. [Об издат. и организатор. деятельности в Сибири в 1918—1919 гг.] /Пер. и публ. С. Востоковой.— Иностр. лит., 1967, № 11, с. 250—252; Марафонский бег: [Избранное].— М.: Мол. гвардия, 1973; Рассказы.— М.: Худож. лит., 1978.— 304 с.; Вино лесов, вино земляничное. Иркутск, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Еланский Н. П. Гашек в России: (1915—1916).— Уч. зап./Саратовск. ПИ, 1957, вып. 21, с. 104—159; Еланский Н. П. Ярослав Гашек в Красной Армии и на партийной работе в Советской России.— Лит. славян. народов, 1957, вып. 2, с. 60—96; Скороходов В. Новые документы о пребывании Я. Гашека в Сибири. [1918—1920 гг.]— Нов. Сибирь, 1957, кн. 36, с. 324—329; Кузнецова К. Наш Ярослав Гашек.— Юж. Урал, 1958, № 2, с. 145—152; Марцинковский М. Ярослав Гашек в Сибири.— Алтай, 1958, № 11, с. 273—277; Еланский Н. П. Ярослав Гашек в революционной России: (1915—1920 гг.) —М.: Соцэкгиз, 1960; Санжиев Б. Я. Гашек в Восточной Сибири. Иркутск, 1961; Штясны З. Сражающийся Ярослав Гашек: О работе Гашека во фронтовой печати Красной Армии и после возвращения в Чехословакию. Пер. с чеш.— Уфа: Башкнигоиздат, 1962; Скороходов В Писатель, боец, большевик: [Пребывание Я. Гашека в Иркутске в 1920 г.].— Вост. Сиб. правда, 1963, 30 апр.; Востокова С. И. Гашек Ярослав.— Крат. лит. энциклопедия, 1964, т. 2, с. 91—94; Скороходов В. Нужно найти реликвию! [К поискам документов о деятельности Я. Гашека в Сибири].— Байкал, 1965, № 1, с. 115—118; Дунаевский А. М. Иду за Гашеком: Худож.-докум. повесть.— В кн.: Дунаевский А. М. И опять иду по следу... Новосибирск, 1970; Спектор М. Ярослав Гашек — редактор бурятской газеты «Ур».— Ангара, 1970, № 5, с. 100—104; Трофимкин И. И. Ярослав Гашек: Биогр. писателя.—Л.: Просвещение, 1973.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ярослав Гашек: Биобиблиогр. указ.— М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1959.— 86 с.— В надзаг.: Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит. Писатели зарубеж. стран.

Д. И. ГЛУШКОВ (ОЛЕРОН) (1884 — 1918)

Глушков (Олерон)... Это имя теперь почти забыто, но накануне Великого Октября оно пользовалось любовью и уважением среди политических ссыльных далекой Лены. Тепло относились к поэту В. В. Куйбышев и Ф. Н. Петров, один из старейших ветеранов ленинской гвардии; о Глушкове не раз вспоминал и писал старый большевик, журналист и критик Насимович-Чужак. О стихах рано умершего поэта-революционера восторженно отзывался в самом начале 20-х гг. журнал «Сибирские огни», его переводы приветствовал Валерий Брюсов, статью о нем можно найти в Сибирской советской энциклопедии.

Дмитрий Иванович Глушков, украинец по национальности, родился 3 сентября 1884 г. в Париже. Отец его был народовольцем, эмигрировавшим во Францию. После смерти отца мать привезла его шестилетним ребенком в Россию. Детство и юность его прошли в Харькове. Он учился сначала в Харьковской гимназии, а потом там же в университете. До конца дней своих он остался верен идеалам отца, традициям революционного народничества 70-х гг. Еще в 1905 г., будучи студентом, Дмитрий Иванович был арестован за участие в вооруженном восстании на заводе Гильферих-Саде, но вскоре выпущен на поруки. Глушков немедленно уезжает за границу, живет в Вене, работает переводчиком в издательствах и слушает лекции в Венском университете. Через полтора года возвращается на родину — в Харьков. В 1908 г. его арестовывают вторично и после почти двухлетнего следствия 23 июня 1910 г. Вре-

менный военный суд Харькова приговаривает Глушкова к четырем годам каторги с последующим пожизненным поселением в Сибири. Наказание он отбывал в Харьковской каторжной тюрьме.

В январе 1914 г., после отбытия срока каторги, Глушкова по этапу водворили на жительство в село Тутура Верхоленского уезда бывшей Иркутской губернии. Здесь поэт в начале 1915 г. организовал издание рукописного журнала политссыльных «Елань». В журнале принимали участие многие ссыльные села Тутуры, в том числе и В. В. Куйбышев, поместивший на его страницах несколько своих стихотворений, И. И. Ионов, И. В. Ларин и др. Большинство же материалов для журнала, заполнявшегося от руки и насчитывавшего до 300 страниц большого формата, создавалось самим Глушковым.

В начале 1916 г. после неоднократных ходатайств, добившись, наконец разрешения на временное проживание в Иркутске, поэт принял активное участие в деятельности «Иркутских вечеров» — литературного объединения созданного в основном политссыльными, печатался в журнале большевистского направления «Багульник». В это же время по приглашению Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества он приводит в порядок ботанические коллекции музея, работает в Союзе городов, а позднее конторщиком Медведниковской больницы для хроников. Октябрьская революция застала его в Нижнеудинске, где он преподавал словесность и латинский язык. В конце августа 1918 г. Глушкова приглашают сотрудничать в одну из иркутских газет — «Сибирь», но дни поэта были уже сочтены. Он заболел плевритом и на третий день после операции 10 сентября 1918 г. в тридцатичетырехлетнем возрасте скончался.

Литературным творчеством Глушков начал заниматься рано. По свидетельству жены поэта А. М. Тумаковой, еще будучи гимназистом, «он написал пьесу на латинском языке для постановки на ученическом спектакле». Много писал он и в каторжной тюрьме, передавая на волю стихи и фельетоны под разными фамилиями. Некоторые из них печатались в то время в харьковских газетах. Однако главной работой в период каторги оставались переводы с латинского комедий Плавта «Менехмы» и «Хвастливый воин», и «Посланий» Овидия. Тогда же был начат и перевод с французского «Трофеев» Жозе Мариа де Эредиа, над которым поэт упорно работал до самой смерти, «Творчество, переводы (Плавт, Эредиа) в каторжной тюрьме наполняли дни его содержанием, давали выход его духовным силам. Это было спасением от «тлена» каторги... Дмитрий Иванович уходил от тлена бедных содержанием каторжных дней в трудную работу...»[1]

Следует сказать, что и псевдоним Олерон, которым сопровождались немногие его прижизненные публикации, взят был поэтом

---

[1] Из письма А. М. Тумаковой к автору статьи от 22 янв. 1967 г.

не случайно. Так назывался остров во Франции, который в прошлом был местом каторги и ссылки.

Литературное наследие поэта по-настоящему до сих пор не собрано. Большинство его работ осталось в рукописях или затерялось в периодике — оригинальные произведения, переводы из Овидия, Плавта, Тибулла, Шенье, А. Мюссе, Верлена. Правда, «Трофеям» Эредиа более повезло. В 1925 г. они вышли отдельным изданием в переводах Глушкова. Некоторые из этих переводов были переизданы в полном издании книги Эредиа в серии «Литературные памятники» в 1973 г.

В 1922 г. в Иркутске при содействии друзей и близких поэта А. М. Тумаковой, профессора Г. С. Виноградова, В. М. Цукасова, М. В. Муратова были изданы его «Олимпийские сонеты» ничтожно малым тиражом в 500 экземпляров. «Олимпийские сонеты» проникнуты восхищением автора перед бессмертной красотой, оставленной нам античностью, красотой, запечатленной в искусстве Древней Греции и Рима. Современники и участники только что отгремевшей победоносной Октябрьской революции и гражданской войны приветствовали этот поэтический букет, казалось бы, столь далекий по своим мотивам и настроениям от бурных треволнений революционной эпохи «Мы, — писал известный критик того времени В. Правдухин в рецензии на «Олимпийские сонеты», — эту маленькую книжечку сонетов благодарно примем и признаем нужной и в наши дни великой и кровавой социальной борьбы за простое человеческое счастье»[2]. Еще более восторженно отозвался о них рецензент губернской газеты «Власть труда», назвавший «Олимпийские сонеты» «исключительным явлением в современной поэзии»[3].

---

[2] Сиб. огни, 1922, № 3, с. 159.

[3] Титов Е. Поэзия прекрасной ясности.— Власть труда, 1922, № 130.

Значительное место в оригинальном творческом наследии Олерона занимают стихи, навеянные впечатлениями от пребывания в харьковской каторжной тюрьме (цикл стихотворений «Ночи»). Следующий цикл из пяти взаимосвязанных сонетов под общим названием «Путь» посвятил поэт Северному (Качугскому) тракту, по которому гнали ссыльных революционеров на Лену и в Якутск. Прекрасные стихи написаны им о сибирской северной природе, составившие особый цикл в его лирике. Они вошли в составленный нами сборник Д. Олерона «Елань» (Иркутск, 1969).

В ряде стихотворений отразились революционные настроения автора, таково, например, стихотворное переложение отрывка из книги римского историка Саллюстия — «Речь Катилины в собрании заговорщиков», несущее в себе огромный заряд революционной энергии, под прозрачным покровом античности скрывавшей глубоко современное содержание — гневный протест против угнетения и тирании, нетерпеливое ожидание «заветной, желанной свободы».

Революционным пафосом пронизано и стихотворение «Циклопическое». В нем слышится вера в победу, оно насыщено радостным чувством борьбы, упоением битвой, которая должна завершиться долгожданной победой, когда будет наконец «смят строй супостата». В стихотворении «Гвоздика» поэт с восхищением говорит о самопожертвовании революционеров, идущих на смерть во имя грядущего счастья на земле.

Они выходили. Их буря звала
Громами и тьмой беспросветной.
Рука их светильник победы зажгла,
Светильник свободы заветной.
Они поклялись возвратиться без уз
И встретить все битвы и муки...

Поэзия Глушкова, отмеченная высокой художественностью и мастерством, стоит в преддверии

новой революционной поэзии в Сибири, рожденной Октябрьской революцией, запевалами которой по праву можно считать Федора Лыткина, Игоря Славнина, комсомольских поэтов 20-х гг. Современный читатель не останется равнодушным к его своеобразной и оригинальной лирике.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Циклопическое; Пахарь; Раб: Стихи.— В кн.: Отзвуки. Иркутск, 1921, с. 3—5; Олимпийские сонеты: Сборник.— Иркутск, 1922; Елань: Стихи /Сост. и вступит. статья В. П. Трушкина.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969.— 40 с.— (Поэты огненных лет).

Переводы: Эредиа Жозе Мария де. Трофеи/Пер. Д. И. Глушкова (Д. Олерона); Вступит. статья Б. Л.— Л.: ГИЗ, 1925; Эредиа Ж. Мария де. Трофеи/Пер. Д. И. Глушкова (Д. Олерона) и др.— М.: Наука, 1973.

ЛИТЕРАТУРА

Файнберг С. Д. И. Глушков.— Сибирь, 1918, 14 сент.; Вечерний А. Нереализованные литературные сокровища: (О переводах Д. И. Глушкова).— Власть труда, 1921, 13 дек.; Правдухин В. (О книге Д. Олерона (Д. Н. Глушкова) «Олимпийские сонеты».— Сиб. огни, 1922, № 3, с. 156—159; Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии: (От Бальдауфа до наших дней). Чита, 1922, с. 70—72; Брюсов В. Среди стихов.— Печать и революция,1923, № 1, с. 70—78; Яковлев Д. От каторги к ссылке.— В кн.: Сибирская ссылка. М., 1927, с. 118—120; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск. 1967. См. имен. указ.; Чертков Л. [О сб. «Елань»].— Звезда, 1971, № 2, с. 222; Трушкин В. П. Пути и судьбы. Иркутск, 1972. См. имен. указ.: Он же. Литературный Иркутск.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981, с. 19—22.

И. Г. ГОЛЬДБЕРГ (1884 — 1939)

Исаак Григорьевич Гольдберг родился 8 ноября 1884 г. в семье рабочего-слесаря в Иркутске, здесь же закончил городское училище, мечтая в дальнейшем подготовиться к поступлению в университет. В 1903 г. девятнадцатилетний юноша был арестован за участие в нелегальном ученическом кружке «Братство», издававшем подпольный журнал.

Свободолюбивые стремления Гольдберга не нашли до Октябрьской социалистической революции правильного пути. Выйдя из тюрьмы, он в 1904 г. вступил в партию социалистов-революционеров, в которой состоял вплоть до 1918 г. После второго ареста сотрудничал в читинской газете «Забайкальская новь». В 1907 г. следует третий арест и заключение Гольдберга в Братский острог, а затем ссылка на Нижнюю Тунгуску. После возвращения в Иркутск в 1912 г. он становится одним из руководителей газеты «Сибирь», а также принимает активное участие в деятельности партийной организации эсеров. В период гражданской войны дважды подвергался аресту колчаковцами и отошел от непосредственной политической деятельности.

После разгрома белогвардейщины в Сибири Гольдберг активно включился в жизнь нового советского общества, работал в культурно-просветительных учреждениях и организациях, являлся членом редколлегий журналов «Будущая Сибирь» и «Новая Сибирь» и сотрудничал в них, а также в журнале «Сибирские огни». Значительную роль сыграл Гольдберг в формировании и развитии писательской организации в Иркутской области.

Писать Гольдберг начал рано. Еще в 1903 г. в легальных и нелегальных газетах Восточной Сибири появились его литературные зарисовки и маленькие рассказы. В 1906 г.* в Томске вышел «Первый литературный сборник сибиряков», где была опублико-

вана его «Исповедь», подражательное, написанное под влиянием декадентов произведение.

Побывав в ссылке, Гольдберг близко познакомился с жизнью сибирских крестьян. В 1914 г. вышли из печати «Тунгусские рассказы». За ними последовали повесть «Темное» (сб. «Северные зори», 1916), рассказ «Братья Верхотуровы» (Сиб. записки, 1916). В этих произведениях Гольдберг с глубоким сочувствием изображал жизнь крестьянства, восхищался стойкостью и мужеством тружеников, выражал надежду на их освобождение от гнета и бесправия, хотя преувеличивал значение в жизни человека «законов биологии», «неизбежность», «волчьей» беспощадной борьбы «сильного» против «слабого».

Лучшим из дореволюционных произведений Гольдберга является цикл «Тунгусских рассказов», получивших после революции название «Рассказы об эвенках». В таких произведениях, как «Смерть Давыдихи», «Чупалин сон», «Правда», «Николай-креститель», «Злые духи», нарисована бесправная, нищенская жизнь эвенков, народности, по существу, обреченной в условиях царской России на вымирание. «Последняя смерть», «Месть», «В бездельное лето» и другие рассказы раскрывают перед нами благородство, мужество и стойкость маленького народа, его общие интересы с беднотой русских сел. Задуманный на основе прекрасных традиций В. Г. Короленко эвенский цикл написан в хорошем стиле реалистической прозы.

В начале революции Гольдберг пережил глубокий творческий кризис. В 1919 г. им была написана повесть «Его путь», опубликованная в том же году в барнаульском журнале «Сибирский рассвет». Жизнь политических ссыльных в глухой сибирской деревне представлялась писателю темным безвыходным прозябанием бывших революционеров, совершенно оторвавшихся от боевой политической жизни и погрязших в мелких бытовых столкновениях.

Начиная с 1921 г. Гольдберг активно включился в творческую жизнь, стремясь показать новые явления действительности. В этот и последующие годы он пополнил цикл эвенкийских рассказов. Рассказы «Двойное шаманство», «Евсейкина песня», «Большая нульга Баркауля», «Обида», «Волки», «Шаман-баба», «Железная птица», «Простая жизнь» посвящены изображению жизни эвенков в советских условиях. Одни из них сражаются на фронтах гражданской войны, другие едут на учебу, третьи активно борются против шаманского культа, помогают Советской власти организовать жизнь на новых, культурных основах.

В послеоктябрьском творчестве Гольдберга широко представлена тема революции и гражданской войны. Она раскрывает своеобразие великих исторических событий 1917—1920 гг. Лучшие из произведений Гольберга на эту тему составили сборник «Путь, не отмеченный на карте», выдержавший много изданий.

Наиболее сильно и убедительно в сборнике изображен старый мир. Самым ярким, бесспорно, является рассказ «Гроб подполковника Недочетова». «Волчьим походом» называет писатель отступление одной из последних колчаковских банд, разгромленных Красной Армией. Как и большинство других произведений Гольдберга, посвященных гражданской войне, рассказ «Гроб подполковника Недочетова» построен на остром, внешне неожиданном сюжете. Необычайно напряженный сюжет дает писателю возможность показать во всем размахе неразрешимые противоречия и конфликты, разрушающие колчаковскую армию.

Эта же тема деградации старого мира и его представителей

не менее ярко раскрыта в рассказе «Путь, не отмеченный на карте».

В своих произведениях писатель настойчиво подчеркивает, что новый строй рождался в упорной борьбе и упрочение его невозможно было без разгрома отчаянно сопротивлявшегося, потерявшего человеческий облик врага. В непримиримых столкновениях старого и нового миров гибнут трагически и многие защитники правого дела. Таков, например, рассказ «Цветы на снегу», завершающийся гибелью прекрасной, преданной революции девушки Наташи, убитой по ошибке партизанкой Лукерьей. Таков рассказ «Пятый четверг», рисующий большевиков, ожидающих в тюрьме неизбежной расправы колчаковских палачей. Полна драматических неожиданностей жизнь коммуниста Маркелычеаа, лишь случайно избежавшего гибели (рассказ «Круг»).

В 1924 г. Гольдберг написал рассказ «Бабья печаль», заслуживший премию на литературном конкурсе журнала «Красная нива». В нем повествуется о судьбе молодой деревенской женщины Паруньки, о том, как она стала бойцом и защитником советских общественных порядков.

Повесть «Сладкая полынь», написанная в 1927 г., как бы завершает у Гольдберга тему гражданской войны и одновременно выдвигает новую, не менее важную идейно-художественную проблему — изображение жизни советской деревни в годы восстановления. «Сладкая полынь» — одно из лучших произведений писателя. В ней психологически глубоко изображена трагедия молодой женщины Ксении Коненкиной, бывшей партизанки, которую сживают со света ее односельчане, деревенские богачи. В повести прекрасно передана сложная обстановка в сибирской деревне периода нэпа, куда возвращается после долгого отсутствия изуродованная в сражениях Ксения.

Идеи, темы, нашедшие отражение в сборнике «Путь, не отмеченный на карте», стояли в 20-х гг. в центре внимания всей советской литературы и на различном материале действительности решались В. Маяковским, Д. Фурмановым, А. Серафимовичем, Вс. Ивановым, В. Зазубриным и многими другими художниками. Произведения Гольдберга вносят в общую сокровищницу нашего искусства свою лепту, открывая взору читателя страницы жизни, которые наблюдал и воспроизвел именно он.

Переход Советской страны к мирной созидательной жизни, героические усилия народных масс, восстановивших разрушенное хозяйство, а затем приступившие к строительству социализма, также получили отражение в творчестве Гольдберга, особенно в повестях «Поэма о фарфоровой чашке» (1930) и «Главный штрек» (1932). В этих произведениях, опираясь на богатый жизненный материал, полученный в итоге длительного изучения Хайтинской фарфоровой фабрики, работы и быта черемховских шахте-

ров, писатель отобразил события и характеры незабываемой эпохи. «Поэма о фарфоровой чашке» была замечена М. Горьким.

Среди других произведений Гольдберга последнего периода следует отметить роман «День разгорается» (1935), посвященный революции 1905 г., в частности, событиям в Восточной Сибири, в Иркутске. Недостаточно совершенный с художественной точки зрения, этот роман примечателен резко отрицательным отношением его автора ко всем партиям, враждебным большевизму, в том числе к партии эсеров.

Разнообразна критическая деятельность Гольдберга, написавшего ряд статей по вопросам литературной теории и практики. Особенно важна в этом ряду «Биография моих тем». В ней писатель не только рассказал о творческой истории создания ряда своих произведений (особенно рассказов об эвенках), но и ввел читателей в свою «лабораторию», поделился с начинающими авторами секретами художественного мастерства.

Долголетняя творческая работа Гольдберга получила высокую оценку М. Горького. В дни тридцатилетия литературной деятельности он писал юбиляру: «Дорогой Исаак Григорьевич! Примите мой искренний и почтительный поклон. Мне кажется, что я довольно четко и живо могу представить себе, что значит и сколько требует сил тридцатилетняя работа в области литературы за пределами внимания литераторов и критиков «центра»... Еще раз повторяю свое поздравление и желаю вам, Исаак Григорьевич, душевной бодрости, успехов в работе, доброго здоровья».

2 декабря 1939 г. писатель погиб.

А. Абрамович

СОЧИНЕНИЯ

Избр. рассказы.— Москва — Иркутск: Востсибкрайгиз, 1936; Избр. произведения (Пред. П. Забелина.— М.: Худ. лит., 1972; Тунгусские рассказы.— М.: Кн. изд-во писателей в Москве, 1914; Большая смерть; Николай-креститель; Олень: Рассказы.— Барнаул: Культпросветсоюз Алт. края, 1918; Закон тайги: Рассказы. Иркутск, 1923; Бабья печаль: Рассказ. — Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1925; Наследство капитана Алешкина.— Л.: Прибой, 1926; Путь, не отмеченный на карте: Рассказы.— М.; Л., ГИЗ, 1927; То же.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1958; Сладкая полынь: Повесть и рассказы.— М.—Л.: ГИЗ, 1928; То же.—/Послесл. Е. Островской.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Тысяча и одна ночь: Рассказы.— М.: Изд-во Моск. т-ва писателей, 1928; Ли Тян уходит: Рассказы.— М.—Л.: Земля и фабрика, 1930; Поэма о фарфоровой чашке.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; Тайга в огне: Сб. рассказов о гражд. войне.— Иркутск: Востсибкрайгиз, 1932; Повести и рассказы.— М.: Сов. лит., 1934; Главный штрек: Повесть.— М.; Л.: Сов. лит., 1935; День разгорается: Роман.— Москва — Иркутск: Востсибкрайиздат, 1935; Простая жизнь: Рассказы об эвенках: — Москва — Иркутск: Востсибкрайиздат, 1936; Петька шевелит мозгами.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Человек с ружьем: Рассказы/Ил.: В. Болдина. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Письма И. Г. Гольдберга к В. Г. Короленко/Публ. А. Малютиной. — Сибирь, 1974, № 1; Письма И. Г. Гольдберга к В. И. Анучину (статья и комментарии В. Трушкина).— Лит. наследство Сибири. Т. 3, Новосибирск, 1974, с. 276—288; Забелин П. В. Путь, отмеченный на карте. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; Топоров А. Деревня в современной художественной литературе: [О повести «Гроб подполковника Недочетова»].— В его кн.: Крестьяне о писателях. Новосибирск, 1963; Писатели современной эпохи. М., 1928; Горький М. Приветствие Исааку Григорьевичу Гольдбергу в день тридцатилетия литературной деятельности.— Вост.-Сиб. правда, 1933, 4 дек.; Гудошников М. О творчестве Ис. Гольдберга.— Буд. Сибирь, 1934, № 1; Черных П. Заметки о языке и стиле И. Гольдберга.— Нов. Сибирь, 1935, № 4; Горький М. Письмо к Е. С. Добину.— Собр. соч., М., 1955, т. 30; Абрамович А. Эвенкийские рассказы И. Гольдберга.— Енисей, 1958, кн. 22; Яновский Н. Жизнь начинается снова.— Ангара, 1960, № 4; Шик Э. Г. Героика гражданской войны в произведениях Исаака Гольдберга.— Уч. зап./Ом. пед. ин-т, 1962, вып. 17; Ловцов Н. Н. Из воспоминаний.— Сиб. огни. 1964, № 11; Азадовская Л. Сибирский сборник 1912 г.: (История несостоявшегося издания). [И. Г. Гольдберг и «Сиб.

сборник»].— Сиб. огни, 1971, № 10; Краснова В. И. Концепция революции в творчестве И. Г. Гольдберга: (К проблеме стиля и метода) Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Иркутск, 1973.— 23 с.— Иркут. гос. ун-т.; Якимова Л. П. Тема «Великого кочевья» в русской литературе Сибири 30-х годов.— В кн.: Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 1974; Трушкин В. Из пламени и света.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976.— См. умен. указ., Из воспоминаний об И. Г. Гольдберге.— Сибирь, 1977, № 6, с. 95—97; Трушкин В. Вехи творчества.— В кн.: Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981, с. 181—218; Трушкин В. Восхождение.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978.— См. имен. указ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Исаак Григорьевич Гольдберг: К 30-летию лит. деятельности. 1903—1933. (Библиогр. указ.). Иркутск, 1934.— 11 с.

С. С. ШИЛОВ
(1885 — 1954)

Степан Самойлович Шилов — один из трех братьев Шиловых-революционеров, партизанских вожаков, борцов за Советскую власть в Забайкалье и Приамурье. Шилов родился 25 марта 1885 г. в селе Зубарево Читинской области, прожил жизнь трудную, бурную, полную лишений, опасностей и прекрасных романтических взлетов.

Было детство в непосильной работе на пашне. Был горячий ветер пятого года, Читинская республика, карательные отряды Ренненкампфа и Меллера-Закомельского. Были обыски, тяжелые руки жандармов и холод читинского каземата. Были скитания по чужим городам и весям. Была угрюмая солдатчина, из которой рядового, а позже прапорщика Шилова выхватил огненный вал победоносной революции. Были месяцы напряженной самоотдачи — работа по устройству молодой народной власти в Забайкалье. И были партизанские тропы Приамурья и знаменитый «Таежный исполком» амурских Советов, во главе которого в тяжелейшее и опаснейшее время белогвардейщины и интервенции стоял Степан Самойлович Шилов.

Стихи, рассказы, повести, очерки Шилова своими корнями уходят в эту живую, емкую, густо заполненную движением, людьми, событиями биографию автора.

Тщедушный и недорослый от недоедания Илька, скитающийся по городу в поисках грошевого заработка (рассказ «Илькин фарт»); вечно голодный и забитый непосильным трудом маленький Лютик («Перед урожаем»); Васюк, теряющий на прииске отца и ограбленный лихим встречным на пути домой («Самородок»), — это все разноединый в различных жизненных обстоятельствах образ Степы Шилова, это его труженичество, его голоданье, его муки и страхи — памятные страницы его детства, детства его братьев и сверстников.

К началу первой русской революции Шилов уже окончил уездное училище, выдержал экзамен на сельского учителя, был членом Нерчинского комитета РСДРП и, несмотря на молодость, пользовался среди простого народа и сельской интеллигенции, в кругу товарищей-революционеров репутацией человека прямого, надежного, решительного, готового до конца бороться за народное дело.

Давний товарищ Шилова нерчуганин Г. С. Новиков-Даурский, выдающийся историк и краевед, проживший долгую и плодотворную жизнь, рассказывает в своих воспоминаниях: «Степан Самойлович... принимал активное участие в революции 1905 г. ...Эта

его деятельность не ускользнула от внимания жандармского управления... В 1907 г. Шилова арестовали и заключили в Читинскую тюрьму... Шилов подлежал высылке под гласный надзор полиции... Высылка была заменена выездом за границу...»

А в неопубликованной автобиографии Шилов как бы добавляет к словам своего друга — с присущей застенчивой грубоватой шутливостью: «В 1909 г. был арестован пражской жандармерией и после некоторой отсидки выслан из пределов Австро-Венгрии на вечные времена...» После Праги — Цюрих, Лозанна, Женева.

Об этих днях скитаний на чужбине — рассказы «Святое озеро», «Живой мертвец», «Неприемлющие», «Никогда», «Видение» и другие, печатавшиеся позже в сибирских газетах, — рассказы, в которых острым штрихом, горьким словом переданы и неприкаянность, униженность, бездолье эмигрантской жизни и тоска изгнанников по родине и своему народу.

Далеко не все в этих рассказах удавалось молодому писателю. В. Г. Короленко в своем отзыве на рукопись рассказа «Живой мертвец» сурово и справедливо упрекнул автора в том, что он увлекается «разбавленной риторикой», не находит точных и «простых слов», рядится в тогу патетики. Небезынтересно отметить чисто короленковский интерес к личности начинающего собрата. «Автор, по-видимому, рабочий... эмигрант, бывший учитель», — записывает он 24 августа 1910 г. в своей редакторской книге.

Есть все основания предполагать, что отзыв В. Г. Короленко дошел до Забайкалья и оказал на молодого Шилова благотворное воздействие, во многом определил формирование его эстетического вкуса, творческих принципов, стилистической манеры.

До конца преодолеть отмеченные знаменитым писателем художественные просчеты и несовершенства Шилову не удалось, но именно в 1911—1915 гг. он написал лучшие свои рассказы деревенского цикла («Парфенова кручина», «Прощеный день», «Про Лушку», «Тлен», «Четкурова месть», «Волочуга» и другие) — рассказы, полные трагического реализма, жестокого юмора и щедрых примет сибирского быта, рассказы, в которых играет, звенит, озорничает крепкое и здоровое слово забайкальского мужика — хлебороба, пастуха, охотника, старателя.

Весь многослойный опыт жизни, весь темперамент борца, всю мудрость много изведавшего и перестрадавшего сердца, все кровное знание народного коренного языка вложил Шилов в послереволюционные рассказы «Таежная быль», «Месть Сухой протоки», «В Байгула-пади», «Харламов урок», «Ведьма».

Перед нами невыдуманная тайга с ее запахами, зорями, шорохами, перед нами люди новых дней, новых устремлений, новой судьбы — партизанский командир Максим Багульников, простодушный силач-партизан Артем Сохатый, дед Кормиша и старая

Лукишна, ловящие на своей заимке отзвуки революции, старый зверобой Калина и бурят-охотник Очирка — каждый со своим лицом и характером, со своим словом, своей человеческой сутью — живые участники зоревых дней революции.

Тяжелая болезнь, житейские невзгоды не позволили развернуться могучему от природы писательскому дарованию С. Шилова, хотя и под старость он не сдавался и был «намерен крепко взяться за перо, чтобы изобразить на бумаге... очень волнующие... давно выношенные темы».

10 октября 1954 г. Степан Самойлович умер.

Незаконченный роман «Чад» (опубликована лишь первая часть), пьеса «Закон тайги», с полдюжины прозаических сборников, более ста рассказов, напечатанных в журналах и газетах, стихи, очерки, статьи — таково литературное наследие председателя «Таежного исполкома», бойца и писателя С. С. Шилова.

О. Хавкин

СОЧИНЕНИЯ

Ведьма: Рассказы.— М.; Л.: ГИЗ, 1925; Варнак: Рассказы.— М.; Л.: Госиздат, 1926; Домовой: Рассказы.— М.; Л.: Госиздат, 1926; Нечистая сила: Рассказ.— М.; Л.: Гослитиздат, 1926; Окровавленный серп: Рассказ.— М.; Л.: Госиздат, 1926; Разбойники: Рассказы.— М.; Л.: Госиздат, 1926; Ночное: Рассказы.— М.; Л.: Госиздат, 1927; В Байгуле-пади: Рассказы. М., 1929; Чад: Роман. М., 1929; Охота на тигров. М.; Л:, 1930; Соль с хвостиком: Рассказ из старых сибирских былей. М., 1930; Закон тайги. Пьеса в 5-ти д. 8-ми карт. Москва — Иркутск, 1932; Костры самураев. —Колхозник, 1939, № 2; Таежная быль: М., Госиздат, 1939; Урок.— Сиб. огни, 1939, № 5; Забайкальские были: Рассказы и повести/Ред.-сост., авт. предисл. О. Хавкин. Ил.: Калашников.— Чита: Кн. изд., 1958; Месть сухой протоки: Рассказы. Благовещенск, 1960; Песни пролетариев.— В кн.: Антология поэзии Дальнего Востока. 1917—1967. Хабаровск, 1967; Песни пролетариев: Стихи.— В кн.: Огненные листья: Сб. стихов. Хабаровск, 1972.

ЛИТЕРАТУРА

Лебедев Б. Председатель «Таежного исполкома». Биогр. очерк.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1966.— 64 с. (Замечательные дальневосточники); Новиков-Даурский Г. С. Братья Шиловы.— В кн.: Новиков-Даурский Г. С. Историко-архитектурные очерки, статьи, воспоминания. Благовещенск, 1961, с. 174—180; Лозев А. Рассказы Степана Шилова.— Дальний Восток, 1961, № 3, с. 182—184; Пузырев В. Г. Проблемы народного характера в творчестве С. С. Шилова.— В кн.: Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (20-е гг.). Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та, 1969, т. 25, вып. 3, с. 124—179.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пак Л. Г. Писатели Забайкалья. Библиогр. указ. Чита, 1967.— 16 с. (Читин. обл. б-ка).

Г. С. ВИНОГРАДОВ (1886 — 1945)

Известный краевед, этнограф, фольклорист, Георгий Семенович Виноградов родился 9(22) апреля 1886 г. в г. Тулуне Иркутской области в семье крестьянина. Первоначально учился в школе в Тулуне, а затем, как он сам пишет, случай и добрые люди помогли ему выбраться в Иркутск, где он окончил четыре класса Иркутской духовной семинарии. Еще будучи учеником семинарии, он увлекается революционной деятельностью, мечтает посвятить себя самоотверженному служению народу, просвещению его. Губернское жандармское управление устанавливает за ним слежку. Несколько раз он подвергался арестам, административной высылке из Иркутска. Много позднее в письме к М. К. Азадовскому Виноградов писал: «Помню мои тюремные годы, годы заточения — 1908, 1909, 1912-й. Помню казармы 1916 г. По моим-то силам этих

испытаний хватило бы за глаза» (Лит, наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 203).

В 1913 г. он окончил Высшие педагогические курсы в Петербурге. Одновременно в Музее антропологии и этнографии Академии наук он слушает лекции крупнейшего этнографа Л. Я. Штернберга, увлеченно занимается этнографическими изысканиями под руководством видных ученых-этнографов А. А. Макаренко и В. И. Иохельсона.

Таким образом, в Петербурге Виноградов прошел хорошую школу по этнографии, что и определило его научные интересы на всю жизнь.

По окончании курсов Георгий Семенович поехал работать учителем в с. Коркино Енисейской губернии, чтобы продолжить свои исследования по этнографии. Затем он некоторое время работал преподавателем гимназии в Чите, а несколько позже — в учительской семинарии в Тулуне.

Педагогическая работа в школе позволяла ему заниматься и научными исследованиями. В каникулярное время он отправлялся в деревни, изучал быт, нравы и обычаи русского старожилого населения Сибири.

В 1915 г. в Петрограде, в этнографическом сборнике «Живая старина», была напечатана работа Виноградова «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири». В ней содержатся материалы по народной медицине и ветеринарии, записанные в Тулунской волости. Эта работа получила премию — серебряную медаль Русского географического общества.

Фактический материал этой книги говорит о прошлом этапе жизни русского крестьянства, он показывает, как был ограблен народ при царизме, в какой темноте и невежестве пребывало тогда сибирское крестьянство.

Работая в Тулунской учительской семинарии, Виноградов продолжает изучать поверья и обряды крестьян-сибиряков, собирает материал для народного календаря, изучает фольклор и говоры старожилого населения Иркутской губернии.

С 1920 г. Виноградов работает заведующим отделом Иркутского музея народоведения и одновременно состоит профессорским стипендиатом при кафедре первобытной культуры в Иркутском университете.

В 1922 г. после магистерских испытаний и защиты сочинения о быте сектантов в Сибири он избирается доцентом педагогического факультета Иркутского университета, а с 1925 г. — профессором по кафедре этнографии. В 1923—1929 гг. редактировал журнал «Сибирская живая старина».

На педагогическом факультете Виноградов работал с 1920 по 1930 г., читал лекции по народной словесности, вел семинары по этой дисциплине; с 1926 по 1929 гг. читал также спецкурс «Детская речь». Г. С. Виноградов был ученым с широким научным кругозором: он педагог, этнограф, фольклорист, диалектолог, лексикограф, литературовед.

В Иркутске особенно плодотворно он работал по изучению детского фольклора в Сибири. В то время эта область устной детской поэзии была почти не исследована. Чтобы изучить детский фольклор Сибири, нужно было прежде всего собрать большое количество текстов. Одному человеку выполнить эту работу было непосильно. На помощь пришли студенты. В каникулярное время в разных местах Сибири они записали для Виноградова огромное количество текстов.

Обрабатывал он этот материал в течение нескольких лет и публиковал его в отдельных книжках и статьях в журнале «Сибирская живая старина». Часть этого материала он обобщил, дополнил, снабдил научным аппаратом и напечатал книгу

«Русский детский фольклор. Книга первая». Иркутск, 1930. В ней описаны детские игровые прелюдии, приведены тексты и примечания к ним.

В 1934 г. Виноградов переехал в Ленинград и работал там до конца жизни в научно-исследовательских институтах АН СССР, участвовал в составлении Словаря современного русского литературного языка, редактировал ряд изданий Академии наук, писал текстологические комментарии к «Онежским былинам» А. Ф. Гильфердинга, к «Народным русским сказкам» А. Н. Афанасьева и к другим изданиям. Всего им напечатано и написано свыше 75 работ.

Самое тяжелое время блокады Ленинграда — зиму 1941—1942 гг. он провел в этом городе-герое. В характеристике Георгия Семеновича сказано, что он, «несмотря на свое более чем плохое здоровье и возраст, который давал ему право на освобождение, нес вместе со всеми круглосуточные дежурства по охране здания института. Он поддерживал в коллективе чувство уверенности в победе и вселял бодрость в тех, кто иногда падал духом».

В конце 1942 г. Виноградова в тяжелом состоянии удалось вывезти из осажденного города сначала в Углич, потом в Алма-Ату. Вот как он сам рассказывает об этом: «Полуживого вывезла Таня (Татьяна Васильевна Инешина — библиотекарь библиотеки Академии наук.— В. Т.) меня из Ленинграда. В Углич я был везом, не зная, почему в Углич, не зная, надолго ли. Просуществовал в древнем городе тринадцать месяцев. Существовал бы молча еще неведомо сколько времени, если бы по инициативе директора Института вице-президент не «командировал» меня в Алма-Ату. Неправдой было бы сказать, что вполне живым везла меня в Ату Таня... Здесь постепенно выправляюсь, только ноги плохо ходят...» (Лит. наследство Сибири. Т. 1, с. 206).

В блокаду у него погиб весь архив, библиотека, но тяжелобольной ученый не сдавался, он продолжал заниматься любимым делом. «Ни в Ленинграде, ни в Павловске, — писал он в апреле 1944 г. М. Азадовскому, — у меня не сохранилось ничего... Все книги, все бумажонки с записями, все материалы, все работы,— все, что делалось 29 лет, все погибло... Но дурные навыки не изжиты: сижу в библиотеке, сижу в институте, читаю, а когда есть бумага, то и пишу» (Там же).

Виноградов был признанным, крупнейшим советским исследователем детского фольклора, которым он занимался на протяжении десятилетий. Он мечтал о создании многотомного обобщающего свода устной детской поэзии. Накануне Великой Отечественной войны им была написана большая статья «Детский фольклор», в которой автор попытался дать теоретическое омысление основных проблем, связанных с историей собирания, изучения, условий бытования, жанровой специфики и поэтики детского фольклора. Эта работа представляет большую научную

ценность, она как бы завершает многочисленные публикации и труды ученого по данной теме. Статья долгое время считалась утерянной и лишь в 1978 г. была опубликована в сборнике АН СССР «Из истории русской фольклористики».

Много им сделано в изучении фольклоризма русских классиков.

Виноградов оставил после себя много учеников, которым он бескорыстно помогал выйти на широкое поприще в науке. В жизни он был обаятельным человеком: добрым, скромным, отзывчивым, трудолюбивым. Во время своих многочисленных экспедиций он как-то сразу и легко находил общий язык с крестьянами, быстро завоевывал доверие у них. Скончался Виноградов 18 июля 1945 г. в Ленинграде.

В. Кудрявцев
В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири: Вост. Сибирь.— Пг., 1916; Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири: Вост. Сибирь, Тулуновск. волость и др. Иркутск, 1918; К изучению народных детских игр у бурят. Иркутск, 1922; Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1923; Тюремная песня.— Этногр. бюл. ВСОРГО, 1923, № 3, с. 13—14; Этнография и современность. — Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1923; Детский народный календарь. — Иркутск. Изд. ВСОРГО, 1924; Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии. Иркутск, 1924. — В соавт. с П. Я. Черных; Детская сатирическая лирика.— Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1925; Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Иркутск, 1925; Этнография в курсе школьного краеведения. Иркутск, 1925; Замечания о говорах Тункинского края. Иркутск, 1926; Из записей фольклориста: Музыканты в Тункинском крае.— Сиб. живая старина, 1926, вып. 1, с. 38—41; Народная педагогика.— Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1926; Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: Крат. обзор.— В кн.: LXXV: Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за семьдесят пять лет. 1851—1926. Юбилейный сборник. Иркутск, 1926, с. 3—37.— (Изв. ВСОРГО, 1927, т. L, вып. 1); Детский фольклор в школьном курсе словесности.— Рус. язык в школе, 1927, № 2, с. 52—66; № 3, с. 84—97; Шулюканы: Заметка к вопросу о культурном взаимодействии рус. и якутов.— В кн.: Очерки по изучению Якутского края. Иркутск, 1927, вып. 1, с. 17—24; Детские игровые прелюдии.—Сиб. живая старина, 1928, вып. 7, с. 47—88; вып. 8—9, с. 119—174; Из наблюдений над детским Потешным фольклором «Сечки».— В кн.: Детский быт и фольклор. Л., 1930, с. 13—21; Краткий обзор деятельности Тулуновского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта за пятилетие 1913—1918 гг.— Иркутск, 1930; Русский детский фольклор: Кн. 1.— Иркутск, 1930; Календарь народный.— Сиб. сов. энциклопедия, 1931, т. 2, стб. 456—457; Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири.— Сов. этнография, 1936, № 3, с. 78—83; Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах».— Сов. фольклор, 1936, № 2—3, с. 341—368; Вариант: Фольклорные источники романа Мельникова-Печерского «В лесах». — В кн.: П. И. Мельников. (А. Печерский). В лесах.— Л.: Изд-во Academia, 1936, с. V—LVII; Комментарий к «Вечеру накануне Ивана Купала».— В кн. Гоголь Н. В. ПСС.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940, т. 1, с. 521—528; Карельская причеть в новых записях.— В кн.: Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, с. 4—20; Этнографические источники первой повести Н. В. Гоголя.— Сов. этнография, 1940, сб. 4, с. 119—127; Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского.— Сов. этнография, 1940, сб. 3, с. 35—55; Плачи и сказы.— В кн.: Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941, т. 1, с. 105—131.— В соавт. с А. Н. Лозановой; Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе.— Лит. наследство, 1941, № 43—44, с. 353—388; Детский фольклор. В кн.: Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 158—188.

ЛИТЕРАТУРА

Отчет Г. С. Виноградова о работе в Тункинском крае летом 1925 г.— Сиб. живая старина, 1926, вып. 1, с. 168—170; Элиаш Н. Изучение сибирского фольклора за последние годы.— Сев. Азия, 1925, № 5—6; [Азадовский М. К.] Виноградов Г. С.— Сиб. сов. энциклопедия, 1929, т. 1, с. 486; Сизых Д. Педагог-фольклорист.— Сиб. огни, 1963, № 4, с. 170—174; Астахова А. Георгий Семенович Виноградов. (К 80-летию со дня рождения).— Русская литература, 1966, № 3, с. 195—201; Мельников М. Н. Г. С. Виноградов как собиратель и исследователь детского фольклора.— В кн.: XI научная сессия Новосибирского гос. пединститута. Вып. 3. Новосибирск, 1967. Письма Г. С. Виноградова М. К. Азадовскому.— Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 189—207.

М. К. АЗАДОВСКИЙ (1888 — 1954)

Азадовский Марк Константинович (18.XII.1888, Иркутск — 21. XI. 1954, Ленинград) — выдающийся советский филолог: фольклорист, историк литературы, этнограф, краевед, декабристовед, архивист, библиограф, искусствовед. Образование получил в Иркутской классической гимназии (закончил в 1907 г.) и С.-Петербургском университете на историко-филологическом факультете (1908—1913). Научную работу начал еще студентом в обстановке общественного подъема, роста культурного и краеведческого движения под влиянием первой русской революции. Родиноведческие кружки и общества студентов в университетских городах увлекли и Азадовского. Каникулы 1910—1912 гг. были отданы этнографическим экскурсиям общества изучения Сибири. Организатор и деятельный член библиографической секции этого общества, Азадовский собирает материал для указателя «Сибирь в русской журналистике 1891—1900 гг.» Секция мыслила себя продолжательницей дела В. И. Межова. В 1914 г, будучи уже оставленным в университете по предложению своих учителей — акад. Шахматова и проф. Шляпкина — для подготовки к профессорскому званию, Азадовский пишет статью «Родиноведение и студенчество», с которой начинается историкографическая тема в его трудах.

Аспирантские годы были материально трудными и академически насыщенными: две поездки на Амур (1913—1914) с богатыми записями фольклора, на основе которых написаны первые научные статьи; работа в редколлегии журнала «Живая старина», издававшегося РГО, — редактировал «Приложения»; работа в Комиссии по составлению этнографических карт страны; составление в соавторстве с С. И. Руденко «Систематического этнографического указателя к трудам путешественников по Сибири»; поездка летом 1915 г. по поручению Ак. наук и РГО в верховья Лены для собирания материалов по фольклору и диалектологии Восточной Сибири.

С 1918 по 1930 гг. Азадовский работал в Сибири: сначала в Томском университете — старший ассистент, доцент, затем в Институте народного образования в Чите — профессор, и с 1923 г. занимал кафедру русской литературы в Иркутском университете. Сибирское двенадцатилетие — время расцвета дарования ученого: подъем науки в послеоктябрьские годы, молодость и опытность, яркая одаренность, хорошая школа, талант организатора и педагога — все это обусловило разносторонность и результативность научной деятельности, несмотря на две больше трудности: обилие лекционных курсов (древняя литература, поэтика, методология, западноевропейская литература) и — сопротивление вульгарных социологов этнографическим и фольклороведческим исследованиям. Ученый обращается в Центральное бюро краеведения при Ак. наук, к М. Горькому, чтобы «сверху» осветили необходимость данных наук. Возглавляя кафедру и ВСОРГО, он сплотил силы фольклористов, литературоведов, краеведов, писателей, учителей, студентов; руководил фольклорными экспедициями, среди которых две поездки в Тункинскую долину (1925 и 1927) особенно выдаются богатством материала (открыты семьи сказочников Сороковиковых, Тугариновых, Пермяковых, и выдающиеся мастера Е. И. Сороковиков, Д. С. Асланов, В. Пятницкий). Эти поездки — блестящее развенчание ми-

фа об угрюмой, нехудожественной природе сибиряка. Научная продукция потребовала печатного органа. Азадовским и Г. С. Виноградовым был основан первый советский фольклорно-этнографический журнал «Сибирская живая старина» (1923—1930). Широко развернулась под руководством ученого издательская деятельность.

Материалы экспедиций взывали к истории, требовали сибирского сказочного контекста. Азадовский издает записи 1915 г. — «Сказки Верхнеленского края» (1925), надолго определившие в советском сказковедении тип монографического издания, а имена Н. О. Винокуровой (вып. 1) и Ф. И. Аксаментова (вып. 2) прибавились к 135 именам мастеров русской сказки, выявленным собирателям конца XIX— нач. XX вв. Открытие поэтического края, выдающихся мастеров, замечательного репертуара — в этом фактологическая ценность книги; этнографический комментарий, постановка проблемы «сказитель и его мастерство», тонкий и разносторонний анализ индивидуальной манеры сказителя — это определяет непреходящее научно-теоретическое значение издания. Вступительная статья к «Верхнеленским сказкам» была переработана и в 1926 г. издана в Хельсинки. Культурно-исторический подход к роли исполнителя (А. Гильфердинг, Н. Ончуков, Б. и Ю. Соколовы, У. Ян и др.) Азадовский считает недостаточным: остаются «в тени вопросы чисто художественные». Он показывает богатство типов сказочников (дидакты, циники, поэты, фантасты, реалисты и др.) и ставит задачу «обнаружить те творческие силы, которые руководят созданием сказки», изучить «художественный облик сказителя», рассмотреть сказки как «целостный художественный организм», «на первый план выдвинуть вопросы поэтики» (М. Азадовский. Статьи и письма. Новосибирск, 1978, с. 72—76). Эти задачи актуальны и для современной науки. Диалектику индивидуального и общенародного в творчестве сказочника Азадовский понимал глубже своих оппонентов (А. Нечаев, В. Кожинов и др.). Н. О. Винокурова в его трактовке — «представитель всей русской сказочной поэзии, замечательный народный художник, созданный крестьянской средой».

Заботой о расширении фактологической основы науки, пониманием информативной активности фольклорной среды 20-х гг. продиктованы «Беседы собирателя» (Иркутск, 1924)— первый по времени и точный по существу ответ ученого на острую нужду в литературе по методике и методологии собирания. «Беседы» — жанр научно-педагогический: изустное слово, демонстрация типов произведений, общей и частной методики записи, география собирания, поучительно яркие воспоминания и свидетельства авторитетов, социальная и научная мотивировка собирания — все это делало «Беседы» ценным пособием. Второе издание их (1925) было научно-практической всесоюзной необходимостью. Требование теоретически обоснованной системы (география, жанры, типы носителей, диахрон текстов и др.) в собирании устнопоэтических памятников было главной идеей Азадовского, обусловившей размах дела. Сборник «Сказки из разных мест Сибири» (Иркутск, 1929)— результат увлеченной работы учеников Азадовского, вновь открывших имена мастеров (С. Скобелин, А. Кошкаров и др.). Издательская и собирательская деятельность Азадовского, его сотрудников и учеников открывала Сибирь как страну колоссальных устно-поэтических богатств, лишь частично собранных и малоизученных. Так завершилась полемика Азадовского с этнографами XIX— нач.

XX в. (Щапов, Ровинский, Максимов и др.), писавшими об отсутствии в Сибири устно-поэтической традиции ввиду сурового климата и преобладания звероловства в занятиях сибиряка. Иркутск 20-х гг. стал крупным центром фольклорно-этнографических и краеведческих исследований, а в год второго издания «Бесед» Азадовский был введен в состав Центрального бюро краеведения при Ак. наук в Ленинграде.

В кругу известных советских декабристоведов Азадовскому принадлежит одно из первых мест. «Сибирь и декабристы» — это не только крупное издание, вышедшее под его редакцией в 1925 г., но и направление научных интересов. Азадовский изучает декабристов как краевед, показывает их благотворительную, врачебную, педагогическую, хозяйственную деятельность как «воплощение основных принципов неписаного кодекса поведения изгнанников». Занимается собиранием и публикацией литературного наследства декабристов, давая драгоценные предисловия и примечания; много уделяет внимания декабристской библиографии, первым изучает фольклористику декабристов; с полным учетом состояния науки о декабристах рецензирует ленинградские и московские издания. В последние годы жизни Азадовский закончил ряд новых работ о декабристах. Среди них исключительно ценная, столь же неожиданная, как и закономерная —«Затерянные и утраченные произведения декабристов» — труд синтетический и монументальный. Впервые в истории декабристоведения ученый поставил вопрос о затерянных и утраченных произведениях декабристов с энциклопедическим размахом — учесть все произведения уставно-программного, научного, публицистического и художественного содержания. На 178 страницах «Литературного наследства» (т. 59), учтя деятельность ста двух декабристов, дав 470 ссылок-примечаний, Азадовский воссоздает «впечатляющую картину великого труда ранних русских революционеров»—грандиозный мартиролог декабристского наследия.

Азадовский был выдающимся историком сибирской литературы. Будучи членом главной редакции «Сибирской советской энциклопедии», он редактировал отдел «Литература и искусство» (1929—1937). «Очерки литературы и культуры Сибири» (Иркутск, 1947) объединили статьи разных лет, напечатанные гл. обр. в сибирских изданиях. «Сибирская беллетристика 30-х гг.» — обширное исследование становления, противоречий развития и значения сибирской литературы. На большом материале (повести Н. Полевого, Н. Щукина, Н. Бобылева) ученый показывает значительные запросы сибирского населения, объясняет неслучайность выхода на общерусскую литературную магистраль Ершова. Настаивая на изучении литературного п р о ц е с с а, он разыскивал произведения, восстанавливал биографии писателей,

создавших традиции (Александров, Милькеев). Азадовский рассматривал сибирскую литературу как часть общерусской литературы. Определив понятие «литература сибирская», дав первый очерк ее истории, очертив предмет исследования «как историю сибирской темы в русской литературе и как историю местного литературного движения» — Азадовский, по существу, оставил завещание создать историю литературы сибирской. «Сколько бы мы ни дискутировали по затронутым вопросам, эти положения Азадовского и поныне остаются основополагающими»,— пишет Н. Яновский в 1978 г. (Ук. «Статьи и письма», с. 10).

Сибирь в художественной литературе — тема библиографических и историко-литературных трудов Азадовского, в которых раскрыт колоссальный опыт художественного освоения Сибири. Он много сделал для опровержения представления о библиографии как деле механическом. «В настоящее время, особенно в связи с той огромной ролью, которую играет теперь Сибирь и которую ей еще суждено играть в политической и хозяйственной жизни страны, вопрос о сибирской библиографии приобретает острое и насущное значение»,— писал Азадовский еще в 1919 г. («Задачи сибирской библиографии»,— «Сиб. записки», VI, с. 97). Доклад его о задачах сибирской библиографии разоблачает основное зло ее — случайность, указывает на традиционно слабое место — библиографию газетных статей; ставит вопрос о кадрах библиографов, координации и системе работы их; сам составил ряд ценных сборников по сибирской библиографии: «Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX в.» (премирована серебряной медалью РГО), 1924; «Декабристы в Сибири», 1925; «Сибирь в русской художественной литературе», 1926.

Изучение научного наследия декабристов, плодотворная работа в области библиографии, активное рецензирование, статьи и доклады по итогам науки (15-, 20-, 30-летие советской фольклористики и др.), внимание к истории вопроса во всех исследованиях — все это обострило интерес к историографии. В первые же годы работы в Ленинграде (1930—1942) Азадовский ставит вопрос об истории русской фольклористики как деле целого поколения советских ученых. Магистральные линии русской фольклористики были исследованы впервые Азадовским: фольклористика XVIII в., декабристов и революционных демократов. Показывая новизну и мощь исторического воздействия идей Белинского, Добролюбова, Чернышевского, он сближал методологию А. Н. Веселовского, выдающегося русского филолога-академика, с рядом положений революционных демократов, что вызвало возражения ряда специалистов, но время показало правоту Азадовского. Историографические исследования завершились капитальным трудом — двухтомной «Историей русской фольклористики», законченной в основном до эвакуации в Иркутск (1942) и опубликованной посмертно: в 1958 г. (т. 1) и в 1963 г. (т. 2).

Азадовский был таким же крупным педагогом, как и ученым. Каждый труд ученого педагогически ориентирован: широкий взгляд на проблемы, четкое определение задач исследования, горячая полемика, масса гипотез, богатая иерархия тем, генеральных и частных,— все это воспринималось как завещание молодым. В начале 20-х гг. в печатных работах и лекциях он борется против «упрощенных методов некоторых представителей марксистской критики», разоблачает вульгарную социологию в фольклористике и литературоведении. Лекция Азадовского своеобразна по построению, содер-

жанию и характеру общения с аудиторией. Вокруг главной идеи возводилась история ее развития — в фактах, именах, итогах. Наука открывалась слушателю как процесс, и процесс коллективный. «Почему?», обращенное к студентам, переход на беседу, подчеркнутая проблемность изложения, щедрый историографизм, притом в лицах и подвигах — незабываемые черты лекторского стиля Азадовского. На семинарских занятиях он умел вызвать у студента ответственность перед его способностями, на фоне большой науки анализировал идеи студентов, умел выделить талантливых. В статье, посвященной десятилетию Иркутского университета, М. Азадовский называет способных ассистентов и студентов: Ходос, Хороших, Подгорбунский, Кожов, Кудрявцев, Герасимов, Окладников — все они стали известными учеными.

После смерти ученого имя его, идеи и начинания продолжают активную жизнь: собирание фольклора «по следам Азадовского»; статьи и книги «вослед Азадовскому». Актуализация проблем науковедения и эвристики в современном академическом контексте обострила интерес к творчеству выдающегося ученого, исторической судьбе его концепций, гипотез, программ.

А. Селявская

СОЧИНЕНИЯ

Ленские причитания. Чита, 1922. (Оттиск из Тр. гос. ин-та народного образования в Чите, кн. 1, Чита, 1922, с. 121—248); Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев). Чита, 1922; Легенда о Щапове. Иркутск, 1923; Беседы собирателя: О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири. Иркутск, 1924; Сказки Верхнеленского края. Вып. 1. Иркутск, 1925; Литература и фольклор. Очерки и этюды. — Л.: ГИХЛ, 1938; Очерки литературы и культуры Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947; В. К. Арсеньев. Критико-биогр. очерк. М., 1956; История русской фольклористики.— М.: Учпедгиз, [т. 1], 1958; Т. 2. М., 1962; Статьи о литературе и фольклоре.— М.; Л.: Гослитиздат, 1960; Декабристы в Сибири. (Соавт. М. Слободской). Иркутск, 1925; Сибирские темы в изучении русского устного творчества. Иркутск, 1925; Сибирь в русской художественной литературе. Вып. 1. 1891—1917. Иркутск, 1927; Статьи и письма. Новосибирск, 1978.

ЛИТЕРАТУРА

Бер Н. С. Библиография М. К. Азадовского (1913—1943). Иркутск, 1944; М. К. Азадовский. Некролог.— В кн.: Лит. наследство, т. 60, 1956, с. 543; Сергеев М. Марк Константинович Азадовский.— Сиб. огни, 1956, № 1, с. 172—174; Мельц М. Я. Русский фольклор. Библиограф. указатель 1945—1959. Л., 1961; Бахтин В. Марк Азадовский. Жизнь и творчество.— Сиб. огни, 1962, № 3, с. 177—184; Ковалев В. Педагог-писатель: К 10-летию со дня смерти М. К. Азадовского.— Ангара, 1965, № 1, с. 123—125; Трушкин В. (Об Азадовском М. К.)— В кн.: Трушкин В. Восхождение. Иркутск, 1978, с. 288—289; Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского. /Замыслы и начинания/. — В кн.: М. Азадовский. Статьи и письма. Новосибирск, 1978, с. 189—239; Марк Константинович Азадовский (1888—1954): Указ. литературы/Сост. Томина Л. П. Новосибирск, 1983.

П. В. НЕЗНАМОВ (1889 — 1941)

Незнамов (Лежанкин) Петр Васильевич (1889, апр., Нерчинский завод Читинской обл. — 1941, окт., Дорогобуж) — русский советский поэт, ответственный секретарь ЛЕФа, соратник В. В. Маяковского.

Участвовал в первой мировой войне, был контужен, отравлен газами. В звании штабс-капитана артиллерии вышел в отставку.

Литературная деятельность началась в Чите. С 1907 г. печатался в газете «Забайкальская новь». В 1919—1920 гг. Незнамов публиковался на страницах театраль-

но-художественного и литературного журнала «Театр и искусство», в газетах «Дальневосточный телеграф», «Дальневосточная республика» и др. Был одним из организаторов Читинского ЛХО (1920—1921). Вместе с председателем ЛХО, известным скульптором Ин. Жуковым и художником И. Сверкуновым входил в инициативную группу общества. Принимал участие в организации диспутов, литературных судов, живых альманахов, поэтических вечеров и конкурсов. Печатался в читинских сборниках «Пикник поэтов», «Камены», «Пестрые щупальцы», журнале «Военно-политическая мысль».

Поэтическое будущее во многом определилось участием в футуристической группе «Творчество» (Чита, 1921—1922), в состав которой вошли приехавшие из Владивостока поэты и художники Н. Асеев, С. Третьяков, О. Петровская, Вл. Силлов, М. Аветов, В. Пальмов. Возглавлял группу один из известных организаторов большевистской печати Приморья Н. Ф. Насимович-Чужак.

Сближению с группой способствовал авторитет журнала «Творчество», шесть номеров которого вышли во Владивостоке и отличались смелостью в освещении политических событий и интересным литературным отделом—публикациями А. Блока, В. Маяковского, В. Хлебникова. Члены группы сотрудничали в большевистской печати Приморья — газете «Красное Знамя», писали статьи для «Дальневосточного обозрения», куда посылал свои статьи и Незнамов. Особенно окрыляло общее увлечение с В. В. Маяковским. Незнамов был захвачен поэзией Маяковского в 1919 г. во время приезда в Читу Д. Бурлюка, когда «Маяковский — большой, страстный, порвавший со старым искусством, — проступал сквозь строчки стихов и шел прямо на зрителя». Незнамов сразу вклю-

чился в работу группы: оттачивал «штык строк» — под псевдонимами Бац, Колворот, Деревообделочник (совместно с Третьяковым), писал ежедневные стихотворные фельетоны для газет «Дальневосточный путь», «Дальневосточный телеграф», принимал участие в массовых лекциях-митингах об искусстве и работе Дальневосточных мастерских искусствостроения, созданных для пропаганды искусства в массах; пропагандировал творчество В. В. Маяковского — выступал с чтением его стихов и «Мистерии-буфф» в рабочих клубах, читал лекции о поэте, готовил и поставил трагедию «Владимир Маяковский». Одним из первых он оценил В. В. Маяковского как поэта масс (статья «Искусство на площади»). В «Творчестве» Незнамов стал убежденным сторонником теории искусства — жизнестроения.

Эти тенденции были усилены в 1922 г., когда группа переехала в Москву и почти в полном составе вошла в литературную группировку В. В. Маяковского. Жизнестроительные идеи, воплощаемые в работах А. Родченко, Дзиги Вертова, Э. Шуб, агитпоэзии Маяковского и Асеева, лефовской кинодокументалистике и

очерке, увлекают Незнамова. В поэме «Мичурин» он так формулирует свое кредо:

Но мы идем
не по искусствам чистеньким,
при слове: Галатея —
форменно лютеем,
затем, что мы стоим за
публицистику,
а не за Галатею.
Страна растет,
а не за веком тащится,
социализм — не басни и не сказка,
социализм — реальная задачища
в Москве, Уфе, Иркутске и Актарске.

Красноречиво и название раздела, открывающего сборник его стихов: «Слово — дело». Установка на жизнестроение подчас приглушает поэтический голос Незнамова. Он обращается к журналистике, критике, публицистике, с редкой самоотверженностью работает секретарем журналов «Леф» и «Новый леф», сотрудничает в «Зрелищах», участвует в подготовке сборника документов о гражданской войне на Дальнем Востоке, пишет рекламные стихи и агитпоэмы. Большинство его статей этих лет («Мимо газеты», «О поэтах и установках», «Промахи и попадания», «Золотошитье и галуны») носят откровенно полемический характер.

Незнамов был одним из «безраздельнейших и бескорыстнейших друзей» В. В. Маяковского. В трудные для поэта дни он участвовал в подготовке выставки «20 лет работы», вместе с поэтом вошел в РЕФ, подготовил подробную библиографию к первому изданию собраний сочинений поэта, участвовал в его редактировании; в 1939 г. написал мемуары «Маяковский в двадцатые годы».

Поэтическое наследие Незнамова — два сборника стихов: «Путь столетий» (1923), «Хорошо на улице» (1929), многочисленные публикации в дальневосточных изданиях. Незнамов был сторонником обновления поэтических средств, считал, что после А. Блока, В. Хлебникова, В. Маяковского нельзя писать, как прежде: разделял многие идеи ОПОЯЗа. Но все эти увлечения, по точному выражению В. Брюсова, переплавлялись «в пределах классических форм». Откровенно футуристических по форме стихотворений у поэта сравнительно немного. Чаще всего новое органично вводится в ткань стиха, не разрушая его внутреннего строя.

Вырываясь на улицы и площади, поэзия Незнамова подчас страдает калейдоскопичностью, обращением к внешнему, событийному плану. Используя метод киноглаза, поэт фиксирует внимание на вывесках Москвы, говоре ее улиц и площадей, стремясь новизной облика передать неповторимые черты времени.

Лучшие стихи Незнамова отличает лирический настрой и тончайшее ощущение слова. Одно из таких стихотворений «Где-то под Ачинском» вошло в «Антологию русской советской поэзии». Вот несколько строчек из него:

Сосна да пихта.
Сонь да тишь,
да в этой тиши горсть домишек
таких,
что сразу не найти,
таких, что даже тиши тише.

Голос Незнамова был негромок, но чист и внятен. Знавшие его люди всегда ощущали глубочайшую скромность и огромный нравственный потенциал этого человека. Бережно-внимательно относился к Незнамову В. В. Маяковский. Проникновенные строки о нем принадлежат Н. А. Асееву.

Незнамов погиб в народном ополчении, защищая Москву, в октябре 1941 г.

Л. Азьмуко

СОЧИНЕНИЯ

Пять столетий.— М.; Пг.: Госиздат. 1923; Звери на свободе: Стихи для детей.— М.: Мол. гвардия, 1927; Хорошо на улице: Стихи.— М.: Федерация, 1929; То же/Вступ. статья Е. Раппопорта.— Иркутск, 1973.

ЛИТЕРАТУРА

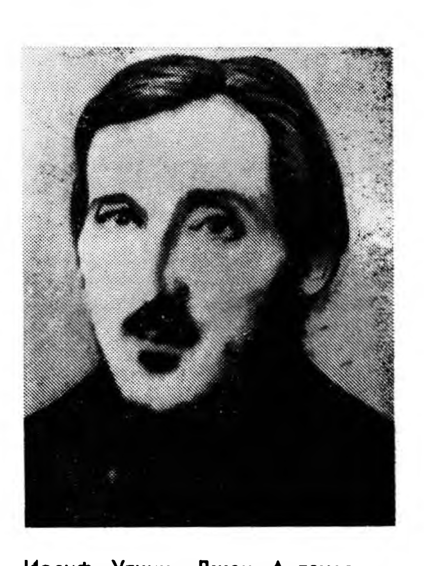
Асеев Н. Воспоминания о Маяковском.— В кн.: В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963, с. 415—417; Рачков Д. А. Из истории становления советской поэзии на Дальнем Востоке.— В кн.: Вопросы

советской литературы. Хабаровск, 1965; Болдырев В. Друг Маяковского.— Заб. рабочий, 1968, 16 янв.; Болдырев В. «Я просто мастер по стиху».— Заб. рабочий, 1969, 27 июня; Раппопорт Е. Сибирский друг Маяковского.— В кн..: Незнамов П. Хорошо на улице. Иркутск, 1973, с. 5—9; Брюсов В.— Печать и революция, 1923, № 6, с. 63; Зенкевич М.— Нов. мир, 1930, № 2, с. 227; Трушкин В. П. Из пламени и света: Гражд. война и лит. Сибири. Иркутск, 1976.— См. имен. указ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тарасенков А. Русские поэты XX века: 1900—1955.— М., 1966, с. 274.

А. И. БАЛИН
(1890 — 1937)

Александр Иванович Балин родился 27 февраля 1890 г. в Томске, в семье служащего. Учился на юридическом факультете Казанского университета, работал в органах кооперации Барнаула, в газетах Владивостка, с 1923 г. в финансовых учреждениях Иркутска.

Первые выступления Балина в печати относятся к концу 900-х годов. Ближайшими литературными современниками и сподвижниками молодого поэта были Павел Радимов, Петр Драверт, Георгий Вяткин.

Лирика Балина формируется под благотворным влиянием классической традиции русской поэзии — от Пушкина до Блока. Поэту свойствен глубокий лиризм, тонкость передачи оттенков человеческих чувств, глубокое гуманистическое начало творчества. Уже в ранних произведениях ощущается чуткость поэта к событиям общественной жизни, стремление к высоким идеалам свободы, воплощенное в образе народа-богатыря, «чье соборное имя славилось в песне века».

С первых дней Великой Октябрьской революции Александр Балин — среди лучшей части русской интеллигенции, которая принесла свои таланты и знания на службу народу.

Бурная, полная споров литературная жизнь Иркутска 20-х гг., в обстановке которой росли Валерий Друзин, позже известный литературовед, и комсомольские поэты Иван Молчанов-Сибирский, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, — влила новые силы и в творчество Балина. Преодолевая некоторую отвлеченность и книжность своей ранней поэзии, он много и упорно работает над стихами. Рост мировоззрения поэта сказывается в расширении тематики стихов. Ведущим жанром в творчестве поэта в конце 20-х — начале 30-х гг. становится философская лирика, а центральной идеей — идея единства поэта с народом. Все более твердой и мужественной становится и интонация стихов Балина.

Активно включившись в строительство новой жизни, поэт увидел в ней небывалые ранее возможности расцвета личности, богатства внутреннего мира человека.

Взор поэта устремляется в будущее. Одним из первых воспевает он в самом начале 30-х гг. грядущие «огни ангарских порогов». Поэт предвидит и «станцию планет на освещенном Небострое», созданную силами разума будущих покорителей вселенной.

По-новому звучит в стихах Балина и тема истории, тема прошлого. Она решается поэтом как тема многовековой борьбы народных масс за свободу. И в циклах его стихотворений на эту тему рядом стоят Спартак и герои гражданской войны. Поэт воспринимает историю, как

> Путь от Рылеева до Ленина,
> От декабристов к Октябрю.

В 30-х гг. поэт активно участвует в литературной жизни Восточной Сибири. Он становится членом Союза советских писателей, руководит литературным объединением при заводе имени В. В. Куйбышева. В 1934 г. в Иркутске выходит его книга стихов «Берег».

Активная связь с жизнью приносит свои плоды. Героями новых стихотворений Балина становятся наши современники — литейщики, пилоты, полярники. Жанр баллады, в котором поэт работает в эти годы наиболее интенсивно, наполняется конкретным, актуальным содержанием. Рождаются стихотворения, посвященные Серго Орджоникидзе, Тельману. Страстно откликается поэт и на тревожные международные события — вторжение итальянских фашистов в Абиссинию, бои в Испании. Стих Балина становится все более совершенным, отточенным, несущим в себе философско-гуманистическое звучание передовых идей эпохи.

Жизненный и творческий путь поэта преждевременно оборвался в декабре 1937 г.

После XX съезда партии публикации стихотворений Балина вновь появляются на страницах газет «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь», журнала «Сибирские огни», альманаха «Ангара». В 1965 г. в Новосибирске в серии «Библиотека сибирской поэзии» выходит сборник «Поэты 20—30-х годов», включающий в себя и стихи Балина.

В 1966 г. Восточно-Сибирское книжное издательство выпустило книгу стихов Александра Балина «Возвращение».

В этот сборник включены также воспоминания о поэте, принадлежащие перу Анны Караваевой, Елены Жилкиной, Адриана Топорова, Михаила Скуратова, профессора-языковеда П. Я. Черных, доктора филологических наук Л. Е. Элиасова, вдовы поэта— Б. М. Школьник.

Лучшие стихотворения поэта, наполненные дыханием эпохи, богатством человеческих чувств, активной романтикой вторжения в жизнь и глубокими философскими раздумьями, представляют собою значительное явление в богатой истории сибирской советской поэзии.

Р. Смирнов

СОЧИНЕНИЯ

Берег: Лирика. Иркутск, 1934; Возвращение: Стихи.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Баллада о солнце.— Ангара, 1969, № 2, с. 80—83.

ЛИТЕРАТУРА

Балин А. И. В кн.: Иркутские поэты. Иркутск, 1927, с. 61; Горский К. О творчестве молодых поэтов.— Книга и пролет. рев., 1935, № 7, с. 77—78; Материалы I-й краевой конференции Союза писателей Восточной Сибири.— Нов. Сибирь, 1935, кн. 2, с. 17, 64—65; Никонов В. Стихи Иркутских поэтов.— Худож. лит., 1935, № 5, с. 29—32; Смирнов Р. Путь поэта.— Ангара, 1962, № 3, с. 139—142; Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 123; Он же. Поэт возвращается к людям.— Байкал, 1968, № 4, с. 185—187; Он же. Из пламени и света.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. с. 130; Он же. Восхождение.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978, с. 47—48; Коржев В. «Старики».— В кн.: Коржев В. На поэтических орбитах. Новосибирск, 1969, с. 3—37.

П. П. ДРЯГИН
(1890 — 1922)

В довольно оживленной атмосфере литературной жизни Читы первых лет революции, когда Чита стала столицей ДВР и когда шумно заявили о своем существовании дальневосточные футуристы, претендовавшие на ведущую роль в молодой советской литературе, убежденным антагонистом их в поэзии выступал Павел Петрович Дрягин, своеобразный и талантливый поэт, к сожалению, рано умерший. Он был сторонником лирики сердца, интимных душевных движений, ратовал за поэзию, которая была бы обращена в первую очередь к внутреннему, сокровенному миру личности.

Дрягин родился 14 декабря 1890 г. в г. Вятке. По окончании в 1912 г. Вятской гимназии он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, который и окончил в 1917 г. с дипломом первой степени. После окончания университета занимался педагогической работой. В годы гражданской войны оказался в Чите. С сентября 1921 г. работал преподавателем кафедры истории русской литературы Института народного образования.

Будучи в Чите, Дрягин принимал живейшее участие во всех литературных начинаниях — выступал со стихами на вечерах поэзии, дискутировал о путях развития новой литературы, делал доклады и читал публичные лекции, публиковал стихи в читинских газетах и сборниках. Он был членом читинского литературно-художественного общества, возникшего в конце ноября 1920 г. и объединившего местную художественную интеллигенцию, активно участвовал в работе историко-литературного кружка при Институте народного образования. В частности, на заседаниях этого кружка, насчитывающего до восьмидесяти членов, Дрягиным было прочитано 2 доклада — «Поэзия Анны Ахматовой» и доклад об имажинизме — «Побеждающее слово».

В поэтическом альманахе «Пикник поэтов» (Чита, 1920) Дрягин опубликовал «Венок триолетов»; в 1921—1922 гг. время от времени стихи его печатались в читинской газете «Дело», три стихотворения были опубликованы в альманахе «Камены» и несколько стихотворений в только что возникшем тогда журнале «Сибирские огни». Вот, пожалуй, и все, что было опубликовано при жизни поэта. Осенью 1922 г. Дрягин заболел тифом и вскоре, в начале октября, скончался. В № 5 «Сибирских огней» за 1922 г. появилась посмертная публикация его стихотворения «Март». В том же номере журнала, рецензируя сборник читинцев «Камены», поэт В. Итин писал: «Радость творчества Дрягина — в его ясном, счастливом принятии многоцветной природы и жизни. И как больно было получить из Читы короткую записку, извещающую, что поэт месяц тому назад пополнил собою бесчисленные трофеи тифа! Смерть Дрягина всей литературной Сибирью будет принята с глубокой скорбью»[1].

Эту «записку из Читы», судя по всему, прислал в редакцию журнала проф. М. К. Азадовский, на кафедре у которого работал Дрягин. У Азадовского остались после смерти поэта и его рукописные сборники стихов. Об этом он сообщал много лет спустя двоюродному брату Дрягина. «Одно время, — писал Азадовский, — удалось было устроить печатанье в «Сибирских огнях» серии его стихов, но потом с изменением состава редакции и установками это сорвалось. Если хотите иметь

---

[1] Сиб. огни, 1922, № 5, с. 184.

рукописные сборники у себя, сочту своим долгом выслать их Вам»[2].

В литературе, посвященной деятельности дальневосточных футуристов, Дрягина упрекали за неприязнь к Маяковскому и увлечение поэзией Ахматовой, а его собственную лирику аттестовали не иначе как «камерной» и даже «салонной». Разумеется, такой односторонний подход к творчеству талантливого поэта не состоятелен, на что уже справедливо указывалось в печати[3].

Дрягин продолжил в своей лирике традиции так называемых крестьянских поэтов — Н. Клюева, С. Есенина, П. Орешина. Как поэт он тяготел к изначальным основам бытия — миру русской природы, картинам устоявшегося деревенского быта. Выступая против левацки настроенных ниспровергателей классического наследства, восторженно пропагандируя поэзию Ахматовой, Дрягин стремился и в своей лирике остаться верным исконно русским национальным началам, всему тому, что ассоциировалось в его представлении с понятием Родина. Именно отсюда, очевидно, идет налет некой идилличности в его стихах. Русь, скажем, видится ему подчас в клюевских красках богомольной патриархальной деревни.

Словно пес, под крыльцо, в чернодырь подворотни
Уползает дневная звень.
То не бог ли садится усталый субботний,
На соломенный трон деревень?[4]

Образная система стиха, вся поэтика выстраиваются и подбираются автором так, чтобы эмоционально воссоздать картину именно такой изначальной родины. Органически вписываются в этот рисунок и «тропари», и «каноны», и другие элементы книжно-церковной лексики, столь характерные, например, для ранней лирики С. Есенина.

Лирика Дрягина в основе своей пейзажная лирика. Она согрета неподдельной любовью к родной природе. Наступление весны, лес в зимнем убранстве, летний полдень над сонной рекой, приближающийся рассвет, отдыхающая пашня в предутреннем сумраке — вот дорогие его сердцу картины.

...Пред утром пашня чутко дышит
И сны прядет о светлом дне.
Как четко контур крыши вышит
На бледно-сером полотне[5].

Это его «Предрассветное». А вот строфы из стихотворения «В снегах».

Мороз. Идем глухой опушкою.
Белы деревьев галуны.
Блестит над ближнею верхушкою
Слепой, холодный глаз луны.
...Отрадно просекою белою
По целине идти в бесцель,
Тряхнуть рукой оцепенелою
Морозом скованную ель[6].

Приведенные строфы дают наглядное представление как о тематике, тональности и настроении стихов Дрягина, так и об их образном строе. Автор в передаче настроения своего лирического героя стремится найти свежие и светлые краски, предпочитает насыщать стихи экспрессивно-звучными неологизмами типа «дерновые звоны», «дневная звень», «чернодырь», «предрассветь», «бесцель» и т. д. Иногда в них отчетливо сказывается чисто имажинистская установка на образность как таковую, ведущая к вычурности, разрушающая естественность стихотворной речи. Так, в стихотворении «После полудня» можно встретить, например, и такие строфы:

---

[2] Петряев Е. Литературные находки. Киров: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1966, с. 103.

[3] См.: Дворниченко Н. Их путь начинался в Забайкалье. Иркутск, 1973, с. 71.

[4] Камены. Сб. историко-литер. кружка при Гос. ин-те народного образования в Чите. Чита, 1922, с. 2.

[5] Дрягин П. Предрассветное.— Сиб. огни, 1922, № 3, с. 51.

[6] Цит. по кн.: Дворниченко Н. Их путь начинался в Забайкалье. Иркутск, 1973, с. 70.

Колосяны усы — к придорожью,
Огнелучная в спину вожжа.
Стрекозить бы над спелою рожью,
Полевыми стихами жужжа[7].

Павел Дрягин обладал несомненным поэтическим талантом. К сожалению, развитие этого таланта оборвалось в самом начале. И все же наше представление о литературной жизни Сибири первых лет революции было бы неполным и обедненным без учета того, что сделано было в области поэзии этим одаренным человеком.

В. Трушкин

[7] Камены, с. 1.

СОЧИНЕНИЯ

Венок триолетов.— В кн.: Пикник поэтов. Чита, 1920; Из цикла «Природа»: После полудня; Вечер; Ночь.— В кн.: Камены. Чита, 1922, с. 2; Предрассветное; Парит: Стихи.— Сиб. огни, 1922, № 3, с. 51—52; «Весна окунулась в канале...»; Март: Стихи.— Сиб. огни, 1922, № 5, с. 83.

ЛИТЕРАТУРА

Итин В.— Сиб. огни, 1922, № 5, с. 184—185; Отчет о состоянии и деятельности Гос. института нар. образования в Чите за 1921—1922 акад. год. Чита, 1922, с. 14—15; Трушкин В. П. Из пламени и света...— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976, с. 146—147, 172.

П. П. ПЕТРОВ (1892 — 1941)

Петр Поликарпович Петров — человек яркой, богатой событиями биографии. Он родился 25 января 1892 г. в таежном селе Перовское (ныне с. Партизанское Красноярского края) в семье крестьянина.

«До 1917 г., — рассказывает писатель, — мечтал быть хорошим хлеборобом, чтобы сеять пшеницу с граненым колосом, объезживать хороших коней. К этому меня готовили дед и мать с отцом. Однако революция перевернула, разбила вдребезги сложившиеся понятия о жизни, о законченности исканий» (Петров П. Беглые записки. Ж. Будущая Сибирь, 1933, № 5, с. 53).

Окончив в детстве двухклассную школу, Петров, как и большинство его сверстников, целиком отдался труду крестьянина. В 1915 г. он был взят на военную службу. Служил до 1917 г. в г. Канске сначала рядовым бойцом, а потом около полутора лет младшим писарем полковой канцелярии. В марте 1917 г. был избран в первый Канский совдеп от нестроевой команды. 14 октября того же года уездный съезд избирает его делегатом на Первый всесибирский съезд Советов. Был он делегатом и Второго всесибирского съезда. Дважды избирался Петров в состав Центрального исполнительного комитета Советов Сибири — Центросибирь. Будучи центросибирцем, Петров не раз встречался с такими прославленными руководителями и героями гражданской войны в Сибири, как П. П. Постышев, Н. Н. Яковлев, Ф. Лыткин, С. Лазо, И. Шевцов, Я. Е. Боград. Позднее он изобразил многих из них на страницах своего романа «Половодье».

Во время белогвардейского восстания юнкеров в Иркутске в декабре 1917 г. Петров находился в Белом доме и вместе со своими товарищами героически отбивал одну за другой атаки мятежников.

В мае 1918 г. по поручению Центросибири он едет в Красноярск, чтобы принять непосредственное участие в организации отрядов Красной Армии. Здесь застал его чехословацкий мятеж. После боев на станции Клюквенная и под Красноярском Петров бежит в родное село и вплоть до декабря 1918 г. скрывается на

заимках и в охотничьих зимовьях.

Опираясь на бывших солдат-фронтовиков, он сколачивает в это время подпольный комитет и как председатель комитета развертывает энергичную работу по подготовке восстания. Деятельность Петрова встречала активную поддержку у его земляков, прошедших еще задолго до революции неплохую политическую школу. Дело в том, что глухое село Перовское так же, как и расположенное на севере Канского уезда село Тасеево, при царизме были своеобразными центрами политической ссылки, оказавшей на крестьянство этих таежных районов большое влияние. Не случайно в годы гражданской войны эти районы стали оплотом партизанского движения против колчаковщины.

В декабре 1918 г. Перовское восстало. На первом же волостном съезде Петров был выбран начальником штаба повстанцев. В марте 1919 г., когда повстанческое движение разрослось и Перовский отряд соединился с Манским под общим командованием А. Д. Кравченко, Петров избирается председателем Объединенного Совета — высшего органа Степно-Баджейской партизанской республики. 15 июня 1919 г. партизаны оставили свою столицу Степной Баджей и ушли в тайгу, рассчитывая пробиться в Урянхайский край (ныне Тувинская Автономная Республика). Так начался героический многодневный переход шеститысячной партизанской армии через таежные дебри и Саянский хребет в Минусинский уезд, а оттуда в центр Урянхайского края — Белоцарск (теперь город Кызыл). В этот период Петров заведовал организационным отделом армейского Совета.

В сентябре 1919 г. партизаны заняли Минусинск. Здесь образовалась Минусинская советская республика; стала издаваться газета «Соха и молот». Агитационным отделом Совета Минусинской республики руководил П. Петров, он же был и главным редактором «Сохи и молота». Газета просуществовала вплоть до соединения партизан зимой 1920 г. с героической 5-й Армией.

За самоотверженное участие в партизанском движении Петров был награжден Почетной грамотой Реввоенсовета СССР. Ценный подарок получил он и от Иркутского горисполкома за участие в героической обороне Белого дома в период декабрьских событий 1917 г. в Иркутске.

В 1921 — 1924 гг. Петров учился в Красноярском институте народного образования. После окончания института он несколько лет работал методистом в Енисейском союзе кооператоров. На этот же период падает и начало его интенсивной литературной деятельности.

В 1926 г. появляется его работа «Степно-баджейские партизаны» — развернутая рецензия на книгу Т. Рагозина о партизанах Степного Баджея. За ней последовали статья «Партизаны в Урянхайском крае (воспоминания участника)» и, наконец, опубликованная в том же 1927 г. поэма «Партизаны». Все эти произведения были опубликованы в журнале «Сибирские огни». В основу поэмы легли события из истории степно-баджейских партизан. Автор рассказал о зарождении партизанского движения, о боях и походах. Широкими мазками он рисует образы руководителей партизан — Ивана Павина и Петрована Щетины.

Первое крупное произведение писателя с энтузиазмом встретили бывшие участники гражданской войны в Сибири. Поэма была прочитана в феврале 1928 г. на съезде партизан Манского фронта, которые расценили ее как «хороший подарок... красным бойцам». Вот что записали они в своем протоколе: «Съезд бывших партизан Манского фронта, заслушав напечатанную в № 6 журнала «Сибирские огни» поэму «Партизаны»

Петрова, находит, что эта вещь является художественно-правдивым произведением и памятником борьбы манских и минусинских партизан»[1].

Более того, съезд единодушно постановил ходатайствовать об отдельном издании поэмы. Вскоре «Партизаны» с портретом автора вышли в Новосибирске. Вместо предисловия книгу сопровождал протокол с решением партизанского съезда.

Поэма «Партизаны» положила начало целому циклу историко-революционных произведений в творчестве писателя. Мотивы и темы, почерпнутые из истории гражданской войны в Сибири, заняли в его творчестве одно из центральных мест.

В 1931 г. в первом номере только что созданного журнала «Будущая Сибирь» появляется «Кровь на мостовых» — отрывок из романа «Подсада». В 1935 г. «Кровь на мостовых» выходит отдельным изданием. В этом небольшом произведении автором изображены декабрьские события 1917 г. в Иркутске.

Через год писатель публикует новую повесть — «Саяны шумят». Это детская повесть о гражданской войне в Сибири. Материалом для нее послужили эпизоды из истории борьбы перовских партизан и саянского похода партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. В центре повествования стоят судьбы двух деревенских мальчиков — Алешки и Васьки, которым приходится наблюдать и так или иначе участвовать во множестве событий — сражениях с белыми, разведке, отступлении в тайгу, переговорах с монгольскими нойонами и т. п. По словам писателя, материал повести находился в его «авторском резерве». «Я взял примерно, — рассказывает он, — историю манско-перовских партизан. Путь был пройден, нужно было ввести ребят, и я это сделал. Вещь получилась, кажется, неплохая».

«Саяны шумят» выдержали десять изданий. Эта книжка нравилась А. М. Горькому, и он предлагал издать ее в Москве.

На материале же гражданской войны возникла и повесть «Крутые перевалы», опубликованная в 1935 г. в Иркутске. Источником повести послужили важнейшие этапы из истории Степно-Баджейской партизанской республики. Повесть открывается блестящей картиной боя партизан с белогвардейскими карательными отрядами и итальянскими интервентами. Много внимания уделяет автор в произведении описанию повседневного партизанского быта — работе оружейных мастерских, изданию газеты, действиям разведки, установлению связей с красноярским подпольем и т. д. Хорошо запоминаются образы отважного командира партизан Николая Потылицына, мадьяра Юзефа, Лизы да и других персонажей «Крутых перевалов». По-настоящему волнуют приключения героини повести, которая отправляется с группой смельчаков в Красноярск для установления связей с местной подпольной организацией и, будучи

[1] Петров П. Партизаны: Поэма. Новосибирск, 1928, с. 3.

раненой, попадает в колчаковский застенок.

Партизанскому движению посвящена и повесть «Памятная скала», опубликованная уже после смерти автора на страницах альманаха «Ангара». Любопытна история этого произведения. «Памятную скалу» Петров написал в самом начале 1937 г. Рукопись была потеряна, и только простая случайность помогла ее обнаружить через двадцать с лишним лет.

В «Памятной скале» нарисована картина тяжелого таежного отступления партизан под натиском белых. Ярко передано художником настроение отступающих, поведение во время изнурительного похода раненых, врачей и медицинских сестер, рядовых бойцов и командиров. Повесть заканчивается драматической сценой кровопролитного сражения, которое приносит партизанам победу.

На тему гражданской войны созданы были писателем и такие очерки, как «Перовские красные партизаны» (начало движения)», «Таня Перова».

Историко-революционный цикл в его творчестве завершается романом «Половодье», опубликованным в 1936 г. Это последнее крупное произведение, увидевшее свет при жизни писателя.

«Половодье» — книга в значительной мере автобиографическая. В роман вошло многое из пережитого и виденного самим автором. Более того, это не роман в традиционном понимании этого жанра, а скорее роман-хроника, беллетризированное мемуарно-историческое повествование. Писатель стремится облечь непосредственно личные воспоминания, живые и яркие, богатые событиями и встречами, в рамки эпического повествования. Этим объясняется и выбор самого приема изображения — рассказ ведется от первого лица. Роль рассказчика в данном случае двоякая: он в какой-то мере и художественный тип, действующее лицо в романе и в еще большей степени своего рода связующее звено между рисуемыми автором событиями, которые происходят то в провинциальном сибирском городке, то в деревне, то, наконец, в крупном губернском городе (Иркутске, — В. Т.).

Перед ним возникают картины первых дней февральской революции, сцены ожесточенных споров на Первом и Втором всесибирских съездах Советов. Со страниц романа встают образы крестьян и солдат, матросов и офицеров, большевиков и эсеро-меньшевистских лидеров. Значительное место отведено в повествовании декабрьским боям 1917 г. в Иркутске. Особенно тщательно выписаны эпизоды героической обороны Белого дома, сражения за овладение ангарским понтонным мостом — этим ключевым опорно-стратегическим пунктом.

В «Половодье» действует немало реальных исторических лиц. Автор лишь слегка изменил их подлинные фамилии. Читатель, знакомый с историей революции и гражданской войны в Сибири, легко узнает в образе Сергея Лузина — легендарного Сергея Лазо, во вдохновителе мятежников Державском — полковника Скипетрова, в руководителе сибирских коммунистов Бурове — Я. Е. Боград а, в прапорщике Блюмове — отважного защитника Белого дома Сергея Блюменфельда, в анархисте Пережогине — главу иркутских «анархов» Перехватова, в командующем революционными отрядами Дмитриевском — Дмитриева и т. д.

Несомненной творческой удачей писателя следует признать образ матроса Яшки Забродина — одного из центральных, художественно наиболее ярких персонажей романа.

Для творческих интересов Петрова характерно было многообразие тем и жанров. От гражданской войны он легко и свободно переходил к современно-

сти. Современность врывалась в его творчество и легкой кавалерией малых жанров — рассказом и очерком,— и властной поступью монументальных полотен — повестями и романами.

Не случайно он начал свой творческий путь писателя-прозаика романом «Борель», впервые опубликованным в 1928 г. на страницах «Сибирских огней». В 1931 г. этот роман вышел в московском издательстве «Федерация». А. М. Горький назвал произведение писателя хорошей книжкой, с похвалой говорил о ней в своих письмах и устных выступлениях. Он уже послал книжку Петрова в подарок рабочим-горнякам Алдана.

В романе хорошо передана атмосфера нэпа, неповторимый колорит времени — картины разрухи и запустения, хозяйничанья спекулянтов и хищников. Правдиво изображена писателем напряженная борьба за восстановление разрушенного и разграбленного прииска, которую самоотверженно ведет главный герой романа коммунист Василий Медведев. Образ Медведева выписан художником с подкупающей жизненной достоверностью. Писатель изображает его в сложных житейских обстоятельствах и конфликтах. Своего героя он рисует строго реалистически, избегая всякой идеализации и сентиментальности. Медведев малообразован, нередко резок и груб, излишне прямолинеен. Он совершает ошибки и промахи, но в главном Медведев прав — надо сколачивать «золотой фонд республики», поднимать страну из руин гражданской войны.

«Борель» — остросюжетное и остроконфликтное произведение. На страницах романа бушуют страсти, активно действуют два классово-враждебных лагеря, между которыми разыгрывается борьба не на жизнь, а на смерть. Надолго врезаются в память сцены, изображающие бандитские похождения Евграфа Сунцова и его разбойной ватаги.

В начале 30-х гг. Петров публикует рассказы и очерки о людях первой пятилетки: «Бригадиры», «В Тункинской долине», «Забойщик Машковский», «Мустафа», повести «Переплав» и «Рассада». Одно из этих произведений — рассказ «Сандэ» — было опубликовано в горьковском журнале «Колхозник».

Но по-прежнему все внимание привлекают большие эпические полотна. В 1933 г. выходит из печати его новый роман «Шайтан-поле». Современная Петрову критика встретила роман весьма сдержанно. Самому же автору это произведение представлялось наиболее дорогим и близким. «Над этой вещью,— говорил он,— я работал упорнее, чем над другими, и, на мой взгляд, это наиболее значительная вещь из всего написанного, вернее напечатанного мною».

Пафос книги в утверждении романтики созидания, освоении таежных богатств, которые социализм ставит на службу человеку. Рассказывая в своем новом произведении о постройке звероводческого комбината в непроходимых таежных дебрях, писатель раскрывает заманчивые перспективы освоения необъятных богатств, хранящихся на широких просторах родины. «Мы должны,— говорит герой романа коммунист Петр Пастиков,— расчесать космы тайге и по гладкой дороге погнать Советскому государству мясо, пушнину и дорогие рога».

Со страниц «Шайтан-поля» перед читателем встают картины таежных просторов, горных стремительных речек, зеркальных озер. Здесь пенится и клокочет бунтующая красавица Сыгырда, на десятки километров раскинулось девственное и привольное озеро Ширан, что значит по-русски «окно бога», пролегла стиснутая горами и скалами щедрая

дарами долина Шайтан-поле.

Роман интересен и другим — изображением жизни и быта маленького таежного племени камасинцев, которые постепенно начинают приобщаться к новой жизни. Повествование в «Шайтан-поле» развивается стремительно и живо. Запоминаются сцены охоты на маралов, преследования таежных бандитов, первые удачи строителей совхоза.

Подлинным творческим взлетом художника явился роман «Золото», опубликованный впервые в 1934 г. Это одно из лучших произведений Петрова. Вяч. Шишков писал автору о романе: «В этой книге «Золото» — поразительное знание материала, умение компоновать события, ставить их в интересной, увлекающей читателя последовательности. И прекрасный диалог, которому остается только позавидовать, а за вас порадоваться. В разговорном языке большая типизация: каждый персонаж имеет свой собственный голос, говорит на свой манер. В чистопробном искусстве — это одно из непременных условий. У вас есть и словесный и скульптурный жест, есть образность, словом, все, что делает роман живописным и талантливым» (Архив П. Петрова).

Тематически «Золото» перекликается с «Борелью». Если в «Борели» изображена обстановка на золотых приисках сразу же после гражданской войны, то «Золото» вводит нас в накаленную атмосферу социалистического строительства периода первой пятилетки. Привлекателен облик центрального героя романа Гурьяна Нарыкова, прошедшего путь от простого крестьянского парня до директора большого прииска.

Последней книгой писателя, оставшейся в рукописи, был роман «Ветошь». Своим острием роман направлен против стяжательства и буржуазного индивидуализма. В центре повествования стоит здесь фигура рассказчика Прилепкова, злостного врага Советской власти, в прошлом колчаковского офицера. Образ Прилепкова позволил автору психологически глубоко, изнутри вскрыть омерзительную сущность врага-приспособленца и карьериста.

Своим творческим развитием Петров считал себя обязанным А. М. Горькому. Он говорил: «Горький открыл меня, заставил работать дальше».

Петров был делегатом Первого всесоюзного съезда писателей. Напряженную творческую работу он умело сочетал с большой общественной деятельностью: был членом редколлегии журнала «Будущая Сибирь», членом правления Восточно-Сибирского отделения писателей, литературным консультантом при краевом издательстве.

Плодотворная творческая деятельность Петрова оборвалась неожиданно. 23 октября 1941 г. писатель скончался. Незадолго до смерти он писал в одном из своих последних стихотворений:

> Не допахал я начатое поле
> И не собрал желанные плоды.

Но и то, что было сделано писателем-патриотом, заслуживает пристального внимания и уважения. Его творчество — интересная страница в истории литературы советской Сибири. Не менее важную роль сыграла общественная и политическая деятельность Петрова в годы гражданской войны. Писатель имел все основания сказать в одном из своих писем: «Я всю жизнь отдал для народа и лучшей кровью сердца засвидетельствовал это».

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Борель: Роман.— М.: Изд-во Федерация, 1931; Кровь на мостовых: Повесть. Иркутск, 1931; То же. М.; Иркутск, 1935; То же/Послесл. В. Трушкина. Иркутск, 1967; Крутые перевалы. М.; Иркутск, 1933; Золото: Роман. М.; Иркутск, 1934; Шайтан-поле: Роман. — Иркутск: Востсибкрайиздат,

1935: То же.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Борель; Золото: Романы.— Новосибирск: Кн. изд-во, 1960. — (Б-ка сиб. романа, т. 8); Шайтан-поле; Борель: Романы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Крутые перевалы: Повести. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Лепинская К. Заметки о писателе-партизане. — Енисей, 1959, № 24, 111—114; Письма Вяч. Шишкова к П. Петрову/Публ. и комм. В. Трушкина.— Сиб. огни, 1960, № 4, с. 190—191; Трушкин В. Сибирский партизан и писатель П. П. Петров: (Повесть героич. жизни).— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Гантваргер О. А. Произведения П. П. Петрова для детей.— В кн.: Литература и фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1977, с. 132—141; Суровцева Т. «Запомнить на всю жизнь...»: /К 85-летию со дня рождения/.— Сов. молодежь, 1978, 28 февр.

Н. Л. ЯНЧЕВСКИЙ (1892 — 1937)

Н. Л. Янчевский был одним из зачинателей революционной советской поэзии Сибири, убежденным защитником и пропагандистом новой, пролетарской культуры. Жизненный и творческий путь его, как и многих представителей его поколения, не лишен драматизма, он был в известной мере и противоречив и сложен.

Николай Леонидович Янчевский родился 10 (22) января 1892 г. в Петербурге, в рабочей семье. Родители его работали на фабрике «Жорж Борман». Отец рано умер, а мать Александра Яковлевна Янчевская, активная участница революции 1905 г., была выслана в село Усть-Уда Иркутской губернии. Вскоре в Сибири оказалась и сестра Вера, осужденная царским судом на 10 лет каторги. Юноша Янчевский оставляет Петербург и уезжает в Усть-Уду к матери. В то время в Иркутской губернии отбывали ссылку многие большевики. У Янчевского завязывается тесная дружба с П. П. Постышевым и Н. Насимовичем-Чужаком. Н. Чужак привлекает его к сотрудничеству в местных периодических изданиях. Стихи, рассказы и фельетоны Янчевского печатались в газетах «Иркутское слово», «Голос Сибири», «Сибирские новости» и журналах «Сибирская неделя», «Сибирский студент», «Сибирские записки». В 1915—1916 гг. он учился в Москве в университете Шанявского. Октябрьская революция застала его в Москве. Красногвардейцем он принимал участие в уличных боях с юнкерами и белыми офицерами. Весной 1918 г. Янчевский возвращается в Иркутск, к матери и сестре, работает в газете «Известия Иркутского ревкома». В период колчаковщины был в подполье.

С апреля 1920 г. он состоит одним из редакторов возобновленной губернской газеты «Власть труда» и в это же время вступает в большевистскую партию. На страницах газеты «Власть труда» часто печатаются его статьи, стихи, фельетоны. Отдельные стихотворения и басни публикуются в газетах «Красный пахарь», «Красноярский рабочий», в журналах «Творчество» и «Сибирские огни». В 1921 г. по решению ЦК партии Янчевского переводят в город Краснодар в качестве редактора газеты «Советский станичник». В 1922 г. он был направлен на работу в г. Ростов-на-Дону, где был сначала заместителем редактора, а с декабря редакторм краевой газеты «Советский юг».

Дореволюционная лирика Янчевского никак не отражала личного жизненного опыта ее автора. Поэт создал особый, иллюзорный мир, проникнутый безысходным трагизмом. Бросалась в глаза полная отрешенность лирического героя Янчевского от окружающей действительности. Экзотические

страны, Париж с его шумными бульварами и пестрой толпой, неразделенная любовь — вот излюбленная тема ранних стихотворений Янчевского. Н. Чужак, близко знавший поэта в ту пору и написавший в дореволюционное время первую статью о нем, говорил в ней об элементах «бодлеризма», о преобладании болезненных ноток в его творчестве, указывал на «трагическую обнаженность его мотивов, вскрывающих мучительную повесть изломанной души»[1].

К новой жизни возродила поэта Октябрьская революция. Она наполнила его творчество жизнерадостным мироощущением, пробудила веру в человека, в творческие, созидательные силы освобожденного народа. В 1920 г. в газете «Красный пахарь» Янчевский опубликовал за подписью Дед Мирон целую серию басен, которые тогда же вышли в Иркутске отдельной книгой под названием «Басни деда Мирона». В них автор откликался на злобу дня, писал о классовой борьбе в деревне и городе, о демагогии эсеров, о панской Польше и пр.

[1] Чужак Н. Сибирские поэты и их творчество.— Изд. 2.— Иркутск: Книгоиздательство «Ирисы», 1916, с. 59.

В лирике первых лет революции, в поэме «Октябрь» Янчевский стремился передать мысли и чувства современников, охваченных могучим порывом к творчеству, верой в революционное преобразование мира. В стихотворении «Мы», посвященном 50-летию со дня рождения В. И. Ленина, он скажет:

Бессмертные, упорные, мы создали нетленное:
Все храмы, пирамиды, гиганты-города;
Мы были рабством скованы, мы были вечно пленные,
Но мир весь — наше творчество, поэма в честь труда.
Веками закаленные, в грядущее влюбленные,
Мы сбросим в горн вселенную и вновь перекуем...

В те годы поэт был убежденным сторонником Пролеткульта, отстаивал его принципы и в теории, и в своей творческой практике. Он был глубоко убежден в том, что с победой революции начнется и новая эра в искусстве. Она вызовет к жизни взрыв творческой энергии, пробудит богатые духовные силы народа. «И хочется верить, — писал Янчевский в июне 1918 г. в рецензии на книгу А. Гастева «Поэзия рабочего удара», — что русская революция будет тем жезлом Моисея, которому суждено выбить из народной твердыни живую струю нового творчества»[2]. Эти же положения развивает он и в статье «Современная поэзия», опубликованной за подписью «Фросин» 11 апр. 1920 г. в газете «Власть труда». Не случайно один из современников, иркутский литератор А. Шульгин назвал его «мятежным вестником пролетарской культуры»[3].

Однако пытаясь выступать от лица пролетариата в поэзии, Янчевский, подобно многим поэтам-пролеткультовцам, подчас впадал

[2] Янчевский Н. Поэзия рабочего удара.— Вечерние известия. Рабоче-крестьянская газета. Иркутск, 1918, 5 июня.

[3] Шульгин А. Первое мая — Праздник труда. Однодневная газета, Иркутск, 1921, 1 мая.

в крайности и противоречия. Гимны труду и созиданию в его лирике соседствовали со стихами явно анархического свойства. В «Песне фабричных сирен», например, он во имя «мелодии победной» фактически славит разрушение.

Не случайно эти стихи тогда же вызвали резкую отповедь Емельяна Ярославского, выступившего против левацко-экстремистских завихрений в стихах поэта[4]. Е. Ярославский со всей определенностью писал: «Разрушено вполне достаточно городов, кровавой росы на полях и нивах было тоже довольно, и теперь пора и поэтам заняться другими темами, воспевать труд и красоту трудового творчества»[5].

Для Янчевского эта справедливая и принципиальная критика не прошла бесследно, тем более что призыв «воспевать труд и красоту трудового творчества» вполне отвечал взглядам самого поэта. Отныне тема труда, варьируясь, пройдет через многие его произведения тех лет, станет их определяющей доминантой. В самом начале 1921 г. он публикует стихотворение «К труду», в котором говорится:

Машине — гимн и песня — молотку!
Труда, труда земля, как влаги, просит,
Пусть звонче серп снопы златые косит,
И громче цеп молотит на току!

Из-под пера Янчевского теперь появляются произведения, проникнутые революционным пафосом преображения мира. В конце 1920 г. в Иркутске отдельным изданием выходит его поэма «Октябрь», наиболее значительное произведение в творческом наследии поэта, получившее высокую оценку в печати. В. Правдухин в статье «Сибирские поэты революции» признал поэму Янчевского лучшим поэтическим произведением об Октябрьской революции. Он назвал ее «самым значительным явлением в области поэзии Сибири», — хотя и не свободным от влияния знаменитых блоковских «Двенадцати»[6].

«Октябрь» Янчевского интересен прежде всего своей эмоциональной стихией, пафосом творческого созидания. Поэма завершается мажорными аккордами. По утверждению поэта, «от первых лет земли до дней восстания, жестоких и прекрасных, все человечество не знало наших страстных порывов к творчеству». В окончании поэмы он выносит строки:

О, верю, верю я — ты перестроишь мир!
Творец и труженик, мыслитель и рабочий,
Воздвигнул факел ты во мгле всемирной ночи
Заставил зазвенеть железо громче лир![7]

В том же 1920 г. Янчевский издает еще одну книгу — сборник рассказов «Во имя революции». В одном из них выведен образ старого профессора, отдавшего много лет разрешению проблемы борьбы с голодом, верящего в безграничное могущество человеческого разума (рассказ «Ферри-хлеб»). В другом рассказе «Конец борьбы» рисуется картина последней схватки с капитализмом. Оба рассказа согреты светлой мечтой о раскрепощенном человечестве, верой в счастье его на земле. В рассказе «Во имя революции», давшем название всей книге, автор изображает трагическую коллизию. Красный командир отдает приказ расстрелять собственного сына-белогвардейца, захваченного во время выполнения шпионского задания белых[8].

---

[4] См.: Е. Я. Крови жажду! — Советская Сибирь. Омск, 1920, № 89, 25 апр.

[5] Там же.

[6] Шанявец В. (псевдоним В. Правдухина.— В. Т.). Сибирские поэты революции.— Сиб. огни, 1922, № 1, с. 185.

[7] Янчевский Н. Октябрь: Поэма. Иркутск, 1920, с. 12.

[8] Подробнее о Н. Янчевском и его творчестве см.: Трушкин В. Из пламени и света. Иркутск, 1976, с. 39—42, 184—192.

В 20-е годы, работая в Ростове-на-Дону, Янчевский принимал живейшее участие в литературной жизни писателей Дона. В это же время он опубликовал несколько работ на историко-революционные темы — «Новороссийская и Сочинская республика в 1905 г.» (1926), «Пятый год на Северном Кавказе» (1930), «Гражданская борьба на Северном Кавказе» (1927), «От победы к победе» (1931) и др. В журнале ростовских литераторов «На подъеме» во второй половине 20-х — начале 30-х гг. периодически появляются его статьи, рассказы, литературные пародии. Следует заметить, что в своих литературных выступлениях Янчевский иногда впадал в полемические крайности, высказывал такие суждения и оценки, которые современниками справедливо характеризовались как «левацкие загибы». На страницах газеты «Советский юг» он публиковал, например, материалы, направленные против Маяковского и его поэмы «Хорошо». Ошибочную позицию занял Янчевский в дискуссии о «Тихом Доне» М. Шолохова, обвинив писателя в идеализации казачества и даже в «реакционной романтике»[9]. Доклад Янчевского тогда же вызвал справедливые возражения со стороны многих участников дискуссии. Нападки на «Тихий Дон» явились, пожалуй, самым печальным эпизодом в его литературной биографии[10], биографии человека, на долю которого выпала честь быть одним из зачинателей революционной советской поэзии Сибири. Умер Н. Л. Янчевский в 1937 г.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Октябрь: Поэма. Иркутск, 1920.— 12 с.— [На обл.: 1921]. То же.— Краснодар: ГИЗ, 1921; Басни деда Мирона.— Иркутск, 1921; Во имя революции: Сб. рассказов. Иркутск, 1921; Поэт; Весна; Мне грустно в городе весной.— Сиб. огни, 1922, № 2, с. 41—42; Поэма о меже.— В кн.: Сев. Кавказ. Ростов-на-Дону, 1933.

ЛИТЕРАТУРА

Правдухин В. Сибирские поэты революции: [О поэме «Октябрь»]. — Сиб. огни, 1922, № 1, с. 164—166; Чужак Н. Ф. К жизни.— В кн.: Сибирские поэты и их творчество. 2-е изд. Иркутск: б. г., с. 59—64; Трушкин. В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967. См. имен. указ. Он же. Из пламени и света. Иркутск, 1976. См. имен. указ.

---

[9] См.: Янчевский Н. Реакционная романтика.— На подъеме, 1930, № 12.

[10] Подробнее о деятельности Янчевского в ростовский период см.: Гордеева Н. М. Литературный Ростов 20-х гг. Ростов-на-Дону, 1967, с. 47—50.

А. А. ТОРОЕВ
(1893 — 1981)

Аполлон Андреевич Тороев родился 14 декабря 1893 г. в улусе Шунта Боханского аймака Иркутской области. Отец его Андрей Тороевич имел семью в тринадцать человек и двадцать три года батрачил у местных богачей. Семья жила в большой нужде, и пятилетний Аполлон был отдан в няньки. С семи лет мальчик начал боронить землю, с одиннадцати лет стал пахарем у богачей Трубачевых.

В конце прошлого и начале текущего века у бурят, как и у многих других народов, были живы исполнительские традиции певцов-сказителей (улигершинов), сказочников, широко бытовали в устных передачах народные художественные произведения, в полной мере продолжалось исполнение эпоса.

В каждом улусе были мастера искусства слова. Нередко среди них практиковались поэтические состязания в мастерстве исполнения песен, улигеров — героических сказаний.

Тороев рос в замечательной среде сказителей и, обладая феноменальной памятью, быстро запоминал песни, сказки, легенды, предания, загадки, благопожелания, богатырские поэмы. Многому он научился у бабушки Шаргал Шаралдаевны Янгутовой, П. С. Дальбеева, М. Т. Янгутовой и других рапсодов. В семнадцатилетнем возрасте, в 1910 г., в кулацкой кабале лишился зрения. Но и после этого вынужден был батрачить.

С победой Октябрьской революции у Аполлона Андреевича начинается вторая жизнь. В годы гражданской войны поэт знакомится с командиром сибирских партизан Н. А. Каландаришвили, слагает песни о революции. Осенью 1920 г. вместе с учителем школы Н. В. Багаевым сочиняет пьесу «О бедных и богатых», которая была показана шунтинцам. В 1925 г. Тороев вступает в сельскохозяйственную коммуну, позже реорганизованную в артель имени В. И. Ленина.

Начиная с 1928 г. ведутся записи народных произведений со слов Тороева. Он знал наизусть свыше ста тысяч строк одних лишь улигеров — традиционных эпических сказаний. В его памяти, живой многотомной книге мудрости, содержалось 44 улигера и поэмы (из них 30 народных, 14 новых поэм), 119 сказок (из них 88 народных и 31 новая сказка, созданная Тороевым), десятки легенд, преданий, сотни песен, загадок, пословиц и поговорок. В архивах Улан-Удэ, Москвы, Ленинграда имеются записи 156 его произведений. Многие записи улигеров и сказок хранятся в личных архивах собирателей фольклора.

Тороев выступал не только рассказчиком, улигерши, но и автором новых произведений. Он сложил ряд песен, сказок и улигеров-поэм. Особенность многих новых песен-импровизаций Тороева состоит в том, что они основаны на приемах бурятской народной поэзии, ее установившихся традиционных образах, мотивах, деталях, параллелизме и т. д. Вместе с тем ряд произведений создан с использованием художественно-изобразительных средств письменной поэзии.

В конце 30-х годов Тороев сочинил улигер-поэму «Ленин-багша» (багша — учитель). В ней он выражает чувства любви, благодарности и преданности партии, В. И. Ленину, повествует о жизни и борьбе нашего народа, замечательной советской эпохе, восхищенно славит Родину и воспевает бессмертие идей марксизма-ленинизма.

Пронизанный духом народной поэзии, улигер был естественным и закономерным шагом вперед. В то же время он знаменовал собой явление совершенно новое и своеобразное: Тороев создал крупное поэтическое произведение на современную тематику. Он сумел правильно использовать доступность художественной формы улигеров, подчинить ее новому содержанию. При этом Тороев

сделал заметный крен в сторону жанра поэмы, придав своему произведению полуулигерную форму. «Ленин-багша» — это улигер нового типа, улигер-поэма. В свое время это произведение публиковалось в журналах и сборниках в Улан-Удэ, Иркутске, Новосибирске, Москве, в отрывках — во многих газетах.

Работая в колхозе, Аполлон Андреевич в часы досуга исполняет перед земляками произведения старинного и советского фольклора, по-прежнему принимает активное участие в художественной самодеятельности. 25 июня 1939 г. Тороев принят в члены Союза советских писателей. В августе 1940 г. он, как передовой колхозник и улигерши, побывал в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1941 г. изданы на бурятском языке его книга «Ульгэр-нууд» («Улигеры») и на русском — «Улигер, сказки и песни».

В годы Великой Отечественной войны Тороев создает поэмы «Советский герой», «Защита Москвы», «Сталинград», «Двадцатилетние», «Тулаев-батор», «Генерал Балдынов», «Арман и Дурман» и другие. В них улигерши в исторически конкретном плане повествует о великих подвигах народа, поет о мужестве и стойкости советских людей. В эти трудные и тревожные годы Аполлон Андреевич — частый гость у тружеников сел не только родного Боханского аймака, но и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа и Бурятской АССР.

В начале 1954 г. в связи с 60-летием со дня рождения и за заслуги в деле собирания и исполнения народных песен, сказок и улигеров Тороеву было присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств Бурятской АССР.

Произведения Тороева пользуются среди слушателей и читателей огромной популярностью. В народе о нем самом слагают песни, поэты пишут стихи, художники рисуют портреты и, как отмечает заслуженный деятель науки Бурятской АССР, доктор филологических наук, профессор А. И. Уланов, «Тороев уже сейчас стал красивой легендой»... Умер А. А. Тороев 25 июня 1981 г. в г. Усолье-Сибирское, похоронен в поселке Бохан.

Р. Шерхунаев

СОЧИНЕНИЯ

Улигер, сказки и песни/Вступ. статья и примеч. А. Гуревича. Иркутск, 1941; Бурятские сказки/Пер. и обработ. Г. Кунгуров. Иркутск, 1946; Бурятские сказки/Обработ.: Г. Кунгуров. Иркутск, 1951; Хвастливая собачонка: Сказки/Пер. с бурят. и обработ. Г. Кунгуров. Иркутск, 1955; Сказки. Улан-Удэ, 1956; Бурятские сказки/Пер. и обработ.: Г. Кунгуров и др. Иркутск, 1958; Сказки/Пер.: И. Ким. Улан-Удэ, 1959; Бурятские сказки/Пер.: Г. Ф. Кунгуров. Улан-Удэ, 1964; Сказки/Пер. и обработ. Г. Кунгуров и И. Ким. Иркутск, 1967; Ленин-багша: Улигер/Пер. Инн. Луговской. Иркутск, 1970.

ЛИТЕРАТУРА

Шерхунаев Р. А. Аполлон Тороев: Очерк жизни и творчества. Иркутск, 1964; Шерхунаев Р. А. Аполлон Тороев — бурятский народный поэт. Автореф. дисс. на соискание учен. ст. кандидата филолог. наук. Иркутск, 1965 (Иркутский гос. ун-т им. А. А. Жданова); Шерхунаев Р. А., Тарамаханова О. Д. Народный певец-сказитель Бурятии. А. А. Тороев. Биобиблиографический указатель. Улан-Удэ, 1969, Азадовский М. Сказители Сибири. — Вост.-Сиб. правда, 1943, 4 апр.; Шмаков А. Песни слепого улигерши.— Сиб. огни, 1947, № 2, с. 112—114; Стекольников Л. Улигерши (Стихи о Тороеве).— Новая Сибирь, 1948, кн. 20, с. 107—108; Марков Г. Литературная жизнь Сибири. В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1952, с. 17—18; Очерк истории бурятской советской литературы. Ред. коллегия: Л. Е. Элиасов (гл. ред.) и др. Улан-Удэ, 1959, с. 19, 89, 90, 112; Петонов В. Улигершин. Цветет багульник. М., 1966, с. 42—48; История бурятской советской литературы/Ред. коллегия: А. И. Уланов (гл. ред.) и др. Улан-Удэ, 1967, см. по имен. указ.; Шерхунаев Р. Певец из бурятского улуса.— Правда, 1968, 15 дек.; История советской многонациональной литературы: В 6-ти т. Т. 3.— М., Наука, 1970, с. 551—552.

М. И. ОШАРОВ (1894 — 1943)

Михаил Иванович Ошаров родился 4(16) ноября 1894 г. в селе Лебяжье Абаканской волости Минусинского уезда Красноярской губернии в семье крестьянина-казака. Отец умер, когда будущему писателю не было еще и трех лет. С тринадцати лет Михаил Иванович пошел работать по найму — учеником в столярной мастерской, молотобойцем в кузнице, батраком. Через несколько лет ему с большим трудом удалось поступить в Канское реальное училище. В 1917 г. Ошаров определяется в Московский коммерческий институт. Но учеба в нем продолжалась не долго: мобилизовали в царскую армию.

Во время пребывания в Москве Ошаров усердно посещал вечерний Народный университет Шанявского, который помог ему пополнить знания в области языка и литературы.

Большое влияние на духовное развитие М. Ошарова оказал его старший брат. Знаток старины и фольклора, Прокопий Ошаров внушил брату любовь к устному творчеству народа. Живя на границе с Хакасией, Ошаров с детских лет начал собирать хакасские песни, сказки, легенды.

Когда Ошаров в 1919 г. попал на Север в качестве инструктора потребкооперации, он оказался практически подготовленным для многостороннего изучения жизни, быта и культуры кочевых народов. Переехав в 1933 г. в Новосибирск, он издает книгу «Северные сказки» (Новосибирск, 1935), которая содержит свыше ста сказок эвенков, кетов, долган, ненцев.

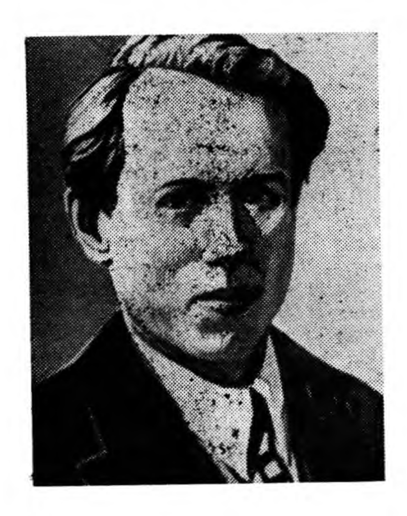
Писать Ошаров начал в 1923 г. В журнале «Сибирь» за 1925 г. опубликован его первый рассказ «Конпас». Затем в журналах «Охотник и пушник Сибири», «Сельская кооперация», «Земля Советская», «Сибирские огни» и «Будущая Сибирь» стали все чаще и чаще появляться его рассказы, зарисовки, небольшие очерки и сказки народов Севера.

С 1924 по 1928 г. он много и упорно работал над повестью «Звено могил» (в публикации 1964 г. — «Тяжелое счастье»). По счастливой случайности она сохранилась в семейном архиве писателя. По свидетельству современников, Ошаров задумал трилогию романа «Большой аргиш», куда эта повесть входила как составная часть.

Через Комитет содействия народностям Севера повесть была в 1928 г. отослана М. Горькому, который прислал в Комитет отзыв: «Тема решена интересно и своевременно, но язык повести тяжел». И сам писатель признавал, что эта часть его большого замысла требует тщательной шлифовки. Однако одобрительный отзыв великого писателя продиктован не только тем, что его заинтересовало своеобразие темы. М. Горький мог легко заметить одаренность Ошарова, сумевшего создать несколько живых и оригинальных характеров жителей далекой тундры, поэтически выразить мысли о правах человека на свободу чувств и мыслей, на решительный протест против уже изживших себя норм и правил общежития.

Ошаров знал тайгу и тундру от Северного Урала до Таймыра и отлично себя в ней чувствовал. Работая в кооперативе, он завоевал довèрие местного населения своей исключительной честностью, смелостью и отзывчивостью. Во время всесоюзной переписи в 20-х годах северяне предпочитали от нее уклониться: «Кто знает, зачем переписывают!» Но Ошарову они верили, и перепись он производил беспрепятственно.

Из его многолетних жизненных наблюдений, из глубокого изуче-

ния поэтического творчества народов Севера родился замечательный роман «Большой аргиш». Задуманная трилогия не была писателем окончена. Теперь известно, что завершающая часть романа («Сауд») погибла в 1937 г., как и многочисленные записи фольклорных произведений. Ошаров умер в расцвете своего таланта 24 июня 1943 г.

Роман «Большой аргиш» писатель закончил в 1933 г. В 1934 г. вышел в Иркутске. В советское время это было, по существу, первое значительное произведение о малых народах Севера. «Большой аргиш» М. Ошарова — произведение реалистическое, глубоко и верно раскрывающее быт, характер и нравы народов Севера, показывающее бесправие, забитость этих кочевников в дореволюционное время, их борьбу с реакционными силами и силами природы. Первейшее достоинство романа — его народность, потому что ведущие герои его — рядовые представители одной весьма отсталой народности, жившей в системе Российского государства, потому, что от начала до конца произведение пронизано уважением и любовью к этим, тогда обездоленным, людям, и, наконец, потому, что глубокую гуманистическую заинтересованность в их судьбах писатель выразил средствами простыми и доступными, почерпнутыми из оригинальной подлинно народной поэзии, ранее нам неизвестной.

Самое привлекательное свойство поэтического таланта М. Ошарова — полнота и обстоятельность, с которой он рисует людей, предметы, явления природы. Вначале кажется, что ничего примечательного он о людях и вещах не сообщает. Все выглядит просто и обыденно. Рауль, например, занялся рыбой: «Он взял в зубы рыбий хвост, потянул до хруста за голову и ногтями снял слабую чешую. Разрезал ножом вдоль спины и развернул сига в розовый лист». Писатель приводит подробности, казалось бы, необязательные уточнения. Но они-то и создают ощущение полной реальности происходящего, придают образам объемность и рельефность, без которых немыслимо искусство живописания.

Точность и подробность воспроизведения предметов и явлений связана у Ошарова и с другой задачей, чисто этнографической: с документальной достоверностью показать жизнь и быт совершенно незнакомой нам народности. Но в том-то и дело, в том-то и достоинство романа, что эта этнография не досадный и скучный привесок, она тесно переплетена с художественной тканью романа. В письме к писателю В. Зазубрину М. Горький писал:

«...У Ошарова этнография так плотно срощена со всей тканью романа, что я затрудняюсь: что и где можно сократить? И даже вызывает сомнение: надо ли сокращать, как будто надо, но жалко» (Лит. наследство Сибири, т. 2, Новосибирск, Зап. Сиб. кн. изд-во, 1972, с. 304).

Стремление к детализации и документальной точности обусловлено, следовательно, не одними научными целями, а также целями художественными. Это —

метод писателя, посредством которого он хотел передать всю полноту явлений жизни эвенков, их сложный и отнюдь не примитивный, как это могло показаться с первого взгляда, внутренний мир.

Образ Бали прекрасен. В характере этого старика воплощены мудрость народа, вековой опыт нелегкой жизни и борьбы, мужество и выносливость, честность и доброта, неиссякаемый оптимизм и спокойствие, выдержка, юмор в любых, даже самых трудных обстоятельствах.

Но одновременно Бали изображен сыном своего времени, своей среды. Он лучше других понимает, что купцы-покрутчики обманывают эвенков. И тем не менее, как все, позволяет споить себя и ограбить. Он слепо верит в своих богов, больше утешает людей и в столкновении с купцами не видит иного выхода, кроме покорности. Бессилие умного старого Бали перед купцами первым заметил Сауд. Юноша понял, что на его недоуменные вопросы он не получит ответа от Бали. Новый, пусть пока незначительный шаг в развитии народа найдет свое выражение в Сауде.

В раскрытии идейного содержания романа образ Сауда занимает первостепенное место. В самом начале романа Сауд появляется шустрым мальчиком, в конце — он самостоятельный мужчина, принимающий и осуществляющий смелые и ответственные решения.

Могучим стимулом роста сознания и характера оказалась проснувшаяся любовь к Пэтэме. История этой любви — лучшие страницы романа. Все обаяние Пэтэмы раскрылось, кстати, через любовь ее к Сауду, которую она долго не смела в себе заметить, а заметив, смутилась, затем ощутила огромное ни с чем не сравнимое счастье: Сауд тоже любил ее. Не будь в произведении поэтического рассказа о любви Сауда и Пэтэмы, оно имело бы другую, мрачную тональность.

Огромное влияние на формирование характера Сауда оказывали бесчисленные рассказы Бали. Но и сама жизнь обогащала Сауда. Это и обусловило тот весьма решительный протест, то противодействие, которое он оказал в конце романа купцам.

Фактически Сауд впервые встретился с купцами-покрутчиками. До сих пор он знал о них только из рассказов старших, часто не подозревавших, что их обманывали, обсчитывали, спаивали. И это первое соприкосновение с ними потрясает Сауда: изнасилована и убита его любимая Пэтэма, исчезла с трудом добытая пушнина, а сам он избит приказчиками Калмыкова.

Умный, инициативный юноша, только почувствовавший свою самостоятельность, свою силу, вдруг оказался лицом к лицу с чудовищами, лишенными чести и совести. Он не имел возможности кинуться за ними сразу и отомстить — силы явно не равны, но он лучше других понял: так далее продолжаться не может.

Замысел романа не только в том, что малые народы Севера, несмотря на вековую отсталость и крайнюю медлительность развития, сами пытаются разобраться в своих бедах, ищут наиболее правильные в их условиях решения жизнью выдвинутых проблем. Роман «Большой аргиш» сразу стал примечательным явлением в советской литературе. М. Ошаров вошел в нее певцом Севера, певцом и пропагандистом дружбы и равноправия народов.

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

Избранное.— Новосибирск, Кн. изд-во, 1958; Большой аргиш: Роман.— М.; Иркутск: Кн. изд-во, 1934; То же.— Красноярск: Кн. изд-во, 1977; Северные сказки (Собр. и обраб. М. Ошаровым.— М.; Новосибирск: Запсибкрайиздат, 1936; То же.— Новосибирск: Кн. изд-во, 1958; Бегут воды Кимчу...:

Повесть о любви.— Сиб. огни, 1964, № 9, с. 10—42; № 10, с. 80—114; Тяжелое счастье: Повесть о большой любви.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Ошаров М. И. — А. М. Горькому: (1935—1936).— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 79—80.

ЛИТЕРАТУРА

Яновский Н. Певец Севера.— В кн.: Яновский Н. Художник и время. Новосибирск, 1962, с. 115—177; Он же Михаил Ошаров.— В кн.: Яновский Н. Н. Голоса времени. Новосибирск, 1971, с. 160—174; Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 90—91; Владимиров Е. М. И. Ошаров в Красноярске.— Сиб. огни, 1963, № 9, с. 128—131; Якимова Л. П. Тема «Великого кочевья» в русской литературе Сибири 30-х годов.— В кн.: Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 1974, с. 173—201; Острогорский Н. Большая история маленького народа.— Сиб. огни, 1935, № 4, с. 165—170; Фаворин В. Книга об эвенках. — Нов. Сибирь, 1935, № 2, с. 67—71; Грудская А. Книга о Севере.— Мол. гвардия, 1936, № 5, с. 181—183; Казимирский К. — Лит. обозрение, 1936, № 2, с. 18—19; Коптелов А. У великого художника.— Сиб. огни, 1936, № 5, с. 112—117; Нарвеков Н. Лит. критик, 1937, с. 192—194; Яновская Ф. Нет повести печальнее на свете...— Сов. Сибирь, 1965, 9 марта; Яновская Ф.— Октябрь, 1965, № 5, с. 223—224; Горький А. М.— В. Я. Зазубрину: [Письмо от 11 сент. 1934 г. о романе «Большой аргиш»].— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1972, т. 2, с. 304—305.

В. Я. ЗАЗУБРИН (1895 — 1938)

В 1921 г. к четвертой годовщине Октября в Иркутске вышла двухтысячным тиражом книга, которой суждено было стать первым советским романом. Издана она была в походной типографии политуправления 5-й Красной Армии и Восточно-Сибирского военного округа. Называлась она «Два мира».

Произведение сразу же привлекло внимание читателей. О «Двух мирах» заговорили и заспорили крестьяне и красноармейцы, вчерашние партизаны и политработники. «Я помню, — вспоминал Б. Лавренев, — с каким волнением и радостью мы, молодые, не имеющие еще опыта искатели, встречали в те дни первые цветы нашей литературы. Помню, как в политуправлении Туркфронта в 1921 г. был до дыр зачитан всеми работниками первый... советский роман В. Зазубрина «Два мира»[1].

Вскоре по выходе книги в свет А. В. Луначарский писал ее автору: «Я с огромным удовольствием прочел первую часть Вашего романа «Два мира»... Лично я считаю роман чрезвычайно удавшимся... В художественном отношении есть блестящие главы и страницы» (Цит. по кн.: Влад. Зазубрин. Два мира. Изд. 4, Новосибирск, 1928, с. 7—8).

«Два мира» настолько увлекли Луначарского, что он решил тотчас же познакомить с ним В. И. Ленина. В том же письме к Зазубрину мы читаем: ...«Я сообщил роман, как очень любопытную эпопею, В. И. Ленину, который его прочитал, но мнения его пока не знаю; когда узнаю — напишу Вам».

Об отношении В. И. Ленина к роману рассказал в 1928 г. А. М. Горький в своем предисловии к «Двум мирам». «В 21-м году, — пишет он, — я видел эту книгу на столе В. И. Ленина.

— Очень страшная, жуткая книга, конечно, не роман, но хорошая, нужная книга.

— Мне тоже кажется, — продолжает Горький, — что социальная полезность книги этой значительна и совершенно неоспорима».

За сравнительно короткое время — с 1921 по 1936 г. — роман выдержал десять изданий, да и в наши дни он издавался

[1] Лавренев Б. На новой ступени.— Литературная газета, 1957, 12 окт.

неоднократно. «Два мира» заняли почетное место в истории советской литературы.

Владимир Яковлевич Зубцов (Зазубрин — псевдоним) родился 6 июня (н. ст.) 1895 г. в Пензе в семье железнодорожного служащего. Родители его — выходцы из крестьян Тамбовской губернии. Отец писателя Яков Николаевич был активным участником революции 1905 г. В 1907 г. по обвинению в принадлежности к РСДРП он был выслан вместе с семьей в г. Сызрань под гласный надзор полиции.

Зазубрин рано приобщился к революционной деятельности. Еще будучи учеником пятого класса Сызранского реального училища, он увлекся революционной работой, читал и распространял нелегальную литературу, выпускал подпольный рукописный журнал «Отголоски». Зазубрин и его товарищи по училищу устанавливают связь с сызранскими большевиками, печатают на гектографе листовки и расклеивают их по городу. В 1914 г. он становится постоянным сотрудником большевистского еженедельника «Заря Поволжья». В это время он уже был членом Сызранского исполнительного комитета РСДРП, работал в больничной кассе. Вскоре последовали первые обыски, а потом и арест, исключение из седьмого класса училища.

Оказавшись в тюрьме, Зазубрин начинает вести дневник, мечтает стать писателем. Из тюрьмы он послал «как-то даже рассказ в одну из «Правд», но его не пропустила цензура»[2].

После выступления чехословаков и захвата Сызрани белогвардейцами Зазубрин в августе 1918 г. был мобилизован в белую армию. Его направляют в Оренбургское, а затем в Иркутское военное училище. По окончании училища в июле 1919 г. За-

зубрин в чине подпоручика был отправлен на фронт. В ноябре того же года вместе со своим взводом распропагандированных им солдат перешел на сторону партизан Тасеевского фронта. В декабре 1919 г. Зазубрин оказывается в только что освобожденном от колчаковцев Канске. Здесь он работал корректором местной газеты «Красная звезда», которая была печатным органом Канского ревкома и окружкома. Время от времени на страницах этой газеты стали появляться его сатирические фельетоны и публицистические статьи. В Канске, помимо работы в газете, он вел занятия в партийной школе. В марте 1921 г. Зазубрин вступил в члены РКП(б).

В Канске же был задуман и начат роман «Два мира», в основу которого легли как личные впечатления писателя, так и рассказы партизан Тасеевского фронта.

Роман завершен в Иркутске, куда Зазубрин был направлен по распоряжению Пуарма 5. Здесь он редактировал ежедневную армейскую газету «Красный стрелок».

С 1923 по 1928 г. Зазубрин был секретарем, а затем и редактором журнала «Сибирские огни».

---

[2] Зазубрин В. Заметки о ремесле.— Сиб. огни, 1928, № 2, с. 243.

Несколько позднее он возглавил Сибирский Союз писателей, созданный весною 1926 г.

В 1927 г. писатель присутствовал на заседаниях XV партийного съезда. О работе съезда и виднейших его участниках: И. Сталине, М. Литвинове, Г. Петровском, К. Ворошилове, С. Орджоникидзе и др. — он оставил интересные наброски, сделанные рукою вдумчивого и наблюдательного художника, в очерке «Заметки о ремесле».

Будучи одним из организаторов и идейных вдохновителей Сибирского Союза писателей, Зазубрин настойчиво боролся за единство в рядах сибирских литераторов, осуждал всякую кастовость и групповщину. Он ратовал за «нормальные отношения» между писателями, за создание здоровой творческой атмосферы в писательской среде. Задачи советской литературы Зазубрин видел прежде всего, «в беспредельном, безраздельном служении делу Октябрьской революции»[3]. В идеях Ленина, идеях пролетарской революции, по словам писателя, заключен «неиссякаемый источник нашего вдохновения».

Зазубрин с присущей ему страстью критиковал тех литераторов, кто не видел за нэповскими буднями, за этим «мелководьем» революционной перспективы, кто склонен был преувеличивать обмельчание дня и «принимать его за обмельчание революции». Истинный художник, по Зазубрину, должен глубоко проникнуться созидательным пафосом своей эпохи, чтобы создать вещи, достойные времени и страны. Для его публицистических выступлений характерной была твердая уверенность в грандиозном будущем Сибири.

Зазубрина как художника всегда отличала острота в постановке наболевших вопросов времени. Так, в 1923 г. на страницах «Сибирских огней» появились его рассказы «Бледная правда» и «Общежитие», вызвавшие оживленную полемику среди современников писателя, в особенности рассказ «Общежитие».

Создавая рассказ, автор стремился поставить один из острейших вопросов времени — вопрос о страшной силе мещанства и пошлости, губящих и уничтожающих без остатка все человеческое в человеке. Рассказ построен в гротескно-сатирической манере. Автор заставляет заглянуть читателя в интимную жизнь пяти семей коммунальной квартиры, увидеть, что называется, изнутри неприглядные стороны быта. Однако, пафос обличения здесь тонет в натуралистических описаниях и картинах. Обнаженный «золаизм» рассказа (в письме к Зазубрину в 1928 г.) подверг критике А. М. Горький. И все же «Общежитие», несмотря на художнические просчеты, было нужным для своего времени произведением. Об этом хорошо тогда же сказал старый большевик В. Вегман[4].

Совершенно иные коллизии волнуют писателя в «Бледной правде». Герой рассказа — коммунист, бывший кузнец и партизан Аверьянов. Партия направляет его на работу сначала начальником тюрьмы, а потом комиссаром по снабжению в большом краевом городе. Человек он малограмотный, честный и неподкупный, до самозабвения преданный революции. Раньше, во время гражданской войны, Аверьянову казалось все простым и понятным. Теперь же он в новой обстановке растерялся. Все ему представляется запутанным и сложным.

В рассказе мастерски переданы и бешеный темп времени, и та сутолока в работе, неразбериха в бумагах, от которых у

---

[3] Сиб. огни, 1927, № 6, с. 191.

[4] См.: Вегман В. Страшная, но нужная повесть.— Советская Сибирь, 1923, 20 дек.

Аверьянова голова шла кругом. Самой манерой стремительно нарастающего повествования, короткой рубленой фразой, прерывистыми периодами стремится художник передать состояние своего героя, оглушенного событиями, растерявшегося. С неменьшей художественной силой изображены в произведении хищники, приспособленцы, мошенники и жулики всех мастей и оттенков, сгноившие и расхитившие в период продразверстки бездну продуктов и хлеба.

Произведение заканчивается трагически — смертью Аверьянова, оклеветанного своими подчиненными.

Рассказ утверждает идеи гуманизма, доверия и веры в человека. Своим острием он направлен против ложно понятой идеи жертвенности, представления о человеке, как песчинке, «щепке» в стихии революции.

Кроме «Общежития» и «Бледной правды» Зазубриным в сибирский период было создано два киносценария «Избушка на Байкале» и «Красный газ», по которым были сняты первые советские фильмы в Сибири.

В 20-е годы писатель много и упорно работал над романом о чекистах «Щепка». Отрывки из романа он читал на читательских конференциях, познакомил с ним в одну из своих поездок в Москву Ф. Э. Дзержинского. К сожалению, это произведение писателю так и не удалось завершить, сохранился лишь первый его вариант, названный повестью. Объясняется это не только сложностью творческого пути писателя, но и поистине огромной редакторской и организационной работой, которую вел в те годы Зазубрин. Особенно много времени отнимали занятия с начинающими литераторами. Еще в 1927 г. старейший сибирский поэт Георгий Вяткин говорил о Зазубрине, по его словам, «сильном и мужественном художнике»: «Нельзя не отметить работы Зазубрина как редактора, как собирателя сибирских литературных сил. Как критик, как редактор, он суров, часто груб, беспощаден, но он делает нужное дело и на своем посту незаменим»[5].

В конце 1928 г. Зазубрин вынужден был покинуть Новосибирск и переехать по совету Горького в Москву. В Новосибирске к этому времени вокруг писателя была создана болезненная, нездоровая обстановка. Намеренно стали раздувать и преувеличивать его ошибки, исключили из Сибирского Союза писателей, в организацию которого он вложил столько труда и энергии.

Первое время в Москве Зазубрин работал в Гослитиздате. В 1930 г. он с семьей переезжает в Ленинград, где прожил около двух лет. Из Ленинграда снова возвращается в Москву, заведует литературным отделом в горьковском журнале «Колхозник», проектирует вместе с Горьким издание библиотеки колхозника.

В 1934 г. отдельным изданием выходит первая книга его нового романа «Горы». Роман был задуман как трилогия.

В первой, опубликованной части трилогии действие развертывается в конце 20-х гг. на Алтае. В центре повествования стоит образ коммуниста Ивана Безуглого, прибывшего на Алтай в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам. Художником запечатлены яркие картины напряженной классовой борьбы в глухих дебрях горного Алтая. Колоритно и сочно выписаны образы богатеев, особенно кондового кержака Андрона Морева.

Сталкивая своего героя с озверевшим кулачеством, автор стремится показать его в запутанных жизненных противоречиях и драматических острых си-

---

[5] См.: Художественная литература в Сибири (1922—1927). Сборник статей и докладов.— Новосибирск, 1927, с. 16.

туациях. Психологически сложные нити связывают Безуглого с Моревым, некогда, еще в годы гражданской войны, спасшим жизнь Безуглому. Двусмысленность положения коммуниста-уполномоченного осложняется еще и упорными сплетнями о его барском происхождении, сплетнями, которые лишают его душевного равновесия, парализуют волю.

«Горы» нравились Горькому, который в свое время в печати защищал роман от нападок критики (См.: М. Горький. Собр. соч., т. 27, с. 267).

После «Гор» писатель почти ничего не печатал, если не считать небольшой статьи «Последние дни», посвященной памяти М. Горького, давнего друга и наставника Зазубрина. Горький сыграл огромную роль в его писательской и личной судьбе. К нему Зазубрин относился всегда с неизменной симпатией и любовью, он часто бывал у Горького, прислушивался к его советам, вел с ним оживленную переписку.

В 30-е годы Зазубрин перевел с алтайского и подготовил к печати народное сказание о Когутее, который усыновил богатыря-бобренка, защитника угнетенных. Этот алтайский эпос был опубликован в 1935 г. издательством «Academia».

6 декабря 1938 г. писателя не стало.

По справедливому замечанию жены писателя, он был «натурой увлекающейся, впадающей иногда в крайности. Мятущийся, противоречивый, часто теряющий основной жизненный стержень, но всегда возвращающийся на правильный путь — партийного и общественного деятеля»[6]. Самым примечательным явлением на этом нелегком пути Зазубрина стал роман «Два мира», созданный по свежим следам событий, когда автор и все его добровольные «корреспонденты» еще не успели износить ботинок, в которых они месили липкую грязь полей сражений. Этот роман остался в большой советской литературе, как волнующий человеческий документ и живой памятник эпохи.

В романе Зазубрина отразились поиски новых средств изобразительности, художественных приемов, которые оказали влияние на последующее развитие советской литературы. По верному замечанию профессора В. Р. Щербины, «Два мира» надолго «останутся в истории советской литературы как одно из первых реалистических произведений, пролагающих пути монументальному эпосу социалистического реализма»[7].

В книге Зазубрина нет, по существу, ведущих героев. Здесь действуют людские массы. Роман насыщен массовыми сценами. Мелькают лица, жесты, сменяются эпизоды — все движется в неумолимом потоке. Автор избегает четкой и глубокой психологической характеристики героев, он рисует прежде всего их поступки, передает реплики, не задерживаясь долго на душевном движении своих персонажей. Действие в произведении строится на контрастах, на постоянном противопоставлении двух сражающихся лагерей, где сын идет на отца и брат на брата. «Революция, — говорил Зазубрин, — научила нас писать по-новому. Она научила нас оперировать массами, заставила писать по принципу «смещения планов»[8]. Роман его останется в нашей литературе как правдивая летопись суровой и героической эпохи, как первый жизнестойкий росток советской художественной прозы.

В. Трушкин

---

[6] Из письма В. П. Теряевой-Зазубриной от 5 янв. 1960 г. к автору статьи.

[7] Щербина В. Ленин и вопросы литературы. М., 1961, с. 370—371.

[8] Сиб. огни, 1927, № 6, с. 185.

СОЧИНЕНИЯ

Два мира: Роман. Иркутск: Пуарм 5 И ВСВО, 1921; То же/Вступит. статья В. Трушкина.— М: Воениздат, 1968.— 190 с. Два мира. Горы: Романы/Сост. и послесл. В. П. Трушкина. Иркутск, 1980; Горы: Роман.— Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934; То же/Автолит. Л. Канторовича. — 2-е изд.— М.: Сов. писатель, 1935; Лит. наследство Сибири. Т. 2. В. Зазубрин. Худож. произведения, статьи, доклады, речь, переписка, воспоминания о В. Я. Зазубрине. Новосибирск, 1972.

ЛИТЕРАТУРА

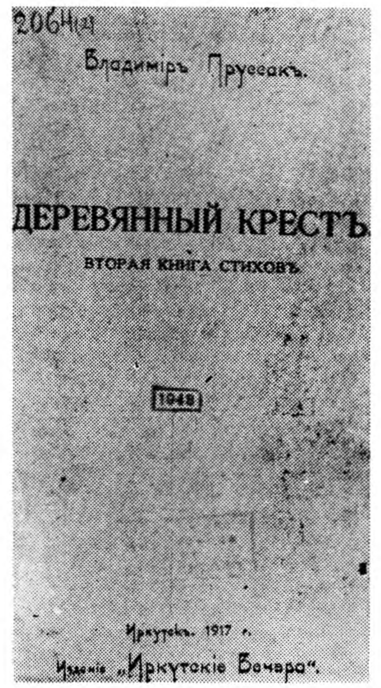
Горький М. Литературные забавы.— Собр. соч. М., 1953, т. 27, с. 267; Топоров А. В. Зазубрин. «Два мира»: (Читано с 22 нояб. по 5 дек. 1927).— В кн.: Топоров А. Крестьяне о писателях. 2-е изд. Новосибирск, 1963, с. 74—93; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 158—162; Яновский Н. От «Двух миров» к «Соленой пади».— Сиб. огни, 1969, № 11, с. 159—173; Он же. Несобранные произведения В. Зазубрина двадцатых годов.— Сиб. огни, 1971, № 8, с. 163—179; Тихменев Ф. В истоках творчества.— Сибирь, 1972, № 4, с. 74—80; Яновский Н. Н. Жизнь и творчество Владимира Зазубрина.— В кн.: Яновский Н. Н. История и современность. Новосибирск, 1974, с. 84—139; Федоров Г. Новое об авторе первого советского романа.— Сиб. огни, 1975, № 6, с. 169—174; Трушкин В. Из пламени и света.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. См. имен. указ.; Он же. Восхождение. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. См. имен. указ.

Тихменев Ф. О литературных «Зазубринках» В. Зазубрина.— Сиб. огни, 1928, № 2, с. 212—227; Острогорский Н. Неисчерпаемые возможности: [О романе «Горы»].— Сиб. огни, 1935, № 2, с. 182—187; Сейфуллина Л. Критика моей практики.— В кн.: Сейфуллина Л. Избранные произведения. М., 1958, т. 2, с. 305—306; Баландин Л. В. Я. Зазубрин.— В кн.: Писатели-сибиряки. Новосибирск, 1959, вып. 2, с. 18—43; Трушкин В. Живая летопись: [О романе «Два мира»].— Ангара, 1959, № 4, с. 107—114.

В. В. ПРУССАК (1895 — 1918)

Владимир Владимирович Пруссак родился 21 июня 1895 г. в Петербурге[1]. В 1907 г. поступил во Введенскую гимназию. Был одним из лучших учеников, издавал ученический журнал «Недотыкомка», ставивший своей целью борьбу с произволом в средних учебных заведениях. Поэт рано начал увлекаться революционной деятельностью, входил в состав нелегального гимназического «кружка саморазвития им. Л. Н. Толстого», принимал активное участие в издании «Газеты Санкт-Петербургской Введенской гимназии», освещавшей теневые стороны гимназической жизни. В марте 1912 г. он начинает участвовать в работе «Революционного союза», печатает на гектографе революционные воззвания и листовки. В декабре 1912 г. его впервые арестовывают и исключают из гимназии без права поступления в другие учебные заведения. Освободившись вскоре из-под ареста, Пруссак с головой уходит в революционную работу, становится фактическим руководителем Революционного союза, выпускает прокламации «К солдатам» и «К 300-летию дома Романовых». 29 марта 1913 г. его снова арестовывают за публикацию прокламации, посвященной годовщине со дня Ленских событий. После годичного заключения в одиночной камере Пруссак 19 марта 1914 г. был приговорен окружным судом к пожизненной ссылке в Сибирь. Провокационную роль в судьбе юноши-поэта, по утверждению его сестры, сыграл небезызвестный А. Ф.

[1] Наиболее полные биографические сведения о В. Пруссаке содержатся в опубликованном ныне письме сестры поэта к профессору М. К. Азадовскому. Лит. наследство Сибири. Т. 1, Новосибирск, 1969, с. 244—247.

Владимiръ Пруссакъ.

ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТЪ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

Иркутскъ. 1917 г.

Изданiе „Иркутскiе Вечера“.

Керенский, выступивший на процессе в роли защитника.

В Иркутске Пруссак близко сходится с большевиками, выступает как «пораженец» по отношению к первой мировой войне.

О пребывании его в Сибири в Иркутском областном госархиве сохранились лишь беглые упоминания в делах иркутского охранного отделения. Из них видно, что Пруссак отбывал ссылку «за государственное преступление» недалеко от Иркутска, на станции Суховская. 12 октября 1914 г. он получил разрешение на временное «проживание в городе Иркутске для лечения». Позднее это разрешение неоднократно продлевалось, так что поэт почти постоянно находился в городе, где он развернул энергичную журнально-литературную деятельность, был организатором литературного объединения «Иркутские вечера», одним из основателей поэтического альманаха с тем же названием, инициатором издания журнала «Багульник». Стихи его появляются во многих сибирских газетах и журналах, в столичной периодике. Он сотрудничает в «Современном мире», «Ниве», «Новом Сатириконе», «Сибирских записках», «Багульнике», альманахе «Иркутские вечера», в газетах «Омский день», «Голос Сибири», «Лучи», «Амурское лето» и др.

После февральской революции Пруссак возвращается в Петроград, но не порывает связей с Сибирью, которую он успел полюбить.

Смерть настигла его в расцвете творческих сил. Сестра поэта рассказывает: «В феврале 1917 г. Пруссак захворал жесточайшим воспалением легких и совершенно больным вернулся в Петроград после февральской революции. Оправившись, он сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Продолжать образование ему не удалось; он заболел аппендицитом, перешедшим в перитонит, и после неудачно произведенной операции скончался 9 июля 1918 г.»[2]

После смерти в бумагах поэта остался интереснейший дневник, рассказывающий о деятельности революционно настроенной молодежи Петрограда, о литературной жизни Сибири 1915—1916 гг., и цикл неопубликованных стихов о Сибири. Пруссак рассчитывал издать стихотворный сборник, посвященный былой стране изгнания. К сожалению, в настоящее время местонахождение этих материалов неизвестно, хотя они представляют несомненную историко-литературную ценность.

Творческое развитие Пруссака проходило стремительно. Первый его сборник «Цветы на свалке» вышел в Петрограде в

---

[2] Лит. наследство Сибири, т. 1, Новосибирск, 1969, с. 246.

1915 г., сборник насквозь эстетский, эпигонски-декадентский, написанный под сильным влиянием эгофутуристических «поэз» И. Северянина. Показательны уже сами названия разделов сборника — «Поэтезы», «Поцелуйные пляски», «Шампанские поэзы» и пр. «В моих стихах, — декларирует автор, — больной эротикой проникнут каждый ассонанс».

Переболев эгофутуризмом, поэт вскоре выходит на самостоятельную дорогу здорового творчества. В журнале «Багульник» он публикует цикл стихов, направленных против империалистической войны. Неприятие войны звучит и в стихотворении «Слово о полку Игореве», в свое время высоко оцененном Всеволодом Ивановым.

В феврале 1917 г. в Иркутске Пруссак издает вторую книгу стихов — «Деревянный крест». Здесь уже нет ни манерности, ни эпигонства. Во весь голос зазвучали в сборнике социальные и гражданские мотивы. Автора волнуют большие политические и социальные проблемы Он пишет о страданиях родины и ужасах империалистической бойни, о приближении очистительной революционной грозы. Новую свою книгу он открывает стихами, утверждающими гражданское назначение поэзии:

Сарматы смачивали стрелы
В крови клокочущей своей,
Чтобы, заклятые, верней
Разили вражеское тело.
Порывы творчества бесцельны,
Искусством песню не зови,
Пока не смочена в крови
Души, пораненной смертельно.

С душевной теплотой пишет он теперь и о Сибири:

И с каждым часом все чудесней
Изгнанья край и все родней.
Слагаю радостные песни
Невольной родине моей.

Верой в светлое будущее согреты отныне его стихи о Сибири: «Недолго промолчишь в ограде ледяной... придет твой час...» Он считает ее теперь родной.

Эмоционально-напряженная, порой исполненная отчаяния и болезненного надрыва, порой согретая огнем гражданского негодования, страстная и порывистая и всегда предельно искренняя лирика Владимира Пруссака прекрасно выразила мироощущение передовой, революционно настроенной русской интеллигенции в тревожное предоктябрьское предгрозовье.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Цветы на свалке: Стихи.— Пг.: изд. автора, 1915; Деревянный крест: 2-я кн. стихов. — Иркутские вечера. Иркутск, 1917; Мать.— Соврем. мир, 1916, № 5; Сибирь; Страсть; Кутеж: Сонеты.— В кн.: Иркутские вечера. Иркутск, 1916, № 1, с. 59—69; Слово о полку Игореве. Стихи.— Сиб. записки, 1917, № 1, с. 85.

ЛИТЕРАТУРА

Пруссак В. В.— Сиб. сов. энциклопедия, б/г, т. 4, стб. 553; Круговский В. Тяжелые утраты: [Некролог].— Сиб. записки, 1918, № 4, с. 103; Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии. Чита, 1922, с. 67—68, 74—78; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 15—24, 35—36; Он же. Пути и судьбы. Иркутск, 1972, см. имен. указ.; А. В. Пруссак — Азадовскому. Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 244—247; Мартынов Л. Знак бесконечности. — Октябрь, 1980, № 10, с. 85—86; Здобнов Н. В. Пруссак В.— В кн.: Здобнов Н. В. Материалы для Сибирского словаря писателей. М., 1927, с. 43.

М. П. АЛЕКСЕЕВ (1896—1981)

Академик М. П. Алексеев — выдающийся деятель русской культуры. Он председатель Советского и Международного комитета славистов, председатель Пушкинской комиссии АН СССР, дейст. член ВСОРГО, академик Сербской академии наук и искусств, член-корреспондент Британской и Испанской академий, почетный доктор университетов Оксфорда, Сорбонны, Будапешта, Бордо, Ростока, Познани, почетный член Американской ассоциации современных языков.

Родился Михаил Павлович 5 июня (24 мая) 1896 г. в Киеве, в 1914 г. окончил гимназию, в 1918 г. окончил славяно-русское отделение Киевского университета. В 1927—1933 гг. Алексеев — доцент, а потом профессор кафедры всеобщей литературы сначала Иркутского университета, а потом Педагогического института.

В 1933—1960 гг. Алексеев—профессор кафедры зарубежной литературы Ленинградского университета и профессор Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена.

Многие годы плодотворных трудов Алексеева связаны с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом АН СССР), где он был заместителем директора по научной части, возглавлял секцию пушкиноведения, создал сектор взаимосвязей русской и зарубежной литературы.

Правительство высоко оценило научную и общественную деятельность Алексеева — он был награжден медалью «За оборону Ленинграда», орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, орденом Ленина.

19 сентября 1981 г. на 86-м году жизни Алексеев скончался.

Алексеев оставил огромное научное наследство. Его труды поражают всесторонней эрудицией и глубоким знанием во многих областях политической, социальной и культурной истории стран Запада и Востока, исторической географии, этнографии, археологии и, конечно же, прежде всего сравнительного литературоведения. Даже неполное перечисление оглавлений трудов Алексеева занимает много страниц убористого текста.

Остановимся же лишь на тех монографиях и статьях, которые созданы и опубликованы Алексеевым за годы его пребывания в Иркутске.

Тут и исследования, посвященные откликам на творчество Бетховена в России, этюды о Марлинском, о Вольтере, о Шуберте, А. А. Бестужеве. Особое внимание обращено на изучение русской литературы за рубежом, на проблему художественного перевода. Имена Ирвинга, Моцарта, Броунинга, Гете, Беранже фигурируют здесь, и каждый раз мы узнаем нечто совершенно новое, глубоко оригинальное.

Особый интерес для нас представляют труды Алексеева, посвященные Сибири.

Это статьи о пребывании декабристов в сибирской ссылке, о поляках в сибирской ссылке, но, прежде всего, это фундаментальный труд «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей». В нем Алексеев не только привел огромное количество материалов о том, как постепенно Запад знакомился с Сибирью, но особое внимание обратил на то, как сведения о далекой стране становятся достоянием мировой науки, получают свое художественное, литературное выражение в творчестве западноевропейских писателей, начиная с античности и кончая XIX столетием. Об этом говорят многие публикации Алексеева, прежде всего обобщающая

работа «Литература сибирская. Сибирь в западноевропейской литературе» в Сибирской советской энциклопедии и отдельные статьи о восприятии сибирской темы в творчестве зарубежных писателей и поэтов XVII—XIX столетий: «Немецкая поэма о декабристах» (О поэме Шамиссо «Изгнанники»); «Сибирь в романе Дефо»; «Сибирская ссылка и английский поэт» (А. Суинберн) и другие.

В совокупности эти работы Алексеева дают очень широкую, основанную на точных документальных материалах картину постепенного усиления связей Сибири с большим миром, выявляется международное значение происходящих на восточных окраинах России событий, что тесно связано с проблемой увеличения удельного веса русской державы в политических, экономических, культурных областях жизни мира.

Сначала это были довольно случайные, часто основанные на легендах сообщения в античной литературе, у Шекспира. Но уже в XVII в. в творчестве английского поэта Джона Мильтона появляются более достоверные сведения о Сибири, изложенные в трактате «Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих восточнее России...» (1682). И в условном, «маскарадном» обличьи эти материалы нашли свое отражение в поэме «Потерянный рай».

В XVIII в., веке просветительства, сведения о Сибири в западном мире становятся более достоверными, основанными на путевых дневниках и сочинениях западных путешественников по Сибири и, естественно, получают более реалистический отклик в творчестве зарубежных писателей, например во второй части романа Д. Дефо о путешествии Робинзона Крузо по азиатскому материку. Наряду с явно «литературными», усиливающими напряженность сюжета эпизодами

(например, рассказ о том, как Робинзон и его спутники сожгли азиатского идола и едва спаслись от ярости оскорбленных туземцев), здесь нашли свое отражение и многие достоверные материалы о Сибири, в частности некоторые указы Петра I.

Для писателей XIX столетия — благодаря тому, что появляются новые, вполне достоверные научные сведения о Сибири, литературное восприятие этой темы тоже становится иным. Сибирь — это уже не «экзотический», небывалый мир, а часть огромного государства, к которому прикованы взоры многих людей. Россия становится постепенно центром мирового освободительного движения. И сибирская тема получает новую, политическую окраску, как тема, повествующая о крае, где особенно резко и контрастно видны картины жесточайшего подавления свободолюбивой мысли, свободолюбивых устремлений. Сибирь — край каторги и ссылки. Особенно это стало очевидным после подавления царскими властями восстания декабристов. И появляются в зарубежной литературе потрясающие описания «сибирского ада», например у немецкого писателя А. Шамиссо.

Роль поэта, создателя бессмертного образа «человека без тени», Петера Шлемиля, в усилении

культурных связей между передовой русской мыслью и Западом очевидна.

Особый интерес вызывает поэма Шамиссо «Изгнанники», вторая часть которой посвящена Бестужеву.

Шамиссо узнал об Александре Бестужеве-Марлинском от немецкого ученого-путешественника Эрмана, который встретился со ссыльным декабристом в Сибири. Именно в этом образе немецкий поэт увидел живое воплощение традиций освободительной борьбы русского народа: ни жестокие расправы, ни каторга, ни ссылка не властны потушить в русском народе жажду свободы, ненависть к самодержавию, как наиболее ярко выраженной формы угнетения человечества.

Картины сибирского пейзажа даны в поэме Шамиссо «Бестужев» предельно сжато: «ночь ледяная», «свет звезд», «ночь суровая», «ночь пустынная», «страна метели», «веером взметнулись над пустыней, переливаясь в звездной вышине, поток лучей, багряный, желтый, синий», «лучи то гасли, то опять мерцали», «темная высь». И в этом ледяном безмолвии вдруг раздается страстный, взволнованный голос поэта-декабриста:

Я каторжник, но и в плену цепей
До гроба волен буду я душою...

И пусть весь мир услышит этот скорбный рассказ, пусть все поймут, что это еще не последняя песня —«нам третью песню спеть еще не поздно — святую песню возмездия и суда».

Небольшая по объему статья Алексеева об оде известного английского поэта второй половины XIX в. А. Ч. Суинберна «Россия» на огромном фактическом материале показывает, как в прогрессивных кругах писателей Западной Европы нарастает яростный протест против жестокости царизма. Это — удивительный по силе поэтический рассказ об ужасах сибирской каторги и ссылки.

Для решения этой как будто частной проблемы исследователь совершил поистине гигантский подвиг, собрал и научно обосновал огромное число документальных источников, убедительно показал, что сибирская тема стала для английского поэта естественным обобщением присущих ему революционных симпатий, старинной вражды, завещанной ему английской литературой байроновской поры и традициями французского революционного романтизма. Как бы от имени этих поэтов прошлого, от имени Данте, певца ада, Суинберн произносит свои проклятия и свой приговор, призывая в заключительной части своей оды к восстанию, к цареубийству.

Известно, что ода Суинберна произвела сильное впечатление на английских читателей, даже вызвала тревожный парламентский запрос: английские правящие круги боялись, что она, эта ода, сможет стать поводом для политических осложнений.

Таков краткий обзор той огромной работы, что проделана академиком Алексеевым за время его сравнительно недолгого пребывания в Сибири.

Хочется надеяться, что ученики и последователи Алексеева продолжат эту работу, раздвигая ее хронологические рамки, привлекая к изучению данные культуры нового времени, новых веков — прежде всего нашего — XX столетия, свидетельствующие, как Сибирь, часть нового мира, мира социалистического, становится все более важной частью всемирного сообщества людей.

Э. Зиннер

СОЧИНЕНИЯ

Немецкая поэма о декабристах (О поэме А. Шамиссо «Изгнанники»).— В кн.: Бунт декабристов. Юбилейный сборник 1825—1925. Л., Былое, 1926, с. 372—382; Сибирская ссылка и английский поэт (А. Суинберн).— Сиб. огни, 1928, № 4, с. 182—193; Сибирь в романе Д. Дефо. Иркутск, 1928; Этюды о Марлинском.— Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1928; Сибирь в известиях

западно-европейских путешественников и писателей: Введ., тексты и коммент. Т. 1. XIII—XVII вв. — 2-е изд. — Иркутск: Обл. изд-во, 1941.— XII, 612 с.

ЛИТЕРАТУРА

З и н н е р Э. Многогранность тематики, глубина исследования. — Сиб. огни, 1961, № 4, с. 191—192; Зарисовки сибирской природы и быта.— Власть труда, 1928, 3 февр., Ж е р е б ц о в Б. — Сиб. огни, 1928, № 6, с. 245—247; Г у д о ш н и к о в М. Новая книга о Сибири.— Буд. Сибирь, 1933, кн. 3, с. 49—52; Б а х р у ш и н С. Иностранные путешественники и писатели о Сибири.— Кн. и пролет. революция, 1936, № 10, с. 77—80; К у д р я в ц е в Ф. Крупный вклад в изучение Сибири. — Вост.-Сиб. правда, 1941, 4 июня; М а р к о в С. Земной круг. М., 1966, с. 150, 151, 153; Т р у ш к и н В. Восхождение. Иркутск, 1978, см. по им. ук.

БИБЛИОГРАФИЯ

А б р а м к и н В. М., Л у р ь е А. Н. Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. указ. Л., 1964, с. 15—16; Ф и н а ш и н а Г. Н. Михаил Павлович Алексеев/ Вступит. статья Ю. Д. Левина. М., 1972.— 128 с.— (АН СССР. Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз., вып. 9).

И. М. НОВОКШОНОВ (1896 — 1943)

Иван Михайлович Новокшонов родился 20 октября 1896 г. (по другим сведениям — 1895) в с. Гусево Томской губернии в семье бедного крестьянина Михаила Михеевича, переселенца из Вятской губернии. Хозяйства не было. Семья жила на заработки отца — он плотничал по найму.

В 1905 г. Новокшоновы живут на станции Култук Иркутской губернии. Отец работал стрелочником. Жилось трудно. В поисках лучшей доли глава семьи отважился поехать на Алдан. Но и там не удалось выбраться из нужды. Вскоре семья обосновалась в Иркутске, в предместье Глазково; Михаил Михеевич нашел занятие по специальности в иркутских железнодорожных столярных мастерских.

Иван учился в начальной школе, затем в гимназии; из-за материальных затруднений семьи окончил только четыре класса. Родители определяют сына «мальчиком» в купеческую лавку. А когда он подрос, хозяин назначает его перегонщиком скота из монгольских степей. Тогда-то будущий писатель и познакомился с бытом, нравами и легендами монголов, на всю жизнь полюбил мужественных, терпеливых и добрых скотоводов и охотников.

Февральская революция застала Новокшонова на военной службе в Иркутске. Здесь он вступает в Коммунистическую партию и становится активным участником борьбы за утверждение Советской власти. Новокшонов был одним из организаторов и руководителей местного Союза социалистической молодежи, работал во Всесибирской чрезвычайной комиссии.

В начале кровавого разгула колчаковцев Новокшонов ушел из Иркутска. В тайге, близ Зимы, он сколотил партизанский отряд. Смелый и энергичный, живой и веселый, блестящий организатор и чуткий, отзывчивый товарищ — таким запомнился он боевым друзьям-партизанам. «Новокшонов был одним из самых замечательных командиров, — человеком большой личной доблести», — вспоминает А. Г. Нестеров, бывший помощник командующего Восточно-Сибирской Советской армией.

Получив сведения от чешской подпольной большевистской ячейки о том, что 13 января 1920 г. в Зиму прибывает в поезде 58-БИС Колчак, Новокшонов и его ближайшие соратники предпринимают смелую попытку задержать бежавшего Колчака и идущий следом за ним эшелон с золотым запасом, принадлежащим России. Комендант станции чешский полковник Ваня отказался

выдать «верховного», но под давлением ревкомовцев и партизан вынужден был задержать поезда в Зиме, пока Новокшонов не подаст телеграмму по линии Зима—Иркутск. Главнокомандующий частями северо-восточного партизанского фронта Д. Е. Зверев приказал Новокшонову пропустить Колчака в Иркутск: там принимаются меры к его задержанию, — зиминцам же с этой задачей не справиться. Заслуга их тем не менее огромна: они уведомили иркутян и задержали специальные поезда более чем на сутки, дав время иркутянам подготовиться к «встрече». Потом Новокшонов командовал Пятым зиминским имени К. Н. Гершевича кавалерийским полком, который в составе Первой балаганской дивизии освобождал от интервентов и белых банд Забайкалье.

С 19 июля 1920 г. по 17 сентября 1921 г. Новокшонов работал в органах транспортной Чрезвычайной комиссии (Верхне-Удинск, Иркутск, Омск, Челябинск, Москва). Затем он занимает ответственные должности в хозяйственно-материальном управлении НКПС (Москва).

Обогащенный опытом гражданской войны, он постоянно ощущал потребность рассказать людям о том, как создавался новый мир. В 1925—1926 гг. в газете «Бурят-Монгольская правда», в журналах «За семь дней», «Жернов», «Комсомолец» и других он публикует серию рассказов и очерков. Произведения, созданные по горячим следам только что отгремевших боев, хорошо принимались массовым читателем.

1 июня 1925 г. Новокшонов был принят в число членов Всероссийского общества крестьянских писателей, во главе которого стоял С. П. Подьячев. Иван Михайлович окунулся в бурную общественно-литературную деятельность. Он был членом правления Всероссийского Союза писателей, членом правления Литфонда, председателем комиссии по охране труда. Особенно значительной была его роль в комиссии по защите авторских прав.

Несмотря на занятость общественно-литературными делами, Иван Михайлович не прекращал творческой работы. Готовя сборники своих рассказов и очерков, он шлифует уже опубликованные в периодической печати произведения и создает новые. В 1927 г. увидели свет сборники «Великий Аным» и «Памяти павших за Октябрь» (последний — в соавторстве с М. Скрыпник). В этом же году опубликована большая повесть о партизанском движении в Восточной Сибири «Таежная жуть». Героическое прошлое вставало в ярких картинах и эпизодах. Сибиряки, которые не так давно творили историю с оружием в руках, читая «Таежную жуть», как бы вновь встречались со своими боевыми товарищами, а иногда узнавали и себя: автор сохранил в повести подлинные фамилии бойцов и командиров.

В 1928 г. кинорежиссер Всеволод Пудовкин поставил фильм «Потомок Чингисхана». Это классическое произведение советского киноискусства литературным первоисточником имело еще не опубликованную повесть Новокшонова «Потомок Чингисхана». Кинофильм не повторяет повести, но в нем развертывается основная ее тема, развивается ее главная идея. Киносценарий рожден повестью и питается ею. Его автором был не только О. М. Брик, но и Новокшонов, что подтверждает Всесоюзное управление по охране авторских прав в документе, выданном семье покойного писателя 19 декабря 1957 г.

Сам Новокшонов свидетельствует, что тему повести подарил ему Нестор Каландаришвили, что над нею он долго работал и что она должна выйти в свет в начале 1929 г.

Трудно сказать, почему произ-

ведение не было издано тогда. В дальнейшем в силу трагических обстоятельств в судьбе Новокшонова (он был оклеветан и незаконно репрессирован в 1937 г., а в мае 1943 г. жизнь его оборвалась) повесть не увидела света при жизни автора. Она была опубликована лишь в 1965 г. в альманахе «Ангара» (№ 3), затем вышла двумя отдельными изданиями.

«Потомок Чингисхана» — это художественное открытие Новокшонова. Писатель показывает, как молодой монгол, попавший в отряд Н. А. Каландаришвили, проходит сложный путь революционной выучки и нравственного мужания.

Во второй половине 20-х годов Новокшонов пишет роман «Ангара». К сожалению, в дошедшей до нас рукописи недостает многих страниц, отдельные места не до конца отшлифованы автором. В романе дано широкое изображение жизни дореволюционной сибирской деревни. Впечатляют яркие зарисовки быта и великолепные портреты персонажей.

Во второй половине 20-х годов в соавторстве с П. Я. Яльцевым Новокшонов написал драму «Ненависть». Она ставилась во многих театрах страны. Пьеса разоблачала мировую реакцию, тщетно пытавшуюся склонить на свою сторону старую интеллигенцию, честно работавшую на пользу советского народа.

Позднее, живя в Свердловске, Новокшонов в соавторстве с Л. Веприцкой напишет пьесу «Веселый портняжка» (по мотивам сказок братьев Гримм). Она поставлена в сезон 1935—1936 гг. в Свердловском театре юного зрителя и имела успех.

Во второй половине 1929 г. Новокшонов предпринимает творческую поездку по городам Сибири. Он посетил Томск, Зиму, Иркутск, Улан-Удэ. Газеты, в частности «Красное знамя» (Томск) и «Власть труда» (Иркутск), живо

откликались на выступления писателя перед массовой аудиторией. Он выступал с докладом на тему «Москва как центр культурной жизни. Литературные группировки, их идеологическое лицо, борьба группировок». Иван Михайлович читал отрывки из своих неопубликованных произведений, интересно и остро отвечал на многочисленные вопросы слушателей. Газеты запечатлели свидетельства Новокшонова о важных подробностях, связанных с его творчеством (некоторые данные из истории создания «Потомка Чингисхана», рассказа «В огненном кольце»).

Волнующей была встреча писателя с зиминцами, среди которых было немало его друзей-однополчан. 22 июля 1929 г. президиум Зиминского райисполкома вынес решение: «Ввести тов. Новокшонова почетным членом президиума Зиминского райисполкома... ходатайствовать перед ВЦИК о награждении тов. Новокшонова орденом Красного Знамени».

Живя в Свердловске с 1931 г., Новокшонов работает начальником сектора технической пропаганды Всесоюзного объединения Востокосталь. Старожилы города

помнят его как блестящего лектора.

В 1933 г. выходит сборник рассказов о гражданской войне в Сибири «Партизанские были». Писатель вернулся к повести «Таежная жуть». Усовершенствовав текст, он переиздает ее под названием «Застрельщики» (1934). Умер Новокшонов в мае 1943 г.

Иван Михайлович был одним из первых советских писателей, обратившихся к теме гражданской войны в Сибири. Он вывел целую галерею образов сибирских партизан. Он первый создал образ выдающегося вожака партизанского движения Нестора Александровича Каландаришвили. Раскрывая в своем творчестве правду о борьбе и страданиях, писатель воплотил и другую правду — правду о беззаветном служении революции, о героическом подвиге народа, показал, какое счастье испытывали люди от сознания того, что они были участниками великого исторического преобразования жизни.

П. Моролев

СОЧИНЕНИЯ

Великий Аным. М.: Моск. товарищество писателей, 1927; Памяти павших за Октябрь/В соавт. с М. Скрыпником. М., 1927; Русская партизанка. М.: Правда, 1927, Таежная жуть. М.; ГИЗ, 1927; В степи: Рассказ. М.; Л.: ГИЗ, 1928; Тася. М.; Л.: ГИЗ, 1928; Медвежья сноровка. М.; Л.: ГИЗ, 1929; Партизанские были: Очерки и рассказы. Свердловск.— М., 1933; Застрельщики. Свердловск: Уралгиз, 1934; Потомок Чингисхана: Повесть. М.: Сов. писатель, 1966; Застрельщики; Потомок Чингисхана; Хатанов: Повести/Сост. тома Н. Т. Иванов, послесл. Л. П. Якимовой. Иркутск, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Разин А. [О романе «Застрельщики»].— Худож. литература, 1934, № 5, с. 19; [Воспоминания о И. М. Новокшонове].— В кн.: Годы огневые, годы боевые: Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961, № 3, с. 24—25; Моролев П. Иван Михайлович Новокшонов: К 70-летию писателя.— Ангара, 1965, № 3, с. 24—25; Дворянов Н. и Дворянов В. [О И. М. Новокшонове].— В кн.: Дворянов Н. и Дворянов В. В тылу Колчака, М., 1966, с. 216, 228, 230; Моролев П. Опаленный пламенем гражданской войны.— Сиб. огни, 1967, № 1, с. 162—166; Моролев П. М., Ченкиров И. В. Партизан, писатель, гражданин.— В кн.: Новокшонов И. М. Потомок Чингисхана. Улан-Удэ, 1969, с. 5—16; Моролев П. Автор «Потомка Чингисхана.— Байкал, 1976, № 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мацуев Н. Художественная литература русская и переводная. 1928—1932. М., 1936, с. 188.

А. Г. ШУЛЬГИН (1897 — 1941)

Адриан Гаврилович Шульгин родился 6 августа 1897 г. в поселке Култук Иркутской губернии в многодетной крестьянской семье. Окончил трехклассную церковно-приходскую школу. Пятнадцатилетним подростком стал работать лодочным мотористом на строительстве Сибирской железной дороги. В 1914 г. был призван в армию, сразу же попал на фронт и вскоре был тяжело ранен, лишился обеих ног. Находясь на излечении в киевском госпитале, Шульгин написал стихотворный памфлет, посвященный своему однофамильцу известному монархисту В. В. Шульгину. Памфлет тогда же, в 1915 г., был опубликован в газете «Киевлянин». Это было первое выступление Шульгина в печати.

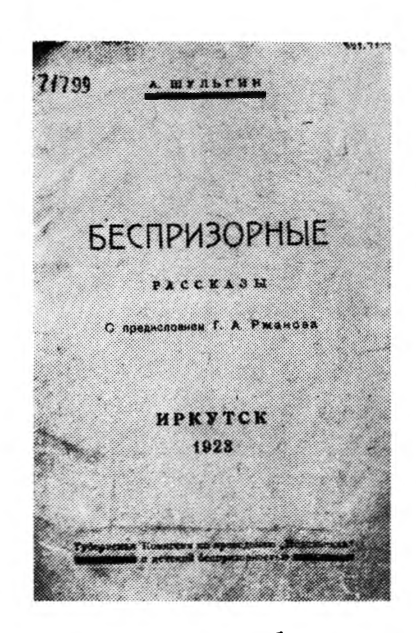
Вернувшись на родину, Шульгин активно включается в общественную жизнь родного поселка, вступает в члены партии. В гражданскую войну Шульгин участвовал в организации партизанских отрядов Култука и Слюдянки. В 1920 г. в губернской газе-

те «Власть труда» появляются его первые стихотворения («Вперед» и др.). В 1921 г. в той же газете опубликованы стихи «Памяти Ленских событий», «Лена говорит», «Пятой армии», в однодневной газете «Праздник труда» — стихотворение «Первое мая».

Шульгин принимал живейшее участие в литературной жизни Иркутска начала 20-х гг. В феврале 1923 г. его избирают председателем президиума вновь созданного ИЛХО (Иркутского литературно-художественного объединения). В первом номере журнала илховцев «Красные зори» появляется его рассказ «За грядущее»— мелодраматическое повествование о злоключениях и гибели ссыльного революционера. Более удачным был его рассказ «Беспризорные», вышедший в 1923 г. отдельным изданием в Иркутске с предисловием Г. А. Ржанова. Рассказ написан на очень злободневную в то время тему, привлекавшую пристальное внимание советской общественности. Впоследствии это произведение несколько раз переиздавалось в центральных издательствах под измененными названиями — «Рассказ для взрослых», «Гримасы улицы» и др.

В 1925 г. Шульгин уезжает в Москву, работает в аппарате ВЦИК по сельскому хозяйству, часто выезжает в сельские районы, участвует в организации и строительстве колхозов. Эта сторона его деятельности нашла отражение в очерке «У основочапаевцев», изданном в 1930 г. Сельхозгизом. Это живо написанный репортаж о жизни и быте колхоза и колхозников в ранний период колхозного движения.

В 20-е годы Шульгин написал наиболее значительные свои произведения — романы «Семья Шапыгиных» и «Первая любовь». Роман «Семья Шапыгиных», посвященный изображению партизанского движения в Сибири, создан на основе личных впечатлений автора, достоверно передает атмосферу взбудораженного времени. «Все перепуталось в семье — где правые, где виноватые? Сам черт не разберет! Долго не мог это понять и сам Егор Шапыгин». Таково начало романа, рассказывающего о драматических событиях в доме Шапыгиных. Два сына главы большой семьи Егора примкнули к белым и ожесточенно сражаются против родного отца и братьев. Егор мужественно вместе с односельчанами защищает родное село от белогвардейских полчищ. В первых печатных откликах на роман особо отмечалось хорошее знание автором обстановки и условий партизанской борьбы в Сибири. Гораздо слабее и схематичнее изображен в романе белогвардейский лагерь.

Явной художественной неудачей в творчестве Шульгина оказался роман «Первая любовь», опубликованный в 1929 г. В нем сделана попытка показать судьбу революционеров-коммунистов на большом историческом отрезке времени. Здесь и сцены еврейских погромов, и конспира-

тивная деятельность революционеров-подпольщиков, и сибирская ссылка и, наконец, революция и гражданская война. Участником многих из этих событий выступает коммунист Абрам Юдинский — фигура крайне бледная и маловыразительная. Автору явно недоставало конкретных, живых впечатлений при создании этого характера и обрисовке тех обстоятельств, в которых ему приходится действовать. «Шульгин не знает ни тех людей, ни того быта, ни той эпохи, которые он берется изображать», — не без основания говорилось в печатном отклике на это неудавшееся произведение писателя[1].

Во второй половине 30-х годов Шульгин по ложному обвинению попал в ссылку, но вскоре был реабилитирован и возвратился в Москву. Умер писатель в самом начале Великой Отечественной войны в инвалидном доме под Москвой.

А. Гранина,
В. Трушкин

[1] На литературном посту, 1930, № 7, с. 71.

СОЧИНЕНИЯ

Семья Шапыгиных: Роман. — М.: МТП, 1922; Беспризорные: Рассказ. Иркутск, 1923; Абдулка: Повесть.— М.: Нов. Москва, 1924; На снимке: Рассказ.— М.: Нов. Москва, 1924; Рассказ для взрослых.— М.: Моск. рабочий, 1924; Гримасы улицы: Повесть.— М.: Нов. Москва, 1925; Первая любовь: Роман.— М.— Л.: Мол. гвардия, 1929; У основочапаевцев.— М.; Л.: Сельхозгиз, 1930; За грядущее: Рассказ.— Красные зори. Иркутск, 1923, № 1, с. 2.

ЛИТЕРАТУРА

Петрова Т. [Рец. на кн. «Семья Шапыгиных»].— Книга и профсоюзы, 1922, № 7, с. 34; Приградов Е. [Рец. на кн. «Первая любовь»].— На лит. посту, 1930, № 7, с. 70.

БИБЛИОГРАФИЯ

Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия, 1917—1927. — М.; Л.: ГИЗ, 1928, т. 1, с. 287; Мацуев Н. Художественная литература русская и переводная. 1928—1932. М., 1936, с. 297.

Ф. М. ЛЫТКИН
(1897 — 1918)

Это случилось поздней осенью 1918 г. Небольшой отряд революционеров, которым руководил председатель разгромленного белогвардейцами Центрального исполнительного комитета Сибири Н. Н. Яковлев, пробирался глухой тайгой к Якутску. Они шли уже не один день, теряя силы. Их вела надежда и вера в будущую победу, и у костра на ночных привалах они мечтали о грядущих боях за Советскую власть. И тогда самый молодой из них, черноглазый брюнет, горячий и порывистый, доставал потрепанный блокнот и читал стихи:

Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной.

Имя этого человека — Федор Лыткин. Человек удивительной судьбы, всю жизнь свою связавший с революционной борьбой, он был сыном ссыльного черкеса и коренной сибирячки и родился в с. Никольском Тулунской волости Иркутской губернии 14 августа 1897 г.

Литературные способности у Федора проявились рано. Уже в дни учебы в Иркутской гимназии он принимает активное участие в коллективных сборниках, изданных в помощь малоимущим гимназистам, —«Первый подснежник». Здесь появляются первые лирические стихи Лыткина.

В те же дни сочинение Лыткина «Лермонтов и Кавказ» красовалось на выставке работ учащихся иркутских гимназий, как одно из самых интересных и глубоких. А в 1915 г. в электроти-

пографии И. А. Белоголового выходит первая книга стихов молодого поэта — «Песни юности». В ней поэт отдает дань некоторой литературной традиции, существовавшей в России в те поры, но среди коротких сентенций, размышлений о природе и человеке в лучших стихах явно звучит демократическая направленность. Да это и понятно. Социальную несправедливость молодой поэт чувствовал на каждом шагу в своей собственной судьбе: как сына «инородца», его с огромным трудом приняли в гимназию. Платить за обучение было нечем, и только слава лучшего ученика помогла Федору получить место репетитора. Он обучал русскому языку великовозрастного сына попечителя гимназии Рассушина. Это давало возможность продлить образование.

В гимназические же годы начинается и революционная деятельность Лыткина. Вместе с большевиком Пантелеймоном Парняковым и другими товарищами Лыткин является участником и организатором «Союза учащейся молодежи», активным членом редакции подпольного журнала, издававшегося на гектографе, «Наша работа». Всю свою неутомимую энергию Федор отдавал журналу. Он помещал на страницах «Нашей работы» стихи, страстные публицистические статьи. В своих воспоминаниях член редакции этого журнала А. Т. Якимов приводит одну из этих статей («К товарищам»). Лыткин рисует в ней неприглядный облик учителей-революционеров, не останавливающихся ни перед какими подлостями, чтобы опорочить в глазах учащихся идеи социализма. «Так нагло обманывают то юношество — писал Лыткин, — которое должно явиться строителем новой жизни, но которому наше начальство готовит участь самодовольных наглецов и продажных рабов! Юноши, сбросьте эту пелену отупления, прозябания, проклятого равнодушия к истине и лжи! Взгляните вокруг. Неужели вы не видите той духовной обнищалости, той бесстыдной торговли своим «я», которой полна окружающая жизнь? Все продано. Все обращено в источник доходов... Сорвите с ваших глаз повязки, отряхните все серые сны, давящие кошмаром, и перед вами развернется новая картина величавой борьбы! От моря до моря, от океана до океана во имя счастья человечества, во имя солнечности грядущего движутся дружные пролетарские рати! Над ними реют знамена свободы! Победные песни зовут на борьбу! Вставайте, юноши! Идите смело! Пора!..

Пора на грани измельчанья
Все цепи вдребезги разбить?
И новый мир в пересозданьи
С душою новою явить!»

Несколько номеров журнала «Наша работа» попало в руки полиции, и Лыткину пришлось не только оставить гимназию, не завершив образования, но и отправиться подальше от Сибири — на Кавказ, в родной аул отца. Но вместе с окончанием летних каникул пришла тоска по родному зауральскому краю. И Федор появляется в Енисейске, где становится вожаком революцион-

ной молодежи. В эти годы его стихи, проникнутые революционным пафосом, начинают появляться в сибирских журналах и газетах. Среди этих стихов и поэтически опосредованная старинная сказка об Ангаре, сбежавшей во имя любви от своего отца («Легенда»), и гордое обращение к людям, посвятившим себя делу освобождения народа («Революционерам всех времен»). Одновременно крепнут и революционные связи молодого поэта. И снова Лыткин организует печатный орган союза учащихся — на этот раз газету «под знаменем революции». В эти годы, а также в годы его жизни в Томске, куда Лыткин переехал с целью поступить на юридический факультет университета, опубликована большая часть стихотворений молодого поэта — «Гимн революции», «Кругом враги», «Сатане и богу», «Буря», «Керенскому» и многие другие. Вместе с тем Лыткин заявил о себе, как о талантливом публицисте и недюжинном ораторе. Он умел находить самые простые и в то же время самые нужные слова для объяснения сложной обстановки, сложившейся в стране после февральской революции, он поразительной логикой своих речей заставлял работать саботажников, поднимал солдат против офицеров, громил меньшевиков и эсеров на собраниях и конференциях. Не случайно вместе с руководителями томских революционеров двадцатилетний Лыткин избирается делегатом на Второй съезд Советов Сибири. Так он снова возвращается в Иркутск.

Первым вопросом, который нужно было решить этому съезду, был вопрос о способах, структуре управления, о задачах и характере работы всех органов новой пролетарской власти. Лыткину — ему был поручен доклад — пришлось в несколько дней перечитать и обобщить все материалы, связанные с работой органов Советской власти, заново изучить статьи Ленина, постановления и декреты Совета народных комиссаров.

Доклад получился горячим, страстным и убедительным. Он был одобрен единогласно, и предложения молодого посланца томских большевиков положены были в основу структуры Центросибири. Лыткин был избран народным комиссаром Управления Центросибири. На IV Чрезвычайный съезд Советов направлялись два делегата. И одним из них стал Лыткин.

Начинается период активной организационной пропагандистской работы. Он все же находит время писать и стихи и прозу, выступать с политическими статьями в иркутских газетах. И когда под напором чехословацкого мятежа, колчаковщины, белогвардейских полчищ Советская власть временно отступила — Лыткин находится на самой передовой. Как в дни ранней юности, он снова редактирует, на этот раз — фронтовую газету «Красноармеец». И люди слышат взволнованный голос бойца:

Не в первый день, не в первый раз
С открытой грудью для ударов
В тревожный час, в последний час,
Встаем мы, братья коммунары!

...На раннем туманном рассвете в ноябре 1918 г. в олекминской тайге шальная пуля белогвардейского карателя оборвала жизнь Федора Лыткина. Шел ему в эту пору двадцать первый год.

Проникнутые революционным пафосом стихи и публицистика Лыткина оказали большое влияние на творчество многих писателей, вышедших из рядов партизан и красноармейцев, из рядов новой интеллигенции. Именем Федора Лыткина названа улица в Иркутске, о нем написаны книги.

М. Сергеев

СОЧИНЕНИЯ

Стихи.— В кн.: Сборник литературных опытов учеников Иркутской мужской гимназии. Иркутск, 1913, вып. 2,

с. 5, 36—37, 49—50, 59, 68, 73; Стихи.— В кн.: Первый подснежник. Иркутск, 1914, с. 5—6, 43—44, 55, 70—71, 79—80, 96, 148, 158—159, 165—186; Песни юности: Сб. стихов. Иркутск, 1915; Призыв: Стихи/Предисл. М. Сергеева.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Мой завет: Стихи.— В кн.: Встаю по тревоге. Иркутск, 1978, с. 7; Стихи.— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1974, т. 3, с. 314—323.

ЛИТЕРАТУРА

Рябиков В. Федор Лыткин: (Полот-бек Ферик Фетько).— Новосибирск: Обл. гос. изд-во, 1950; Сальников Ю. В неумирающих мечтах: Докум. повесть.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.— 207 с; Шумяцкий Б. Федор Лыткин.— В кн.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920, с. 169; Виленский-Сибиряков В. Центросибирь.— В кн.: Центросибирцы. М.; Л., 1927, с. 5—27; Парнякова М. Федор Лыткин.— В кн.: Центросибирцы. М.; Л., 1927. с. 53—55; Флеров В. Ф. М. Лыткин.— В кн.: Борцы за власть Советов. Томск, 1959, вып. 1, с. 131—142; Горный В. Федор Лыткин.— В кн.: Вечная слава. М., 1967, с. 147—161; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967. См. имен. указ. Федор Лыткин.— В кн.: Сквозь время. М., 1968, с. 199—212; Куклина Е. А. Лыткин—поэт революции.— В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 202—213; Трушкин В. Пути и судьбы. 1972, с. 351—357; Он же. Из пламени и света. Иркутск, 1976, с. 29—36, 69, 121, 197.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лыткин Ф. М. В кн.: Солдаты революции. Новосибирск, 1970, с. 65—67.

И. К. СЛАВНИН (1898 — 1925)

Игорь Кронидович Славнин — поэт революции, один из наиболее ярких зачинателей сибирской советской поэзии. Поэт-трибун, поэт-публицист, восторженный певец революционных мятежей и восстаний, он оставил заметный след в литературном движении Сибири периода гражданской войны, сумев передать в стихах своих эмоциональную атмосферу этого бурного времени, выразить с предельной экспрессией мироощущение современников героической эпохи. Человек высокой и разносторонней культуры, «тонкий эрудит, — по определению Леонида Мартынова, — в области истории и теории поэзии», он был первым литературным наставником и учителем таких впоследствии известных поэтов, как Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Михаил Скуратов, Петр Чихачев.

И. К. Славнин родился 9 сентября 1898 г. на Среднем Урале, в селе Быньги бывшего Екатеринбургского уезда в семье учителя. Раннее детство его прошло в Екатеринбурге. В 1908 г. многодетная семья Славниных переезжает в Омск. Получив хорошее домашнее воспитание и подготовку, Игорь в том же 1908 г. поступает в первую Омскую классическую гимназию, где он вскоре становится одним из лучших учеников, выделяясь среди сверстников разносторонней начитанностью, прекрасным знанием отечественной и зарубежной поэзии. К этому времени относятся и его ранние литературные опыты.

В 1916 г. успешно окончив гимназию, Славнин поступает на филологическое отделение только что открывшегося Пермского университета. Вскоре Пермский университет был переведен в Томск. Талантливым юношей заинтересовались университетские профессора — М. К. Азадовский, Ю. Н. Верховский, В. П. Денике.

В местной печати начинают появляться его первые стихи. Славнин, подобно своему сверстнику и коллеге по Томскому университету Ф. Лыткину, всецело был захвачен бушевавшими вокруг событиями. Он восторженно приветствует Октябрьскую революцию, выступает со стихами

на митингах, публикует стихотворения и публицистические статьи в первых советских газетах Сибири — в томском «Красном знамени», в «Известиях Западно-Сибирского и Омского Советов» и др. Особенно много он выступал в первой половине 1918 г. на страницах омских «Известий». Весьма характерна для мировоззрения поэта той поры его статья «Настроение», опубликованная буквально за две недели до выступления белочехов и начала гражданской войны в Сибири. В ней Славнин заклеймил буржуазную интеллигенцию, отшатнувшуюся от революции, ставшую враждебной народу. В ней четко выражена авторская позиция и политическая ориентация поэта: «Будет жить тот, кто верит, и с этой точки зрения рабоче-крестьянская власть представляется мне этапом к грядущему. Власть, которая верит в силу народного самосознания, власть, которой народ доверяет и будет идти с ней по одному пути, глубоко реальна и жизненна...»

В колчаковское лихолетье Славнин был арестован и сидел в тюрьме. Выбравшись на волю, он устанавливает связь с Красной Армией и вскоре становится работником политуправления героической 5-й Армии, пройдя вместе с ней путь через всю Сибирь, вплоть до Забайкалья и степей Монголии. В 1920—1921 гг. он возглавлял литературный отдел ежедневной армейской газеты «Красный стрелок», на страницах которой публиковались многие его стихи, советы начинающим поэтам. В это время Славнин находился в Иркутске, жил в чердачной комнатушке при редакции газеты «Красный стрелок», жил бедно, как, впрочем, и во все остальные годы своей жизни. В Иркутске Славнин активно участвовал в еженедельных литературных вечерах, которые устраивались местным литературным объединением «Барка поэтов».

Осень и зиму 1921 г. он провел в Чите, сблизился там с поэтами-футуристами из группы «Творчество» — Н. Асеевым, С. Третьяковым, П. Незнамовым, выступал вместе с ними с чтением стихов, печатался в газете «Дальневосточный телеграф», в сборнике «Четвертый Октябрь». В 1922 г. он возвращается в Иркутск, живет одно время в семье Иосифа Уткина, собирая вокруг себя талантливую поэтическую молодежь, прививая ей любовь и вкус к поэзии. В декабре 1922 г. И. Славнин участвует в большом городском вечере, посвященном памяти Блока, пишет поэму «Автомобиль № 432».

В начале 1923 г. Славнин уезжает в Москву, оттуда в Ленинград и наконец окончательно поселяется в окрестностях Москвы. Вот как обо всех своих странствованиях по России рассказывает он сам в одном из немногих дошедших до нас его писем: «О себе — кратко не скажешь. Был в Красной Армии, на Дальнем Востоке, в Монголии, везде, во всяких условиях. Женился в 1921 году. Тогда же развелся. В январе 23 года уехал в Москву. Служил. Переехал в Питер, с 24 года снова в Москве. Нигде не служу — живу литературой, больше стихами. Печатаюсь хорошо... Только вот здоровье не больно крепко. Нервы. Утомился... Никак не могу собраться. Думаю съездить на Кавказ».[1]

Это письмо было написано в декабре 1924 г., за семь месяцев до трагической смерти поэта. В это время Славнин жил в Люберцах, за двадцать верст от Москвы. Литературные дела его шли удачно. Он печатался в лучших столичных журналах. Стихи его охотно публиковали «Красная новь», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Красная нива», «Прожектор», «Перевал». Кроме того, он редактировал небольшой проф-

---

[1] Трушкин В. Из пламени и света. Иркутск, 1976, с. 243—244.

союзный журнал «Пролетарий связи», в котором нередко шли его стихотворения, рецензии, статьи на общественно-политические темы. Стихи Славнина в журнальных публикациях соседствовали рядом со стихами С. Есенина, Н. Тихонова, В. Казина, М. Светлова, прозой И. Бабеля, В. Лидина, очерками Ларисы Рейснер. В это же время он готовил к печати первую свою книгу стихотворений, которую предполагал издать в «Молодой гвардии».

Летом 1925 г. поэт собирался отдохнуть на Кавказе. Однако вместо Кавказа оказался в начале июля в заволжской деревне Виловатое, на родине литератора Р. Акульшина, товарища Славнина по группе «Перевал». Вскоре в газете «Известия» появилось сообщение такого содержания: «Смерть пролетарского поэта И. Славнина. 13 июля в с. Виловатое Самарской губернии Бузулукского уезда, купаясь, утонул находившийся там на отдыхе пролетарский поэт Игорь Славнин»[2].

В обстоятельствах этой неожиданной, трагической смерти много загадочного. Дело в том, что Славнин с детства был прекрасным пловцом, выросшим на такой могучей сибирской реке, как Иртыш. И вдруг погиб в безвестной маленькой речушке. Единственный свидетель смерти Р. Акульшин избегал говорить на эту тему или же давал противоречивые объяснения. Поэт Петр Чихачев, ближайший друг Славнина, уже в наше время в одном из писем сообщал, что прямой виновник гибели поэта сам Родион Акульшин.[3]

Произведения Славнина до сих пор полностью не собраны. Первая подборка их была опубликована и прокомментирована мною в «Литературном наследстве Сибири», т. 1 (Новосибирск, 1969). В 1970 г. в Иркутске издана первая, весьма далекая от необходимой полноты книжечка стихов «Перекличка». Ждут публикации интересный цикл, найденный мною в бумагах Л. Г. Михалковича, «Стихи о России», многие газетные стихи времен гражданской войны.

Ранняя лирика Славнина периода работы в газете «Красный стрелок» необычайно динамична, полна экспрессии. Он предпочитает солнечные краски и звонкие, звучные эпитеты. Для его поэтики характерна масштабность, какая-то хмельная, буйная праздничность красок, приподнятость интонаций. «В небо свой крик бросали мы брызгами красных звезд», «Забился в истерике мировой барабан», «Вечность кружится, играет с бурями, в наших горит зрачках», «Рассыпается в молниях огнеликий восход». Любимый глагол у него — «ковать», наиболее употребительный эпитет — «звонкий» («Завтра встаньте у звонкой наковальни вольный ковать Восток», «Выковывай звонким молотом грядущих побед ключи», «Мы — звонкого мира вестники» и т. д.). Один из ведущих мотивов в его лирике — мотив восстания, революционного пожара, когда «знамена красные играют с тучами, восстаний хлещется язык», и когда «оркестр разыгрывает мировую симфонию тысячами тысяч голосов». В стихах у него «мечутся языки пламени, восстаний метет пурга». Поэт стремится в стихах своих откликнуться на все важнейшие события революционной эпохи. Он пишет о Красной Армии и Коминтерне, об угнетенных народах Востока и разгроме Врангеля и Унгерна, о Парижской коммуне и солидарности пролетариев планеты.

Как поэта Славнина отличало

---

[2] П. Ч. (Петр Чихачев.— В. Т.) Смерть пролетарского поэта И. Славнина.— Известия, 1925, № 178, 6 авг., с. 7.

[3] Подробнее о смерти, жизненном пути и творчестве И. Славнина см.: Трушкин В. Из пламени и света. Иркутск, 1976, с. 193—246.

обостренное чувство времени. Умения выразить свое время средствами поэзии требовал он и от начинающих авторов: «Работайте, старайтесь, чтобы в ваших стихах, в самом построении их и ритме, в образах чувствовалась душа сложного и великого времени, которое мы сейчас переживаем»[4].

В последующие годы лирика Славнина достигает значительной идейной и художественной зрелости. Излюбленными его мотивами по-прежнему остаются темы гражданской войны и революции, но раскрываются и освещаются они во многом по-новому, с большим внутренним психологизмом и глубиной. Приподнято-романтическая окрашенность образов сменяется пристальным вниманием к внутреннему миру человека, делавшего революцию. Нередко теперь его стихи поднимаются до подлинно трагедийного звучания. Он создает такие маленькие шедевры, как стихотворения «9 января», «Сенат», «Старая гвардия», «Память о 1919-м», «Синева», «Перекличка», цикл «Стихи о России», «XX-й» и др. Наиболее характерным произведением для поэта в последние годы жизни следует признать такое превосходное стихотворение, как «Синева» (1925). В нем изображается судьба вполне конкретной человеческой личности на фоне больших событий времени. Стихотворение строится в обычном для Славнина приеме контраста. Жизнь и смерть идут рядом. Двое любящих молодых людей уходят на фронт — «Она с отрядами на Север, он с эшелоном на Восток».

И было так, что в ночь одну
Судьбу двоих перечеркнули:
Ей — смерть в бою под вражьей пулей,
Ему расстрел был дан в плену.
А утром — снова синева,
А ночью — снова поцелуи, —
И также любят и ревнуют,
И те же кружатся слова[5].

Стихотворение, поднимающее, казалось бы, остротрагедийную тему, звучит как гимн жизни и ее земным радостям. Люди, прошедшие сквозь кровь и смерть, научились острее видеть и чувствовать, глубже ценить отвоеванный мир. «Как хорошо цветами плещет моя весенняя земля» — таков заключительный аккорд «Синевы». В «Перекличке» поэт утверждает бессмертие дела революции и ее участников, всех тех, кто «любовь пронесли и разум, и счастье, и страсть остриями штыков», и «оставили след на горячей земле». Одним из талантливых выразителей этого героического поколения и был в поэзии Сибири Игорь Славнин.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Перекличка: Стихи.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970; 9 янв.— В кн.: Революционная поэзия в Сибири. Новосибирск, 1960, с. 91—92; Сенат; Синева; Перекличка: Стихи.— В кн.: Антология сибирской поэзии. Иркутск. 1967, с. 420—423; Стихи и поэма.— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, т. 1, 1969, с. 149—170.

ЛИТЕРАТУРА

Имрэй М. Игорь Славнин. — Власть труда, 1921, 11 дек.; Смерть пролетарского поэта И. Славнина.— Известия, 1925, 6 авг.— Подп.: П. Ч.: Игорь Славнин.— Сибирь, 1925, № 7—8, с. 31; Чихачев П. Игорь Славнин.— Комс. правда, 1925, 23 авг.; Славнин П. Игорь Славнин.— Томск, 1956, кн. 9, с. 84; Элиасов Л. Е. Народная революционная поэзия Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ, 1957, с. 175—177; Чихачев П. Московские встречи.— Дон, 1958, № 3, с. 163; Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967.— См. имен. указ. Он же. Игорь Славнин — поэт революции.— В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 133—148; Он же. Певец

[4] Славнин И. Начинающим поэтам.— Красный стрелок, 1920, 16 нояб.

[5] Славнин И. Синева.— Молодая гвардия, 1925, № 6, с. 42.

октябрьских бурь и весенних рассветов.— В кн.: Славнин И. Перекличка. Иркутск, 1970, с. 5—9; Он же. Из пламени и света.— Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976.— См. имен. указ; Фоняков И. Мы сквозь огонь прошли.— Лит. газ., 1968, 13 нояб.; Скуратов М. Мой наставник — поэт Игорь Славнин.— Сибирь 1976, № 5, с. 101—104.

В. И. БАЛЯБИН (р. 1900)

Среди художественных полотен, посвященных изображению судеб русского народа на путях к революции, росту революционного сознания трудящихся, победе власти Советов, защите ее завоеваний, достойное место занимают книги забайкальского прозаика Василия Балябина, творчество которого получило заслуженное признание не только в Сибири, но и далеко за ее пределами. В его романах о революции и гражданской войне в Забайкалье, строительстве новой жизни в сибирской деревне отразился богатейший жизненный опыт самого писателя.

Василий Иванович Балябин, коренной забайкалец, родился 9 января 1900 г. в бедной казачьей семье в Чалбучинской станице (теперь с. Второй Булдуруй). В молодости ему приходилось батрачить в кулацких хозяйствах. С начала гражданской войны был ее участником, а вернувшись с фронта, с 1922 г. организовал в своем селе первую ячейку комсомола, был ее секретарем. Позднее был избран председателем сельсовета. Много лет проработал на селе. Сейчас Балябин живет в Чите.

Об огромных переменах в жизни забайкальской деревни, о борьбе за эти преобразования, о том, как люди «становились иными», рассказал Балябин в своем первом романе «Голубая Аргунь». На материале недавнего прошлого, кануна 30-х гг., когда советская деревня стояла на пороге величайшего преобразования, Балябин показал ожесточенную борьбу нового со старым, победу нового в сознании забайкальских крестьян. Главный герой — Степан Бекетов — молодой партизан, затем боец Красной Армии, завоевал себе и своим землякам право жить полноценно, не сгибая спины ни перед кем. Он объединяет вокруг себя подлинных сторонников молодой Советской власти, создает на селе комсомольскую ячейку, многое делает для создания колхоза. У героев романа трудный путь: Им приходится преодолевать сопротивление не только врагов новой жизни, но и некоторых честных людей, в сознании которых еще сильны частнособственнические пережитки.

Роман «Голубая Аргунь» выдержал несколько изданий. Остросоциальные коллизии, запечатленные в этом произведении, по-прежнему волнуют читателей. Отрадно, что автор от издания к изданию тщательно шлифует, совершенствует свою книгу.

Но главное творческое достижение писателя — его трилогия «Забайкальцы».

Уже первая книга этого многопланового социально-бытового полотна (1961) живо передавала на своих страницах неповторимую атмосферу жизни забайкальского казачества накануне первой мировой войны, все внутренние противоречия, все подспудное, скованное вековыми традициями. В первой части трилогии Балябин изобразил жизнь своих героев во всей ее сложности и противоречиях, ясно показал, что за внешне мирной жизнью казаков скрывается классовая борьба, борьба скрытая, глухая, смысл которой не

всегда ясен для казаков. Население деревень разделено незримой социальной чертой: по одну сторону — богатеи Савва Пантелеев, Максим Овчинников, по другую — бедняки Ушаковы, старик батрак Ермоха, Прохор. Автор красноречиво показал, что забайкальская деревня угнеталась по тем же законам капиталистического строя царской России, что и любая деревня.

Опираясь на свободную разговорную интонацию, писатель ведет повествование спокойно, внешне сдержанно. И тем не менее чем больше вчитываешься в его роман, тем более убеждаешься — это не бесстрастный рассказ летописца, добру и злу внимающего равнодушно. В книге бьется мысль, раздумья о судьбе забайкальского казачества.

С основным героем всего повествования — Егором Ушаковым, на долю которого выпали сиротское детство и трудная батрацкая юность, тесно переплетаются судьбы других героев романа. Обаятельный образ молодого казака Егора Ушакова — наибольшая удача в романе. Он вобрал в себя многое из пережитого и виденного самим писателем. Вместе с тем этот образ довольно типичен и характерен для умонастроения и судьбы рядового забайкальского казака в канун «величайшей из революций». В течение столетий казачеству прививался дух сословной исключительности, слепая преданность самодержавию, презрение к простым крестьянам и рабочим. Знакомство с Егором, его судьбой помогает лучше понять все внутренние противоречия казачьего уклада, все подспудное, скованное вековыми традициями.

Писатель сумел наглядно изобразить «процесс драматического роста нового человека, который вылезал из очень тугой и крепкой скорлупы, с великим трудом ее разбивая» (А. М. Горький). Речь идет не только об Егоре, но и о других, не менее ярких представителях казачьей бедноты, выписанных художником с большой тщательностью, Степане Швалове и Андрее Чугуевском. Осужденные царскими сатрапами за участие в убийстве истязателя казаков офицера Токмакова, они попадают в знаменитый Горный Зерентуй. Как короста, спадают с них сословные казачьи предрассудки. В этом решающую роль сыграли встречи с политическими каторжанами, в том числе верным учеником Ленина — Емельяном Ярославским, отбывающим каторгу в Горнозерентуйской тюрьме. Писатель создал убедительный, живой образ опытного пропагандиста и агитатора, неутомимого революционера, подлинного «мастера правды».

Событиям в Горном Зерентуе посвящено немало хороших страниц первой части трилогии. Среди них одна из самых выразительных по драматичности — сцена голодовки политкаторжан, вставших дружно, «всей артелью» против произвола тюремного начальства, голодовки, к которой примкнули Швалов и Чугуевский.

Впечатление о романе будет

неполным, если не сказать о взволнованном изображении любви Егора Ушакова к красавице Насте — невестке зажиточного хозяина Пантелеева. На страницах романа много отличных реалистических бытовых зарисовок из жизни забайкальской деревни.

Вторая и третья части трилогии «Забайкальцы» идейно-тематически продолжают первую. Видное место в последующем повествовании занимает рассказ о духовном созревании забайкальских казаков, оказавшихся на фронте в годы первой мировой войны. В числе их — наш знакомый Егор Ушаков. Встретившись с большевиками, он — уже кавалер двух Георгиев — и его сослуживцы по 1-му Приаргунскому полку постепенно начинают осознавать всю бессмысленность мировой бойни.

Во второй и третьей книгах трилогии воссозданы образы многих реальных участников и руководителей борьбы за власть Советов в Забайкалье, известных автору лично или по устным рассказам, документальным источникам (Георгий Богомяков, Фрол Балябин, Степан Киргизов, Сергей Лазо, Иван Бутин, Дмитрий Шилов, Николай Зыков, Борис Кларк и другие реальные люди). Воссозданы и образы врагов (атаман Семенов). Большевики много сделали, чтобы помочь казакам 1-го Приаргунского полка правильно разобраться в истинных целях первой мировой войны и стать под знамена революции.

На страницах трилогии оживают подлинные страницы борьбы за установление Советской власти в Забайкалье, за торжество нового, справедливого строя (победа Советов в Забайкалье, отступление красных из Читы под давлением превосходных сил контрреволюции, Урульгинская конференция большевиков, партизанская борьба против темных сил белогвардейщины и японских оккупантов). Книга запечатлела и кровавый разгул семеновских авантюристов (Маккавеевский застенок), разгром белогвардейщины. И везде автор верен правде истории, соблюдает документальную достоверность.

Книга пронизана драматическими событиями. Люди предстают на страницах «Забайкальцев» почти физически ощутимыми. Они говорят всяк по-своему, образно и просто. Ясность и точность изображения составляют одну из существенных особенностей стиля романиста. Зоркий глаз художника очень точно подмечает взаимосвязь внешнего мира и настроения героев. Поэтому пейзаж в романе — не просто зрительный образ: он постигается всеми чувствами человека.

Каждая картина природы выполняет не только роль лирически окрашенной характеристики места и времени действия, но и показывает душевный настрой героев.

Действующие лица трилогии Балябина — в основном казаки-земледельцы. Реалистический деревенский пейзаж в сочетании с бытовыми подробностями будничных крестьянских работ создает эпическую полноту изображения, с особой силой подчеркивает жизненно важный характер событий и переживаний героев.

«Комса» — книга о первых комсомольцах Забайкалья, о создании комсомольской ячейки в 1922 г. в одной из приаргунских станиц. О делах «Комсы», о ее трудных первых шагах, о борьбе с кулаками, с белобандитами повествует эта документальная история. Повесть вышла отдельным изданием в Иркутске в 1973 г.

Н. Федоров

СОЧИНЕНИЯ

Голубая Аргунь: Роман. Иркутск, 1951; Забайкальцы: Роман. Кн. 1.— М.: Сов. писатель, 1959; Забайкальцы:

Роман. Кн. 2.— М.: Сов. писатель, 1959; Забайкальцы: Роман. Кн. 2.— М.: Сов. писатель, 1965; Забайкальцы: Роман. Кн. 1—2.— М., Сов. писатель, 1966; Забайкальцы: Роман. Иркутск, 1970.

ЛИТЕРАТУРА

Голачев М. — Заб. рабочий, 1952, 17 февр.; Карцев А. Недостатки хорошей книги.— Сиб. огни, 1952, № 4, с. 168—172; Котляр А. Молодые прозаики Сибири.— Лит. газета, 1952, 7 июня; Марков Г. Первые книги молодых писателей Восточной Сибири.— В кн.: Писатели Советской Сибири. Иркутск, 1952, с. 184—186; Слонимский М. Проза в альманахе Новая Сибирь. — Знамя, 1953, № 7, с. 182—184; Золотусский И. Заметки о прозе в журнале Сиб. огни.— Дальний Восток, 1960, № 2, с. 166—175; Федоров Н. Обаяние простоты. — Заб. рабочий, 1960, 27 марта; Болдырев В. Далекое-близкое.— Заб. рабочий, 1965, 24 дек.: В. Балябин. (Биобиблиография). — В кн.: Цуприк Р. Что читать о Читинской области. Чита, 1962, с. 131.

Б. И. ЖЕРЕБЦОВ
(1900 — 1941)

Заметную роль в литературной жизни Сибири 20—30-х гг. играл Борис Жеребцов, критик, историк литературы, очеркист, библиограф. На протяжении многих лет он был активным сотрудником «Сибирских огней», опубликовал ряд интересных историко-литературных работ и сборников. К сожалению, об этом талантливом литераторе мы располагаем крайне скудными биографическими сведениями.

Борис Иннокентьевич Жеребцов (псевдонимы Б. Ж., Бож и др). родился в 1900 г. в Иркутске. В 1918 г. окончил губернскую гимназию. В 20-е годы принимал живейшее участие в литературной жизни Иркутска, выступал на литературных вечерах и собраниях, часто публиковал статьи, рецензии, отклики на важнейшие события в литературе Сибири на страницах губернской газеты «Власть труда». Так, к примеру, 27 октября 1926 г. газета поместила изложение его доклада «Творчество Исаака Гольдберга», спустя месяц, 25 ноября, «Власть труда» публикует его статью «Сибирский литературный молодняк». Вскоре на ее страницах появляются его работы: «Сибирская литература за год», «Первая книга стихов Иосифа Уткина» и др. При ближайшем участии Жеребцова был подготовлен и издан в 1927 г. коллективный стихотворный сборник «Иркутские поэты», который он сопроводил большой вступительной статьей «Литературная традиция в Иркутске».

В 1929 г. Жеребцов переезжает в Омск, некоторое время живет и работает там. Затем в начале 30-х гг. он снова вернулся в Иркутск, сотрудничал в газете «Восточно-Сибирская правда». В середине 30-х гг. переезжает в Москву, сотрудничает в журнале «Книжные новости» и других московских периодических изданиях. С начала Великой Отечественной войны находился в Красной Армии. Погиб в боях под Истрой в декабре 1941 г.

Жеребцов причислял себя к ученикам М. К. Азадовского, о чем он сам не раз говорил в своих письмах к ученому. От Азадовского он унаследовал пристальный интерес к литературному прошлому Сибири, к ее прозаикам и поэтам. Уже в 20-е годы он опубликовал содержательные критические очерки о творчестве Л. Сейфуллиной и И. Гольдберга. Тогда же выступил с рецензиями на библиографический справочник М. Азадовского «Сибирь в художественной литературе» и «Этюды о Марлинском М. П. Алексеева».

Одним из первых Жеребцов попытался теоретически осмыслить становление литературного процесса в Сибири, наметить методологические принципы его

изучения в тесной взаимосвязи с социальным расслоением и классовой борьбой в сибирской действительности, предопределившей, по Жеребцову, в конечном счете и своеобразие литературы, и литературного развития в крае. Впервые свою концепцию литературного движения в Сибири он изложил в статьях «Литературная традиция в Иркутске» («Иркутские поэты», 1927) и «О сибирской литературной традиции» («Сибирский литературно-краеведческий сборник», Иркутск, 1928). В этих ранних работах автор не избежал некоторого налета вульгарного социологизма, преобладавшего в то время в советском литературоведении и критике.

В 30-е гг. Жеребцов создал серию историко-литературных портретов забытых и полузабытых писателей прошлого — В. М. Михеева, И. А. Кущевского, Л. П. Блюмера, И. Т. Калашникова и др. Писал он и о Н. И. Наумове, И. В. Федорове-Омулевском, А. И. Одоевском, П. Ф. Якубовиче-Мельшине, о первом сибирском литературно-художественном журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». В центральной печати время от времени появлялись его статьи и рецензии о писателях-современниках. Так, в 1931 г. в журнале «Новый мир» он публикует «Заметки о сибирской литературе», в которой говорит о творчестве А. Коптелова, П. Петрова, И. Гольдберга, Е. Пермитина и других сибирских прозаиках. А значительно раньше этой статьи он выступил с рецензией на книгу Ис. Гольдберга «Путь, не отмеченный на карте» в журнале «Печать и революция» (1927, № 2).

Диапазон научных и творческих интересов Жеребцова весьма разнообразен и широк. В 1940 г., например, он напечатал интересную работу по истории провинциального театра — «Театр в старой Сибири». В начале

30-х гг. читатели «Сибирских огней» могли познакомиться с его большим очерком о перспективах развития Восточной Сибири — «Край, где будет Ангарстрой». Много лет вынашивал он замысел создать крупную монографическую работу по истории литературного движения Сибири. Некоторое представление о характере этой работы дают опубликованные письма его к проф. Азадовскому. В декабре 1929 г. он сообщал своему адресату: «В мае... мне удалось закончить краткий очерк литературного развития Сибири, и я отвез его на просмотр Ансону (А. А. Ансон в то время был зав. Сибполитпросветом. — В. Т.) Ансон прочел, одобрил, но... в печать не принял из-за отсутствия бумаги у Сибкрайиздата»[1]. Это была рукопись в десять авторских листов, с которой автор просил ознакомиться М. Азадовского.

Спустя несколько лет, уже будучи москвичом, Жеребцов в письме от 7 октября 1936 г. уведомляет своего учителя: «На днях мною закончена и сдана в

[1] Лит. наследство Сибири, 1969. Новосибирск, т. 1, с. 252.

издательство «Советский писатель» большая ($5^1/_2$ авт. листов) работа «Сибирская тема в русской литературе XIX века». Использовал в этой работе, кажется, все, что мог собрать...[2] В следующем письме он уточняет: «Главная цель работы — связать литературу о Сибири с общественно-культурным движением».

В издательстве «Советский писатель» книга не пошла. Судя по всему, она требовала солидной доработки. Об этом можно судить хотя бы по письму Саввы Кожевникова к тому же проф. Азадовскому. Вот что он писал в январе 1939 г.: «Книга о сибирской литературе нужна. Жеребцов предлагал нам на эту тему свою рукопись, но она оказалась неудовлетворительной, он собрал обильный материал, но не смог им овладеть»[3]. Впрочем, самого Жеребцова неудачи с публикацией, по-видимому, не очень смущали. Он продолжал упорно шлифовать рукопись. В апреле 1940 г. он пишет Азадовскому, что хотел бы «проработать» свою книгу именно с ним, ибо «она лежит в плане тех намечавшихся совместно нами когда-то литературно-краеведческих изучений». Он просит Азадовского отрецензировать рукопись и быть ее редактором. «Вопрос срока для меня не играет роли. Я писал эту работу в период 1935—1937 гг. и могу издавать ее не в 1941, а в 1942, 43 и т. д. году»[4].

Трудно сказать, пощадило ли время рукопись этого главного научного труда сибирского литературоведа. Однако Жеребцов в предвоенные годы занимался не только им. По его собственному признанию, именно в эти годы он работал «много и плодотворно». Достаточно сказать, что перед войной он сумел подготовить и издать три интересных книги — «Старая сибирская сатирическая поэзия» (Новосибирск, 1938), «Старая Сибирь в воспоминаниях современников» (Иркутск, 1939) и «Сибирский литературный календарь» (Иркутск, 1940).

В первой из них впервые были собраны и обнародованы образцы сибирской стихотворной сатиры XIX—XX вв. Особенно тщательно исследована была автором сибирская сатирическая журналистика эпохи первой русской революции.

Во второй книге представлен своеобразный монтаж из мемуаристики старой Сибири. Книга делится на 14 глав типа — «Сибирский быт в конце XVIII — начале XIX вв.», «Общественная жизнь Сибири в начале XIX в.», «Зарождение сибирского областничества», «Сибирское общество и декабристы», «Культурно-просветительская деятельность декабристов в Сибири», «В школах старой Сибири» и т. д. Составляя этот сборник, Жеребцов стремился, по его словам, сделать «общественно полезное дело, в той или иной форме донося до широкого читателя чрезвычайно интересные и ценные сибирские мемуары»[5].

Признательность читателей заслужил и «Сибирский литературный календарь», хотя первые отклики на него в печати были весьма суровыми[6]. «Календарь» вобрал в себя 48 кратких популярных критико-биографических очерков о прозаиках и поэтах дореволюционной и советской Сибири и несколько обзорных статей о сибирских журналах и альманахах, которые сопровождаются соответствующей библиографией. Этот справочник, несомненно, выполнил свою культурно-воспитательную роль, зна-

[2] Там же, с. 256.
[3] Там же, с. 288.
[4] Там же, с. 255.

[5] Там же.
[6] Бурмин В. Безответственное издание.— Сиб. огни, 1941, № 3, с. 145—146.

комя массового читателя с культурным прошлым и настоящим Сибири. В ряде случаев исследователи и библиографы обращаются к нему и поныне.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Сибирский литературный календарь: [Крат. биобиблиогр. справочник].— Иркутск: Огиз, 1940; Заметки о творчестве Л. Сейфуллиной.— Сиб. огни, 1924, № 3, с. 211—219; Исаак Гольдберг.— Сиб. огни, 1926, № 5—6, с. 243—254; Литературная традиция в Иркутске. — В кн.: Иркутские поэты. Иркутск, 1927, с. 3—10; О сибирской литературной традиции: Наблюдения и заметки.— В кн.: Сибирский литературно-краеведческий сборник. Иркутск, 1928. вып. 1, с. 28—35; Сибирская охотничья беллетристика.— Охотник и пушник Сибири, 1928, № 12, с. 54—56; Неизданная проза Некрасова.— Сиб. огни, 1929, № 1, с. 226—227; Первый сибирский литературный журнал: [«Иртыш, превращающийся в Ипокрену»].— Сиб. огни, 1930, № 4, с. 169—171; Предшественник пролетарской литературы в Сибири: [В. М. Михеев].— Сиб. огни, 1930, № 6, с. 115—119; Заметка о сибирской литературе.— Нов. мир, 1931, № 4, с. 170—175; Забытый романист И. Калашников.— Кн. новости, 1937, № 14, с. 44—45; Писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский.— Сиб. огни, 1937, № 3, с. 144—145; Лит. наследство Н. И. Наумова.— Кн. новости, 1938, № 11, с. 24; Рассказы забытого писателя: [О кн. И. А. Кущевского «Маленькие рассказы»].— Кн. новости, 1938, № 12, с. 28; Талантливый роман забытого писателя-сибиряка: [О романе И. Кущевского «Николай Негорев»].— Сиб. огни, 1938, № 1, с. 139—140;
А. И. Одоевский.— Сиб. огни, 1939, № 1, с. 156; Забытый сибирский беллетрист Л. П. Блюммер.— Сиб. огни, 1940, № 4—5, с. 236—237; П. Ф. Якубович.— Сиб. огни, 1941, № 1, с. 163—164; Театр в старой Сибири.— В кн.: Зап. /Ин-т театр, иск-ва им. Луначарского, 1940, с. 120—142; Б. И. Жеребцов—Азадовскому: [Письма с крат. биогр. справкой] — В кн.: Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 252—263; Старая сибирская сатирическая поэзия /Вступит. статья и примеч. Б. Жеребцова. Новосибирск, 1938; Старая Сибирь в воспоминаниях современников /Вступит. статья и примеч. Б. Жеребцова; Под ред. В. И. Соколова.— Иркутск: Облиздат, 1939.

ЛИТЕРАТУРА

Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в.— Новосибирск, 1970.— См. имен. указ.; Мартынов Л.— Омск. область, 1941, № 3, с. 63—64; Утков В. Безответственное издание.— Сиб. огни, 1941, № 3, с. 145—146.— Подп.: В. Бурмин.

ИЛЬЯ ЧЕРНЕВ (1900 — 1962)

В Сибири и за ее пределами давно знают Илью Чернева как талантливого писателя, который с большой любовью, искренне и достоверно рассказал о людях сибирского края в период самой значительной, подлинно революционной ломки его общественного уклада.

Илья Чернев (Александр Андреевич Леонов) родился 9(22) марта 1900 г. в Николаевске-на-Амуре в семье приискового служащего, выходца из старообрядческого забайкальского села Никольского. Окончив в 1917 г. реальное училище, Илья Чернев сразу же поступил в Томский университет. Видимо, бурные события тех лет и внезапная гибель отца во время «николаевских событий» 1920 г. помешали ему завершить образование, и он, вернувшись на Дальний Восток летом 1921 г., сначала пробивается случайными заработками, а потом, с приходом красных войск, становится работником газеты (корректором и репортером). Еще будучи реалистом, Чернев время от времени, начиная с 1915 г., печатал в газетах свои стихи и стихотворные фельетоны. Теперь этот опыт пригодился, и он весь уходит в газетную работу — «Красное знамя» во Владивостоке (1923—1925). «Тихоокеанская звезда» в Хабаровске (1925—1927), «Амурская правда» в Благовещенске (1927—1929), «Бурят-Монгольская правда» в Улан-Удэ

(1929—1930). Это была настоящая жизненная школа, позволившая ему не только тщательно и непосредственно изучать родной край, но и активно вмешаться в живой, всегда трудный процесс становления нового общества.

В 1931 г. Чернев становится ответственным секретарем журнала «Будущая Сибирь» (Иркутск). Здесь он впервые выступает с крупным прозаическим произведением «Дворцы на Кульдуре», затем переработанным и неоднократно переизданным под названием то «Лягушка не знает океана» (1934), то «Таежная армия» (1937).

«Литература о борьбе с японскими интервентами на Дальнем Востоке поражает своей скудностью... — писал Вс. Вишневский. — Одним из наиболее крепких произведений на тему об интервенционной войне является повесть Чернева «Лягушка не знает океана»... Автор хорошо знает свой материал, дает ряд свежих художественных образов. Удались Черневу и зарисовки исторических боев с японцами, удались также художественные портреты подлинных героев той эпохи: руководителя таежной армии Шилова, командующих Драгошевского, Безродных и других. Повесть Чернева бьет по неоправданной легенде о непобедимости Японии».

В произведении действительно использованы новые для того времени материалы и документы, умело связаны с самыми злободневными военно-политическими вопросами начала 30-х гг.

Впоследствии, через много лет, тема борьбы молодой Советской республики с интервентами на Дальнем Востоке найдет свое более широкое отображение в обширном романе Чернева «Мой великий брат». Гражданская война на Дальнем Востоке раскрывается здесь через реальные судьбы многих исторических деятелей революции и, прежде всего, братьев Шиловых и Сергея Лазо.

С 1935 г. Чернев — уже профессиональный литератор, член Союза писателей СССР, сотрудничает в московских и забайкальских газетах и журналах. Во время Отечественной войны он добровольцем уходит на фронт, работает лектором Дома Красной Армии Западного (3-го Белорусского) фронта, публикует серию новелл о войне и антифашистскую публицистику. Занимался он также переводами с бурятского, тувинского и эвенкийского языков, которые печатались в различных издательствах страны.

Но делом всей жизни писателя было создание «летописи родного села» — романа «Семейщина». Произведение это на самом деле не что иное, как хроника важнейших событий в ныне существующем селе Никольском от конца прошлого века до 30-х гг. нашего времени, т. е. почти за полстолетие.

В середине XVII в., по велению Екатерины II, защитники «старой веры», двуперстники, беспоповцы, высылались целыми родами, семьями (отсюда «се-

мейские») в самые что ни есть глухие места Сибири. Так возникли изолированные старообрядческие общины на территории современной Бурятской АССР, общины, которые долгое время настойчиво и упорно сохраняли свой особенный, чрезвычайно консервативный уклад жизни.

В центре повествования Чернева судьба старообрядческой семьи Ивана Финогеныча Леонова, деда писателя, в ее непосредственной связи с крупнейшими историческими событиями в России. «Это — одна из немногих книг, — писал А. Фадеев, — о том, как старая деревня стала советской колхозной деревней. В ней подробно прослежены все перипетии классовой борьбы в деревне, ее наиболее прямые и открытые, самые сокровенные и хитрые формы». Почти два столетия крестьяне-старообрядцы блюли свою «независимость» в религии, в быту, и вот под ударами революционных бурь и развернувшегося социалистического строительства пришел конец «семейщине», специфическому явлению старой Сибири.

Однако процесс этот был не прост и начался задолго до революции. Общественные отношения в «семейских» селах, как и всюду в пореформенной царской России, превращались в обычные капиталистические. Уставщик, хранитель веры и блюститель древних обычаев и нравов, купец-ростовщик, выгодно пользующийся близостью границ, и кулак, беззастенчиво обирающий братьев по общине, цепко захватывали «ключевые позиции» на селе и вершили его делами в своих корыстных делах, умело использовали экономическую и культурную отсталость семейщины, ее патриархального быта. Только лучшие представители староверческих сел замечали «неладное» в общине — разрушение устоявшегося семейного быта, основанного когда-то на согласии и взаимной выручке, рост «людской жадности» к богатству, при которой любые средства хороши — обман, эксплуатация, насильственный захват бурятских земель, поиски «бешеного золота» на Лене, на Олекме-реке.

К числу таких умных и проницательных семейских людей относился Иван Финогеныч. Он, как умел, сопротивлялся наступлению на «богом данные» устои старообрядчества, в которых, кстати сказать, были и хорошие заповеди: помогать ближним, ненавидеть жадность, почитать старших, не пить водку, не курить, не ругаться и т. п. Он сам строго и разумно соблюдал обычаи старообрядцев, двух сыновей и дочь попытался воспитать крепкими в вере, хозяйственными, непьющими людьми. Характер этого могутного старика, прожившего почти век, его последовательность в защите своих идей, его трудолюбие, его непрестанные поиски правды и естественный приход к правде революции прослеживаются писателем на протяжении многих лет и выявляют в конечном счете наиболее существенное в развитии всего «семейского» населения. Иван Финогеныч полностью принимает «партизанскую правду», тем более что ее давно уже принял сын Андрей, погибший в первом бою с семеновцами. Так под влиянием революции из наиболее последовательного и рьяного, но честного поборника стародавних семейских устоев ковался новый человек. Религиозно-нравственные мотивы борьбы против капитализма в родной деревне обогатились более четкими — классовыми, и образ Ивана Финогеныча сразу приобрел и значительность и весомость в раскрытии реакционной сути семейщины.

Ипат Ипатыч, никольский уставщик, — лицо, так сказать, историческое. Исследователи гово-

рят, что именно он, Брылев, много лет стоял во главе старообрядческого движения в Забайкалье и принимал деятельное участие в борьбе с Советской властью.

В годы гражданской войны и в годы Советской власти именно Брылев был вдохновителем различных антибольшевистских и антисоветских акций в селе Никольском и далеко вокруг. Так или иначе дело его рук — поджог первой школы на селе, изгнание учителя, развал колхоза, кулацкое восстание.

Борьба шла ожесточенная, смертельная. Илья Чернев не скрывает ее сложности и противоречивости, и потому отдельные образы революционно действующих крестьян-старообрядцев оказались наполненными неповторимым духом времени.

Масштабность произведения Чернева, новизна материала, редкое знание быта старообрядцев, верное понимание социальной обстановки, в которой радетели «старой веры» процветали и в которой они пришли к своему неизбежному концу, справедливо выдвинули «Семейщину» в ряд значительных произведений о крестьянстве в Сибири. Живописное мастерство Ильи Чернева бесспорно, и проявляется оно во многом — в образной системе, дающей живое представление о целом ряде исторических событий, раскрытых через судьбы реальных людей, в композиции, позволяющей затронуть различные пласты общественной жизни, в скупом и точном пейзаже, в котором всегда чувствуется своеобразная природа Сибири, наконец, в языке. Именно в языке специфически семейское отразилось, быть может, в наибольшей степени, и по-своему проступило новое — через «столкновение» различных языковых стихий, что подчас тонко улавливалось и поэтически переплавлялось автором в точный, достоверный стиль бытописания.

Хроника родного села Чернева помимо своей художественной ценности имеет еще историко-познавательное значение наряду с такими произведениями, как «Строговы» Г. Маркова или «Хребты Саянские» С. Сартакова. До последних дней жизни — он умер 6 июня 1962 г. — Чернев продолжал совершенствовать «Семейщину». Так, за тридцать лет кропотливой работы было создано интересное, нужное людям произведение.

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

Дворцы на Кульдуре: Повесть.— М.; Иркутск: ОГИЗ, 1932; Семейщина: Летопись родного села.— М.: Сов. писатель, 1935; То же.— М.: Сов. писатель, 1974; Лягушка не знает океана: Повесть.— М.; Иркутск: ОГИЗ, 1936; Перераб. изд. повести «Дворцы на Кульдуре»; Таежная армия: Повесть.— М.: Мол. гвардия, 1937; То же.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1974; Летопись родного села: Роман.— М.: Сов. писатель, 1952; Мой великий брат: Роман.— М.: Мол. гвардия, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

Староверов Т. Год творческой перестройки.— Буд. Сибирь, 1933, № 2, с. 51—55; Илье Черневу — 60 лет.— Лит. и жизнь, 1960, 23 марта; Бальбуров А. Слово об Илье Черневе.— Байкал, 1962, № 6, с. 138—139; Яновский Н. Илья Чернев и его роман «Семейщина».— В кн.: Яновский Н. Голоса времени. Новосибирск, 1971, с. 189—199; Пермитин Е. Рукою бесстрастного летописца.— Октябрь, 1936, № 6, с. 237—240; Белоусов А. Следуя советам А. М. Горького.— Байкал, 1974, № 5, с. 128—138; К. П.— Лит. обозрение, 1937, № 12, с. 22; Нейман Ю. — Мол. гвардия, 1937, № 7, с. 185; Субботин А.— Кн. новости, 1937, № 3, с. 20—21; Балябин В. О романе И. Чернева «Мой великий брат». — Забайкалье, 1956, кн. 9, с. 259—266; Козлов А. Дружба, рожденная в суровых боях.— Знамя, 1957, № 9, с. 220—221; Воловникова Г. Нерасторжимое братство великих народов.— Москва, 1958, № 6, с. 203—205; Журавина О. Великая дружба.— Дал. Восток, 1958, № 1, с. 169; Лаппо Д. Летопись нерушимой дружбы.— Свет над Байкалом, 1960, № 4, с. 149—151; Берцик Е. Шилов младший: [О письмах и замечаниях Д. Шилова по поводу романа И. Чернева «Мой великий брат»].— Заб. рабочий, 1973, 16 сент.

Ю. Н. БЕССОНОВ (1900 — 1958)

Юрий Николаевич Бессонов родился 3 декабря 1900 г. в Иркутске, в семье врача. Дед Болеслав Петрович Шостакович, причастный к польскому восстанию, спас жизнь польского повстанца генерала Домбровского, будущего героя парижских баррикад, укрывая его долго от царских ищеек. Гражданственность и мужественность, воспитанные в семье, рано дали добрые всходы, 18-летним Юрий предпочел высшему учебному заведению дорогу воина. В первые годы гражданской войны он сражается за Советскую власть в отрядах под Читой, Спасском, Волочаевкой, получает орден Красного Знамени вскоре после учреждения этой воинской награды. Отшумели бури гражданской войны, но Бессонов остался служить в армии. Только в 1928 г. он покидает военную службу по болезни сердца. Из 58 лет своей жизни половину он прожил в Сибири. В годы от 1923-го по 1928-й, живя в Томске, он соприкасался с литературным объединением томичей и отчасти омичей. Писатели-сибиряки любили Юрия Николаевича за справедливую и умную критику и художественный вкус. В 1928 г. Бессонов уехал в Москву, где жил до конца дней. В Москве он до 1933 г. работает старшим экономистом-консультантом в Наркомате торговли, и далее — только творческая работа.

В основе первых его литературных произведений — незабываемые впечатления гражданской войны. Первый рассказ, опубликованный в 1929 г. в журнале «Вокруг света», называется «Крик на сопке». Место действия — Дальний Восток. Хороший язык, острая наблюдательность и богатство впечатлений открыли перед писателем двери крупных советских журналов — «Вокруг света», «Красная новь», «Борьба миров». Позднее он будет печататься в журналах «Знамя», «Новый мир», «Штурм», «Уральский следопыт», «Красноармеец» и «Пограничник». Ко времени первого съезда советских писателей был опубликован роман Бессонова «Контора в новом городе» («Красная новь»). В дни съезда Бессонова приняли в Союз писателей, а вскоре пригласили работать в только что организованную по инициативе А. М. Горького редакцию «История фабрик и заводов». Бессонов уезжает на Урал и с некоторыми перерывами работает там до 1937 г. Он перевернул огромное количество архивного материала, особенно по истории Верхне-Исетского завода. К сожалению, из богато собранного материала в печать попало немногое: повесть «Две жизни» (Учпедгиз, 1937), «Рабочие Верхне-Исетского завода в гражданской войне 1918 года» и «На фронте и в тылу» (Свердловск). Но собранный материал оказался необходимым для крупного исторического романа о гражданской войне в Сибири и на Урале «Восстание». В нем автор показывает большевиков, воевавших против Колчака и интервентов. Сурово и объективно рисует Бессонов ставку Колчака, карьеризм, жестокость и ненависть к революции колчаковцев. Надолго запоминаются образы основных героев, особенно Василисы Нагих, прозванной в народе «каторжной вдовой». Она укрывает повстанцев, способствует их побегам. Основной герой романа — народ, восставший против царского насилия и гнета капитализма.

Творчество Бессонова шло по трем этапам. Первый — литература приключенческая («Монгольский ковбой», «Странный спутник», «Злое солнце», «Конто-

ра в новом городе» и другие). Второй — историко-публицистические очерки по фактическим и историческим данным — очерки об учительницах Урала, о заводах Урала, Чокане Валиханове, казахском ученом и просветителе. Третий этап — военно-художественная литература, основной и излюбленный жанр писателя.

Бессонов на анкету одного из советских журналов отвечал так: «Я долго служил в Советской Армии. В рядах армии провел гражданскую войну, был строевым офицером в годы Великой Отечественной войны. Армия и сейчас, когда я нахожусь в запасе, осталась моей семьей, и я продолжаю считать себя солдатом. Поэтому военная тема в моих литературных работах — тема основная, преобладающая и самая любимая. Я думаю написать трилогию жизни и пути Советской Армии со дня ее рождения до наших дней. Путь Советской Армии — это путь советского народа. Они неотделимы».

В 1942 г. Бессонов уезжает на Калининский фронт артиллеристом, минометчиком. С фронта он возвращается со многими наградами: орден Красной Звезды, несколько наград чехословацких. Несмотря на болезнь, он погружается в материалы архивов, записей, собственных воспоминаний. Больной и усталый, он не закрывается от людей. Вокруг него группируется литературная молодежь. В семье вспоминают, что особенно часто в начале 30-х гг. в доме бывали Павел Васильев, Леонид Мартынов. Последнего связывают с Бессоновым пора сибирского литобъединения. Мартынов посвящает Бессонову стихотворение «Река Тишина».

Для сибиряков Бессонов особенно дорог романом «Восстание», полно отразившим борьбу иркутян за освобождение от интервентов и белогвардейцев. Умер Ю. Бессонов в Москве 9 июня 1958 г.

А. Гранина

СОЧИНЕНИЯ

На фронте и в тылу. Свердловск, 1935; Рабочие Верхне-Исетского завода в гражданской войне 1918 г.— Свердловск, 1935; Две жизни: Повесть. М.: Учпедгиз, 1937; По внутренней Азии /Соавт. В. Якубович.— М.: Географгиз, 1947; Неожиданный поворот: Рассказы. М.: Сов. писатель, 1948; Семья лесорубов: Повесть. М.: Сов. писатель, 1950; Восстание: Роман. М.: Воениздат, 1955; То же. М.: Сов. писатель, 1959; Суровая юность: Повесть. М.: Трудрезервиздат, 1955.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонов Ю. [Письмо в ред. журн. о своих творч. планах].— Пропагандист и агитатор, 1955, № 4, с. 14; О новых книгах советских прозаиков.— Нов. мир., 1951, № 4, с. 193—211; Романенко Д. Роман о гражданской войне в Сибири.— Сиб. огни, 1955, № 6, с. 184—186; Лежнев И. Славные страницы истории.— Знамя, 1956, кн. 2, с. 171—179 (О романе «Восстание»); Щеглов М. Роман о восставшем народе.— Нов. мир. 1956, № 11, с. 250—253; Юрий Николаевич Бессонов: Некролог.— Лит. и жизнь, 1958, 11 июня.

ГРУППА «ТВОРЧЕСТВО» (1921 — 1922)

Дальневосточная футуристическая группа «Творчество» начала складываться во Владивостоке в 1919 г., организационно оформилась в 1921 г. в Чите, куда члены группы переехали в связи с образованием буферной Дальневосточной республики. В группу входили Н. Ф. Насимович-Чужак, Н. Асеев, С. Третьяков, О. Петровская, В. Силлов, П. Незнамов (Лежанкин), а также художники В. Пальмов и М. Аветов. У группы был свой печатный орган — журнал «Творчество» (№ 1—6, Владивосток, 1920, № 7, Чита, 1921), члены группы часто выступали на страницах газет «Дальневосточный путь» и «Дальневосточный телеграф», редактируемых Н. Ф. Чужаком.

Группа именовалась футуристической. Именно с этих позиций — по инерции негативно — чаще всего и рассматривалась вся ее деятельность. Повод для этого давали и сборники стихов поэтов «Творчества», включающие стихи дореволюционных лет и критические работы Н. Ф. Чужака, страдающие вульгарным социологизмом. Привлечение огромного газетного и журнального материала (работы В. Г. Пузырева, Е. Г. Раппопорта, Д. А. Рачкова, О. П. Смолы) позволило по-иному взглянуть на деятельность группы и определить ее место в эстетических и творческих исканиях эпохи. Формирование группы неотделимо от народной борьбы в Приморье в труднейшем для Владивостока 1920 г.

Всевозможные «манифесты дальневосточных футуристов», музыкальные и поэтические вечера для избранных, эпатирующие шествия и художественные выставки с демонстрацией «моментов разложения плоскостей и элементов ветра и вечера, интродуцированных в приморский пейзаж, изображенный с четырех точек зрения», — все это было сметено в годы, названные Толстым «хождением по мукам».

После кровавых событий 4—5 апреля 1920 г. по инициативе Приморского крайкома РКП(б) во Владивостоке был создан журнал «Творчество», редактором которого был назначен обладающий опытом подпольной работы Н. Ф. Насимович-Чужак. Журнал был задуман как «журнал литературы, искусства и социального строительства». В нем печатались статьи Ленина и Бела Куна, публиковались документальные материалы о зверствах японских интервентов, здесь впервые было рассказано об обстоятельствах гибели Сергея Лазо. У журнала были корреспонденты в Чите, Никольск-Уссурийске, Нижнеудинске, Николаевске-на-Амуре. Его передавали в сопки партизанам.

Вокруг «Творчества» и начали объединяться будущие члены группы, профессиональные художники и литераторы, все теснее связывающие свою судьбу с народной борьбой против интервентов.

Сотрудничая в большевистской печати Приморья, члены группы чувствовали себя настоящими «литературными партизанами». Здесь родились стихи «Неравнодушных строчек» — поэтического репортажа, рассказывающего о событиях 4—5 апреля, расправе с Лазо и Симбирцевым, и массовом расстреле корейского населения, и стихи знаменитой асеевской «Бомбы». Здесь оттачивался «штык строк»—сатирические фельетоны, разоблачающие интервентов и коалиционное правительство, ощутимый вклад группы в общенародное дело. В Приморье поэтами «Творчества» была осознана необходимость

работы на социальный заказ, здесь они вплотную соприкоснулись с представлением о партийности и народности искусства.

Все это было ощутимым вкладом в борьбу и обусловило существеннейшие отличия от дореволюционного футуризма. Не случайно на Дальнем Востоке футуризм был поддержан партией, о чем говорит резолюция «Коммунисты и футуризм», принятая на городской партийной конференции.

Участием в общенародной борьбе, стремлением создать искусство, отвечающее духу времени, были вызваны к жизни и эстетические теории группы, оформившиеся в Чите и предвосхитившие лефовскую теорию искусства-жизнестроения. Окончательный разрыв с дореволюционным футуризмом проявился в сознательной установке на служение искусства сегодняшнему дню, его откровенно утилитарной задаче. Статьи Н. Асеева, С. Третьякова, П. Незнамова, Н. Чужака позволяют объективно, без ретроспективной ретуши, видеть, как происходило это изменение. В этом отношении особенно интересны статьи Н. Асеева «Демократизация искусства», «Стихов стихия», «Искусство — труд» и статья С. Третьякова «Революция и искусство», а также отчеты о митингах искусств.

Жизнестроительные тенденции были усилены установлением связей с Советской Россией и Маяковским. Группа очень многое сделала для пропаганды творчества поэта. В журнале «Творчество» во Владивостоке были напечатаны поэма «Облако в штанах» и вторая часть «Войны и мира». Позднее, уже в Чите, были опубликованы «150 000 000», «Мистерия-буфф», автобиография «Я сам», стихотворения «Наш быт» («Неразбериха») и «Два не совсем обыкновенных случая». Маяковскому были посвящены статьи и выступления Чужака, Асеева, Силлова, Незнамова. Среди них «Мистерия революции», «Поэт на трибуне», «Искусство на площади», «Революция духа», «Земляная мистерия», «Иванное». Непосредственная связь с поэтом была установлена в январе 1921 г. благодаря курсанту Борисову, передавшему поэту номера «Творчества». Отчет об этой поездке, напечатанный в седьмом номере «Творчества», — единственное свидетельство современника о встрече с Маяковским в период РОСТА. Маяковский передал тогда письмо с приписками друзей и поэму «150 000 000» для издания в Чите. Связи утвердились во время поездки в Москву скульптора Инн. Н. Жукова, поддерживавшего многие начинания группы. Летом 1921 г. в Москве побывал Третьяков. Встречи с В. Мейерхольдом и С. Буданцевым, незабываемые вечера у Маяковского и Луначарского, беседы с О. Бриком, приехавшим из Петрограда В. Шкловским; выступление в главном комитете Наркомпроса перед художниками и театральными деятелями Москвы, беседы с наркомом просвещения о состоянии литературы и искусства в ДВР — два месяца, проведенные Третьяковым в Москве, оказались очень наполненными.

Рукописи новых произведений В. В. Маяковского, В. Хлебникова, Б. Пастернака, В. Каменского, С. Буданцева, стихи пролетарских поэтов, статьи О. Брика и В. Шкловского, опоязовскую «Поэтику», сборник «Искусство в производстве», ростинские плакаты привез Третьяков в Читу. «Москва — культура» назывался доклад, который он прочел 11 сентября в Мариинском театре на выставке В. Н. Пальмова.

В поэзии членов группы этих лет заметно равнение на Маяковского. Продолжается работа, аналогичная маяковским РОСТА, в жанре сатирического газетного фельетона. Под псевдонимами

Буль-Буль, Жень-Шень, Малка Иволга, Дилетант, Деревообделочник, Омнибус, Точка поэты опубликовали более 250 стихотворных фельетонов. «Изо дня в день, — писал Сергей Третьяков, вспоминая это время, — опоганиваем меркулятину, подбадриваем бьющегося армейца. Треплем смешных головотяпов в ведомствах. Издеваемся над зарубежными врагами». Среди фельетонов, бичующих интервентов и их пособников, целая серия фельетонов, следящих за каждым шагом коалиционного правительства Меркулова и постоянно дискредитирующих его; фельетоны, призывающие помочь голодной России, международные — разоблачающие Антанту, и внутренние, девееровские, — о боях футуристов, сессиях Нарсоба, хищениях в больницах и неполадках в министерствах. Стихотворные фельетоны — своеобразная поэтическая летопись жизни Дальневосточной республики тех неспокойных лет.

Как и Маяковский, поэты «Творчества» упорно работали над словом. Осваивали речековку и речемонтаж, используя язык улиц и площадей, ориентируясь на массового демократического слушателя. Гражданская, лозунговая поэзия выражала время, найденное в ней, дало всходы в «Семене Проскакове» и поэме «Маяковский начинается». Лучшие стихи Ник. Асеева и Сергея Третьякова были высоко оценены А. В. Луначарским. А. В. Луначарский отметил и «заштукатуренность» поэзии, которая во многом объяснялась экспериментами со словом в духе В. Хлебникова. Плодотворные в своей основе эксперименты эти носили подчас откровенно лабораторный характер, что шло вразрез с установкой на гражданственность и вызывало резкую критику. В Чите вышел сборник Третьякова «Ясныш», стихи членов группы публиковались в газетах, журналах «Творчество», «Военно-политическая мысль», альманахе «4-й Октябрь», сборниках «Первое мая», «Камены».

Новое искусство пропагандировалось на массовых лекциях-митингах. Они проходили в зале Учредительного собрания — самом большом в городе. О митингах сообщалось заранее — давались объявления в газете «Дальневосточный телеграф», по городу расклеивались афиши. Веселая озорная атмосфера тех лет передана в «Девееровских частушках» Сергея Третьякова:

Мы Европе нос утрем —
С нами не борись ты!
По Чите у нас живьем
Ходят футуристы.

На читинских улицах
Не видать асфальта,
Но зато Чита читает
Телеграммы ДАЛЬТА!

К митингам готовились тщательно. Продумывали доклады и оформление, отрабатывали стихи. На митинге, посвященном А. Блоку, зал был украшен плакатами В. Пальмова на темы «Двенадцати». Газеты сообщали, что желающих приблизиться к новому искусству так много, что «все проходы и пустые места заполнены сплошной массой бойцов, рабочих, учащихся и интеллигенции». Аудитория отличалась страстным и живым отношением к вопросам культуры и искусства. Митинг, посвященный Маяковскому, длился пять часов, на митинге Блока, несмотря на ненастную погоду, зал был переполнен, присутствовали приехавшие на свой съезд крестьяне — «бородатые, серьезные, вдумчивые». Прения, как правило, превращались в настоящий митинг, делили аудиторию на две стороны. «Почти каждое выступление шло под аккомпанемент протестов, свистков, замечаний, возгласов с мест и заканчивалось аплодисментами сторонников оратора».

«Дальневосточный телеграф» сохранил подробные отчеты о митингах «Памяти Александра

Блока», «О непонятном в искусстве», «Театр и революция», «Вечер творчества В. В. Маяковского», «Футуризм и пролетарское искусство», «Суд над футуризмом».

В сентябре 1921 г. в Чите родилось одно из интересных начинаний 20-х гг. — Дальневосточные мастерские Искусствостроения (Искусстварь). Они были созданы для повседневной целенаправленной работы по пропаганде нового искусства. На очередном митинге искусства была принята, а затем опубликована в газете «Декларация инициативной группы Искусстваря». Активное вмешательство в жизнь, «установление постоянного касания работников искусства с породившими и питающими их массами, поиск путей и форм в искусстве, созвучном жизни», «децентрализация эстетической жизни страны», борьба с изолированностью «жрецов искусства» и «косностью масс в деле искусства» — таковы основные положения «Декларации».

Искусстварь не был похож на пролеткультовские студии по выращиванию нового искусства. Посещать занятия в мастерских мог практически каждый, для этого достаточно было рекомендации одного из его членов. В ноябре в мастерских начали работать секции: словесная (рук. Н. Н. Асеев), секция изобразительных искусств (рук. М. Н. Аветов), дальневосточных культур (рук. профессор ИНО К. А. Харнский), декламационная и зрелищная (рук. С. М. Третьяков). На заседаниях секций, собиравшихся раз в неделю, в числе других были прослушаны доклады «О современных течениях в живописи», «Японское искусство и японское художественное образование», «О взаимоотношении китайского искусства и быта», «К мелодизации речи», «Искусство как прием» (по исследованию В. Б. Шкловского). В зрелищной секции шли репетиции трагедии «Владимир Маяковский». В словесной читали еще не опубликованную поэму В. Хлебникова «Ладомир», новые стихи В. Каменского и Б. Пастернака. В декламационной шла работа по правильному произношению, ритмичному чтению и дыханию.

В декабре Искусстварь организовал конкурс на лучшее стихотворение. В жюри конкурса были избраны профессора ИНО М. К. Азадовский, В. В. Коврнгин, Н. Ф. Насимович-Чужак. В любовно оформленном помещении мастерских с развешенными по стенам картинами, шаржами, плакатами организовывались перманентные выставки художников разных направлений.

Искусстварь привлек читинцев, но просуществовал недолго. После «похода на футуристов» деятельность его стала понемногу затухать, а с отъездом группы прекратилась совсем.

В творческой практике группы немалую роль сыграли театральные увлечения. Во Владивостоке они проявились в деятельности ЛХО — вечерах, посвященных памяти В. Ф. Комиссаржевской и чествований владивостокского актера Е. М. Долина, в праздновании «Московской вербы» и деятельности поэтического театра «Балаганчик», созданного по инициативе Н. Н. Асеева (январь—март 1920), где были поставлены пьесы Л. Андреева, Н. Гумилева, Ростана, А. Блока, драматические миниатюры С. Алымова. Сама атмосфера театра и прежде всего художественный вкус его участников противостояли официальной культуре Владивостока — духу кабаре, кафе-шантанов, плоским политическим агиткам, направленным против большевиков и Советов. Газета «Далекая окраина» оценивала «Балаганчик» как «единственный по значительности вкуса в нашем крае».

Деятельность «Балаганчика» была вдохновлена театральными исканиями начала века. В Чите, в период ДВР члены группы

вплотную соприкоснулись со стихией народного театра гражданской войны, вызванного к жизни революцией и всеобщей демократизацией искусства. Равнение на театральный Октябрь заметно в проведенном группой в октябре 1921 г. митинге «Театр и революция», в организации живых газет и журналов, участии в спектаклях-митингах. Н. Асеев, С. Третьяков, П. Незнамов сотрудничали с народармейскими театрами армии Блюхера. Для самодеятельного народармейского театра Н. Асеевым была написана пьеса «Современный Петрушка», высмеивающая Антанту, белогвардейцев и интервентов средствами народного кукольного театра. В Чите, в зрелищной секции Искусстваря, была поставлена трагедия «Владимир Маяковский» в главной роли с Сергеем Третьяковым. Несомненно, определяющие моменты драматургии С. М. Третьякова, автора всемирно известной пьесы «Рычи, Китай!», друга и переводчика Брехта, ориентирующегося на опыт народного театра гражданской войны, сложились на Дальнем Востоке.

Интересны начинания группы в области искусства. В составе «Творчества» были два профессиональных художника: В. Пальмов, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, и М. Аветов, окончивший Петербургскую Академию художеств. В первые владивостокские годы большое влияние на В. П. Пальмова оказал Д. Бурлюк, вместе с которым он совершил поездку по Тихому океану, откуда вернулся с серией картин, «поражающе-свежим впечатлением» напоминающих полотна Сезанна и Гогена и вместе с тем открывающих мир «созерцательно-спокойного Востока». Работы В. Н. Пальмова, отличающиеся великолепным мастерством колорита, были высоко оценены позднее на выставке в Москве. На Дальнем Востоке отношение к ним было достаточно сдержанным. Что касается работ Д. Бурлюка, то публика, как правило, оставалась к ним инертной.

Языком времени был здесь плакат. Художники оформляли митинги, траурные шествия, самодеятельные спектакли. В партизанских отрядах, в армии и тылу создавались и тиражировались на самодеятельных станках плакаты-отклики на события дня. Искусство, выражающее время, носило на Дальнем Востоке преимущественно прикладной массовый характер, было фольклорным. Члены группы не остались к нему безучастными. Ряд плакатов был создан В. Пальмовым совместно с С. Третьяковым. Под влиянием общей переориентации искусства члены группы активно пропагандировали в Чите идеи производственничества, воплощаемые в работах руководимой В. Н. Пальмовым читинской художественно-промышленной школы, своеобразном читинском ВХУТЕМАСе. В основе производственных идей «Творчества» — идеи переустройства быта, проектирования социальной среды и материальной культуры, близкие дизайнерам ЛЕФа. Ориентация на производственничество характерна и для книги Н. Асеева и С. Третьякова «Художник В. Пальмов» (1922).

Деятельность группы вызывала споры, возражения, а порой и критику, не всегда, к сожалению, квалифицированную. Особенно часто, и большей частью справедливо, критике подвергался Н. Ф. Насимович-Чужак. Серьезной ошибкой группы была статья «Наше бескультурье», направленная против письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах», напечатанная в 7-м номере журнала.

В августе 1922 г. вслед за Н. Н. Асеевым, покинувшим Читу по приглашению А. В. Луначарского, группа переехала в Москву. Почти в полном составе она вошла в ЛЕФ — литературную груп-

пировку В. В. Маяковского. В своей автобиографии Маяковский назвал членов «Творчества» товарищами по дракам». Роль группы была отмечена на 1-й конференции писателей Дальнего Востока в 1934 г. О. Эрдберг-Тарханов, в частности, говорил о роли асеевской «Бомбы», ставшей «творческой декларацией, программой для литературного движения на Дальнем Востоке».

Л. Азьмуко

СОЧИНЕНИЯ

Николай Асеев. Бомба: Стихи 1914—1921 гг. Владивосток, 1921; Ольга Петровская и Владимир Силлов. Зрачки весен: Стихи. Фудзядзян, 1921; Сергей Третьяков. Железная пауза. Владивосток, 1919; Сергей Третьяков. Ясныш: Стихи 1919—1921.— Чита: Птач, 1922; Сергей Третьяков и Николай Асеев. Художник В. Пальмов.— Чита: Птач, 1922; Сергей Третьяков. Молитвенные песни русских духоборов на Гавайских островах. Чита, 1922, Н. Чужак. К диалектике искусства. От реализма до искусства как одной из производственных форм: Полемические заметки. Чита, 1921; Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии (от Бальдауфа до наших дней). Чита, 1922; Чужак Н. Через головы критиков. Чита, 1922.

МЕМУАРЫ

Асеев Н. Октябрь на Дальнем.— Новый Леф, 1927, № 8—9, с. 38—49; Асеев Н. Три года на Дальнем Востоке.— Печать и революция, 1922, № 6, с. 104—115; Незнамов П. Маяковский в двадцатых годах.— Сб.: В. Маяковский в воспоминаниях современников.— М.: ГИХЛ, 1963. Петровская Ольга. Утро.— Радуга, 1970, № 1, с. 145—154; Она же. Николай Асеев.— В сб.: Воспоминания об Николае Асееве.— М., Сов. писатель, 1980, с. 35—66; Третьяков С. Штык строк.— Новый Леф, 1927, № 8—9, с. 55—75; Третьяков С. Биография моего стиха.— А. Крученых. 15 лет русского футуризма.— М.: изд-во Всероссийского союза поэтов, 1928, с. 45—46; Третьяков С. Первое стихотворение.— «30 дней», 1932, № 10—11, с. 67—68.

ЛИТЕРАТУРА

Дворниченко Н. Е. Группа «Творчество» в Чите.— В его кн.: Их путь начинался в Забайкалье. Иркутск, 1973, с. 37—64; Никитин Д. Из истории советской литературы на Дальнем Востоке.— В кн.: Русская и советская литература (материалы и исследования).— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 279, 1965; Пузырев В. Г. Футуристы на Дальнем Востоке.— Вопросы истории литературы. Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та, т. XXI, вып. 2, Ульяновск, 1968, с. 61—90; Пузырев В. Г. Дальневосточный цикл произведений Николая Асеева.— Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та, Вопросы филологии. т. XXVII, вып. 2, Ульяновск, 1971, с. 35—61; Раппопорт Евгений. Лет молодых наших порох: Книга о поэтах. Иркутск, 1974; Рачков Д. Из истории становления советской литературы на Дальнем Востоке (дальневосточный период Третьякова и Незнамова).— Вопросы советской литературы. Хабаровск, 1965, с. 93—113. Смола О. П. Н. Асеев на Дальнем. — Филологические науки. — М.: Высшая школа, 1969; № 1, с. 100—112; Смола О. П. Творческие искания Николая Асеева 1910—1924 годы. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. фил. наук.— М.: изд-во Моск. ун-та, 1972; Татуйко А. А. Борьба против футуризма в Дальневосточной республике (1921—1922).— Дальний Восток, 1960, № 5, с. 160—167; Татуйко А. К истории становления советской литературы.— Дальний Восток, 1962, № 1, с. 164—174; Трушкин В. Дальневосточная группа «Творчество». Литературно-художественные сборники и альманахи группы «Творчество». В кн.: Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 118—148; Он же. Дальневосточное ЛХО и группа «Творчество». Литературно-художественные сборники и альманахи группы «Творчество».— В кн.: Трушкин В. Из пламени и света. Иркутск, 1976, с. 121—173.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СИБИРЬ

Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири

Составители:
Трушкин Василий Прокопьевич
Волкова Вероника Григорьевна

Редактор **Л. А. Васильева.** Художник **А. Е. Шпирко.** Художественный редактор **Е. Г Касьянов.** Технический редактор **Т. А. Воронцова.** Корректор **С. Г. Калмыкова**

ИБ № 1095

Сдано в набор 20.11.85. Подписано к печати 12.05.86. НЕ 04684. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,22. Уч.-изд. л. 26,38. Тираж 10 000 экз. Заказ 1768. Изд. № 6013. Цена 1 р. 10 к.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

1 р.10 к.